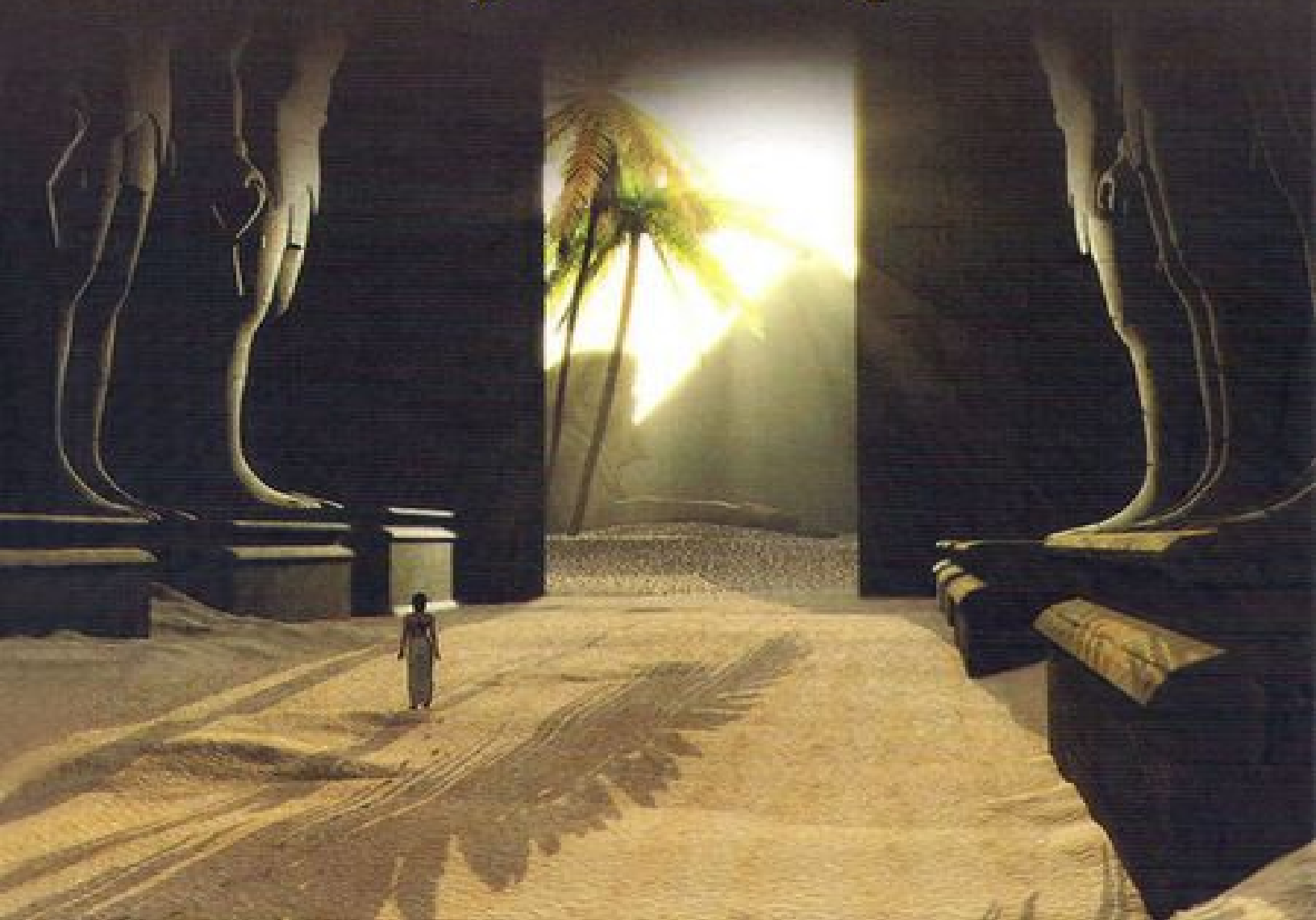

Кристиан Жак

КАМЕНЬ СВЕТА

Запретный город

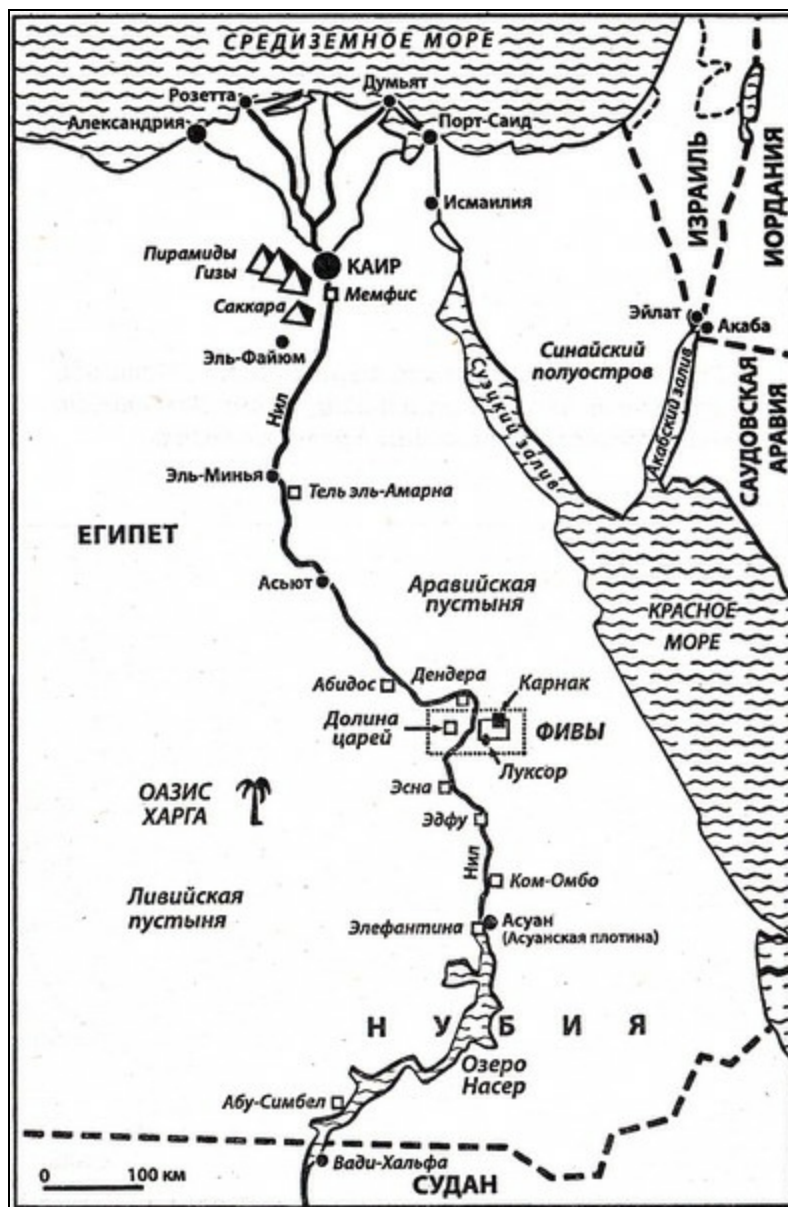
Древний Египет времен правления Рамзеса II Великого. Поселок мастеров: гончаров, ваятелей, художников, называемый Местом Истины, охраняется надежнее, чем многие тайны фараона. Люди, украшающие гробницы Долины Царей, живут по своим законам, не любят чужаков и хранят секреты более древние, чем сами пирамиды. «Охочих до тайн Места Истины немало, и среди них хватает таких, что хорошо заплатили бы за любые откровения на этот счет». Есть и такие, кто готов пролить кровь невинных ради малейшей возможности прикоснуться к тайному знанию. И те, кто готов жертвовать счастьем, любовью, жизнью, защищая обитель. Так, однажды ночью гибнет охранник запретного селения. И уже ничто не может остановить странных и страшных, загадочных и непредсказуемых событий, безумных страстей и невероятных последствий преступления...

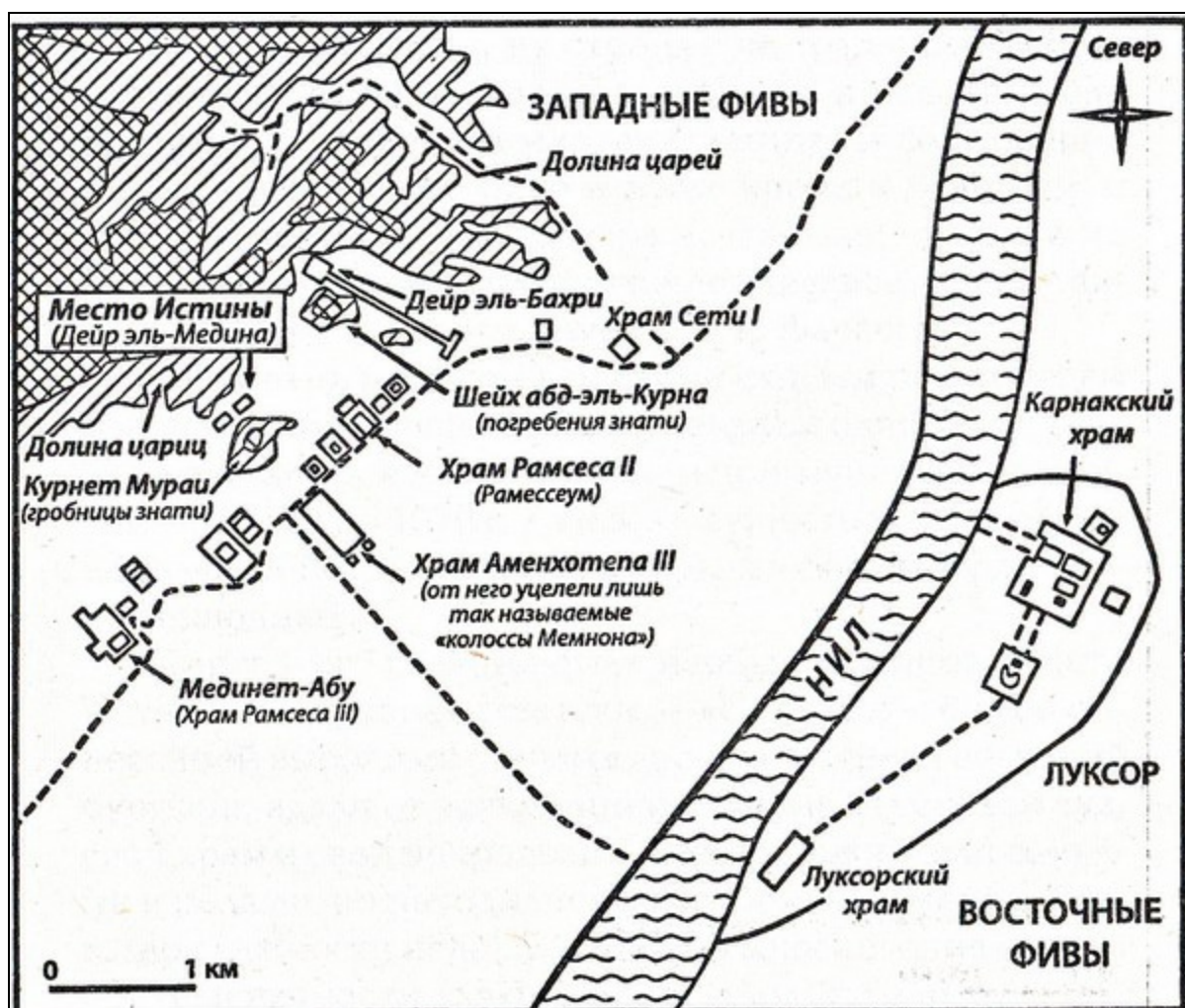

«Запретный город»

Роман посвящается мастерам. Места Истины, которые не только хранили тайны «Дома Золота», но и умели обращать эти тайны в дела рук своих.

Весь свет восхищается шедеврами египетского искусства — пирамидами, храмами, гробницами, скульптурой, живописью. Но кто же сотворил все эти чудеса, столь удивительные по красоте и силе духовного воздействия?

Во всяком случае, их строили не толпы рабов и не скопища подневольных поденщиков, но своего рода братства, не слишком многочисленные и состоявшие из людей, бывших в одно и то же время и жрецами, и ремесленниками. Эти мастера не считали, что дух есть нечто несовместимое с натруженными руками, и составляли своего рода элиту, служившую фараону.

К счастью, по чистой случайности, мы располагаем хорошо сохранившимися документами одного из таких братств, которое на протяжении примерно пяти столетий — с 1570 по 1070 г. до н. э. — существовало в одном из селений Верхнего Египта, скрывая свои тайны от непосвященных.

Имя у этого селения было необыкновенное: Место Истины, по-древнеегипетски — «Сет Маат». В этой обнесенной высокими стенами деревне среди песчаной пустыни, вдали от всякой цивилизации, были свой суд, свой храм и свой некрополь. Ремесленники жили семьями и родами, но находились на особом положении, благодаря важности исполняемой ими миссии: они творили обители вечности для фараонов в Долине царей.

Сегодня остатки Места Истины можно увидеть, побывав на западном берегу Фив, в местечке, которое называется Дейр эль-Медина: здесь сохранились фундаменты домов, образующих улочки, некогда населенные мастерами, живописцами, скульпторами и жрицами богини Хатхор. Селение располагало также резервуарами для питьевой воды, зернохранилищами, мастерскими и даже училищем.

Я пытаюсь воскресить живших здесь замечательных людей, воссоздать их приключения, их повседневный быт, их искания красоты и духовности в мире, казавшемся подчас враждебным и грозным. Защита Места Истины была делом далеко не простым, а самых невообразимых козней и ловушек хватает в любое время и повсюду, тем более если речь идет о такой бурной эпохе, в которой разворачивались события, описываемые ниже.

Близилась полночь. Сначала старший мастер, а следом за ним и девять подчиненных ему мастеровых покинули Место Истины и начали, в свете полной луны, подниматься по крутой узкой тропинке.

На возвышенности, окруженной со всех сторон пустыней, стояло селение строителей Великого фараона, обнесенное стенами — чтобы проще было хранить тайны высокого ремесла. Укрывшись за глыбой известняка, Мехи позволил себе издать еле слышный, но рвущийся из груди радостный вопль.

Вот уже много месяцев младший предводитель колесничих пытался разузнать хоть что-нибудь о членах этого тайного братства, мастера которого на протяжении столетий высекали гробницы в Долине царей и цариц и украшали их стены рельефами.

Но в точности и наверняка никто ничего о них не знал — кроме Рамсеса Великого. Селение мастеров управлялось собственными властями, и судили селян свои законники, и эти власти повиновались только самому царю и еще первому из царских верховных сановников — визирю.

Мехи не было нужды тревожиться насчет своей службы в войске: военачальники с самого начала заметили многообещающего юношу и сулили ему блестящее будущее; но братство... — Как можно забыть, что его туда не приняли, как он ни просился? А что до войска... Что войско? Там все в порядке. Его взяли в колесничие, а боевые колесницы слыли самым лучшим оружием фараона, и, значит; те, кто сражался на них, были самыми отборными воинами. Значит, сочли, что он достаточно хорош, чтобы служить царю вместе с лучшими из лучших. Так что останься он в войске — а он останется, — ему не придется долго дожидаться повышения по службе.

В сердце рождалась злость, и день ото дня она становилась все сильнее: проклятое братство унижало его и отравляло его жизнь, мешая радоваться своей неслыханной удачливости.

Так что надо было выбирать: или постараться выведать тайны Места Истины и суметь распорядиться ими к своей вящей выгоде, или же сокрушить эту будто бы неприступную твердыню со всеми ее людишками, столь гордящимися своим особым высоким положением. Чтобы не испортить собственное будущее, нельзя было позволить себе ни единого неверного шага и допустить, чтобы его в чем-то заподозрили. Однако в эти последние дни он как-то заколебался. Да кто они такие — эти пресловутые «служители Места Истины»? Пусть их так пышно величают верховные власти, но не попусту ли они хвастают своими сокровенными умениями? А что, если все это только глупые выдумки, а то и умышленный обман? Ну да, Долина царей — но уж ее-то так стерегут, что никому хода нет. А стоят ли того трупы властителей, обездвиженных смертью? От которой, кстати, никому не уйти.

Но все же он продолжал сидеть в засаде, прячась за скалами, окружавшими запретное селение: Мехи надеялся, что ему удастся высмотреть какие-нибудь тайные обряды, о которых не велено говорить; но все его потуги оказывались пустой затеей. По крайней мере, пока.

Но в эту ночь наконец, кое-что начало происходить!

Десять мужчин гуськом, друг за другом, поднимались по кряжу холма, медленно шагая на запад, вдоль утеса, к перевалу, близ которого виднелись сложенные из камней хижины —

там мастера ночевали в определенные дни в году. Но на этот раз вереницане стала здесь задерживаться, а продолжила движение по дороге, которая вела в Долину царей.

Душевное смятение не помешало Мехи заметить груды щебня и осторожно обойти ее: осыпающийся камень выдал бы его. Он помнил, что все удобные высоты заняты дозорами стражи, охраняющей запретную долину. Мехи в любое мгновение мог расстаться с жизнью. Свирепые охранники превосходно владели своими луками, и этим сторожевым псам было строго-настрого велено стрелять без предупреждения во все, что шевелится.

Но на входе в священную долину, где, с тех пор как утвердилось Новое царство, почивали мумии фараонов, стражники расступились, давая дорогу десяти служителям Места Истины.

Сердце колотилось, но Мехи углядел местечко, откуда он мог бы наблюдать за происходящим, оставаясь при этом незамеченным. Он метнулся по крутому склону, и там, за укрывшей его плоской каменной глыбой, его взору открылось нечто невероятное.

Старший мастер отошел от своих товарищей и, приблизившись ко входу в гробницу Рамсеса Великого, положил наконец на землю свою ношу, с которой не расставался на всем протяжении пути из деревни. Что-то закутанное в белое покрывало. Только теперь он развернул ткань и убрал ее.

Камень.

Оказалось, что это просто камень, правда ограненный. Каменный куб. И этот камень сиял таким ярким светом, что во воротах, ведущих в обитель вечности ныне царствующего фараона, стало белым-бело. Солнце воссияло в ночи и стерло все тени.

Десятеро долго стояли над камнем, потом старший приподнял его с земли и велел двоим своим подручным отворить врата гробницы. Сам он вошел первым, остальные — за ним, благо дорогу освещал камень.

Мехи на несколько минут застыл в оцепенении. Не сон ли это? Братство в самом деле обладало баснословными сокровищами, ему была ведома тайна света, он своими глазами видел камень — какие еще нужны доказательства?! Нет, это не обман и не сказки. Камень явно был создан не богами, но самими мастерами, и уж они-то нашли ему применение. А что, если они и взаправду умеют делать золото? Ходят упорные слухи, что у них есть потайные мастерские и там у них груды, кучи, горы этого рукотворного золота...

Непостижимые, необъятные просторы открылись мысленному взору молодого воина. Вот, стало быть, откуда берутся несметные богатства и невероятная удачливость Рамсеса Великого. Истоки этого счастья — здесь, в Месте Истины. Вот почему братство живет столь обособленно, вдали от мирской суеты, спрятавшись за высокими стенами.

— Что ты здесь делаешь?

Мехи поспешно обернулся и увидел перед собой стражника-нубийца с палицей и кинжалом.

— Я... я заблудился.

— Это место запретное, — объявил чернокожий страж. — Как тебя зовут?

— Я из личной стражи царя, и у меня тайное поручение, — нахально заявил Мехи.

— А почему мы об этом не знаем?

— А вам и не надо знать... И никому знать об этом не следует.

— С чего бы это?

— Мне поручено проверить, как охраняется Долина царей. В самом ли деле все сделанс для того, чтобысюда не мог проникнуть ни злодей, ни лазутчик? Твое счастье, страж: ты

доказал, что смотришь во все глаза.

Нубиец замялся:

— Начальник меня бы предупредил.

— Ты что, не понял, что иначе нельзя было?

— Пошли к начальнику. Просто так отпустить тебя я не могу.

— Ну я же говорю, что дело свое ты знаешь.

Светила полная луна, Мехи дружелюбно улыбался, и нубиец не только успокоился, но даже приткнул свою увесистую дубинку за пояс.

Стремительно, словно гадюка-песчанка, молодой воин метнулся вперед и изо всей силы ударил стража головой в живот. Бедняга опрокинулся на спину и покатился по склону, пока не упал на плоскую каменную площадку, обрывавшуюся противоположным краем в долину.

Рискуя свернуть себе шею, Мехи подполз к своей жертве. Хотя голова у стража была разбита, сам чернокожий еще дышал. Подбрав острый камень, юноша раскрыл несчастному череп.

Потом хладнокровный убийца немного подождал. Убедившись, что нубиец никогда больше не встанет на ноги, Мехи поднялся на вершину холма и окончательно поверил в свою удачу. Удвоив бдительность, он поспешил прочь от запретного места.

Такая волшебная ночь! Ее чары выветрили из головы юноши все заботы и мысли. Кроме одной-единственной: как проникнуть в тайну Места Истины?

Но надо же с чего-то начинать... Раз уж в селение ему не попасть, придется добывать вожделенные сведения как-то иначе. Что-нибудь да придумается.

Оно того стоит. Если все получится — должно получиться! — какое блистательное будущее его ожидает! Душегуб, не забывая об осторожности, позволил себе погрузиться в грезы: все тайны и все богатства братства должны принадлежать ему. Ему и только ему!

Спешить в поле, как только спадет вода нильского разлива, сеять, чтобы потом жать и убирать урожай в хранилища, которые надо заранее подготовить и очистить, И эта вечная война с вредителями, которые так падки на то, что не им предназначено: в амбарах — грызуны, у реки — бегемоты. А без воды что вырастет? Вот и копай канавы, подводи воду, следи, чтобы под рукой всегда наготове были нужные орудия. Ночью, как бы ни клонило в сон, надо плести веревки. А еще за стадом глядеть кто-то должен: скот жиреет от взгляда хозяина, а где скотина, там и сбруя, и повозки, и бороны, и плуги, и все требует ухода, это чини, то латай, одно выкидывай, другое обновляй. Так вот и ковыряйся на своей делянке и трясись до самой могилы: уродилось ли зерно, не пала ли скотина. Других мыслей тебе не положено. Да и недосуг думать о чем-то еще... Но Жар-то как раз думает о другом. Ему уже давно обрыдла вся эта рутина.

В тени смоковницы, □выросшей там, где обрывались возделанные поля и начинались пески, Жар наслаждался заслуженным отдыхом — он шел домой с пастбища, где присматривал за семейным стадом, и решил вздремнуть на свежем воздухе. К своим шестнадцати годам Жар вымахал под метр девяносто — да еще раздался в плечах — и давно уже понял, что такому здоровяку, каким он уродился, ни к чему хлопоты о хозяйстве — об этой своей родной земле! Довольно того, что на ней потел его отец, а до него дед, а еще раньше прадед.

Почти каждый день — не только сегодня — он, если выдавалась свободная минута, спешил к этой смоковнице, чтобы рисовать на песке зверей. Для этого занятия он выбрал подходящую палочку и заострил ее. Рисовать... Вот на что ему не жаль ни сил, ни времени. Только глядеть, как из-под твоих пальцев появляется зверь: собака, осел или тысячи других тварей.

Жар умел видеть и замечать. И все увиденное копилось в сердце, а оно — опять же, если выдавалась свободная минута, — отдавало приказы руке, и та рисовала на песке линии, становившиеся очертаниями образа, в котором жизни было побольше, пожалуй, чем в самой жизни. Еще мальчиком он мечтал о папирусе, красках, и чтобы было стило, а лучше не одно... Но он был сыном пахаря, и отец только хмыкал под нос, когда сын заговаривал о таких глупостях.

Одно было место на этом свете, одно-единственное, куда хотел бы попасть Жар, — Место Истины. Что творится там, за высокими стенами, ограждающими селение, он понятия не имеет. Да и кто об этом знает? А знает, так не скажет. Но он знал, что там собраны лучшие рисовальщики царства и им доверено украшать гробницу фараона.

Нечего было и надеяться, что сына земледельца могут принять в это сказочное братство. И все же юноша не отказывал себе в удовольствии помечтать: в самом деле, ты отдаешься своему призванию и тебя нимало не волнуют повседневные тяготы и хлопоты — что может быть лучше?

— Что, Жар, прохлаждаешься?

В словах незваного гостя слышна была ядовитая издевка. Издевка не издевка, но неприязнь и желание обидеть уж точно. И яд этот прогнал сон наяву. Окликнувшего звали Простаком, и было ему лет двадцать. Рослый такой молодой человек, поигрывающий мощными мышцами. Из одежды на нем была только набедренная повязка. Рядом с

Простаконка скалился, как полоумный, его младший брат по прозвищу Коленище. Тому едва пятнадцать исполнилось, но весу в нем уже было килограммов на десять больше, чем в старшем брате, — не зря же он каждый день уплетал жирные лепешки и сладкие пироги.

— Шли бы вы себе, а?

— А что, это дерево разве твое? Ваша земля досюда не доходит.

— Да глазеть на вас охоты нету.

— Так и мы бы на тебя плевать хотели. Только вот спросить тебя кое о чем надо.

— А в чем дело?

— А то ты не знаешь... Ночью где шатался?

— А тебя что, порядок блюсти приставили?

— Нати — ты такое имя слышал?

Жар ухмыльнулся:

— Спасибо. Приятно вспомнить.

Простак шагнул вперед:

— Урод поганый! Девчонка замуж за меня собралась... А ты, козел, совсем оборзел... И ночью...

— Так она сама меня нашла.

— Еще и врешь!

Жар вскочил на ноги:

— Еще во вранье меня винить будешь!

— Из-за тебя я женюсь не на девочке.

— Знаешь что? Если бы у этой Нати была бы хоть капелька мозгов, она бы за тебя не пошла.

Братья потрясли у него перед носом кожаным бичом. Оружие, конечно, примитивное, но, ничего не скажешь, грозное.

— Слушайте, вы, — заговорил Жар, — мы с Нати чуток позабавились, что было, то было. Так природа захотела... Но раз уж вам так приспичило, могу пообещать, что больше с ней путаться не стану. Если честно, я без нее запросто перебыюсь.

— Он еще тут выкобениваться будет! — зарычал Простак. — Ты нам больше девок портить не будешь, понял?! Ишь, губы раскатал...

— Надоели вы мне, дураки, но связываться с вами я не хочу. Мне пора на пастбище возвращаться.

Коленище кинулся на Жара, вздев над головой правый кулак. Но юноша успел отскочить, и нападавший со всей силой ударился о дерево головой. Рухнув на землю, он недвижно застыл.

Простак на миг оцепенел, а спохватившись, взмахнул бичом, целя Жару в лицо. Но тот перехватил его правую руку повыше локтя. Раздался зловещий хруст, и Простак, взвывая, уронил бич на землю.

Ни единой капельки пота не выступило на лбу силача. Жар дрался с пяти лет и умел за себя постоять. Он хорошо осознавал свою немалую силу и потому не любил лезть на рожон. Но и на попятный не шел. Жизнь, она как-то подарками не балует. Его-то уж точно.

Шевельнулась в голове мыслишка: вернуться на пастбище к вечеру — там и молочко, и хвороста навалом. И тут же подступил комок к горлу — ох, до чего ж тошно.

А завтра сулит оказаться еще хуже, чем сегодня, еще тусклее, еще тоскливее, еще беспросветнее, и молодой человек будет мало-помалу терять душу, чувствуя, что кровь в

жилах словно бы затвердевает и течет все медленнее. Ну что для него такое этот клочок земли, на котором гнут спины члены его семьи? Это отец грезит о спелости зерна и молоке тучных коров, соседи завидуют его преуспеванию, а соседские девушки заглядываются на Жара — как же, наследник столь славного хозяйства, да еще такой могучий: наверняка он приумножит унаследованное достояние и сильно разбогатеет, дочери селянина и не остается ничего иного, как мечтать об удачливом муже-земледельце, которому она нарожает кучу отпрысков и уж те обеспечат чете сытую, благополучную старость.

Тысячи и тысячи других были бы счастливы такой долей, а Жар только нос воротил. Предначертанная судьба казалась ему горше темницы. Забыв про быков, которые без него, чего доброго, отвяжутся и выберутся из загона, юноша шагнул прямо в пустыню, не сводя глаз с вершины горы. Она нависала над западной окраиной Фив, богатейшей египетской столицей, близ которой был воздвигнут и священный город Карнак со множеством величественных храмов во славу бога Амона.

Там, на западном берегу, в Долинах царей, цариц и знати, располагаются богатые гробницы, обители вечности. А еще — великолепные храмы фараонов, и среди них — Рамсессеум, святилище Рамсеса Великого... И творят такие чудеса мастера Места Истины... Не про них ли сказано, что они трудятся рука об руку с богами и под их началом и покровительством?

В сокровенном сердце Карнака, как и в самой смиренной молельне, божества изрекают свои речи, но кто разумеет сказанное ими? Вот Жар, к примеру. Он разгадывает этот мир, рисуя на песке, но ему недостает знаний. А несведущий далеко не продвинется.

Как это несправедливо, и у Жара сил нет терпеть такую обиду. Почему богиня, скрывающаяся на Закатной вершине, говорит с мастерами Места Истины и почему она остается немой, когда он взывает к ней, моля об ответе? Горе, придавленной солнцем, нет дела до его одиночества.

Чтобы отомстить, он так точно, как только мог, нарисовал на песке эту самую гору, а потом стер рисунок ногой. Словно бы одним махом уничтожая и гору, и обитающую на ней немую богиню, и свое раздражение.

Но гора-то осталась целехонькой. Нетронутая, огромная, неприступная. И Жар, такой могучий силач, почувствовал себя ничтожным и бессильным. Нет, дальше так нельзя.

На этот раз отец его выслушает.

Выходец из дальней Нубии Собек служил в страже с семнадцати лет. Рослый, сильный, великолепно сложенный юноша прекрасно владел палицей, и начальство очень скоро обратило внимание на способного чернокожего. Поначалу его определили в пограничную стражу, и застава в пустыне помогла ему проявить свои замечательные качества: он задержал добрых два десятка разбойников, в том числе троих особенно опасных — эти кочевники-бедуины безнаказанно грабили караваны и ловко уходили от правосудия. Пока на их пути не встал Собек.

Так что продвижение по служебной лестнице оказалось стремительным: в двадцать три года он получил назначение на пост начальника стражи, защищающей Место Истины. По правде говоря, должность эта не такая уж и завидная: ответственность — неподъемная, и ошибаться нельзя. Никто из непосвященных не должен проникнуть в Долину царей, и ни единому любопытствующему нельзя нарушать покой селения мастеров, — стало быть, Собек обязан не допускать никаких происшествий. Под страхом неминуемого наказания, которое, если что, незамедлительно наложил бы визирь — верховный сановник царства.

У нубийца была маленькая каморка в одном из укреплений, ограждавших вход в Место Истины. Читать и писать он умел, но терпеть не мог возню с бумагами, и потому всю отчетность за него вели подчиненные. Низенький столик и три табуретки — вот и вся казенная мебель, а еще казна брала на себя расходы по побелке стен, стирке одежды воинов и поддержанию порядка в помещениях.

Собек навсегда запомнил то время, с которого началась его служба на этом месте. Как он обходил все холмы и высоты, громоздящиеся над запретными площадками, и в сумерках, и когда знойное солнце стояло высоко в небе. Он досконально изучил каждую тропку, каждый кряж и каждый камешек, каждый утес и не уставал обследовать вверенную ему территорию. Всяк, застигнутый в недолжном месте и в неурочный час, бывал незамедлительно схвачен и сразу же подвергался допросу, после чего неудачника препровождали на западный берег, где строгий суд спешно выносил суровый приговор.

День начинался с докладов дозорных. На требование доложить о дежурстве дозорные, как правило, отвечали: «Никаких происшествий, начальник!» Но в это утро дозорный первого поста даже не пытался скрыть своей озабоченности.

— Скверное дело, начальник.

— Что случилось?

— Один из наших воинов найден мертвым, начальник. Еще ночью.

— Нападение? — встревожился Собек.

— Не похоже... Виновных мы не обнаружили. Не угодно ли взглянуть на мертвеца?

Собек оставил свою комнату и направился к телу вслед за подчиненным.

— Череп расколот, рана на виске, — подвел он итог беглого осмотра.

— Упал, удивительного тут мало, — решил страж. — Это было его первое дежурство, местность он знал еще плохо. Поскользнулся на камушке и покатился под откос. Не в первый раз такое случается и, увы, не в последний.

Собек расспросил остальных дозорных: никто ничего странного в ночи не заметил. Похоже, что и в самом деле просто несчастный случай...

— Что ты тут делаешь, Жар? Почему не на пастбище?

— С этим покончено, отец.

— Что ты такое несешь?

— Не буду я твоим наследником.

Сидя на циновке, селянин разложил перед собой волокна папируса, из которого делали желтоватые свитки для письма. Он, понятно, собирался сплести из этих волокон веревку.

— С чего это ты?

— Да тоска страшная все твое хозяйство.

— Ну, это ты сотню раз объявлял... Понимаю: не нагулялся еще. Молодой потому что. Мне вот и в голову ничего такого не приходило, — я знал, что надо трудиться, не то семью не прокормить. Я осчастливил твою мать, я вырастил четверых детей, трех твоих сестер и тебя, и у меня вот эта усадьба и славный кусок ухоженной земли в придачу... Неужто за это я не заслуживаю доброго слова? А когда я умру, ты не обнищаешь и будешь меня благодарить до конца своей жизни. Ты хоть знаешь, что нынешний год превосходен, ибо разлив был полноводным? Урожай будет богатым, а подати не вырастут, потому что я договорился со сборщиками налогов о послаблении. И ты все это хочешь порушить?

— Я собираюсь изменить свою жизнь.

— Громкие слова. Брось. А коровы останутся голодными — ты про это подумал?

— Коровы травку щиплют и без меня. Да и замену мне ты легко найдешь.

От смутения и тоски голос отца надломился:

— Что ты задумал, Жар?

— Буду рисовать и писать красками.

— Но ты же земледелец и сын земледельца! Какой прок затевать то, чего не будет и быть не может?

— Судьба у меня такая.

— Ох, сынок, дурной огонь жжет тебя изнутри. Туши его скорее, не то сгоришь.

Сын печально улыбнулся:

— Не обманывайся, отец.

Селянин схватил луковицу и надкусил ее.

— Что собираешься делать? Вот прямо сейчас?

— Попрошусь в братство Места Истины.

— Ты совсем рехнулся!

— Думаешь, не гожусь?

— Годишься, не годишься — откуда я знаю? Но ты в самом деле ума лишился... И ты понятия не имеешь, что за житье у этих мастеровых — не жизнь, а мука и горе горькое! Храни тайну, служи тайне, то запрещено, этого нельзя, никакой воли... А начальство — знаешь какое злущее?.. Каменотесы каменной крошкой дышат, руки ломит усталость, а потом и ноги начинают болеть, а там и спина разламывается... И умирают от изнурения! А что ваятели! Долбить камень долотом не легче, а много горше, чем рыхлить землю мотыгой. Они вкалывают и по ночам, да еще глаза портят — светильники-то убогонькие. И так день за днем — не передохнуть.

— Здорово ты Место Истины знаешь!

— Люди рассказывали... А ты что, мне не веришь?

— Люди разное болтают. Слухом земля полнится, да только все слухи — ложь.

— Не хватало еще, чтобы собственный сын меня учил! Я тебе что, враг? Дурного я тебе не посоветую. Нрав-то у тебя вон какой вздорный — ты меня слушать не хочешь, как же ты

сможешь это... ну, дисциплину ихнюю блюсти?! Ты же, если что не по тебе, сразу бунтовать. Трудись на земле, как я, как предки наши, и будешь счастлив. Повзрослеешь — сам будешь смеяться над своими детскими бреднями.

— Тебе меня не понять, отец. Давай не будем переливать из пустого в порожнее.

Селянин отшвырнул свою луковицу.

— Ладно. Ты — сын мне. И должен слушаться.

— Прощай.

Жар повернулся к отцу спиной. Тот обернулся, оглядел утварь, схватил первое, что под руку подвернулось, и огрел свою кровинушку по широченной спине.

Сын медленно повернулся.

То, что отец увидел в глазах юного великана, так его испугало, что он готов был, кажется, вдавиться в стену, к которой прижался спиной.

Низенькая женщина выскочила из чулана, служившего ей укрытием, и ухватила за правую руку своего могучего сына.

— Не смей! Не для того я тебя под сердцем носила, чтобы ты на отца руку поднимал!

Жар обнял мать:

— И ты туда же, мать. Ты тоже меня понять не хочешь. Я на тебя не обижаюсь. Успокойся, я ухожу и возвращаться не собираюсь.

— Уйдешь из дома, — подал голос ободренный поддержкой отец, — наследства лишу.

— Твоя воля.

— Обнищаешь. С голоду помрешь.

— Мое дело.

Покидая отчий дом, Жар задержался на миг на пороге, зная, что больше сюда не вернется.

А вступив на дорогу через поле с колосющимися хлебами, юноша глубоко вздохнул. Перед ним открывался новый мир.

Вот и кончились возделанные поля. Дорога через пески вела Жара к Месту Истины. Ни палящее солнце, ни безводная пустыня юношу не пугали. Одно было у него на сердце: поскорее дошагать до запретной деревни и постучаться в ворота: а ну как откроют.

Близился вечер. На тропе, утопанной подкованными копытами ослов, никого. На ослах доставляли воду, съестные припасы и все прочее, что могло понадобиться братству, так что его мастерам не было нужды покидать свое село и они могли спокойно работать «вдали от глаз и ушей».

Жар любил пустыню. Ему нравилась ее безжалостная мощь, и он чувствовал, как ее душа колеблется в такт с его душой. Он мог целыми днями без усталости шагать по пустыне, и каждое прикосновение босых ступней к горячему песку было ему только в радость.

На этот раз, однако, зайти далеко ему не удалось. Помешало самое первое укрепление на подходах к Месту Истины. Жар понимал, что где-то тут за дорогой следят, не смыкая глаз, дозорные, и попробовал свернуть вправо. Но наткнулся на стражей там, где не рассчитывал. Засекли все-таки.

— Стой!

Юноша застыл как вкопанный.

Тот из лучников, что выглядел чуть старше, нубиец, подошел к Жару. Второй остался стоять поодаль, натянул лук и направил его на путника.

— Ты кто?

— Зовусь я Жаром и хочу постучаться во врата Места Истины.

— А пропуск у тебя где?

— Нету.

— За тебя кто-то поручился?

— Никто.

— Ты что, насмехаться надо мной вздумал, малый?

— Я — рисовальщик и хочу работать в Месте Истины.

— Здесь прохода нет, места — запретные, понимать должен.

— Хочу обратиться к какому-нибудь мастеру. К ремесленнику. Пусть испытает, на что я способен.

— А у меня приказ. Если ты немедленно не уберешься с глаз долой, я тебя задержу. За сопротивление царской страже.

— Но я же не хочу ничего дурного... Позвольте мне... Пусть бы меня испытали...

— Убирайся отсюда!

Жар обвел глазами ближние пригорки.

— И не вздумай искать лазейку. Там-то уж точно не пройдешь. Пристрелят тебя.

Жар молниеносно представил себе картинку: вот он валит стража ударом с правой и тут же падает на землю, уворачиваясь от стрелы и не оставляя второму воину времени натянуть лук по новой. А потом пробиваться к воротам. Но сколько еще лучников придется убирать, прежде чем он доберется до входа в селение?

Злясь, он пошел по той же дороге назад.

Дойдя до места, где лучники уже не могли его видеть, он нашел камень и уселся на него. Кто-то же когда-то появится на этой тропе. И, глядишь, станет понятно, как все-таки

добратся до этой деревни.

Мать Жара все глаза выплакала, рыдая часами, как. Ни старались дочери ее утешить. Отец же думал о том, что придется нанимать батраков, и не менее чем троих, чтобы заменить юного исполина. Разъяренный отец никак не унимался: злость на неблагодарного сына не проходила, поэтому он отправился к писцу, чтобы продиктовать распоряжение о наследстве. Объявив свое решение неумолимым и окончательным, селянин заявил, что, согласно закону, он лишает своего сына Жара всяких прав на наследство и передает эти права супруге своей, каковая будет вправе распорядиться унаследованным имуществом по своему усмотрению. Буде же супруга его умрет прежде его самого, то имущество, разделенное на равные части, унаследуют три его дочери.

Но и переписав завещание, земледелец не успокоился — уж очень крепко обидел его сыночек. Унизил. Посмеялся. Над отцом родным посмеялся. Но раз уж Жар рехнулся, надо его образумить. А лучше всего привести его в чувство может только власть, бесспорная и неоспоримая. Царская.

Вот почему отец бунтаря пошел затем к распорядителю общественных работ, придирчивому и недоброму на язык писцу, который день ото дня становился все сварливее. Этот чиновник, занимавший место очень хлопотное и далеко не благодарное, давно добивался, чтобы его перевели в город, на восточный берег, но, как ни пускался он во все тяжкие, любые козни и хлопоты кончались ничем, и он так и торчал в здешней дыре. Ему полагалось следить за порядком в оросительной сети, то есть заставлять население в месяцы, предшествовавшие разливу Нила, чистить каналы и укреплять насыпи и плотины, расходуя на эти работы как можно меньше казенных средств. Добровольцы встречались ему почему-то не очень часто, и потому приходилось объявлять общественные работы обязательными и предписывать домовладельцам и хозяевам усадеб и поместий отрабатывать положенное число часов; за эти тяготы казна расплачивалась разовым сокращением податей. Споры с обложенными повинностью селянами затягивались донельзя, отнимали попусту силы и сильно докучали.

Поэтому, увидев папашу Жара у своего дома, писец приготовился к очередному потоку жалоб и стенаний, перемежаемых выкриками и обвинениями.

— Я тебе надоедать не стану, — с порога объявил земледелец, — но ты мне должен помочь.

— Какие вопросы! — отозвался чиновник. — Только учти: закон есть закон, и он нелицеприятен, пусть мы с тобой много лет как знакомы. Если землевладельцы станут увиливать от общественных работ, не понимая, что без них никак нельзя, то вся польза от разлива пойдет насмарку, а там и до крушения Египетского царства рукой подать.

— Да я не спорить с тобой пришел. Про сына поговорить хочу.

— Так твой сын освобожден от общественных работ.

— Он бросил хозяйство.

— Чего ради?

— А то я знаю... Говорит, рисовальщиком буду. Жалко-то как: мой бедный сын ума лишился.

— Говоришь, он уже не глядит за твоим скотом и не пасет его?

— То и говорю!

— Дурость какая!

— И мать его как просила, и я сам. Без толку. Ушел.

— Плеткой поучить маленько. А лучше — палкой. Глядишь, и поумнеет.

Земледелец только головой покачал:

— Рад бы. Но ты же знаешь, какой он здоровенный... И если что, сразу кулаки в ход. Веришь ли — на меня замахнулся.

— Сын поднял руку на отца! — с чувством воскликнул чиновник. — Да такого в суд волочь надо — пусть влепят ему так, чтобы мало не показалось!

— Нет, я лучше придумал.

— Скажи.

— Раз уж он мне теперь не настоящий сын и раз уж он ушел из дому, чего ради ему такие послабления? Ну, освобождение от общественных работ...

— Уж на работы-то я его призову. За мной дело не станет.

— Можно и еще лучше сделать.

— Как?

Ходатай понизил голос.

— Этого бездельника надо проучить как следует... Я не прав? Если его хорошенько наказать, то мы спасем его от куда худших выходов. А если мы пустим дело на самотек, то мы же и виноватыми окажемся. А малый пропадет.

Писец спорить не стал.

— Что предлагаешь?

— Положим, ты послал Жара на обязательные работы. А он идти не хочет... Это же неповиновение власти, так? И ты вправе вызвать ватагу молодцов, и те потащат его в темницу, а там-то уж он скоро и образумится.

— Это можно... Сделаем. А что мне за это будет?

— Дойную корову приведу.

У чиновника рот наполнился слюной. Такое богатство, можно сказать, маленькое сокровище — за сущую безделицу.

— По рукам.

— Ну и, понятное дело, пару-другую мешков с зерном добавлю. Надо спасать Жара. Надо, чтобы Жар вернулся в хозяйство.

Что-то сырое и мокрое, как лягушка, проползло по его лбу, и Жар поспешил открыть глаза.

Рыжий пес обнюхивал чужака, но нападать на него, похоже, не собирался. Солнце еще не зашло, но вечерний ветерок уже принес речную прохладу на западную окраину Фив и на дорогу, идущую к Месту Истины.

Молодой человек потянулся было к животному, чтобы погладить охристую шерсть, но собака, услышав цокот подкованных копыт, отскочила в сторону. Сотня ослов мерной поступью продвигалась к деревне мастеров. Возглавлявший процессию седой человек явно знал дорогу как свои пять пальцев и прекрасно управлялся с четвероногими.

Жар восхищенно глядел на проходящий караван. Этим людям, в отличие от него, не надо было бояться охраны и укреплений.

Чуть приотстав от каравана навьюченных ослов, шагали вереницей водоносы. В правой руке каждый из полусотни носильщиков держал палку, которой отбивал ритм и заодно отгонял змей; на левом плече водонос удерживал на весу длинное и тяжелое коромысло, к каждому концу которого было приторочено по большому бурдюку, вмещающему несколько... нет, очень много литров воды.

Рыжая собака побежала к своему хозяину, тому самому человеку преклонных лет, который, как понял Жар, и был главным вожатым каравана.

Молодой человек поднялся во весь рост:

— Вам помочь?

— Это же моя работа, сынок... Недолго, правда, уже осталось. Вот поднакоплю еще немного деньжонок и смогу вернуться к себе домой, в Дельту Нила. Боюсь, нечем мне тебе за помощь заплатить.

— Не важно.

Ношу на плече Жар почти не чувствовал — легче гусиного перышка. А гусь — священная птица бога Амона.

— И так каждый день?

— Ну да, мальчик. Мастерам Места Истины не след страдать от нехватки чего бы то ни было. Тем более воды! Первая, самая важная, поставка — с утра, но бывают и другие, днем. Если понадобится что-то незаурядное, нанимаем дополнительных носильщиков. И в помощниках у Места Истины не мы одни: на мастеров трудятся белильщики, прачки, хлебопеки, пивовары, мясники, лесорубы, ткачи, дубильщики и невесть кто еще, фараон требует, чтобы его мастера наслаждались полнейшим благополучием.

— А в самой деревне ты бывал?

— Нет. Мы, водоносы, опорожняем принесенные нами бурдюки в большой резервуар в виде чаши — он перед северным входом в селение. Есть еще одна такая же огромная чаша — у южной стены. А потом жители Места Истины ходят к ним за водой — с кувшинами.

— А кого пускают за ограду?

— Только братию — село, оно для мастеров братства. Помощники остаются снаружи. Но почему ты об этом спрашиваешь?

— Хочу вступить в братство и стать рисовальщиком.

— Вот, значит, зачем ты воду носить подрядился.

— Я хочу постучаться в главные ворота, вызвать какого-нибудь мастера и объяснить ему...

— И не думай! Ох какой это народ — хорошо, что ты их не знаешь. Они неразговорчивы и гостей не приветчают, да и повадки твои наверняка придутся братии не по вкусу. Ты очень рискуешь. И еще хорошо, если тебя только бросят на несколько месяцев в темницу. Учти, что стражи знают в лицо каждого водоноса...

— А ты сам с кем-то из этого братства хоть раз разговаривал?

— Бывало, что словом-другим перекидывались. Про погоду. Или, там, про родню — как здоровье, и все такое.

— А про работу свою они тебе ничего не рассказывали?

— Эти люди блюдут свои тайны, мальчик, они давали клятву, и никто из них не нарушит свои обеты. А если кто-то чересчур распускает язык, его немедленно изгоняют из братства.

— А как же они набирают новичков?

— Новеньких в братство принимают очень редко. Послушай меня лучше, оставь свои мечтания. Забудь... Да и что хорошего — торчать взаперти и гнуть спину день и ночь во славу фараона?! Подумай хорошенько, и поймешь, что житье у этих мастеров не такое уж и завидное. Ты вон какой богатырь, небось от девчат проходу нет. Погуляй себе всласть, а потом, через пару-другую лет, женись на какой-нибудь посмазливее, да не очень сварливой. И нарожает тебе молодуху детей, а достаток ты запросто наживешь — поди, плохо? Не воду же тебе на горбу тягать до конца дней своих...

— Неужто они там, в селе, без женщин обходятся?

— Есть и женщины, и ребятня при них, только и они, как и их мужья, связаны обетами Места Истины. Еще удивительнее, что болтушек среди них не бывает. Даже их мужья словоохотливее.

— Ты их хоть видал?

— Пару раз.

— Ну и как они? Личиком-то вышли?

— Да ничего себе попадают... Но ты, вижу, настырничаете.

— Ладно, ты скажи, а право выходить из селения у них есть?

— Все, кто живет в деревне, вольны покидать ее и возвращаться в нее. Они свободно разгуливают по дорожке от самого Места Истины до первого укрепления. Они вроде бы даже до восточного берега добираются, но это не мое дело.

— Слушай, мне с каким-нибудь мастером потолковать надо!

— Для начала тебе следовало бы разузнать, что братия считает красивым, а что — хорошим. Пустословов и без тебя хватает. Смотри, вот эти твои замашки, ну... манеры... С таким, как ты — каков ты теперь, — и разговаривать никто из братства не станет.

— Ты про укрепления говорил... Сколько их?

— Пять. Их еще называют «пятью стенами». Мимо сторожевых постов мышь не проскользнет, поверь мне, тем более что и на холмах — дозоры, за которые отвечает новый начальник стражи. Зовут этого человека Собеком, он нубиец, на его счету много подвигов. Почти все его люди — из его же племени, и они преданы начальнику до мозга костей, и никто не смеет ему перечить. Иначе говоря, к ним не подступиться и они неподкупны. Дозорные так боятся Собека, что немедленно же выдают всякого, кто только попробует их подмазать.

Жар решил: надо просочиться всеми правдами и неправдами через первое укрепление, а там, глядишь, кто-нибудь из сельчан подвернется.

— А что, если ты прикинешься захворавшим, а я пускай буду твой свояк, которого ты позвал на подмогу — воду-то кто-то нести должен, так? Неужто стража не войдет в твое положение?

— Надо подумать. Только все равно ты далеко не зайдешь.

Когда они добрались до первого укрепления, Жар понял, что расклад пока в его пользу. Дозорные сменились, прежних лучников не было видно, значит, узнать его было некому.

— На тебе лица нет, — вместо приветствия сказал черный страж пожилому водоносу, повисшему на руке юного богатыря. — Что с тобой стряслось?

— Да вот, обессилел... Потому и пришлось звать на подмогу этого парня. Спасибо, что он не отказался.

— Родня твоя?

— Племян.

— Ручаешься за него?

— Мне скоро придется оставить эту работу. Лета. И здоровье не то. А он... может, он меня и заменит.

— Ладно. Пускай вас на втором посту проверяют.

Первая победа! Упорство окупается. Если удача его не покинет, то он дойдет до самой ограда, а там уж хоть какой-нибудь мастер да попадется.

Второй пост оказался придиричливее, а третий уж совсем лютовал. Но все же стража не заподозрила пожилого водоноса в притворстве. Все понимали: срывать поставки воды непозволительно, да и ни один страж не спешил покидать свой пост и отнимать ношу у якобы занемогшего водоноса; впрочем, они вряд ли имели на это право. Так что охранники, покочевряжившись, в конце концов пропускали болящего пожилого водоноса и его молодого помощника.

Четвертый дозор почти не обратил на них внимания, и обязательный досмотр почти не отнял у них времени. Но перед последним, пятым, укреплением на дороге воцарилась суматоха. Работяги из помощников кинулись развьючивать ослов и таскать корзины с хлебами и глиняные сосуды с овощами, сушеной рыбой, мясом, фруктами, оливковым маслом и благовониями.

Люди переругивались, сетовали, что продвижение застопорилось, хихикали... Страж дал знак водоносам, и они принялись переливать воду из своих бурдюков в громадный глиняный кувшин — эта необъятная посуда заворожила Жара. Что ж это за гончар сладил такой огромный сосуд? Как ему это удалось?

Вот какое чудо еще на подходе к Месту Истины поразило молодого человека.

Коренастый мужчина окликнул Жара:

— Чему ты так дивишься, а, парень?

— Как это слепили такой здоровенный горшок?

— Есть один такой мастер. Гончар из Места Истины.

— А как он смог с такой громадиной управиться?

— Много хочешь знать, парень.

Лицо юноши просветлело: это — мастер из деревни, сомневаться не приходится!

— Я не попусту любопытствую! Я хочу стать рисовальщиком и вступить в братство.

— Ах так?.. Ну, отойдем, поговорим.

Крепыш отвел Жара в сторону, подальше от пятого, и последнего, укрепления, туда, где начинались ряды мастерских, в которых трудились канатчики и ткачи. Указал на глыбу у подножия каменистого холма: мол, садись.

— Что ты знаешь про Место Истины, мальчик?

— Очень мало. То есть, считай, ничего... Но думаю, что мне надо прожить жизнь свою именно в этом месте.

— А с чего это ты так думаешь?

— Я только одно занятие люблю. Рисовать. Хочешь, покажу?

— Меня на песке нарисовать сможешь?

Подобрав угловатый камень, Жар, не сводя глаз со своего натурщика, стремительно набросал контуры человеческого лица.

— Гляди... Ну что скажешь?

— Способный ты. Учился где-нибудь?

— Негде было! Мой отец — земледелец, а я — единственный сын. Но я всегда рисовал, всегда, когда выдавалось время. Но мне знаний не хватает, а где я их найду? Только здесь! И еще я рисовать красками не пробовал. А хочется — рисунки красками живее.

— Да, не обижен ты ни честолубием, ни дарованиями... Но этого вряд ли довольно, чтобы тебя допустили в Место Истины.

— А что еще нужно?

— Знаешь что? Я попробую найти какого-нибудь человека, который сможет тебе помочь.

Жар ушам своим не верил. Окупается, значит, не только упрямство, но и дерзость! За считанные часы он перенесся из одного мира в другой. Мечты сбываются!

У длинного ряда мастерских, вытянувшихся по эту сторону высоких стен, окаймлявших селение и казавшихся совершенно неприступными, юноша заметил какие-то непонятные деревянные постройки — такое легкое сооружение, похоже, можно было в миг собрать. Или разобрать.

Крепыш перехватил его взгляд.

— Не все помощники трудятся здесь изо дня в день... Есть и такие, которых доставляют сюда лишь в случае особой нужды. Вот эти разборные бараки — для них.

— А ты — не из их числа?

— Я — прачечник. Работка та еще, грязищи... я тебе скажу! Мне и бабское тряпье стирать доводится: глянул бы ты на эти пятна и потеки! Срамота! И в этой запретной

деревне тоже таких свиных навалом. Как и во всякой другой — всё одна беда.

И коренастый прямым ходом двинулся к пятому укреплению.

У Жара дух перехватило и ноги отнялись.

— Зачем?.. Ты куда?

— А ты что, думаешь просочиться в Место Истины без спроса и допроса? Иди за мной, я тебя не подведу.

Молодой человек пересек порог сторожевого укрепления, поживаясь под издевательским взглядом лучника-нубийца, прошел через темный коридорчик и оказался в тесной конторке со столом, за которым восседал величественный чернокожий воин, мощный и хорошо сложенный. Как сам Жар.

— Приветствую, Собек, — затараторил коренастый прачечник. — Вот, лазутчика тебе привел. Он умудрился незамеченным миновать пять дозорных постов. Один водонос помог. Надеюсь, будет награда, достойная оказанной услуги.

Жар крутанулся и метнулся к двери.

Двое лучников-нубийцев кинулись на него. Но Жар двинул одному локтем в лицо, другому — коленкой в пах. И был бы таков, не вздумай он схватить прачечника за подмышки и поднять его над головой.

— Ты меня продал! И дорого за это заплатишь!

— Не губи меня! Я только выполнял приказ!

И тут же Жар почувствовал на поясице, напротив почки, острие кинжала.

— Довольно! Ну-ка отпусти его, — приказал Собек. — И успокойся. Не тс распрощаешься с жизнью.

До юноши дошло, что нубиец не шутки шутит, и опустил прачечника на пол. Тот сразу же кинулся наутек, забыв о награде. Лишь бы от греха подальше.

— Надеть на него наручники, — приказал начальник местной стражи.

Руки в деревянных колодках, ноги связаны. Но когда Жара бросили на угол стола и он сильно ударился головой о стену, из его горла не вырвалось ни единого звука.

— Ишь, стойкий какой, — хмыкнул Собек. — И до чего же настырный. Кто тебя сюда послал?

— Никто. Я хочу стать рисовальщиком и присоединиться к братству.

— Рассказывай... Лучше ничего придумать не мог?

— Правду говорю! Истинную правду!

— Ага! Истинную! Так тебе и поверили... будто бы у такого народца бывает правда или истина... Доложу тебе, что здесь много таких перебивало, как ты. И покруче тебя. И все они быстро сознавались во лжи... Советую вести себя разумнее... Не то... Ты мне не веришь?

— Я не вру!

— Скорее уж, скажу я тебе, ты ловок и смекалист.

А мои подчиненные никуда не годятся. Они будут наказаны, а ты... ты мне расскажешь, кто тебе платит, откуда ты тут взялся и зачем ты здесь.

— Я — сын земледельца, и я хочу поговорить с каким-нибудь ремесленником из Места Истины.

— И что ты ему скажешь?

— Что хочу стать рисовальщиком.

— Заладил... Какой же ты настырный... Не нравится мне этот разговор... Не испытывал бы ты моего терпения, не то гляди... Оно не бесконечное.

— Я не могу сказать ничего другого. Потому что это правда.

Собек потер подбородок.

— Ты должен понять, мой мальчик: мои обязанности состоят в обеспечении совершеннейшей безопасности Места Истины. Любыми средствами и способами, которые только могут понадобиться и в которых я прекрасно разбираюсь — лучше, чем кто-либо другой. И отношусь к своему делу с предельной серьезностью. Ибо мне не все равно, что обо мне думают.

— Но почему мне нельзя поговорить хоть с одним мастером? — дернулся было обездвиженный юноша.

— Потому что я не верю твоим рассказам, малыш. Историю ты сочинил волнительную, за душу берет, ты сметлив — не спорю. Но она совершенно неправдоподобна. Ни разу не видел, чтобы желающий присоединиться к братству таким вот образом предстал пред вратами селения, дабы предъявить свое прошение о приеме.

— У меня нет покровителя, никто за меня не поручался, и все надо мной лишь насмеются, потому что у меня только одно желание! Позвольте мне поговорить с каким-нибудь рисовальщиком, и я ему все докажу.

На мгновение Собек вроде бы заколебался.

— Нахальства у тебя хватает, но со мной такие штучки не проходят. Охочих до тайн Места Истины немало, и среди них хватает таких, что хорошо заплатили бы за любые откровения на этот счет. Вот и тебя подослал этакий любознательный... И ты мне скажешь, как его зовут, этого твоего благодетеля.

Уязвленный Жар попытался вырваться, но узы были надежны и прочны.

— Вы ошибаетесь, я докажу вам, что вы ошибаетесь!

— Заметил, что, как зовут тебя, я пока не спрашиваю? Потому что знаю: ты соврешь. Ты и вправду очень упрямый, и задание, с которым ты тут появился, наверняка важности первой. До сих пор мне попадалась рыбешка помельче... С тобой дело куда серьезнее. И если ты расскажешь все и по порядку, знаешь, ты избежишь многих неприятностей. Уверяю тебя.

— Рисовать, писать красками, знакомиться с мастерами... Ничего иного не хочу.

— Поздравляю, дружок. Ты, кажется, ничего не боишься. Обычно мне так долго не сопротивляются. Но ты мне все равно все расскажешь, даже если твоя кожа прочнее слоновьей шкуры. Можно было бы тянуть из тебя признания помаленьку и потихоньку. Но сдается мне, есть смысл сделать тебя поговорчивее, а свою задачу — полегче. Недельки две поскучаешь в темнице, в одиночной клетушке потужишься — вот язык и развяжется.

Молчун уже долго странствовал по Нубии, побывав на многих золотых рудниках, других копях и каменоломнях и посетив немало святилищ, воздвигнутых Рамсесом Великим. Побывал он и в двух великих храмах в Абу-Симбеле, в которых почитали Рамсеса и его любимую супругу Нефертари, ушедшую так рано. Жил Молчун в оазисе, но целыми неделями блуждал по пустыне один, не страшась диких зверей.

Казалось бы, Молчуну, как наследнику династии мастеров Места Истины, предначертана судьба ваятеля, творящего статуи божеств, сановников, знатных людей и мастеров братства, дабы не обветшало и не прервалось предание, восходящее к временам великих пирамид. [2] Входя во все более почтенные лета, он обретал бы все больше даруемых ему — или налагаемых на него? — полномочий, в то же время делясь мудростью со своим преемником.

Но было одно не упомянутое до сих пор обстоятельство: требовалось «внять зову». Мало родиться от отца-мастера, мало быть хорошим ремесленником: чтобы перед тобой распахнулись врата братства, ты должен услышать некий зов. Все мастера Места Истины именовались «внявшими зову». [3] И каждый знал, что речь идет о чем-то неизреченном, о чем-то таком, для чего в языке людей нет имени.

Молодой человек знал, что, лишь в действительности услышав зов, он сможет надеяться на ответную любовь своего ремесла. Притворством здесь ничего не добьешься. Он вообще не умел ни врать, ни обманываться: только вот этот обязательный зов ему никак не удавалось услышать. За то, что с его губ редко срывались слова, его прозвали Молчуном — и по иронии судьбы сама душа его оказалась погруженной в полнейшее безмолвие.

Отец и верховные руководители братства решили, что Молчуну остается только одно: он должен постранствовать по внешнему миру и, если богам будет угодно, он наконец, сподобится услышать зов.

Но молодому человеку очень не хотелось жить вдали от Места Истины, от места, не похожего ни на одно другое, селения, в котором он родился и вырос, воспитываясь в строгости, на которую, впрочем, он нимало не обижался. Возвращаться было нельзя, и Молчун страдал от тоски: вот и еще один день пропал без толку, и ничего, кроме блуждания призрачной тенью.

Была надежда на Нубию, на величественные зрелища, которыми так богата эта страна: вот еще один день странствий — и что-то сдвинется в душе, а впечатления сложатся в стройную картину, и он сумеет услышать столь необходимый ему таинственный зов. Но ничего не менялось, и он оставался лишь бродягой, который неведь зачем слоняется вдали от родных мест, переходя от одной маловажной мастерской к другой, совсем уж незначительной, и безо всякой пользы хватаясь то за одну, то за другую безделицу.

Он думал еще, что в Нубии выветрится память и о Месте Истины, и о почитаемых им учителях; но как ни старался он позабыть родину, воспоминания о ней по-прежнему тревожили, нет, непрестанно терзали его душу. С тем он и вернулся в Фивы, где поспешил устроиться в строительную артель, подрядившуюся возводить дома близ Карнакского храма.

Владельцу этой артели перевалило за полвека. Он хромал после неудачного падения с высокой кровли. Овдовев, хозяин воспитывал единственную дочь и терпеть не мог болтунов и зазнаек. Потому сдержанность замкнутого Молчуна пробудила во вдовом отце некоторые

надежды. Никак себя не выпячивая, тихий парень показывал достойный пример для подражания своим товарищам. Но тем он не особенно приглянулся: уж очень совестливый, да еще сверх меры работающий — и до того правильный, что даже скучно — скулы сводит. Довольно было уже того, что он оказывался рядом — и все изъяны и пороки его соратников становились заметнее и выпуклее, словно высвечиваемые ярким лучом дневного света.

Если бы не новый рабочий, вряд ли артель сумела бы закончить дом в два этажа за месяц до намеченного срока. Заказчик лучился довольством и не только не скупился на похвалы хозяину артели, но и посулил ему предоставить заказ еще на два дома.

Товарищи ушли по своим делам, а Молчун остался чистить инструмент и другую строительную утварь по привычке, которую он перенял у одного ваятеля, еще в Месте Истины.

— Пива кувшин мне должны скоро привезти. Свежего, — обратился к нему хозяин. — Как насчет кружечки в моей компании?

— Не хотел бы ввергать вас в расход.

— Не бойся, не разорюсь.

Хозяин и работник уселись на циновке в бараке, в котором строители укрывались от зноя пополудни, во время длительного перерыва на отдых.

— Ты не такой, как все, Молчун. Откуда ты родом?

— Из мест неподалеку.

— А родня у тебя есть?

— Кое-какая.

— Не хочешь — не говори, кто ж тебя заставит... А сколько тебе лет?

— Двадцать шесть.

— Самое время остепениться, осесть. Ты про это не думал? В людях я кое-что понимаю. Вот ты и работаешь без устали, и не упускаешь случая научиться чему-то новому. И еще: ты любишь свое дело, а на это мало кто способен. Из-за работы ты даже про все остальное забываешь. А вот это не очень-то умно... Надо позаботиться о будущем. Я старею, кости болят и суставы тоже, и спину ломит, еле ноги волочу. Пока ты не нанялся ко мне, я искал помощника, который бы мало-помалу брал на себя мои заботы по строительству. Но, знаешь, хорошего заместителя еще поискать: он и работником хорошим должен быть, и человеком надежным. Кому попало такое дело не доверишь. Что, если ты станешь у меня помощником?

— Нет, хозяин, начальником родиться надо. Не гожусь я.

— Ты не прав, Молчун. Из тебя славный распорядитель получится. Уж я-то вижу. Ну, ладно, надоедать тебе не буду... Но ты... подумай хотя бы насчет моего предложения.

Молчун покачал головой.

— И еще у меня к тебе маленькая просьба. Дочка моя теперь в саду, отсюда час ходу, это на берегу Нила. Ей горшки нужны, ну, такие — рассаду высаживать. Может, навьючишь осла и отвезешь ей эти посудины?

— Конечно.

— Не даром, понятное дело.

— Выезжать прямо сейчас?

— Если ты не против... Имя моей дочери — Ясна. [\[4\]](#)

Хозяин подробно описал дорогу, так что плутать Молчуну вряд ли придется.

Осел двинулся медленной уверенной поступью. Молчун проверил, равномерно ли

распределен груз по обе стороны ослиного хребта, и, убедившись, что ноша ослу под силу, зашагал рядом. Сначала были переулки, потом началась проселочная дорога, вившаяся вдоль череды белых домиков, перемежавшихся огородами.

С севера подул приятный ветерок, предвещая наступление мирного вечера. В домах соберутся все домочадцы, кто-то всей семьей отправится в гости к соседям, чтобы потолковать о том, что произошло днем, и обсудить все до мельчайших подробностей. Или послушают какого-нибудь сказителя и будут смеяться или ужасаться его байкам и сплетням.

Молчун вспомнил о предложении хозяина, на которое он уже ответил отказом. На этом свете есть только одно место, где он хотел бы осесть и — как это сказал хозяин? — остепениться. Только вот этот треклятый зов услышать надо. Через несколько недель он уже будет далеко отсюда. Он двинется на север и там продолжит свою кочевую жизнь.

Порой у него возникало искушение солгать. То есть кинуться со всех ног в селение, объявить, что зов наконец, услышан, и врата братства распахнутся перед ним. Но селение не зря называется Местом Истины... Над ним царствует Маат, и установления богини — хлеб насущный, изо дня в день питающий сердца и умы, а ловкачи всегда бывают разоблачены. «Ты должен ненавидеть обман, и ничто не может оправдать обман, ибо обман разрушает слово, — вот как его учили. — Ибо сие отвратительно Богу. Встал обман на пути, и потеряно направление, и путешествие невозможно, а цель — недостижима. Отправляющийся в море с обманом не пристанет к берегу, его корабль не придет в гавань».

Ну нет, Молчун никаких сделок не заключал и в соглашения не ввязывался. Пусть он и не смог вернуться в Место Истины, он не изменил своему долгу, был верен принятым на себя обязательствам. Утешение слабое, это да, но он хотя бы уцелел.

Сильное течение будоражило воды Нила, синие, как небо. Скатиться с крутого берега, нырнуть — и не выплыть, даже не пытаясь вынырнуть, чтобы с благодарностью принять в награду скорую смерть на дне. И забыть о существовании, лишенном всякой надежды... Вот единственный зов, который смог услышать Молчун. И лишь одно мешало ему принести себя в жертву Нилу: ему доверили дело, а он всегда достойно справлялся с любыми поручениями. Вот когда и с этой работой будет покончено, то на обратном пути можно будет освободиться от всех уз и воспользоваться великодушием могучей реки, которая перенесет его душу в потусторонний мир.

Осел сошел с проезжей дороги, свернул влево и уверенно направился к саду, укрытому за стенами. Должно быть, четвероногое не впервые следовало по этому маршруту, коль дорога так прочно запечатлелась в ослиной памяти.

В благодатной тени деревьев — гранатового, рожкового и еще какого-то дерева, которое было Молчуну незнакомо, — цвели васильки, нарциссы и ноготки. Но что красота цветов перед несравненной красотой юной женщины в белом одеянии?.. Чистом, безупречном, непорочном... Встав на колени, она высаживала рассаду.

Тесьма на белокурых волосах не мешала их свободе, и вьющиеся локоны падали на плечи девушки. Профиль своим совершенством заставил Молчуна вспомнить о Хатхор: в Месте Истины у него на глазах один мастер творил изваяние этой богини. А стан красавицы был гибок, как ствол стройной пальмы на ветру.

Под чавканье осла, с хрустом жевавшего чертополох, Молчун, словно бы наблюдая за собой со стороны, думал, что еще мгновение — и он лишится чувств, потеряет сознание, упадет в обморок, умрет, лишь только незнакомка обернется и взглянет на него голубыми, как летнее небо, глазами.

— Осел, кажется, знакомый, — улыбаясь произнесла она, — а вот вы... вас я в первый раз вижу.

— Я... я привез глиняные сосуды. Меня ваш отец попросил.

Молчун был видным мужчиной: стройное, хорошо сложенное тело... Но вот прическа слегка подкачала. Хотя... Каштановая шевелюра оставляла открытым широкий лоб над серозелеными глазами, благодаря которым лицо, одновременно и открытое, и серьезное, выглядело живее.

— Благодарю вас за труды, но вы... вы, похоже, чем-то озабочены.

Молодой человек кинулся к ослу, продолжавшему свое пиршество, и поспешно стал вынимать глиняную посуду из плетеных корзин.

Никогда не достанет ему смелости взглянуть на нее еще раз. Что за чары даруют женщине такую красоту? Ее черты так чисты, загорелая кожа такая гладкая, загар такой ровный, руки и ноги так гибки и стройны, а свет, исходящий от всего ее существа, столь ослепителен, что весь ее облик превращается в сновидение, в колдовской сон, в пьянящее марево... А подобные грезы вечно не длятся. Если он до нее дотронется, она исчезнет.

— Все ли цело? — спросила она.

И голос, он тоже волшебный! Исполненный свежести ароматных плодов, сладостный, благозвучный, как самая приятная музыка... Но слышна в этих звуках и твердость, и влаги прохлада... журчание воды животворной. Из чистейшего источника.

— Надеюсь...

— Вам помочь?

— Нет, что вы... Я сам вам все отнесу.

Когда Молчун переступил через порог садовой калитки, раздался лай и откуда-то выскочил огромный черный пес. Собака, встав на задние лапы, положила передние незнакомцу на плечи, а потом уверенно и даже истово лизнула его в глаза и уши.

Руки у Молчуна были заняты, и потому он почел за лучшее не шевелиться.

— Вот это да! — удивленно и даже с каким-то восхищением сказала Ясна. — Черныш вас принял. Знаете, он вообще-то недоверчивый. И такой бдительный, что даже давних знакомых не часто к себе подпускает.

— Приятно слышать.

— А как ваше имя?

— Молчун.

— Какое необычное...

— Ничего особенного в истории его появления нет.

— Но все равно расскажите. Мне интересно.

— Боюсь нагнать на вас скуку.

— Пойдемте дальше в сад.

Черныш соизволил наконец, опуститься на землю и встать на все четыре лапы, и Молчун смог последовать за юной женщиной. Вытянув заостренную морду с могучими челюстями, виляя длинным закрученным хвостом и быстро мигая светло-карими глазками, пес, поблескивающий короткой шелковистой шерсткой, затрусил рядом со своей хозяйкой.

— С ним, — сказала Ясна, — мне совсем не страшно. Ничего не боюсь, если он

неподалеку. Он и быстрый, и очень смелый.

Молчун опустил на корточки перед цветами, лепестки которых оттенком своим напоминали золото.

— Никогда не видал ничего подобного, — признался он.

— Это хризантемы, и они не только милы и радуют взоры. Эти великолепные цветы еще и очень полезны, потому что из них получают снадобья, помогающие при воспалениях, разгоняющие кровь и смягчающие боль в пояснице.

— Вы целительница?

— Пока нет, но у меня была возможность кое-чему научиться у Нефрет — а это целительница славная и необычайная. Она после кончины моей матери заботилась обо мне, хотя у нее хватало своих дел, и очень ответственных. Перед тем как Нефрет перебралась на покой в Карнак, вслед за своим мужем — его имя Пазаир, и он, пока не состарился, служил визирем у фараона, — она передала мне многие из своих секретов. И вот теперь я применяю эти знания, чтобы уменьшать страдания близких. А здесь, в саду, я люблю размышлять и еще разговаривать с деревьями. Вы, чего доброго, подумаете, что я с ума сошла, но я верю, что у растений есть свой язык и они разговаривают. Только, чтобы они хоть что-то сказали человеку, надо, чтобы человек показался им смиренным и не гордым.

— Чародеи в Нубии уверены в том же.

— Вы были в Нубии?

— Несколько месяцев. А что это за дерево? С такой серовато-коричневой корой и округлыми листьями, зелеными и белесыми?

— Стиракс. Он дает мясистые плоды, но куда важнее драгоценная мазь: ее делают из желтоватой густой смолы, выступающей из надреза на стволе дерева.

— Мне больше нравится рожковое дерево: густая листва и плоды со вкусом меда. Оно словно бы воплощает сладость жизни, ибо всегда остается приятным и всегда готово даровать радость, как бы ни допекал зной и сколь бы свирепы ни были иссушающие жаркие ветры.

Черныш улегся у ног молодого мужчины, который теперь и шевельнуться не мог, не потревожив пса.

— Вы мне так и не объяснили, откуда у вас такое необычное имя.

— Если я уважаю свое имя, то мне незачем говорить вам лишнее.

— Неужели это такая великая тайна? — удивилась Ясна, вдавливая в разрыхленную землю горшок, призванный защитить молодые побеги. Когда побег разрастется, окрепшие корни расколуют обожженную глину, а потом то, что останется от горшка, мало-помалу смешается с землею.

Никогда еще желание промолчать не бывало у него сильнее, но мыслимо ли отказать Ясне?

— Я вырос в деревне мастеров. Она называется Место Истины, а мой отец работает там ваятелем. Когда я родился, мать и отец дали мне тайное имя, которое я не вправе открывать кому бы то ни было до тех пор, пока я сам не стану ваятелем. До того времени я должен молчать, наблюдать, слушать и слушаться.

— И когда же придет этот великий час?

— Никогда.

— Как... Почему?

— Потому что я не стану ваятелем. Судьба распорядилась иначе.

— И... что вы намерены предпринять?

— Не знаю.

Ясна укрепляла стенки лунки вокруг рожкового дерева, чтобы вода, та, которой будут это дерево поливать, и та, которая будет просачиваться из оросительной канавы, удерживалась в ней и не пропадала попусту, но добиралась бы до самых глубоких корней.

— Поэтому вы и работаете у моего отца? Рассчитываете задержаться у него подольше?

— Он предложил мне стать его помощником.

— А про Место Истины вы ему говорили?

— Нет... До вас я никому о себе ничего не рассказывал. И о своем прошлом тоже. Сегодня оно мертво, и умерло оно навсегда. Ни одной тайны мастеров я не знаю, и, стало быть, я — просто рабочий, такой же, как прочие работяги.

— Вам очень обидно, да?

— Не подумайте только, что я хочу чего-то несусветного... Мне бы лишь... Но... какая разница? Спорить с тем, что есть — бесполезно, умнее принимать то, что предложено. То, что дарует жизнь.

— Не рано ли вам говорить такое? Я о том, что... вы же еще так молоды.

— Я... я... боюсь вам наскучить.

— А помощником отца станете?

— Ваш отец очень добр ко мне, но я не справлюсь с такими обязанностями. И мне придется огорчить его. Я откажусь.

— Вы себя недооцениваете, по-моему. Отказаться всегда успеете, вы бы подумали сначала... А пока... помогите-ка мне.

Девушка оглянулась на собаку: та поспешно открыла глаза и поднялась с земли. Она заранее угадывала все желания своей хозяйки, и той почти не было нужды отдавать команды или кричать на животное.

Вызволненный Молчун смог, наконец, сойти со своего места и принялся помогать, старательно подражая всем движениям девушки. Давно уже ему не было так хорошо: на душе покой, а привычная тревога делась невесть куда. Просто глядеть на эту молодую женщину — уже счастье. По крайней мере, думать про свои беды и печали совсем не хочется.

Получив положенную долю похлопываний по спине и поглаживаний за ухом, Черныш снова улегся в тени.

— Еженощно, — заговорила Ясна, — тьма пытается поглотить свет. Но свет отважно сражается и доблестно отражает нападение. Если встречать восход солнца на горе Восхода, то наблюдатель обязательно заметит бирюзовую акацию, отмечающую торжество воскресшего света. Дабы насладиться его красотой, довольно лишь знать, куда смотреть, чтобы его увидеть. Вот мысль, которая руководит мною, когда на долю мою выпадают суровые испытания. Красота жизни не на нас опирается и не от нас зависит, однако же пребывает она и в нашей способности познать ее.

Молчун, затаив дыхание, с обожанием глядел на Ясну, ловко управлявшуюся с растениями: движения изящные, точные, все спорится будто само собой. И как же здорово на нее глядеть.

Увы! Всему приходит конец. И вот уже вся рассада оказалась под надежной защитой из обожженной глины. Повода задерживаться больше нет. Стало быть, надо возвращаться.

— Руки можно ополоснуть в канаве, — предложила девушка.

Царские землемеры, мастера по землеустройству, водоотводу и орошению, равно как и

селяне, занятые на общественных работах, толк в своем деле знали и работали на славу: возделанные поля и сады походили на клеточки живого тела, соединенные густой сетью оросительных каналов и узеньких канав, по которым, как по кровеносным сосудам, текла вода жизни.

Стоя на коленях рядом с Ясной, Молчун дышал благовониями, которыми она умастила себя, смешав ароматы жасмина и лотоса. И коль скоро обманывать и обманываться он не умел, он понял, что влюбляется, нет, что уже влюбился. Влюблен. Отчаянно, до безумия.

Собек очень не любил официальные приемы, но его присутствие на празднике стражи было обязательным. Подобные мероприятия, ежегодно устраивавшиеся на западной окраине Фив, служили удобным поводом для объявлений о повышении по службе, о переменах в управлении, а также для торжественных проводов товарищей, отслуживших положенный срок и уходящих на заслуженный отдых. По такому случаю всегда закалывали нескольких свиней и выносили кувшины с красным вином. За счет визиря и от его имени, кстати.

Нубиец обращал на себя всеобщее внимание, и немудрено: такого исполина трудно не приметить. Блюстители правопорядка в общем и целом такие же люди, а значит, тоже проявляют любопытство. Вот и теперь несколько гостей попытались разузнать у него хоть что-то о сокровенных тайнах Места Истины. Ну и неизбежные подначки: мол, как там женщины в славном селении, а? Небось хороши? А в постели? Кончай приbedняться: какая устоит перед чарами ладного и могучего чернокожего?

Собек пил и ел, то есть выпивал и закусывал, и пропускал треп служивых мимо ушей.

— Судя по всему, новая должность тебе по вкусу, — подкатился к нубийцу писец, отвечающий за общественные работы. Этого сварливого зануду Собек на дух не переносил.

— Пока не жалуюсь.

— Слушок ходил про несчастный случай со смертельным исходом. Вроде бы кто-то из твоих подчиненных...

— Новичок на холмах дежурил. Место еще не знал и свалился с высоты. Дело закрыто.

— Жалко парня... Так радостями фиванскими и не побаловался... Вот тебе и награда за службу... Одни неприятности... Я вот тоже одного малого никак изловить не могу. Сын земледельца, а от общественных работ уклоняется.

— Бывает. И должно быть, нередко.

— Ошибаешься, Собек. Эта повинность налагается на всех, и кары для отлынивающих суровы. А молодец как сквозь землю провалился. Хотя как такого не приметить? Косая сажень в плечах, а нахалу и шестнадцати лет не исполнилось.

Собек, чтобы поскорее отвязаться, задал пару вопросов, и писец описал юношу, очень похожего на давешнего лазутчика, который сейчас куковал в одиночке.

— А иных правонарушений за этим бездельником не числится? — спросил нубиец.

— Жар с отцом повздорил, и тот хотел бы хорошенько проучить сыночка, прежде чем вернуть его в хозяйство. Одна незадача: малый пустился в бега... Тоже правонарушение, верно?.. Ох, влепит ему суд по первое число...

— А братья его на что? Сами проучить не могут, так хоть бы показания какие...

— У Жара только сестры.

— Смешное дело... С каких это пор единственного юношу в семье гонят на общественные работы?

— Твоя правда, но мне пришлось чуток подправить закон — уж очень отец его просил, а у меня с тем старая дружба. Иной раз и не на такое пойдешь...

Те несколько дней и ночей, которые узник протомился в одиночке на хлебе и воде, не укротили Жара, который теперь снова стоял перед Собеком.

— Ну, парнишка, созрел? Скажешь мне правду?

— Правда не меняется.

— Немало я видывал упрямцев, но ты особенный тип даже среди этого народа! Кремень! В другое время я допросил бы тебя так, как я умею. Но тебе повезло. И очень повезло.

— Вы мне наконец, поверили?

— Я на твой счет кое-что выяснил: твое имя — Жар, и ты — уклонист. Отлыниваешь от общественных работ.

— Но... это же... так не бывает! Я... Мой отец — земледелец, а, кроме меня, других сыновей у него нет.

— Что единственные сыновья этой повинности не подлежат, я тоже знаю. Но у тебя неприятности, мой мальчик, ох какие неприятности. На твое счастье, писец, отвечающий за общественные работы, в моих друзьях не числится, да и само это дело вне моих полномочий. И мой тебе совет: уматывай. Вали отсюда, поживее и подальше от этих мест. И о тебе скоро забудут.

Стройка застыла: пополудни подкрепившимся рабочим полагался дневной отдых. В такую жару они все равно много бы не наработали. По своему обыкновению, Молчун уединился, оставив в бараке четырех своих товарищей — сирийца и троих египтян.

— Знаете, что было вчера? — спросил сириец.

— Небось ничего хорошего. Разве что лишнюю работенку придумали, — лениво отозвался самый старший, пятидесятилетний египтянин, поглаживая живот, раздувшийся от выпитого крепкого пива.

— Новенький горшки отвозил. Хозяйской дочке.

— Ври больше! Хозяин за дочуркой своей смотрит в оба и никого к ней не подпускает. А она, говорят, такая красotka. Двадцать три года, а еще не замужем. Болтают, что она колдунья и тайны трав ведает.

— С чего бы мне трепаться попусту? Говорю вам: новичок горшки отвез.

— А чего ж! Значит, угодил хозяину.

— Из этого гада слова клещами не вытянешь. Только вкалывает. И как? И быстрее, и справнее, чем все мы. И к хозяину подлизывается... Тот уже ему в рот глядит. И еще начальником его над нами поставит, помяните мое слово!

Пузатый египтянин надул губы.

— Коли уж старшой нужен, то пусть выдвигает меня. Я и так всех вас старше. Летами.

— Дошло до него, ага... Наконец-то! Этот ловкач обвел тебя вокруг пальца. Так что командовать будешь не ты. Ты будешь его слушаться.

— Он шустрый, видали какой? И нас погонять станет. Чтобы не отставали... Загоняет так, что мало не покажется! Но чего это мы пускаем такое дело на самотек? Неужто эта стройка нам все мозги высушила? Что скажешь, сириец?

— Убрать его пора.

— Легко сказать...

— Потолковать с ним надо. На том языке, который ему понятен. Завтра, когда он на базар отправится.

Молчун покончил с формовкой сотни больших кирпичей и разложил их поверх камней, предназначенных под цоколь дома, который надлежало построить для семейства одного военного. Сыну ваятеля из Места Истины сотворить такое — детская забава. В ранней юности Молчуна завораживало производство кирпичей самой разной величины, и он научился отливать их самостоятельно и даже делать под них формы.

— Здорово у тебя получается, — одобрительно произнес подошедший хозяин.

— Никто над душой не стоит. Да и не спешу я.

— Ты знаешь и умеешь куда больше, чем показываешь другим, я прав?

— Зря вы так думаете.

— Ладно, это меня не касается... А о моем предложении подумал?

— Дайте мне еще немного времени.

— Хорошо, сынок. Лишь бы тебя другой хозяин не переманил...

— Да вы что...

— Шучу. Я тебе верю.

Молчун понял замысел хозяина: он свел его с дочерью, чтобы, польстившись на нее, нужный работник постарался бы на ней жениться, а там, глядишь, он и на должность помощника согласится, ну и будет, как миленький, вить семейное гнездышко. В итоге Молчун окажется прикованным к семейному предприятию.

Хозяин — мужик что надо. И кто же ему поставит в вину заботу о будущем дочери? Молчун нимало на него не обижался. Да и что ему козни да происки — с ним эти номера не проходят. Да ну? Может, оно так и было бы, если бы он не запал на эту Ясну. Ладно, он влип, втюрился, как последний остолоп. Лучше сказать, влюбленность лишила его рассудка. И все равно будущее, уготованное ему вероятным тестем, хуже темницы, на которую и глянуть-то страшно, не то что войти в нее. Пусть ему и не понятно, как он сможет жить без этой молодой женщины.

Только из-за нее, светлого лика ее и сияния всего ее светоносного существа, не бросился он в Нил, чтобы подвести черту под своими напрасными блужданиями. Но разделяет ли она его чувства? Ничто на это не указывает. А жениться только в угоду ее отцу?.. Нет, он не обязан. Да и нельзя так, наверное.

Как признаться женщине в любви? В любви до того сильной, что можно... ну... ужаснуться? Молчун прикидывал и так и этак, как к ней подступиться. Тысячи подходов придумал, один смешнее другого. Да что тут думать: закопать эту самую любовь поглубже и рвануть, как и собирался, к Дельте поближе. На север. И там ему будут сниться сны о несбыточном счастье.

В комнатухе, которую отвел ему хозяин, Молчун ворочался с боку на бок, а сон никак не шел. Если бы он знал, что делать... Но даже если он додумается до хорошего решения, покоя оно ему не принесет. Не будет больше покоя, никогда... Родное село, бесконечные скитания, голубые глаза Ясны, речные воды... Все смешалось в его голове. Как у пьяного.

Жить ради нее, служить ей, не расставаться с ней и не желать ничего лучшего... Да ведь лучше-то и быть ничего не может... так ведь? Разве это не выход? Однако же все приедается, и что, если после женитьбы все — сойдет на нет? И она затоскует? И расставание, а то и одиночество вдвоем, что куда хуже, станет еще горше.

Выбора не было.

Завтра утром он оставит начатую работу и сделает вид, что отправляется на рынок за съестными припасами. И оставит Фивы навсегда.

Жар сел на паром, сочтя за лучшее поболтаться какое-то время на западном берегу, не теряя при этом из виду свою цель: найти какого-нибудь мастера из Места Истины и уломать его, чтобы он взял опеку над Жаром. Или пусть поможет как-то иначе. Через недельку он перемахнет через Нил вплавь и попробует подобраться к деревне иным путем, выбирая холмы повыше.

Паром причалил в самой гуще рынка: торг шел на немалой площади, занимавшей добрый кусок речного берега. Продавали мясо, вино, оливковое масло, зелень, овощи, хлеба, сладкие пироги, фрукты, пряности, рыбу, одежду, сандалии. Торговали по большей части горластые женщины, ловко управлявшиеся с весами. Дородные тетки и разбитные молодухи восседали на складных стульчиках и отчаянно торговались, время от времени освежаясь сладковатым и мягким на вкус пивом, сосуды с которым были укутаны в солому — от зноя, иссушавшего самую луженую глотку.

Глаза разбегались — такое обилие красок. И звуков, И еды. Жар вдруг почувствовал, что отчаянно проголодался. Не диво: в узилище еще не такой аппетит нагуляешь, Ох, до чего ж ему захотелось похрустеть перышком зеленого лука, пожевать сушеного мяса и завершить пиршество пышными пирогами. Но платить-то чем? Нечего ему предложить взамен.

Не остается, стало быть, ничего иного, кроме как попытаться утянуть длинный хлеб, постаравшись, чтобы и булочник не заметил, и сторожевой павиан не накинулся: этот приписанный к страже умный зверь натаскан на ловлю воров и больно кусает за икры всякого разоблаченного злоумышленника, так что тот далеко не убежит.

Вот вдова вздумала выменять мешок с зерном, предлагая за него штуку ткани. Но зерноторговец объявил тряпку никуда не годной, и завязался спор, точнее, бестолковая сvara, и никто не знает, когда и чем она кончится. Молодая мать, милашечка такая, прижимая младенца к груди, хотела получить за свою свежую рыбу кувшинчик, а продавец груш расхваливал свой роскошный товар.

Жар пробирался через толпу, надеясь дожидаться того мгновения, когда кто-нибудь из торгующих пирогами отвлечется или отвернется. Но на глаза попался еще один сторожевой павиан, который, как человек, уселся на землю и, как заправский страж, следил за зеваками.

— Тебе хорошо, и я тоже доволен! — восклицал кладовщик какого-то знатного человека, только что купивший у торговца благовониями остроконечный пузырек с миррой.

Жар решил отойти от обезьяны-стража подальше: этот павиан как-то очень уж бдительно поглядывал в его сторону, чего доброго, привяжется. В животе творилось невесть что, но он стал пробираться к выходу с рынка вслед за молодым мужчиной. Тот нес мешок с овощами и плодами и выглядел немногим старше его самого. Зато Жар был много крепче. Вскоре незнакомец свернул в заулочек, обсаженный с обеих сторон пальмами.

Вдруг за спиной этого мужчины появились трое других, зашагавших за ним по пятам. Жару стало любопытно, и он увязался за странной четверкой.

В конце переулка трое скопом накинулись на первого. Сириец врезал ему по почкам, а двое других повисли на руках согнувшегося от боли юноши и повалили его на землю.

Сириец поставил ногу на затылок упавшего.

— Мы тебя сначала немножко поучим, а потом, малый, ты убереешься из города. Такие, как ты, здесь не нужны.

Молчун попытался повернуться, но сильный удар ногой в бок заставил его вскрикнуть от боли.

— Не дергайся. Рыпнешься — затопчем.

— А как насчет меня? И со мной разберетесь? Эй, вы, доходяги пуганые!

Метнувшись к сирийцу, Жар схватил его за шею и шмякнул о стену. Приспешники сирийца попытались было отбиться от молодого силача, но тот сначала разбил одному нос, двинув в него головой, а потом ткнул локтем в живот второго.

Молчун попробовал подняться, но из глаз посыпались искры, и он рухнул на колени. Между тем Жар, орудуя обоими кулаками, добил сирийца. Его сообщники кинулись было наутек, но место побоища окружили стражники, возле которых разгуливал, грозно щеря зубы, давешний павиан.

— Ни с места! — скомандовал один из стражей. — Вы задержаны. Все вы.

Когда Молчун очнулся, солнце давно уже стояло высоко в небе. Лежа на животе, откинув одну руку в сторону, тогда как другая рука лежала на постели, он чувствовал приятную теплоту в пояснице, где-то возле почек.

Чья-то ладонь, такая нежная, осторожно втирала мазь в его терзаемое болью тело. И вдруг сознание вернулось, и молодой человек понял, что он совсем голый, а растирает его нагое тело Ясна.

— Не шевелитесь, — потребовала она. — Мазь не подействует, если ее не впитают ушибленные места.

— Где я?

— В доме моего отца. На вас напали трое рабочих, и от побоев вы потеряли сознание. Они задержаны, и вас тоже приведут в суд, когда их будут судить. Вы проспали почти сутки без перерыва, потому что я напоила вас успокаивающими снадобьями. А мазь составлена из белены, болиголова и мирры. Она вам поможет: раны быстро затянутся.

— А тот, кто бросился мне на помощь...

— Юноша? Он тоже задержан.

— Это несправедливо! Он жизнью ради меня рисковал, а...

— Стражники говорят, что он не в ладах с законом.

— Поскорее бы мне подняться, а то я не смогу дать показания в его пользу.

— Слушание назначено на завтра, суд будет вершиться от имени визиря. Отец подал жалобу, и она была незамедлительно принята к рассмотрению ввиду тяжести правонарушения. Поэтому вам нужно, просто необходимо встать на ноги. И как можно быстрее. Так что поворачивайтесь-ка на спину.

— Но я...

— Ладно вам, мы уже давно не дети и ложная стыдливость ни к чему.

Молчун закрыл глаза. Ясна покрыла мазью его лоб, левое плечо и правое колено.

— Они, те, которые на меня напали, требовали, чтобы я убирался прочь. И насовсем ушел из города.

— Об этом не тревожьтесь. Их осудят и приговорят к суровому наказанию. А отец наймет других работников. И он даже еще больше, чем прежде, надеется, что вы согласитесь стать его помощником.

— Боюсь, что артель не обрадуется...

— Зато отец в восторге: вы так много знаете и умеете. Он не знает, что вы воспитывались в Месте Истины, а я вашу тайну не выдала.

— Благодарю, Ясна.

— Хочу попросить вас об одолжении... Когда вы примете окончательное решение, мне бы хотелось первой узнать об этом.

И она укрыла его льняной простыней, благоухавшей ароматами трав фиванских полей.

Молчун встрепенулся:

— Ясна, я, конечно, вам сказал бы...

Лучистые голубые глаза глядели на него с бесконечной нежностью, но он не смел ни прикоснуться к ладони молодой женщины, ни признаться ей в своих чувствах.

— Сколько я работаю, я всегда выполняю чьи-то распоряжения. Приказы должен отдавать более сведущий, а я... Думаю, что не смогу распределять задания между другими работниками... Меня тоже надо понять...

— Так, значит, вы отказываетесь?

— Пока что у меня только одна забота: помочь юноше, бросившемуся мне на помощь. Если бы не он, меня, быть может, на этом свете уже не было бы.

— Вы правы, — согласилась она, но в голосе ее звучали разочарование и печаль. — Именно о нем вы должны теперь думать.

— Ясна...

— Прошу прощения, у меня много работы.

Недоступная, неприступная. Как легки ее шаги!

И вот она ушла.

Молчуну хотелось броситься за ней. Вернуть ее, удержать. Сказать ей, что он, конечно, тупица. И потому не знает, как раскрыть ей свое сердце. Затворившиеся ворота вновь не откроются. Никогда-никогда, нечего и надеяться. Какой болван! Ну почему он не обнял Ясну, не взял ее на руки, не осыпал все ее тело поцелуями? То-то бы она... что? Удивилась бы, наверное. Вот бы произвел впечатление на девушку... А... бестолковому все без толку.

Мазь действовала; боль мало-помалу утихала. Но теперь ему было жаль, что недруги не довели свой зловещий замысел до конца. На что ему жизнь, если он глух к зову любимого дела и не в состоянии соединиться с любимой женщиной?

Как только его спасителя признают ни в чем не виновным и отпустят на волю, Молчун исчезнет.

Судья, назначенный визирем для разбора текущих дел, оказался мужчиной в летах и, похоже, был человеком многоопытным. Его просторное одеяние держалось на двух широких бретелях, сходявшихся чуть ниже затылка на шее, охваченной золотым ожерельем, к которому была подвешена статуэтка богини Маат.

Маат была представлена в облике сидящей женщины со знаком жизни в руке. Ее голова была увенчана высоким пером, Маат — это Истина и Закон. Кому же, как не ей, покровительствовать судам?

— Под покровительством Маат и во имя фараона, — скороговоркой провозгласил судья, — заседание суда объявляется открытым. Да вдохнет истина в ноздри людей жизнь и да изгонит зло из тел человеческих. Обязуюсь судить беспристрастно, сиречь убогого так же, как и могущественного. Приведите сюда зачинщиков свары, случившейся в переулке близ рынка.

Сириец и оба его приспешника и не думали отпираться и лишь умоляли суд о милосердии. Суд в составе четырех писцов, ткачихи, отставного воина и толмача приговорил троицу к пяти годам принудительных работ. В случае повторного нарушения закона преступникам будет воздано втрое.

А когда перед заседавшими предстал Жар, он даже головы не склонил. Ни строгая обстановка суда, ни суровый вид судейских не произвели на него, кажется, никакого впечатления.

— Твое имя — Жар, и ты утверждаешь, что помогал жертве нападения.

— Так оно и есть.

Стражи подтвердили показания юноши, после чего суд выслушал заявление Молчуна.

— Меня ударили в спину: напавшие заставили меня уткнуться лицом в землю. Я не мог оказать ни малейшего сопротивления, и, если бы мне на помощь не пришел этот юноша, я, возможно, был бы уже мертв. Выступить в одиночку против троих — это необычайно смело.

— Суд ценит его благонамеренность, — одобрительно кивнул судья, — однако присутствующий здесь писец, отвечающий за общественные работы, подал на Жара жалобу, обвиняя его в уклонении от работ.

Чиновник, сидевший в первом ряду зрителей, удовлетворенно осклабился.

— Отважный Жар заслуживает снисхождения суда, — просительно заговорил Молчун. — Неужто ему нельзя простить эту ошибку юности?

— Закон есть закон, а общественные работы нужны для блага Египта.

И тут вышел Собек-нубиец:

— Как начальник стражи Места Истины, я должен поддержать ходатайство Молчуна. Высокопоставленный законник насупил брови.

— А каковы доводы, оправдывающие столь неожиданное вмешательство в судопроизводство?

— Почитание закона Маат, коему всем нам должно повиноваться. Будучи единственным сыном селянина, Жар по закону освобожден от общественных работ.

— В донесении писца обстоятельство это, столь весомое, никак не оговорено, — заметил судья.

— Значит, донесение его лживо и сочинитель должен понести подобающую кару.

Ухмылка сползла с губ чиновника.

Жар ошарашенно уставился на нубийца. Вот уж никогда бы не подумал, что какой-то вертухай, верный пес закона и — как это у них называется? — блюститель порядка станет за него заступаться.

— Нерадивый чиновник да будет схвачен! Жару же да будет возвращена свобода. И тотчас же, — приказал судья.

Молчун слушал приговор, но смысл слов, в которые было облечено решение суда, доходил до него с трудом, ибо мысли его были далеко: он уже долго, не отрываясь, вглядывался в статуэтку Маат, украшавшую грудь судьи.

Место Истины — удел Маат, нет места на этом свете лучше из всех тех мест, где отправляется правосудие. Ибо там учат тайне, открывающейся в деяниях мастеров, получивших посвящение в «Доме Золота»... Вот куда Молчун не мог попасть. До сего дня.

И вот, когда он созерцал богиню, его сердце открылось.

Статуэтка росла, она стала совсем огромной, заполнила все помещение суда... Вот она пронзила потолок, устремляясь к небу. Теперь она была немислимо громадной и простиралась до края вселенной и далее и жила светом.

И Молчун увидел родную деревню — ее дома, мастерские, храм. И услышал зов: глас Маат повелевал ему вернуться в Место Истины и творить, следуя предначертанному пути.

— Сколько еще раз должен я повторять? — услышал он раздраженный голос судьи. — Я спрашиваю: удовлетворены ли вы? Молчун, вы что, оглохли?

— Да-да, конечно. То есть нет... То есть да... Я слышу! И я удовлетворен.

Медленно выходя из здания, в котором проходил суд, Молчун не сводил глаз с Закатной вершины, покровительницы Места Истины.

— Я хотел бы с тобой потолковать, — сказал ему Жар — но ты как будто не в себе. На тебе лица нет.

Молчун все еще был во власти услышанного наконец зова и потому не сразу признал своего спасителя.

— Прости меня, я так тебе обязан. Не знаю, как и благодарить. Еще вопрос, остался бы я цел, если бы не ты...

— А, брось! Шел себе мимо — гляжу, такое дело. Чего ж не встрять?..

— Любишь драться?

— Ну, если в селе живешь, умеи постоять за себя. Бывает, не глянешься кому, а то и просто из-за ничего привяжутся.

— А где ты живешь?

— На западном берегу. Но с этим покончено. Завязал я с семейным хозяйством. Напрочь. Слушай, пить до смерти хочется. Как ты?

— Разве что пива свежего... Не против?

Молчун купил целый кувшин, и оба устроились под тенистой пальмой, росшей на крутом берегу.

— Так почему ты из дома ушел?

— Да в земле не хочу ковыряться — тоже мне отцовское наследство. Не по нраву мне это достояние предков.

— А чем жить будешь? Чего хочется?

— Знаешь, душа одного просит: рисовать. И на свете есть только одно место, где бы меня испытали и сказали, гожусь ли я, и где бы мне дали то, чего мне недостает. Это —

Место Истины. И я пробовал даже туда пролезть, но... куда там! И все равно я эту затею не брошу... Иначе и жить незачем!

— Ты, Жар, еще такой молодой. Все у тебя может перемениться. Сто раз еще передумаешь.

— Ну уж нет, от этого мне не избавиться! С детства, сколько себя помню, я гляжу на зверей, на селян, на писцов... И рисую все это. Хочешь, покажу?

— Давай.

Жар пошарил под пальмой, нашел сухую веточку и начертил на земле невероятно похоже лицо судьи, его золотое ожерелье и статуэтку богини Маат.

Впервые в жизни Жару стало как-то не по себе. Никогда прежде не сомневался он в своей одаренности и только смеялся, если кому-то его наброски приходились не по вкусу. Но теперь... Теперь он с тревогой ожидал, что скажет старший товарищ. Такой тихий и спокойный.

А Молчун все медлил с ответом.

— Пожалуй, неплохо вышло, — наконец заговорил он. — У тебя врожденное чувство меры и рука очень уверенная. Это точно.

— Так что? Думаешь... правильно я решил?

— Думаю, да.

— Ух ты! Я — свободный человек, и я — рисовальщик!

— Но тебе еще многому стоило бы поучиться.

— Обойдусь! — отмахнулся Жар. — До этого дня никто мне не помогал, я сам научился. И дальше сам буду разбираться!

— А чего же тогда ты так рвешься в братство служителей Места Истины?

До желторотого художника дошло, что его устремления противоречивы, и его словно бы кнутом огрели.

— Потому... потому что там мне дадут рисовать и писать красками день напролет и не будут приставать с другими делами.

— Так, значит, тебе все-таки кое-что нужно?

— Я им докажу, что я лучше их!

— Вряд ли тщеславие поможет тебе открыть ворота братства.

— Какое еще тщеславие! Просто мочи нет терпеть: жжет хуже огня! Я должен туда попасть, и я пролезу, и плевать, какие помехи они еще придумают.

— Пыла-то у тебя хватает, но, наверное, еще что-то нужно.

Жар поднял глаза к небу:

— А у меня не только пыл. Знаешь, меня словно бы позвали и этот зов такой могучий, что нет сил ему противиться, так что я просто не могу оставить свою задумку. Место Истины — вот мое настоящее отечество, и жить я должен только там... Или нигде. Нет, тебе меня не понять.

— А по-моему, я тебя понимаю.

Жар широко открыл огромные удивленные глаза.

— Да, ты мне сочувствуешь, верю. И не спорю. Но ты меня старше и опытнее и потому просто не понимаешь, что во мне все горит и клокочет. А ты умеешь сдерживаться.

— Дело в том, — признался Молчун, — что Место Истины — мое родное селение.

Жар вцепился в плечи Молчуна с такой силой, что тот испугался, как бы его новый юный друг не переломал ему кости.

— Не верю! Быть того не может... Издеваешься!

— Если бы мы были знакомы чуть дольше, ты бы знал, что нет у меня такой привычки.

— Если так... Ты должен знать, как попасть в Место Истины!

— Это даже труднее, чем ты думаешь. Чтобы принять нового мастерового, нужно согласие всех мастеров братства, фараона и визиря. И предпочтительнее быть в кровном родстве с семейством ваятелей или рисовальщиков.

— А как же они набирают народ со стороны?

— Если кого и принимают, то только из мастерских, обслуживающих великие храмы, такие, как в Карнаке. Смотрят, как человек работает, и после испытательного срока, который обычно затягивается надолго, решают, годится ли он.

— Хочешь мне доказать, что у меня ничего не выйдет... Но я не передумаю.

— А еще, чтобы предстать перед приемным судом — так именуется собрание, решающее, открывать ли врата братства перед искателем, — надо, чтобы за тобой не числилось долгов, а при себе ты должен иметь кожаный мешок, складное сиденье и столько мебельного дерева, чтобы из него можно было смастерить кресло.

— Целое богатство! И немалое!

— Примерно столько новичок зарабатывает за семь месяцев. Это доказательство того, что он умеет работать.

— Но я — рисовальщик, а не столяр!

— У Места Истины свои требования, и не тебе менять установленные правила.

— Что еще?

— Ты уже все знаешь.

— Но ты, ты-то почему ушел из своей деревни?

— Всяк волен уйти из нее, когда захочет... Да я по-настоящему в нее и не входил.

— Что ты такое говоришь?

— Меня там вырастили, выучили, я знавал людей необычайных, и мои родные думали, что я ваятелем стану.

— А ты не захотел?

— Не в том дело, — ответил Молчун, — но, знаешь, я ловчить не умею. Я соответствовал всем требованиям, и я хотел и дальше жить там, но мне не хватало самого главного: я не слышал зова. Вот почему я пустился в странствия: надеялся, что в дороге мой слух в конце концов отворится.

— И что... отворился?

— Как раз сегодня, на суде, после долгих лет напрасных блужданий. Многим я тебе обязан, Жар, и как отблагодарить тебя, не знаю. Не спаси ты меня в том закоулке, меня бы не вызвали в суд и, значит, я не услышал бы зова. Жалко, но помочь я тебе не могу. Всякий должен пройти свой путь в братство в одиночку. Если желающему попасть в селение кто-то помогает, его прошение отвергается.

— А ты сам... тебя-то наверняка примут?

— Если бы... Конечно, меня знают, и, наверное, кое-кто из знакомых выскажется в мою

пользу. Но их заступничество не обязательно перевесит мнение тех, кто будет против.

— Расскажи мне все, что знаешь о Месте Истины.

— По мне, село как село. Таких деревень полно. Но это потому, что я не посвящен ни в одну из тайн братства.

— А когда ты туда собираешься?

— Завтра.

— А это... ну, мешок, стул, дерево?

— Свое добро я оставил на сохранение. У знакомого.

— А пропуск... пропуск тебе не нужен, правда?

— Это да. Меня пропустят через все пять укреплений и позволят предстать перед приемным судом. А вот дальше могут и не пустить.

— Ты уже зрелый мужчина, да еще и с первого взгляда видать, что терпеливый. Твердый, как камень, и спокойный, как гора... Братство небось только таких, как ты, и принимает.

— Самое главное: услышать зов и убедить тех мастеров, которых выбрали в приемный суд, что ты действительно его услышал.

— Я этого добьюсь. Во что бы то ни стало.

Молчун положил руки на плечи Жара.

— Я желаю этого тебе от всего сердца. И даже если судьба нас разлучит, свой долг перед тобой я никогда не забуду.

Если бы не тот осел, который давеча перевозил горшки, Молчун вряд ли нашел бы сад Ясны. Тем более, что поднялся ветер с юга, взбаламутивший Нил так, что река пошла огромными волнами. В воздухе витали тучи пыли, а летевший отовсюду песок сыпался на животных, людей и дома.

Молчун миновал старика, укрывшегося от стихии в хлеву вместе с двумя дойными коровами, потом нашел ту самую тропинку и разом испытал и покой, и муку. Успокаивало то, что он слышал зов и в нем открылись такие силы, о которых он и не подозревал: он теперь, совсем как Жар, рвался поскорее добраться до Места Истины и познать все тайны и таинства братства. Мучило же то, что если он убедит приемный суд в своей избранности, то потеряет любимую женщину.

Бешеные порывы ветра рьяно подметали сад, но он был пуст. Молчун с волнением поглядел на цветы, которые еще недавно высаживала Ясна, а он ей помогал. Как бы ему хотелось наблюдать вместе с ней за тем, как они будут расти, как они зацветут, а потом и увянут. Но зов Маат и Места Истины звучал столь властно, что послушаться было невозможно. Ему предстояло вновь обрести утраченную родину и постичь ее таинства.

Стереть пустые годы, забыть сомнения... Молчун словно бы прошел через черную ночь, такую беспросветную и долгую, что не верилось в то, что этот мрак когда-то кончится. Но как иначе он оказался бы на пороге нового приключения? И это выпавшее на его долю испытание обещает нечто невообразимое, сказочное...

— Не меня ли вы ищите?

Ясна. На плечи накинута шерстяная шаль. Вид озабоченный.

— Я в шалаше от бури пряталась, — объяснила она. — Но вас ждала. То есть надеялась, что вы сегодня придете.

— Я обещал вам, что если приму решение, то сразу же сообщу об этом вам, а уж потом кому-то еще. Хочу сдержать слово.

— Помощником отца вы не будете — я угадала?

— Так оно и есть, но причина тому совсем особенная, и мне хотелось бы объясниться...

Голубые глаза молодой женщины остались печальными.

— В этом нет нужды. Не трудитесь.

— Выслушайте меня, я вас очень прошу!

Он подошел к ней совсем близко, но она не отстранилась.

— Знаете что?.. Можно, я вас на руки возьму?

Ясна не ответила, но и не пошевелилась. Молчун бережно прикоснулся к ней, так, словно бы она была такой хрупкой, что любое небрежное движение могло ее сломать. Молчун слышал, как колотится его сердце. И как сильно бьется сердце у нее.

— Я люблю вас всем своим существом, Ясна. Вы — первая женщина в моей жизни, и другой у меня никогда не будет. И я вас так люблю, что мне никак нельзя причинять вам страдания.

Она замерла у него на руках, сосредоточенно переживая счастливое мгновение.

— Чем же ты меня огорчишь, Молчун? Или испугаешь?

— Я услышал зов Места Истины, и я должен ему повиноваться. Если меня не примут, я стану никчемным человечешкой, а моя жизнь будет разбита. Если же меня примут, то я останусь в деревне мастеров и буду жить вдали от мира.

— Ты твердо решил?

— Я услышал зов, Ясна, и он так же силен, как и моя любовь к тебе. Если бы я мог забыть одно или другое, я бы это сделал. Но я не хочу ни обманывать, ни обманываться.

— Женишься там? На одной из деревенских?

— Никогда. Займу один из домов для безбрачных и буду думать о тебе каждый день.

— Затворником станешь?

— Я мог бы иногда выходить из Места Истины и видаться с тобой... Но на что нам еще и эта мука?

— Обними меня.

Два тела слились воедино, страстно и нежно.

Обнявшихся приняло под свою сень рожковое дерево, ветви которого были такими густыми, а листва до того плотной, что порывы резкого южного ветра в это укрытие не проникали.

Оберегал их и Черныш. И пока они любили друг друга в лучах выглянувшего наконец солнца, пусть уже закатного, пес держал сторожевую стойку и оставался начеку.

Решить три простенькие задачки — и Жар будет хозяином раскладного стульчика, мебельного дерева и кожаного мешка. Сиденье можно купить, только вот платить-то ему нечем. Дерево дал бы отец, но Жар не станет кланяться человеку, к которому он не питает ни любви, ни уважения. Никогда. Мешок проще всего украсть, но ведь и изловить могут. Это бы ладно, но узилище вместо Места Истины? И тогда уж точно прощай надежда. Хуже того, вдруг спросят его мастера на этом их приемном суде: где ты взял все это добро? Как его нажил? И что? Врать-то, наверное, нельзя. Точно нельзя: поймают на вранье — ворота захлопнутся. Перед самым носом. Навеки.

Остается одно: Жар должен работать, чтобы заработать на эти причиндалы. Дались они им... Семь месяцев пахать... Как же долго! Дрыхнуть меньше надо — глядишь, и управишься поскорее, И сможешь раньше предстать перед братией.

Наткнувшись на пожилого человека, прикорнувшего на табуретке, Жар бесцеремонно прервал его отдых.

— Дедуль!.. Прости, что разбудил... Дорогу к дубильщикам знаешь? Где они живут?

— А чего ты там забыл, сынок?

— Работу ищу.

— Ремесло-то уж очень вонючее... Поискал бы чего получше!

— Ну, это мое дело.

— Кому что нравится, милый... Шагай на север, а как выйдешь из города и минуешь пальмовую рощу — она будет у тебя по левую руку, — так двигай прямо, а там унюхаешь. Нос тебя не обманет.

Старик так здорово растолковал дорогу, что Жар без труда нашел дубильщиков. Огромные чаны с мочой, навозом и дубильным раствором для смягчения кож издавали жуткое зловоние, немилосердно терзавшее Ноздри молодого человека. Тут же, на складах, громоздились груди шкур — овечьих, козьих, бычьих, кожи газелей и других животных, обитавших в пустыне. Прилавки были завалены поясами, ремнями, сандалиями и другими носильными вещами.

Взгляд Жара упал на великолепный кожаный мешок.

— Ищешь чего? — окликнул его плохо выбритый человек лет пятидесяти.

— Работу.

— А что умеешь?

— В земле копался. Пахал, пас скот, все такое.

— А чего ж урожай собирать не остался?

— Так захотелось.

— Учтивости в тебе мало, вот что.

— А вы — хозяин?

— Может, и так... Но не по нраву мне, как ты на мой мешок из кожи пялишься. Я вот, по правде, думаю, что работать тебя и палкой не загонишь, ты просто прикидываешь, чего бы утянуть, и потому высматриваешь товар получше.

Жар улыбнулся:

— Неправда ваша... Мне страсть как хочется у вас поработать.

Дубильщик щелкнул пальцами.

Из мастерской, где разминали кожи и обрабатывали их солью и дешевым растительным маслом, вышли двое. Низколобые. Зато широкогрудые.

— Эй, мальцы, проучите-ка этого сопливого... Не вздумайте его жалеть! А сам он... кому он пожалуется? Да его и слушать никто не станет: обчистить нас вздумал.

Мордатые «воспитатели» довольно оскалились: и позабавятся, и хозяину угодят. И глядишь, кое-что сверху перепадет от его щедрот. Но Жар уже летел на того, кто поближе. И хрясь ногой по тяжелому подбородку: пусть парнишка заглянет хоть на миг в мир иной. Пускай полюбуется: там небось получше, чем здесь. Его ошарашенный приятель попробовал было изобразить что-то вроде атаки. Но здоровенные кулачищи лишь попусту месили воздух. И как-то вяло они его гоняли. А вот Жар, он с первого раза достал правой дубовый затылок здоровяка, и тот поспешил опуститься на землю подле первого.

Побелевший хозяин полез под прилавок.

— Бери что хочешь и уходи туда, откуда пришел!

— Я хочу честно заработать на мешок из кожи. Получу его и уйду.

— Тот, на который ты глаз положил, вещь роскошная... Я тебе что-нибудь по более сходной цене подберу.

— А мне и нужна роскошная вещь. Только уговоримся, хозяин: для меня никаких перерывов на отлит и никаких ограничений на рабочий день. Нельзя мне без толку время тратить: получу свой мешок — и ходу. Где меня поселишь?

— Пошли...

Дубильщик только дивился: до чего ж жилистый парень! И работающий. Встает с зарей, ни на что не жалуется... Не будь его, сколько народу нанимать пришлось бы... Не работяг, так подмастерий. И учится как быстро — уже никто лучше его не растянет кожу на деревянных трехногих козлах.

Пораженный тем, как легко парню дается ремесло, хозяин лично показал ему, как втирать в кожу сало и растительное масло, чтобы получить выделанную кожу высшего качества. Прием этот вообще-то был большой тайной и спасал заготовку от иссыхания и, стало быть, порчи.

Как-то вечером, когда все работники разошлись по домам, хозяин подошел к Жару.

— Ты как-то товарищей своих сторонишься.

— Каждому свое. Охоты копать здесь всю жизнь у меня нету. Так что и друзьями обзаводиться незачем.

— По-моему, зря ты так... Это ремесло не такое уж и скверное, как ты думаешь. Вот смотри...

— Это же стручок акации.

— Из таких стручков получается дубильный состав. Такой же добывают и из коры акации. Самый лучший, потому что если кожу обработать таким составом, то она потом годится для самых лучших, самых дорогих вещей. Кожаный мешок превосходный можно сшить, а то и кое-что получше...

— Мне только мешок нужен.

— Однажды мне заказали чехол, в котором, как говорили, хранитель храмовых тайн Карнака станет держать свои папирусы. Сущее чудо, пускай скромное, но я его смастерил вот этими руками... Хочешь, так я тебе такую же штуку сделаю. Вдобавок к той, которой я расплачусь с тобой за твои труды.

— Вместе с мешком?

— Ясное дело.

— А с чего это вы так подобрали?

— Не зря тебе дался этот мешок. Конечно, кто на него глянет, зажмурится, чтобы не ослепнуть. А вместе с чехлом ты будешь просто неотразим. И потом, я на тебя надивиться не могу. Сколько живу, такие, как ты, мне еще не попадались. Стал бы моей правой рукой — и, считай, будущее обеспечено. У меня в доме только дочки, а нужен наследник.

— Мне только мешок нужен. Ну и от чехла не откажусь. Но оседать я здесь не собираюсь.

— Еще передумаешь.

— И думать нечего.

— Поживем, малыш, поглядим...

Чтобы выспаться и восстановить силы, Жару хватало трех, от силы четырех часов сна. В дубильню он являлся первым, а уходил из нее последним, ночевал в хижине, которую сам же и соорудил из камыша. Стояло жаркое время года, а льняное покрывало, которое ссудил ему хозяин, было очень грубым и толстым, так что обстановка для отдыха была не очень подходящей.

Уже давно стемнело, а Жар только-только добрался до своего логова. И вдруг почувствовал, что в шалаше он не один.

— Эй, кто здесь?

Под покрывалом что-то зашевелилось.

Сдернув покрывало, Жар обнаружил под ним голую девицу, неловко пытающуюся прикрыть ладонями груди и низ живота. Ни красоткой, ни дурнушкой назвать ее было нельзя, так, серединка на половинку, ни то ни се, лет этак двадцати от роду.

— Ты кто?

— Своячка твоего хозяина... Я тебя в мастерской заметила. И до того ты мнеглянулся, что терпения не хватило... Ну мочи не было удобной минуты дожидаться. Знакомиться, там. И все такое.

— Ты очень правильно придумала, красавица моя.

Перевернувшись на спину, она потянулась обеими руками к молодому человеку, освобождавшемуся от набедренной повязки.

— Мне как раз стало чего-то не хватать, — объявил он гостье. — Так что ты вовремя.

Она приняла его богатырское тело с нетерпеливой жадностью распаленной кошки.

Хорошее ремесло, виды на будущее, благосклонность хозяина, а еще вот эта, которая сама откуда-то взялась, и как бы хозяйка, и не совсем недотрога, и вроде бы на все согласная... Чего еще надо этому Жару?

Когда Молчун объявил отцу Ясны, что уходит, тот так рассвирепел, что посулил потащить несостоявшегося помощника в суд: дом-то, который они подрядились строить, еще не готов.

Поразмыслив о своих обязательствах и взвесив, что хорошо, а что — не очень, Молчун согласился, что не дело бежать из Фив, не развязавшись со всеми договорами и уговорами.

Хозяин сразу же успокоился и предложил Молчуну присесть.

— Прости меня, я погорячился.

— У вас на то были причины: даже если я буду строить в одиночку, и то мы успеем сдать работу к сроку.

— Почему ты не хочешь стать моим помощником и жениться на моей дочке?

— А она вам не говорила?

— Нет, но я же вижу, что она затосковала. А какая еще может быть тому причина, если не ты?

— Ваша правда, я люблю вашу дочь.

— Ну ты даешь! Совсем ничего не понимаю! Она нос воротит, что ли? Так я ее обломаю.

— А если она вас не слушает?

— Пусть только попробует!

— Не мучайтесь, я все решил и не передумаю.

— Ну почему, почему такое упрямство?

— Потому что я собираюсь вступить в братство Места Истины.

— Так ведь... это же невозможно! С чего ты взял, что тебя примут?

— Я вырос в этой деревне мастеровых.

— Вот оно что... Потому-то ты и работаешь не так, как другие! И переубедить тебя, я вижу, не сможет никакой веский довод.

— Вообще ничто не сможет.

— Знаешь, мне тоже тоскливо стало... Но у нас еще есть время для радости. Почему бы нам не прожить эти оставшиеся дни счастливо? Вот и будем жить счастливо, все мы, втроем. Закончишь этот дом, Молчун, и уйдешь.

Дней за пятнадцать Жар наработал столько, что другому и за три месяца не управиться. Никто из рабочих не умел дубить кожи лучше, чем он, и потому ему на выделку доставались те, на которые был самый большой спрос, а еще хозяин доверял ему самые дорогие заготовки. Хозяин знал, что совестливый юноша семь раз отмерит и лишь затем возьмется за нож, так что на подготовку уходило даже больше времени, чем требовалось. Всегда выбрасывая едва завонявшее масло, юноша уже этой своей тягой к совершенству обеспечивал все более высокое качество, и даже из заурядных кож у него получались такие сандалии, которые мог себе позволить разве что крупный землевладелец.

Изогнутым ножом он вырезал из выделанной и совсем мягкой козьей кожи тонкие ремешки. Потом они будут натянуты крест-накрест и закреплены металлическими поясками. И молоденький военачальник сможет горделиво щеголять своим новеньким щитом.

— Так это ты тот самый новенький?

Голос резкий, спесивый, властный. Но Жар и бровью не повел. Знай себе кроит кожу дальше.

— С тобой младший предводитель говорит, а военачальники не терпят, когда к ним поворачиваются спиной.

— Я заказчиками не занимаюсь... Обратитесь к хозяину.

— Но мне-то ты нужен. Верно, это ты и есть — и силен, как дикий годовалый бычок, и кто иной смог бы одним махом уложить пару грубиянов? А те двое драться умели.

— Обошлось без меня... Они просто стукнулись друг о друга.

Мехи схватил Жара за плечо и силой повернул его к себе.

— Смеяться вздумал надо мной, малый! Смотри у меня.

— А ну отпустите!

В черных глазах юного богатыря воин увидел такое, что не только разжал хватку, но и отступил на шаг назад.

Жар увидел перед собой небольшого, довольно невзрачного человека, круглолицего, с иссиня-черными волосами, словно приклеенными к черепу. Губы толстые, руки-ноги пухлые, тело крупное и крепкое. Воин вроде был уверен в себе, но глазки-то бегали. Хотя глядели очень высокомерно.

— Ты дерзнул обвинить меня в нападении?

— Я всего лишь прошу не унижать меня.

— Ладно тебе, парнишка. А где мой щит?

— Как раз им я и занимаюсь.

— Покажи.

Жар послушался.

— Надо бы гвоздиков еще понабивать. И пластинок металлических наклепать. Щит мне нужен не абы какой, а прочный. Чтобы удар самого лучшего воина был ему нипочем. И чтобы все завидовали.

— Постараюсь.

— А поменять ремесло не хочешь? Косая сажень в плечах — таких в войско сразу берут. Без разговоров.

— Не тянет как-то.

— Зря ты так: военная служба — это знаешь какие права! А льготы какие!

— Это вам там хорошо. А мне так вряд ли.

— Ты такой молодой, дружок, а до чего ж верткий. И такой необузданный! Послужил бы немного под моим началом, я бы тебя поговорчивее сделал. Поумнеешь чуток, ищи главную казарму в Фивах. Скажешь там, что за тебя предводитель Мехи ручается. А пока поторопись с моим щитом. Завтра с утра к тебе придет один боец от меня. Отдашь готовую вещичку ему.

Как только воин ушел, появился хозяин:

— Хорошо потолковали, а, Жар?

— Мы что, друзья с ним, что ли?

— Ой, парень, этот Мехи, говорят, немалая шишка. А хочет раздуться еще больше... Лезет вверх со страшной силой, шагает по головам, пыжится... Слушок пошел, что скоро совсем в большие начальники выбьется. Новая должность, высокий чин... А что с его щитом? Готов?

— Если вас это так беспокоит, ночью доделаю.

— Пойми меня... Лучше с этим Мехи не ссориться.

— Завтра к вечеру за мной ничего не останется. Я закончу все дела, за которые вы мне обещали кожаный мешок.

— Знаю, знаю... Поговорим.

Проснувшись, Жар увидел, что свояченица хозяина во сне перевернулась на живот. Он залюбовался было ее впечатляющим тылом, припоминая довольно разнообразные радости, которых не жалела для него эта обширная, такая щедрая область молодого женского тела, но в глаза уже били яркие лучи восходящего солнца. Пронзив камышовую перегородку, они ярко высветили два предмета на полу.

Жар потрогал обе вещи. Приподнял. Опустил на землю. Качество! Лучше не бывает.

— Доволен? — прозвучал ехидненький голосок уже открывшей глаза, но еще не совсем проснувшейся подружки.

— Настоящие чудеса. Пусть малые.

— Как мои грудки?

— Если тебе так хочется, то, пожалуй.

— А эти шгуки тебе хозяин подарил?

— Ошибаешься, радость моя. Я их заработал.

— А жениться когда?

— А хочешь?

— Еще бы. Дубильня-то тебе в наследство достанется.

Жар растопырил пятерню и от души вlepил по ягодицам возлюбленной.

— День начался... Не поняла еще?

— Ну давай, спеши к хозяину. И потом бегом ко мне. Только скорей, — залепетала она томным, срывающимся, задыхающимся голосом.

Молчун покинул стройку на заре: дом для фиванского пирожника был готов. И заживет в нем этот торговец лакомствами со своей второй женой и двумя детьми. Договор, стало быть, выполнен, и он вправе покинуть восточный берег. Сядет на паром, а потом по знакомой дороге зашагает к Месту Истины.

Сто раз, нет, больше хотелось ему кинуться со всех ног в тот сад. Чтобы увидеть Ясну в последний раз. Чтобы попрощаться. Но беречь рану? Боль разлуки станет еще мучительнее.

Молчун пробовал с головой уйти в работу, чтобы только не думать о Ясне. Но ее светлый лик не покидал его, даже глаза закрывать нужды не было. Удерживаться от разговоров с нею тоже испытание почти невыносимое, так что самое время покинуть город. Потянет еще немного, несколько считанных часов, — и у него просто не останется духу уйти.

Свежий ветерок, такой нежный и душистый, — утро только-только занялось. Паром, под завязку набитый торговцами, резво пересекал Нил, благо ветру помогало течение. Заспанные пассажиры нехотя продирали глаза и готовились добрать недополученный отдых уже на суше.

Молчун первым соскочил на берег и начал подниматься по крутому, но короткому склону. И вдруг остолбенел.

Ясна! Под пальмой сидела Ясна.

Он направился к девушке и протянул ей руку, помогая подняться.

— Я иду с тобой, — объявила она.

Дубильщик выронил надкусанную корку хлеба и побежал за Жаром.

— Ты куда?

— Я все отработал, ты мне заплатил, и я могу уйти.

— Экая дурость! Что, свояченица моя тебе не угодила?

— Филейные части у нее — обалдеть! Не спорю. А умишко — как у воробья.

— И моим наследником не будешь?

— Ты ж не такой старый, чтобы совсем оглохнуть. Я получил то, чего хотел, и, как договаривались — ты же слышал! — ухожу. Своей дорогой.

— Одумайся, Жар!

— Прощай, хозяин.

Уже позабыв про дубильню, молодой человек теперь ломал голову над тем, как раздобыть древесину для кресла. Можно выменять ее, посулив отдать прекрасный чехол. Мешок бы остался... но как-то не хочется разбивать такую прекрасную пару. И потом... вдруг этот чехол станет лишней гирькой на его чаше весов? Когда он доберется наконец до Места Истины...

Хорошо бы наняться к какому-нибудь столяру. И вкалывать, как у дубильщика, без продыху. Чтобы время не пропадало.

Солнце еще только подбиралось к зениту, а юноша уже стоял перед хозяином мастерской, в которой трудилось добрых два десятка подмастерий и столько же опытных и битых жизнью мастеров; мебель они делали незатейливую, но крепкую. Хозяин, на вид лет шестидесяти, твердо стоял на крепких ногах и рукой на себя еще не махнул, судя по щеточке усиков над верхней губой. Гостя он встретил без восторга.

— Зовут как?

— Жаром.

— Что умеешь?

— Был земледельцем. И дубильщиком.

— Прогоняли?

— Сам уходил.

— Чего так?

— Это мое дело.

— Это и мое дело, мой дорогой. Не будешь отвечать, шагай себе дальше.

Жар так бы и врезал этому горлохвату: с чего это он затеял допрос? Да еще так свысока цедит слова.

— Отец только и знает, что в земле ковыряться, и даже по сторонам глядеть ленится. А тот дубильщик, на которого я работал, лишь выгоды ищет, а никакого размаха. Я бы мог стать наследником хоть у одного, хоть у другого. Но решил поискать себе наставника получше.

Щегольские усики удивленно поползли к хозяйскому носу.

— Это ж сколько тебе годков?

— Шестнадцать. И гляньте, какие у меня плечи широченные. Берете меня или мне искать счастья в другом месте?

— Чего же именно ты хочешь?

— Отработать, и как можно скорее, столько урочных дней, чтобы хватило на оплату столярного дерева, из которого можно будет смастерить кресло.

— А знаешь, сколько стоит эта древесина?

— Лодырю — месяцев пять неспешной работы. Чтоб не перетрудиться. А мне так и месяца многовато.

— Что, спать совсем не будешь?

— А чего попусту валяться? Чтобы выспаться, много времени не надо. Я у дубильщика это понял.

— А потом?

— Получу то, что хочу, — и ноги в руки.

— А освоить ремесло как следует не хочешь?

— Больше мне сказать нечего. Решать вам.

— Ходят тут всякие разные, смеются над нами, простаками... Слушай, распоряжаюсь здесь я, и твердолобые мне ой как не по душе. Пообещаешь слушаться, так можно и попробовать.

— Можно приступать?

— Раз тебе нужно дерево, ты сам его и срубишь. Мой дровосек научит тебя орудовать топором.

Ясна и Молчун медленно продвигались к Месту Истины, шагая мимо полей с колосющимися хлебами. Иногда попадались пальмовые рощи или рощицы из нескольких смоковниц.

— Это же не просто село, — втолковывал ей Молчун. — Тебя туда не пустят.

— А если под одним кровом поселимся? Как муж с женой.

Он остановился, но только чтобы взять ее на руки.

— Если ты захочешь... Ты в самом деле этого хочешь?

— А ты что, сомневался?

Никогда еще небо не бывало таким ярким, таким чистым, таким сияющим. Но Молчун знал, что счастье недолговечно.

— Другие женщины, те, что в деревне, станут отравлять тебе жизнь. Чтобы ты сама покинула село. Я-то буду стараться, чтобы тебя приняли. Скажу, что ты не только моя жена, но и делу, которое творится в Месте Истины, ты не чужая. Только вот...

— В этом не будет нужды.

Несговорчивая Ясна упрямо не хотела соглашаться с тем, что ее желанию не суждено сбыться.

— Говорю тебе, все эти хлопоты не понадобятся, — повторила Ясна, голосом кротким, но тоном решительным. — Ибо я тоже услышала зов.

— Что ты говоришь? Как это было?

— Созерцание... Закатная вершина, понимаешь? Где обитает богиня тишины. Разве не она оберегает запретные долины, в коих обретаются бессмертные души фараонов и их царственных супругов? И не она ли таинственная покровительница мастеров Места Истины? Глас ее прилетел ко мне с ветром с вершины и проник мне в сердце. И ныне ведомо мне, что жизнь свою надлежит провести мне в постижении, познании и служении. И что нет иного места на всем этом свете, где могла бы я вершить те дела, что поручены мне богиней.

— Сделаю для тебя... для нас все, что только сумею, Ясна. И без тебя я в ворота деревни

не войду.

Рука в руке, не сводя глаз с Закатной вершины, они продолжали свой путь к Месту Истины. Любовь, соединившая их, отныне повелевала им никогда не разлучаться. Они будут жить одной жизнью, разделяя все, что она им предложит: и самое телесное, и самое возвышенное и духовное. Какие бы испытания ни выпали на их долю, какие бы преграды ни встали на их пути, не будут они ни роптать, ни стенать, ни сожалеть; и даже если на горизонте замаячит призрак поражения, они не отступят.

В селение вели две дороги. Первая — мимо Рамсессеума, храма, воздвигнутого в честь Рамсеса Великого. Но теперь она непроходима: преграждавшие ее воины заставляли всех поворачивать назад, пропуская лишь мастеров, вышедших из Места Истины. По второй позволяли перемещаться всем остальным.

Ясна и Молчун оставили справа храм Аменхотепа, сына Хапу, великого мудреца, верно служившего фараону Аменхотепу III, огромное святилище которого высилось неподалеку. По левую руку остался холм Джеме — место погребения богов изначальных времен. Здесь возделанные поля и уголья заканчивались. Начиналась пустыня.

Ясна понимала, что надо быть готовой к любому приключению, ибо она оказалась в мире ином, близком и в то же время бесконечно далеком от того, к которому она привыкла. Но и в этом новом для нее мире люди любят друг друга, страдают и сражаются за хлеб насущный. Хотя трудятся они не только ради осязаемого и вещественного — они меняют облик вечности.

Вняв зову, Ясна и Молчуна стала воспринимать иначе, не так, как прежде. Она чувствовала, что все его существо томится по творчеству, и это ее завораживало. В то же время она видела, как недостает ему средств и способов для удовлетворения этой потребности творить. И потому он не может — пока — осуществить все то, на что он способен и что ему так желанно.

Стражи первого из пяти укреплений встретили их ничуть не радушнее обычного:

— Ваши пропуска.

— У нас их нет.

— Так возвращайтесь туда, откуда пришли.

— Я — Молчун, сын Неби, он — старший мастер артели в Месте Истины. Распорядитесь сообщить моему отцу о том, что странствия мои завершены и что я намерен войти в селение вместе со своей женой.

— Ах так?.. Надо начальству доложить. Оставайтесь пока здесь.

Стражник передал запрос своему товарищу, отправившемуся во второе укрепление, и то же происходило дальше, вплоть до последнего, пятого, укрепления, пока рапорт не лег на стол начальника стражи Собека. И тот велел пропустить пару через все «пять стен», решив лично побеседовать с непрошеными гостями.

Увидев руководителя охраны, вовсе не лучившегося дружелюбием, Ясна и Молчун поняли, что их путешествие далеко не завершено.

— Ваш рассказ не представляется мне заслуживающим доверия, — холодно сказал Собек. — И если вы вздумали меня обмануть, вам это дорого обойдется.

Начальник охраны Собек даже не предложил гостям присесть. Он не выпался, проглоченные наспех бобы с подливкой переваривались скверно, да еще проклятая жара, от которой нет спасения.

— Вы же знакомы со старшим мастером артели Неби? — спокойно спросил Молчун.

— Запутать меня хочешь? Ты ведь его совсем не знаешь. У Неби сыновей нет.

— С точки зрения непосвященного, ваши слова, бесспорно, точны.

— Что ты такое несешь?..

— Мои родители умерли, и Неби принял меня в свою семью. Поэтому мастера Места Истины видят во мне сына своего начальника. А вы, наверное, с недавних пор здесь служите, иначе бы вам наверняка довелось не раз услышать мое имя.

Собек что было силы грохнул кулачищем по утлому столику.

— Наплетут с три короба — истории, тайны... Почему я должен тебе верить? У меня нет права входить в селение!

— Позвольте мне переговорить со стражем у главных ворот. А он сообщит отцу.

— Ну-ну... А этой чего надо? Кто она?

— Это Ясна, моя жена.

— Дочка она чья, спрашиваю.

— Одного фиванца. Он живет на восточном берегу.

— Чего? Так она не в деревне живет?

— Пока нет. Будет. Вместе со мной.

Собек обвиняюще выставил указательный палец в сторону Молчуна.

— Чем докажешь, что вы женаты?

— Вам хорошо известно, что никаких документов для подтверждения брака не требуется.

— Но я же должен знать, что у вас общий кров и совместное хозяйство. А где он у тебя, этот твой кров?

— Если вы разрешите нам войти в поселок помощников и изволите пойти с нами, то вы его увидите.

— Пошли.

С внешней стороны стен, ограждавших селение, стояли скромные домики — в них жили помощники, но не все, а лишь те, которые могли в любую минуту понадобиться тем или иным мастерам. Поэтому им и было позволено селиться неподалеку от деревни и за ее оградой строить себе неброское жилье. Без кузнеца мало кто может обойтись, и потому в поселке жил сириец Овед, коренастый и коротконогий бородач со здоровенными ручищами. Сорокалетний кузнец клепал кое-какую утварь и мог починить или выковать любое орудие для чего угодно, лишь бы оно было металлическим.

Завидев приближающегося Молчуна, Овед выскочил из кузни и кинулся к молодому человеку, чтобы обнять его. Будь Молчун чуть худосочнее, это объятие его если бы и не переломило то наверняка свалило бы с ног.

— Наконец-то! Явился не запылится! Я всегда говорил, что никуда ты не денешься! А они: пропал, пропал... Писец Рамосе хнычет всю дорогу, а отец, тот и вовсе всякую надежду потерял.

Собек, похоже, почувствовал себя чужим на этом празднике жизни и прорычал, не скрывая раздражения:

— Посмеяться надо мной вздумал? Это же не твой дом, тут Овед живет.

Тут уже кузнец взвился:

— Тебе-то какое дело, начальник?

— Этот человек утверждает, что он женат на этой женщине, но у них даже общей крыши над головами нету.

Овед наконец обернулся к Ясне.

— Боги вездесущие! Эх, все божества неба и земли! Вот это красавица! Если б мне не такой надо было жениться, в миг бы женился! Тебе не все докладывают, начальник, ой, далеко не все. И потому до тебя еще не дошла весть, что я подготовил покои для этой молодой четы. И молодожены войдут в свою обитель у всех на виду, и никто не сможет сказать, что они от кого-то прячутся. И останутся там друг с другом, и, это, ну, вступят в этот ихний союз.

Совсем уж разозлившийся Собек сдаваться не хотел.

— А если девушка не согласна, а если эти двое вообще брат и сестра, то...

— Ну-ка бери меня на руки, — велела Ясна Молчуну, который уже ступил одной ногой на порог дома и был готов войти в него. Без нее?

— Я восхищаюсь вами, начальник Собек! Вы так замечательно исполняете свой долг! — торжественно произнес приемный сын Неби. — Мы любим друг друга, Ясна и я, мы — муж и жена, и мы намерены воздать подобающие почести богине любви Хатхор и будем молить ее о даровании нам счастья.

— Ты намерен лично присутствовать при этом событии? Чтобы если уж писать донесение, так по горячим следам, так? — поинтересовался у стражника кузнец.

Развеселился... Смешок у этого Оведа какой-то каркающий, злобно думал Собек, торопливо шагая к своей конторе. Ничего. Придет и его час. И этому Молчуну он еще все припомнит. И если тот хоть разок оступится, если позволит себе хоть малейшую оплошность — ему несдобровать.

До чего же сладостной была эта ночь любви в тесной клетушке, в которой, кроме колченогого лежака, ничего больше и не было! Тела трудились сообща и друг для друга, каждое спешило ответить на малейшее желание другого, и в слитности согласных движений являла себя ворожба желания и открывало себя волшебство нежности.

— Счастлив он, этот час, — сказал Молчун, когда солнце стояло уже высоко в небе. — И какая богиня могла бы продлить его навеки?

— Я спала рядом с тобой, любовь моя, твоя ладонь лежит на моей ладони, и я стала твоей супругой. Не покидай более меня, дабы ничто не смогло разлучить нас. Ничто и никто, никогда.

Молчун потянулся было к ней, но тут послышался какой-то шум.

— Если молодожены уже отдохнули, — грохотал кузнец, — может быть, они пожелают кое-чем подкрепиться?

Молоко, еще горячие лепешки, свежий сыр, смоквы... Воистину царское пиршество!

— Твоя жена, Молчун, прекрасна, как богиня. Думаю, у нее и других достоинств не счесть. Высочайших... Но ты... ты хоть сказал ей, в какой рай ее тащишь? Сельцо-то невелико, мирок тесный, закупоренный, на новеньких все пялятся, да так неласково, что, того и гляди, сглазят. А уж если новое грозит затмить все прежнее...

— Моему мужу скрывать нечего, — сказала свое слово Ясна.

— Ну да... И бояться, значит, вам нечего?

— Я тоже слышала зов. Как и он.

— Ладно... Какой прок от моих слов? По мне, так я бы выкинул из головы это Место Истины. Устроился бы на берегу, а уж заработать на жизнь там всегда можно. И думать тут нечего. Такие молодые — и запереться в деревне, не видеть ничего, кроме какого-то там таинственного творчества... Но ничего не поделаешь, у каждого своя судьба.

Омыв друг друга водой, которую ежедневно доставляли в селение водоносы и затем разносили помощники, молодые оделись.

— Моя набедренная повязка какая-то не... ну, не та, — признался Молчун. — А ты в этом новом платье смотришься даже лучше прежнего.

— Надеюсь, что приемный суд нелицеприятен, И уж на внешность смотрит в последний черед.

— Если честно, я понятия не имею, какие там у них мерки. И даже толком не знаю, когда они соберутся.

— Волнуешься?

— Боюсь провала, боюсь, что тебя не примут, да и отца обидеть могут...

— У меня тоже на душе беспокойно. Но я знаю, что выбора у нас нет. Значит, стесняться нечего, скрывать ничего нельзя. И они увидят нас такими, каковы мы на самом деле.

— Меня еще вот что тревожит: я-то предъявлю все те вещи, которых требуют от искателя. А что, если они и от тебя потребуют того же?

— Скоро увидим.

И тут Молчуна окликнул Овед.

— Вот то, что ты оставил у меня перед своим уходом, — сказал он и выставил кожаный мешок, полено — этой древесины очень высокого качества должно было хватить на изготовление дорогого кресла — и раскладное деревянное сиденье. — Но я вот что хочу спросить... Почему ты тогда не в приемный суд пошел, а сбежал невесть куда? Ведь все, что нужно для приема в братство, у тебя уже было наготове. И ты... ты же еще и приемный сын старшего мастера.

— Потому что тогда я еще не слышал зова.

— И поэтому ты так долго шатался по чужим краям?

— Так оно и есть. И я его услышал — так близко, и он был такой громкий, что я боялся оглохнуть.

Кузнец вздохнул:

— Знаю, что правду говоришь. Но мне это никогда не понять... Ох, ладно. Все равно, удачи вам.

Утро выдалось на славу, а усиливающаяся жара становилась все невыносимее. Чета прибыла к главному посту стражи, и молодые убедились, что и у Собека скверное настроение бывает не всегда — вероятно, завтрак оказался вкусным и переваривался легко.

— Причин заключать вас в темницу или просто задерживать у меня нет, — сказал он с сожалением в голосе. — Так что идите-ка вы к северным вратам.

Слева от запертых ворот стоял на часах один из двух стражников. Вахта началась в четыре утра, а кончится лишь в четыре пополудни. В руках у него большой жезл, рядом — навес, даже можно сказать — шалаш, чтобы спастись от солнца. Разрешения переступить

порог у него не было. А жил он, как и его напарник, на возделанных землях, вдали от Места Истины.

Голова квадратная, плечи широкие, жизнь гнула, да не сломала, хотя каких только передряг не случилось и с кем только и как только не доводилось биться... А жалованье курам на смех. Правда, вознаграждение доплачивают, когда торгашам нужен свидетель сделки: должен же кто-то подтвердить, что они и вправду ударили по рукам.

— Мое имя — Молчун, я — сын Неби. Моя супруга Ясна также слышала зов, как и я, и мы просим тебя открыть нам врата селения.

— У меня нет дозволения пропустить вас туда.

Кожа у дровосека была дубленая, как кожа для поделок, выделанная дубильщиками, а сам он без устали жевал листья бирючины. Дровосек и Жар брели за десятком коз, которых куда-то вела совсем старая коза, такая старая, что верилось: она-то уж должна знать, куда вести товарок.

— Мы лес рубим или скотину пасем?

— Что ты такой нетерпеливый, мальчик? Ремесла, вижу, совсем не знаешь: мои козы помогают мне не тратить попусту ни силы, ни время.

Старая коза заметила акацию, за которой уже начиналась пустыня, и ожесточенно накинулась на листву на тех ветвях, что росли пониже. Не в силах спокойно наблюдать за обжорством своей вожатой, прочие козы, распихивая друг друга, поспешили присоединиться к пиршеству.

— Видишь пальму вон там? Пошли, чуток посидим, а козы пускай пока поработают. У меня с собой хлеб, лук и бурдюк свежей воды.

— Я не лодыря гонять пошел, мне дерева нарубить надо. Много дерева.

— На что оно тебе?

— Мне нужно столько дерева, чтобы хватило на кресло.

— У тебя мебельная мастерская?

— Мне нужно дерево.

— У тебя всякие тайны да секреты, но выбивать их из тебя никто не собирается, ты не думай. Я вот дважды разводился, и все потому, что слишком доверял своим женам. И что вышло? Те с хлеба на воду едва перебиваются и на соломе ночуют, а я на старости лет с топором таскаюсь. Какому-то столяру угождаю.

— Так когда начнем?

— А ты гляди на коз во все глаза. По скотине сам поймешь.

Козы, встав на задние ноги, увлеченно очищали дерево от листвы. Когда они уже обглодали все, до чего смогли дотянуться, дровосек поспешил помочь животным. Зацепив веревкой за верхнюю ветку, он притянул ее к земле, так что стадо продолжило грешить чревоугодием.

— Как стараются, а? Оцени, мой мальчик. Акация голенькая, все с нее содрано — подчистую. На радость нам.

Жару была вручена секира с деревянным топорищем и кривым бронзовым лезвием. Сначала он несколькими легкими точными ударами надсек ствол, потом, не переводя дыхания, рубанул что было силы, Могучий удар поразил дровосека. Мало того, что юнец как будто бы не ведал усталости, так еще и замах у него, как у заправского лесоруба.

— Говорю тебе, зря ты так спешишь... Торопыге и напортачить недолго.

— Я к тебе в ученики не прошусь и хлеб у тебя отнимать не собираюсь. Я заканчиваю. Вели своим козам подобрать еще одно дерево.

— А хозяин говорил...

— Топором я машу, а не хозяин.

Дровосек понял, что лишние невзгоды ему ни к чему. Да и козы — умницы! — сами нашли другое дерево. И пока они его обглаживали, дровосеку удалось славно перекусить. А потом Жар навалился на свою вторую акацию.

Молчун и Ясна прождали еще трое суток. Кузнец Овед приносил им скромную еду, не говоря ни слова, словно ему было строго-настроено велено блюсти обет молчания. И начальник Собек тоже, если встречался на пути, ни разу не заговаривал с молодыми.

Молодоженам оставалось лишь глазеть по сторонам, и они наблюдали, как приближается караван ослов, груженных съестными припасами и другим добром, как потом его разгружают, как пристально следит за разгрузкой страж у ворот, как суется помощники, и все это — для Места Истины. Чтобы в деревне ни в чем не было нужды, а селяне не отвлекались на низменные заботы.

— Скажи, это порядок тут такой? И все по правилам? — спросила Ясна.

— Не знаю. Те, за стенами... ну, они, верно, думают, что так лучше.

— Ожидать здесь вместе с тобой совсем не тяжело. Да и само место... оно такое волшебное, что время здесь порой течет, как густой мед.

Молчун оставался безмятежным — но это потому, что рядом была она. Рядом с ней и благодаря ей ему никакой удар не страшен, откуда бы он ни исходил. Если приемный суд надеется, что тоска окажется для них слишком мучительной и тяжелой, что они дрогнут и отступят, то он заблуждается. Просто быть здесь, в сердце пустыни, среди диких холмов, над которыми высится величественная Закатная вершина, и совсем рядом с тем местом, где творят ради вечности и живут тайной мастерства, разве это уже не счастье?

Но вот уже третий день был на исходе, и солнце клонилось к закату. И вдруг привратный страж оставил свой пост и направился к чете.

— Итак, Молчун, ты настаиваешь на своем намерении присоединиться к братству Места Истины?

— Мои намерения не изменились.

— А ты, Ясна?

— И мои не поменялись.

— Мы с моим напарником ответственны за передачу вестей. Можете черкнуть записочку кому-то из ваших близких. Ваше письмо прочтут прежде, чем вы предстанете перед приемным судом.

Молчун замотал головой, и жена повторила за ним отрицательный жест, думая об отце: он не захотел понять, почему его дочь приняла решение уйти из дома.

— В таком случае следуйте за мной.

Темнело стремительно. Помощники уже удалились восвояси: в большинстве своем жили они довольно далеко отсюда, на равнине. И могло показаться, что селение, тонущее во мраке, брошено и здесь давно никто не живет.

Хотя Ясна была преисполнена решимости, сердце ее все же трепетало. Сладостные чары этого волшебного места улетучились вместе с последними закатными лучами. Остался только страх. Ползучий, вездесущий, гнетущий.

Вслед за стражником молодожены дошли до северного входа, главных врат Места Истины.

— Ждите здесь.

Молчун взял жену за руку.

Охранник присел на корточки, зажег факел и потерял всякий интерес к своим спутникам. В небе, в последних желтых и красноватых отсветах закатившегося солнца, носились прилетевшие из пустыни соколы.

В широкой щели между раздавшимися створками ворот показался человек, недвижно застывший на пороге. Это был старик, на голове — тяжелый черный парик, длинная, до колен, белая набедренная повязка, почти юбка, в правой руке — узловатый посох. Кого-то он Молчуну напомнил: если он не обознался, то на пороге стоял резчик камня, известный тяжелым характером и не упускавший случая укрепить дурную славу о себе.

— Кто вы, дерзнувшие нарушить безмятежный покой Места Истины?

— Молчун, сын Неби, и моя жена Ясна.

— Ведомы ли вы приемному суду?

— Мы желаем представить высокому суду свое прошение.

— О чем же?

— Мы желаем присоединиться к братству мастеров и поселиться в Месте Истины.

— Принес ли ты, что положено?

Молчун показал кожаный мешок, складное сиденье и дерево для изготовления кресла. Судейский оглядел его приношение и не произнес ни слова.

— А ты, Ясна?

— Я услышала зов Закатной вершины.

Человек с посохом надолго замолчал, словно бы силясь понять, что же она такое сказала.

— Во имя фараона! Поклянитесь, что вы никому и ни при каких обстоятельствах не откроете ничего из того, что увидите и услышите.

Пара поспешно поклялась.

— А коль вы нарушите данное вами слово, да обрушатся на вас злые духи преисподней, да терзают они клятвопреступников неустанно и вечно! Теперь следуйте за мной.

Двинувшись за человеком с посохом, Молчун сначала пропустил в приоткрытые ворота Ясну. На той стороне они увидели переулок, заставленный домами, но времени глазеть на эту таинственную вселенную у них не было, ибо им пришлось свернуть налево и приблизиться к портику, перед которым стояли двое мастеровых.

Темень не давала разглядеть их лица.

Один из мастеров шагнул вперед и схватил Ясну за запястье.

— Куда ты ее тащишь? — немедленно окликнул его Молчун.

— Ты повинуюешься нашим законам или немедля покинешь селение.

— Не перечь им, — сказала Ясна.

Мастер ушел. И увел с собой молодую женщину.

Молчун вдруг остро почувствовал свое полнейшее одиночество, и ему стало страшно: что ждет впереди? Он-то надеялся, что разлучать их не станут и что перед судом они предстанут вместе и, стало быть, будут поддерживать друг друга, так что силы у каждого прибавятся за счет супружеской подмоги. Но не тут-то было: ему придется отбиваться в одиночку.

— Час настал, — возгласил человек с посохом.

Четыре акации.

Жар срубил четыре акации — и управился неслыханно быстро, так что потрясенный дровосек не сводил с него изумленных глаз. Сам дровосек теперь должен был объясняться с хозяином и в ответ на недоуменные вопрошания только бекал и мекал без складу и ладу что-то путаное и невразумительное: хозяин увидал перед мастерской огромную груду поленьев и пожелал знать, откуда они взялись. А молодой человек под шумок уже раздобыл пилу и разделявал комли, чтобы, выбрав участки без сучков и трещин, распилить их на длинные доски, такие ровные, что никакой бывалый умелец не придерется.

К беседе между хозяином и работником Жар прислушиваться не стал, решив, что куда достойнее его внимания готовый товар: рукоятки вееров, гребни, чашки и прочая бытовая мелочь, сундуки и табуретки.

Хозяин мастерской направился к молодому человеку.

— Я дал подробнейшие указания, а ты их поправил. Ты что, не понимаешь: одно деревце свалить и то без дозволения начальства не могли. А ты вон как размахался! Что я властям скажу? Мол, работничка нанял, и уж такой он рьяный, такой услужливый, удержу нет — так, что ли?

— Ваши трудности, хозяин. По-моему, вы просто дали мне задаток и потому, думаю, теперь вправе выгадать на моем заработке. А скажите, как мне распилить эти деревья на поленья и доски, чтобы получилось столько древесных заготовок, сколько мне надо?

— Дровосеком ты больше не будешь. Хватит.

— Вы меня увольняете?

— Спору быть не может: выгнать тебя — выход наилучший. Но ведь тебе же нужно сколотить раскладной стул и кресло, так? Если я правильно понял.

— Память у вас редкая.

— Не вздумай только в мастерской важничать. У меня там работают большие мастера своего дела, по многу лет. Поэтому все ученики и подмастерья понимают, что надо слушаться и вести себя прилично. Боюсь, что не очень-то ты на это способен.

— Я тоже так думаю.

— Смотри у меня: после первого же выкрутаса вылетишь.

Хозяин и работник ударили по рукам.

— Можно приступать?

— Подожди хоть до завтра ты...

— А чего зря время терять?

Когда хозяин ввел Жара в свою мастерскую, там сразу все застыло, словно подул ледяной ветер. Все бывшие там рабочие угрюмо уставились на пришельца, давая понять, что неожиданному гостю тут не очень-то рады.

— Вот, привел вам новенького, его зовут Жар, он будет у вас учеником, — объявил хозяин. — Будет помогать тем, кто со сроками запаздывает. Так что всяк, кому нужна подмога, пусть зовет Жара.

— А что он умеет делать? — сразу же поинтересовался десятник.

— Учиться, — откликнулся парень. — Кто преподаст мне урок?

— Иди сюда.

Десятник протянул Жару тесло — инструментик с деревянной рукояткой, к которой при помощи кожаных ремешков крепилось под прямым углом бронзовое лезвие.

— Поглядим, на что ты годишься. — В голосе десятника звучала нескрываемая насмешка.

Жар проверил лезвие, проведя пальцем по его режущей кромке, потом долго ходил по мастерской, то ли что-то выглядывая, то ли собираясь завладеть ею. Он задержался ненадолго у одного полена, потом наконец выбрал доску и стал обрабатывать ее поверхность своим теслом.

— Кто тебя научил? — удивился десятник.

— Инструмент делают под тот материал, с которым этому инструменту работать. Эта штука предназначена для того, чтобы стругать дерево. Разве не так?

— Никакой ты не новичок...

— До сих пор я ни в чьей помощи не нуждался. Надеюсь, и впредь так будет. Больше ничего не покажете?

Хозяин дал знак рабочим: мол, хорош глазеть, что, своей работы нет? Впрочем, рабочий день все равно заканчивался.

— Ты кто? На самом деле кто? Только честно, парнишка.

— Я же сказал. Хочу научиться делать складной стул.

— А чего ж так по сторонам пялишься? На мое заведение позарился?

— На этот счет не беспокойтесь. Получу что хочу — и ноги в руки.

— Ладно... Вот, смотри сюда.

Хозяин присел на скамью, взял в правую руку колотушку, а в левую — стамеску. Выбрав тонкую дощечку похуже и зажав ее меж колен, он проделал в дощечке несколько небольших лунок. Отверстия выстроились в ровный, очень правильный ряд.

— Твой черед.

Жар уселся на место хозяина и безукоризненно повторил все его действия.

— Слушай, малый, и ты мне будешь говорить, что никогда прежде не работал с деревом...

— Думайте что хотите, но давайте продолжим.

Когда он оглядывал мастерскую и даже немного прошелся меж верстаков, он заметил кучу всяких разных орудий: топоры, пилы, резак, стамески... Жар даже думать не хотел про весь этот инвентарь. Рука тверда, глаз точен, а что и куда пихать или толкать — видно будет.

Хозяин мастерской ошеломленно глядел, как юнец ловко подбирает доски с подходящими пазами и выступами, как он их соединяет, подгоняет друг к другу, а потом укрепляет соединение скобами и шпонками. Потом сам показал ему кое-какие приемы.

— Вот клинья с расширением в самом верху, они из дерева, вот прорези, а вот выступы, ответная часть, так сказать. Вставляешь выступы в прорези, и получается ласточкин хвост: ни клея, ни гвоздей не надо. А вот, гляди, так надо обивать ребра сундуков — не то уронят его или грохнут по нему чуть посильнее, и все, что внутрь положили, рассыплется. А доски под ящик или планки под стул подгоняют друг к другу вот так.

Рука Жара все схватывала и ничего не забывала. Что бы ни показал учитель, ученик тут же усваивал прием и орудовал подчас сноровистее, чем сам восхищенный наставник.

— Ты родился столяром, мой мальчик. Как же легко тебе все дается. Будешь удачлив и богат.

— А сколько табуреток мне надо сколотить, чтобы получить складной стул?

— Десятка хватит... Но, точно знаю, ты так пристрастишься, что...

— А покажите, как обивать сиденье.

— Завтра.

— Вы устали?

Задетый за живое, хозяин схватился за пучок плетеных волокон и принялся обивать ими скамеечку, способную выдержать немалый вес.

Стемнело стремительно, но учитель не обратил внимания на наступившую ночь, продолжая испытывать прирожденные дарования ученика, и тот ни разу его не разочаровал.

А когда мебельщик не мог уже более сопротивляться сну, Жар заканчивал свой первый табурет.

Настал выходной, и все работники отдыхали. Кроме Жара, который работал под смоковницей. Владение молотком и долотом его забавляло: он как бы заманивал дерево в западню и добивался от него всего, чего хотел. Доски были гладкие, аж блестели: помог шлифовочный камень. А еще больше помогал опыт: из-под его рук уже выходила мебель и крепкая, и вместе с тем красивая.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Это ты — Жар? — окликнула его высокая стройная девушка с коротко стриженными волосами.

— Ну.

— Я присяду?

— Как хочешь.

Долговязая смуглянка, стреляя глазками, облизывала и обсасывала сладкий стебель папирусного тростника. На ней было легкое платье на бретелях.

— Знаешь что, Жар? Листья смоковницы шелестят, и шуршащие нашептывания ее благоухают медом, и листва ее как бирюза, а кора ее как обожженная глина, а сочные плоды ее краснее яшмы. Тень ее освежает, но мне жарко, так жарко... Помог бы снять бретели.

— Недосуг мне.

Она обошлась без помощи, самостоятельно выскользнула из легенькой одежды, и на свет божий явились два хорошеньких яблочка любви, которыми она поспешила прижаться к могучему бедру юного богатыря.

— Тебе что, не понравилось, как я воспела смоковницу?

— Лучше признайся, кем ты хозяину приходишься.

Свеженькое личико чуть-чуть скривилось.

— Я... я — его племянница.

— Уже привыкать начинаю: я перехожу от хозяина к хозяину, и каждый подсовывает мне молоденькую родственницу. Чтобы, значит, та меня уболтала и я бы у него остался.

— Ты... ты... Зря ты так... я...

— Брось. Врать-то не умеешь. А дяде, если спросит, скажешь, что я ему чистую правду говорил и никаким столяром я не буду. Он здорово мне помог, это да. Если б не он, возиться бы мне еще ох как долго... А так скоро у меня будет ладный складной стульчик.

— Так ты здесь не останешься?

— У меня другое на уме.

— Подумай. Твое будущее...

— Давай-ка я сам позабочусь о своем будущем. А с самым ближайшим будущим и так все ясно: вот прекрасная девочка, которой не терпится поскорее заняться любовью.

В немалое волнение пришел весь град Фиванский. Ибо правдивой оказалась молва: Рамсес Великий покинул Пи-Рамсес, свою царственную столицу в Дельте, намереваясь провести несколько недель в своем южном дворце, в Карнаке. Придворные судачили промеж себя, и всякий раз выходило по-разному. Одни толковали, что самодержец просто решил немного развеяться, другие — что престарелый правитель собирается объявить о каких-то важных решениях.

Рамсес Великий царствовал в Египте вот уже пятьдесят семь лет. Скоро ему будет восемьдесят. Давно, когда ему только двадцать один год исполнился, он подписал мирный договор с хеттами, положив тем самым начало продолжительной эпохе мира и процветания Египта. Но самого царя несчастья не миновали: уже не было на свете ни его отца, звавшегося Сети, ни матери, которая носила имя Туя, ни обожаемой жены, возлюбленной царственной супруги Нефертари. И ближайшие друзья тоже на земле живых не задерживаются, а Хаэмуас, сын возлюбленный, муж весьма искушенный в словесности и ученой премудрости, коего отец прочил в преемники, два года назад присоединился к обитателям потустороннего мира. И посему унаследует престол другой сын — Мернептах, ему, стало быть, предназначено влачить тяжкое бремя власти.

Ввиду своих преклонных лет и причиняющих жестокие страдания ревматических болей в мышцах и суставах, Рамсес уже возложил на Мернептаха заботы по управлению Обеими Землями — Верхним Египтом и Нижним. Однако же царские указы, составляемые верным писцом Амени, по-прежнему подписывались собственноручно им самим, хотя он ото дня ко дню становился все более ворчливым и раздражительным.

Благодаря фараону истина изгоняет ложь, и благодетельный разлив реки случается в надлежащий час, и тени отступают пред светом. И разве нет у царя миллионов ушей, слышащих словеса всех существ? И укроется ли от владетельного слуха тайна даже на дне самой глубокой пещеры? И не сияет ли царственный взор ярче звезд небесных? Чистая свежая вода в жару и зной и тепло под кровом зимой, — фараон велик в сердцах своих подданных, ибо его попечением Египет зеленеет ярче и цветет счастливее, чем великий Нил.

Рамсес Великий прибыл в Карнак на богато украшенных носилках. Навстречу ему вышли великий жрец Амона, визирь — верховный сановник и главный советник, — градоправитель Фив и многие другие чиновники, которых ввергала в благоговейный трепет сама мысль о высокой чести лицезреть блистательнейшего самодержца, громкая слава которого давно уже преодолела границы Египта и распространялась за его пределами. За безопасность царя отвечал младший предводитель колесничих Мехи, которому столь важное дело доверено было еще и затем, чтобы поощрить молодого военачальника за безупречную и верную службу.

Годы не пощадили царя, однако Рамсес Великий производил столь же сильное впечатление, как и в юности, когда его венчали на царство. Длинный нос с маленькой горбинкой, круглые уши изящной лепки, властная тяжелая челюсть, царственный взор — все это складывалось в образ самодержца, который привык повелевать и править.

Дворец завораживал своей красотой. Полы и стены зала приемов были украшены изображениями лотоса, папируса, рыб и птиц, а также картушами — орнаментами в виде овала, символизировавшего путь солнца, внутри которых синим по белому были начертаны

имена Рамсеса. Ввысь уходили величественные колонны. По самому верху вдоль стен тянулись фризы, расписанные изображениями васильков и диких маков.

И воссел фараон, в белом облачении и белой с золотом набедренной повязке, с золотыми браслетами на запястьях и в белых сандалиях, на престол свой из позолоченного дерева. И каждый из высокопоставленных лиц, вошедших в зал, узрел, как крепка еще длань Рамсеса Великого и сколь уверенно возлежит она на кормиле Египта.

— Ваше величество, — склонился перед царем фиванский градоправитель, — град бога Амона ликует и веселится. Ибо заботами вашего величества и мудростью царских указов благоденствуют жители помянутого града и живут счастливо, ибо нет у них другого отца и матери, кроме величества вашего. И да будут и впредь слова фараона питать сердца наши. А всяк нечестивец, буде таковой сыщется, тем паче дерзнувший восстать на фараона, да накличет пагубу на себя же и сокрушит себя в падении своем.

— В пути моем довелось мне взглянуть на донесения касательно управления дорогим мне градом Фиванским. Правишь ты городом неплохо, однако же стоило бы усилить попечение о благоденствии его жителей. Почему пишут мне о волоките с устройством мостовых и дорог и мест для сбора вещей нечистых?

— Все будет по воле вашего величества, и волокиту мы устраним не мешкая. Но позволительно ли мне ввести в число обладателей золотого ожерелья младшего предводителя колесничих Мехи? Этот юный военачальник печется о безопасности вашего величества в Фивах и, могу заверить, прекрасно справляется со своими обязанностями. Под его началом отборные войска, что и говорить, однако же он так ревностен...

Рамсес устало пошевелил рукой: мол, давай. Уже давно его нимало не радовали затеи с пышными награждениями и поощрениями, и детская игра с почестями была ему скучна, а ведь какой чиновник к ним равнодушен и сколько царских слуг теряли голову из-за каких-то побрякушек!

Мехи же торжествовал: блестящее начало пути к великолепным высотам. Получить тонюсенький золотой ошейник из рук визиря — это не только признание заслуг. Визирь от имени фараона еще и повышает его в чине: Мехи станет старшим предводителем. И будет вхож в высшие властные круги такого богатого города, как Фивы. Толстые губы лоснились от удовольствия. И все же его радость была если не совсем отравлена, то подпорчена: Рамсес не соизволил обратить свой взор на своего достойного слугу. Да и обряд награждения какой-то скомканный вышел, раз — и все готово. Как в войске: смирно, вольно, разойдись.

— Я получил послание главного управителя западного Фиванского берега, — соблаговолил изречь царь, — и знайте: написанное им привело меня сюда. Да выйдет вперед податель одного послания и да поведаст нам свои печали.

Абри, сановник высокого чина и завидной упитанности, поспешил предстать перед самодержцем, дабы усердно переломиться в пояснице.

— Ваше величество, я осмелился на причинение беспокойства по причине тревоги, которую внушает мне некоторый устоявшийся порядок вещей, ибо не представляется он разумным. Мастеровые Места Истины образуют сообщество со времен царствования славнейшего из предков вашего величества Тутмоса Первого. И вот уже три столетия существует это содружество, высекая обители вечности в Долине царей... Не настал ли час его преобразования?

— Что ты ставишь им в вину?

Вопрос в лоб заставил писца поежиться.

— Ваше величество, речь не об упреках. Но... изволите видеть: имеется некоторое братство, и ежедневно взыскует оно причитающееся ему, и немалое, надо сказать, количество съестных припасов, что, естественно, сильно отягощает расходы казны. А сколько помощников на службе у братства! И коль скоро обыватели Места Истины причастны тайне, нет никакой возможности надзирать за их трудами и, в случае чего, требовать от них отчета или привлекать их к ответственности. Весьма многочисленны чиновники, пребывающие в недоумении относительно истинной деятельности означенного сообщества, равно как и его назначения. Тем паче, что наслаждается оно преимуществами и льготами, кои некоторым представляются немислимыми и непомерными.

— Что предлагаешь?

Главный управитель понял, что от него ждут продолжения рассуждений. Видимо, доводы его представляются царю убедительными.

— Думается, что Место Истины следовало бы упразднить, сообщество мастеров распустить, а ремесленников, ему принадлежащих, рассеять. Поелику само селение особенной величиной не отличается и площадь занимает не сказать чтобы значительную, на месте его можно было бы учредить хранилище, что, среди прочего, позволило бы с пользой употребить то выморочное имущество, каковое останется от бывшего Места Истины. Мы получили бы немалые хозяйственные выгоды и сберегли бы изрядные средства, не обременяя неподъемными податями народ. Исчезновение этого селения сулит великие выгоды всему царству.

Еще немного поднажать, и Рамсес подпишет нужный указ, и мечтания его превратятся в действительность.

— Ведомо ли тебе предназначение Места Истины? — спросил царь.

Важный чиновник растерялся.

— Да, ваше величество... Как уже сказано было мною, мастера высекают обители вечности для царствующего фараона, для его великой царственной супруги и для его близких.

— Строительство предназначенной мне гробницы начато на втором году моего правления. Тебе показалось, что мастеровые бьют баклуши, но учти: гробница давно готова, а мне даровано было долголетие.

— О нет, ваше величество, мне ведомо, что они заняты на других работах, и я вовсе не хотел сказать, что...

— Фараон благоволит трудам ради богов, ибо во имя них создаются храмы. В Бубастисе, Атрибисе, Пи-Рамсесе, Мемфисе, Гелиополе, Гермополе, Абидосе, Фивах, Эдфу, Элефантине, в Нижнем, равно как и в Верхнем, Египте процветает мастерство и являет онс себя во множестве личин и образов. В сердце этого мастерства — вечная обитель фараона, и создана она мастерами Места Истины. Вот почему отец мой Сети повелел расширить селение, ибо истина сущего, исходящая оттуда, есть рождение и начало того, что непосвященным видится всего лишь могилой, но на самом деле это — средоточие света. Мастера трудятся изо дня в день ради победы над смертью, они создают ради ка: ка же есть та невещественная мощь, что оживляет всякий образ, но не связывает себя с образом оным и исчезает вместе с его исчезновением. И ради царственного ка, передающегося от фараона к фараону, мастера продолжают труды свои по совершенствованию моей вечной обители. Но в силах ли ты постичь таинство сие, будучи писцом, чей дух беден, а ум тесен? Знай же, что пребывание мое в Фивах не имеет иной цели, как облагодетельствовать селение мастеров, с

тем чтобы дарована была им всевозможная помощь и чтобы они чувствовали, что положение их прочно и все более укрепляется. И делу этому намерен я посвятить последние годы моего земного существования, ибо нет ничего важнее Места Истины.

Рамсес Великий прохлаждался в дворцовом саду. Пальмы и тамариски отбрасывали здесь плотную тень, особенно густую на берегу пруда, под ивами. Прямые, проложенные по шнуру дорожки, посыпанные песком и обсаженные с обеих сторон лютиками, васильками и маками, поддерживались в чистоте и полнейшем порядке. Беседка, в которой, развалившись в удобном кресле и примостив голову на подушке, отдыхал престарелый царь, была обнесена тоненькими деревянными колоннами, выкрашенными зеленой краской. Перед самодержцем стоял низенький столик, ломившийся от множества сосудов со свежим и легким пивом, изюмом, смоквами и яблоками. Царь с удовольствием подставлял пожившее на этом свете тело поднявшемуся с севера приятному ветерку и рассеянно любовался удодами и ласточками, резвящимися в лучах заходящего солнца.

Вот и прибыл тот, за которым он посылал: вид склонившегося пред ним человека пробудил воспоминания о былом и давно минувшем. Гость был сановником, из самых сдержанных и воспитанных, до незаметности, но вместе с тем и самых значимых за все его долгое царствование, ибо этот Рамосе, сын посыльного, именовался «старшим писцом некрополя» и был назначен на эту должность на пятом году царствования Рамсеса, во второй день третьего месяца сезона разлива. Царь лично избрал Рамосе, дабы поручить ему столь сложные обязанности, хотя тот уже мог быть вполне доволен успешным восхождением по служебной лестнице: воспитание при храмовой библиотеке; становление в качестве помощника писца; должность писца, ответственного за учет скота, принадлежащего храму Амона в Карнаке; затем — ответственность за перепись, потом — за хранилища царских указов и летописей, потом — за сокровищницу фараона; оттуда уже оставался один шаг до перехода в число ближайших царских сановников.

Царь остановил свой выбор на Рамосе, и с тех пор судьба последнего переменилась самым решительным образом. Столько времени этот Рамосе провел в необременительной суете под сводами необъятного Карнака и в храмах Тутмоса IV и мудрого Аменхотепа, сына Хапу, и вот высокому сановнику пришлось отказаться от легкой жизни в несусветной роскоши ради надзора за сокровенной деревней ремесленников.

Рамосе же нисколько не колебался: уж слишком незаурядным представлялось обещанное приключение, чтобы упустить такой шанс испытать себя. После вступления в должность он обязан был, согласно указам царя, требовать от служителей Места Истины возведения заупокойного храма Рамсеса, расширения храма покровительницы общины Хатхор и, попутно, продолжения работ в обители вечности царя.

В свои 87 лет Рамосе был вправе проситься в отставку, но он оставался в селении, где был любим всеми. Ни единое важное решение без него не принималось.

На встречу со своим повелителем Рамосе явился в праздничном платье: на нем была рубаха с длинными рукавами, по всей длине которых шли многочисленные глубокие складки, передник с такими же складками и кожаные сандалии. Благодаря Рамсесу он познал возвышенную жизнь, которую провел в заботах о процветании Места Истины, и потому был счастлив высказать свою благодарность фараону прежде смерти своей.

— Помнишь ли ты, Рамосе, знаменитые слова, которые ты любил зачитывать перед учениками писцов: «Подражай отцам твоим, жившим прежде тебя, преуспевай в познании по мере сил твоих. Мудрые передали поучения свои в писаниях своих: сверяйся с ними,

изучай их, читай их и пересчитывай их непрестанно»?

— Невзирая на слабость очей моих, я, ваше величество, продолжаю усердствовать в следовании сему предписанию.

— А помнишь ли великое празднество в год семнадцатый? Это же ты устраивал тогда пир. И Пазаир, лучший из моих визирей. Мы тогда были молоды, и силы наши казались нам неисчерпаемыми. Сегодня ты старик, и я тоже состарился, но нет человека в Месте Истины, которого почитали бы более тебя, и нет другого сановника, которому дозволялось бы именоваться «писцом Маат».

— И это вы, владыка, даровали мне возможность служить Маат на протяжении всей моей жизни, в сердце братства, живущего ею во все дни и каждый день. Но близится час великого путешествия.

— Подготовил ли ты три гробницы близ селения? Те, которыми хотел заняться?

— Да, ваше величество. В первой я возношу почести божествам и вашим пращурам, которым братство наше обязано столь многим. Это — Аменхотеп I и мать его, Хoremхeб, и Тутмос IV; там я поместил стелу, на которой и ваше, владыка, имя начертано. Во второй я повелел увековечить двух священных коров и пекущегося о них волопаса. В третьей помещены изображения самых дорогих мне людей на этом свете. [\[5\]](#)

— Молчун помогает?

— Он — самое большое утешение последних дней моих, ваше величество. Вам, владыка, известно, что у нас с супругой Мут детей не было, несмотря на статуи, стелы и прочие приношения, которые мы посвятили Хатхор, великой матери Таурт и даже чужеземным божествам. Готовясь со всем возможным тщанием к переходу в мир иной, не забывал я и о воспитании преемника моего, писца Кенхира. Но все же тот, кого я ценю более всего и к кому сильнее всех привязан, — это Молчун. Когда он покинул селение, дабы отправиться в долгое странствие, я страшился умереть прежде его возвращения, но в том, что он вернется, никогда не сомневался. К счастью, приемный суд братства принял его в нашу среду, ибо он услышал зов. И ныне он — служитель Места Истины, и я убежден, что ему, как резчику камня и как ваятелю, суждены важные деяния.

— А какое имя было дано ему при посвящении?

— Неферхотеп, Ваше Величество.

— Нефер — «красота, доброта», и хотел, — «умиротворение, полнота, приношение»... Да, путь вы ему предначертали нелегкий!

— Преисполненность умиротворением — хотел — будет, быть может, даром, который определит его существование, залогом того, что он достигнет совершенства как мастер. Обязан сообщить вам, владыка, что Молчун предстал пред вратами селения не один.

— И кто же его сопровождал?

— Супруга его Ясна, имя которой — Убехет — значит «светлая». Она поразила суд решимостью своей и блистательностью. Красива, умна, не тщеславна, и не могу вспомнить иной женщины, сравнимой с нею по способностям. Супружество их крепкое, суровые превратности, которые на них обрушивались, сокрушить его не сумели. Суд оставил имя Ясна как имя посвящения супруги Нефера. Смею полагать, что эта чета — надежда братства.

— А каково происхождение этой молодой женщины?

— Она — фиванка, духовная дочь Нефрет, покойной главной целительницы царства.

— Нефрет... Она замечательно меня пользовала. Если эта Ясна унаследовала ее дарование, братству выпала великая удача. Но скажи мне честно, Рамосе: сомневаешься ли

ты в качествах преемника твоего Кенхира?

— Нет, ваше величество, хотя нрав у него нелегкий и исполняет он служение свое с твердостью, подчас избыточной. Не раскаиваюсь ни в том, что избрал его, ни в том, что он унаследует мои столы, и стулья, и сундуки, и мои свитки, и мои поля, и мой скот. И потом, он — не более чем писец некрополя... Начальники артелей, резчики камня, ваятели и живописцы значат никак не менее его. Быть может, разумение этой правды еще не проросло в его сознании, но время знает, что оно делает.

— За последние годы пополнения не было, многие из мастеров ушли и никто не пришел им на смену, — сокрушенно напомнил Рамсес. Будучи верховным руководителем братства, царь внимательно следил за его жизнью. — В полной артели может быть до сорока мастеров, тогда как ныне их не более тридцати.

— Тридцать и один — вместе с Молчуном, ваше величество.

— Довольно ли этого числа для подобающего исполнения текущих работ?

— Качество важнее количества. Существенно — и вам, владыка, это хорошо известно — лишь надлежащее исполнение «Домом Золота» его предназначения и его способность творить. На этот счет я не испытываю ни тревоги, ни беспокойства. К тому же я убежден, что появление Молчуна равнозначно пророчеству сияющего будущего.

— Речи твои — целительное умащение на раны мои, Рамосе, ибо благополучию Места Истины угрожает серьезная опасность. Высокие сановники, грезящие лишь о своем обогащении и собственной выгоде, нисколько не беспокоясь о будущем страны, видят в братстве нечто неразумное и мечтают о его устранении.

— Но пока вы властвуете, ваше величество, этого произойти не может!

— Сколько живу — а живу я давно, — Место Истины подвергается непрерывным нападкам завистников и клеветников. Уповаю, что сын мой Мернептах двинется по стопам моим, ибо без помянутого братства великий свет Египта померкнет. Но кому по силам предвидение? Кто предскажет поведение человека? Тем паче после того, как этот человек будет облечен верховной властью?

— Вам лучше знать, ваше величество.

Рамсес Великий знал, что Рамосе всегда был щедр и великодушен и что ясность души его всегда светила братству, но фараон ведал также и о грозной опасности. Сонмами воинов своих самодержец мог затопить весь Ближний Восток, но не мог он ослабить ни ненависть, ни честолюбие, и никакой власти это не по силам... И остается уповать единственно на богиню Маат: быть может, она, будучи воплощением справедливости, помешает роду людскому отдаться низменным склонностям своим и покатиться вниз, к порче, беззаконию, гибели...

Со времен великих пирамид власть фараонов опиралась на братство мастеров, посвященных в таинства «Дома Золота» и способных высекать вечность в камне. Когда основатели Нового царства сделали Фивы стольным градом, именно община Места Истины возродила пламя. И оно возгорелось вновь.

А без этого огня не выживет, не устоит Египет.

— Забыл о забавном происшествии, ваше величество. Явился некто, желающий присоединиться к братству, и потребовал, чтобы мы внесли его имя в списки искателей. Событие совершенно неслыханное, но мне неловко отягощать внимание вашего величества столь ничтожным случаем.

— Я слушаю, Рамосе.

— Он выполнил условия, которые ставятся перед теми, кто хочет вступить в братство, и потребовал, чтобы мы испытали его на деле. Представьте себе, владыка, юного исполина лет шестнадцати и без всяких серьезных поручительств. Сын земледельца, прошедший через мастерские дубильщика и мебельщика... Но каков упрямец! Собек, начальник стражи, был вынужден схватить его и поместить в темницу. Уже во второй раз!

— Так говоришь, он выполнил все условия, без которых нельзя предстать перед приемным судом?

— Да, ваше величество, но...

— Многие из составляющих нынешнее братство пришли извне, начиная с тебя, Рамосе. Пусть мальчик предстанет перед судьями Места Истины.

Далеко глядел Рамсес Великий.

Старый писец почувствовал, что сподобился высокой чести разделить с самодержцем одно из тех редких мгновений, когда видение царя объемлет пределы необозримые, словно бы восходя на высоты, недоступные обычным людям. Давно жил на свете царь, и за долгое время своего земного существования он не единожды рассеивал туман грядущего благодаря своей прозорливости и потому мог избирать новые пути, минуя хоженные тропы.

— Ваше величество полагает, что этому мальчишке...

— Должно предстать перед мастерами, и им непозволительно проявлять легкомыслие при принятии решения. Если он сумеет восторжествовать над превратностями и пройти испытания, то... как знать, быть может, этому молодому человеку предначертаны великие свершения и суждено решать судьбы Места Истины.

— Буду ходатайствовать за него перед Собеком. Пожелаете ли вы осмотреть вашу обитель вечности, владыка?

— Разумеется. Но есть и другая задача: надобно расширить святилище царского ка. Ты позаботишься об этой стройке, тебе решать, когда приступать к работам и как их осуществлять.

Рамосе почувствовал себя благодетельствованным.

— Это великое счастье для селения! Мы выберем должный день и час вместе с мудрой ведуньей.

Рамсесу вспомнилось, как в юности он тоже слышал зов. Как же хотелось ему прожить свою жизнь среди этих людей, мысль которых преображается в светоносные творения, но Сети, отец, избрал его своим наследником. И он должен был удерживать Египет на пути Маат и хранить связь земли с небесами. Ни единого дня не сумел он похитить у своего долга, у своих обязанностей. И очень хорошо, что стало так, а не иначе.

Собек повозился с запорами. Потом посильнее толкнул дверь тесной каморки:

— Чего расшумелся?

— Да вот стену хочу пробить — наскучило мне в темнице. Но у меня только кулаки, да и вы помешали, — отвечал Жар.

Ничего, кроме кулаков, но молодой человек успел уже заметно повредить крепкую кирпичную кладку.

— Не уймешься — в цепи велю заковать!

— Почему вы держите меня в темнице? Я же все приволок. Все, что надо показывать перед воротами.

— Хочешь сказать, что лучше меня законы знаешь?

— Если речь идет только о моем случае, то да.

Собек потрогал рубец под левым глазом — век не забыть этот бой не на жизнь, а на смерть. В нубийской саванне на него накинута леопард.

— Нарываешься, парнишка. И мне это начинает надоедать. Гляди, лично займись твоим делом. И уж навсегда отобью у тебя всякую охоту разевать пасть на стражу. Кончай препираться!

Жар скривился.

Вытесан он был, пожалуй, помощнее. Зато Собек был немного выше и крупнее. Но главное, в правой руке страж держал здоровенную палку — палицу.

В темницу ворвался запыхавшийся стражник:

— Начальник! Требуют! Вас! Лично! Срочно!

— Мне некогда.

— Насчет узника.

Что-то в голосе подчиненного заставило Собека прислушаться к его словам. И он грохнул дверь каморки, оставив Жара взаперти.

Жар задумался: как, интересно, этот живодер орудует своим жезлом? Если он, замахнувшись, задерет палку вверх, Жар сможет схватить его выше локтя и испытать головой его грудь на прочность. Ага, как же, будет он тебе, как простоватый малолетка, махаться, этот Собек: он обученный. Ладно, пускай Жару тяжело придется и пускай даже верх возьмет не он, но все равно и тот целехоньким из передраги не выйдет. Жар бросит в бой все свои силы.

Опять загремела дверь.

— Выходи, — велел Собек, поигрывая палицей.

— Хотите огреть меня по спине?

— Может, я бы и не против. Только приказ у меня. Страж отведет тебя к главным вратам селения.

Жар выпятил грудь колесом:

— Есть еще закон в Египте.

— Выходи давай. Не выводи меня из себя!

— Коль свидимся еще раз, Собек, то уж тогда уладим наши разногласия по-мужски. Один на один.

— Выметайся!

— А я сюда не с пустыми руками пришел.

Стиснув зубы, Собек вернул Жару кожаный мешок, футляр для папируса, надежно перевязанную охапку ровных поленьев и складной стул, сложенный учеником столяра. Навьюченный драгоценным грузом, этот самый ученик покидал укрепление, высоко поднимая голову, словно победоносный завоеватель, вступающий во главе своих полчищ в покоренную страну.

Нубиец, сопровождавший Жара, был молодцеватым весельчаком, бодрый такой крепыш. Но и он рядом со своим спутником выглядел щедедушным.

— Ты бы поберег свою задницу, — посоветовал он Жару. — Не подставляй ее Собеку почем зря. Он зла не забывает. И случая попомнить обиду не упустит.

— Пусть лучше за свою трясется... Если что, так я тоже спуску никому не дам.

— Он — начальник местной стражи!

— Мужик ты или нет — вот что считается. Дело не в чинах да званиях. Вздумает требовать с меня должок, так свое от меня получит.

Страж махнул рукой и перестал увещевать упрямца, который, видя, что цель все ближе, расходился все пуще.

На этот раз охранник, а не охраняемый должен будет остановиться у входа в запретное селение.

Что такое стряслось, почему дела обернулись совсем по-другому, Жар, понятно, не знал, да и какая ему была разница? Ему судей пересилить надо, чтобы поверили, что он услышал зов. И уж тогда все ворота перед ним отворятся.

Солнце щедро обливало землю жарким сиянием, придавая пыла и без того резвому молодому человеку, которого не устрасило бы и самое беспощадное лето. То, что селение мастеровых обустроилось в пустыне, на самом солнцепеке, было, на его вкус, дополнительным преимуществом. Что называется, приварок сверху.

— Я останусь здесь, — сказал стражник. — Дальше пойдешь один.

Кто бы спорил. Широкой поступью, но без суетливости он перемахнул пустырь между пятым, и последним, укреплением и межей деревни.

Утро спешило превратиться в день, а прохлада, очень относительная впрочем, преображалась в зной, и мастерские пустыли: помощники неспешно плелись под большой навес, чтобы пополдничать в тенечке. Бездельники эти, разумеется, уставились на стремительно шагающего юношу.

Страж у главных врат вытянулся во весь рост и перегородил дорогу:

— Куда разогнался?

— Имя мое — Жар, я желаю войти в Место Истины и имею при себе все требуемое.

— Ты уверен?

— У меня все как положено.

— Соврал — пеняй на себя. На твоём месте я бы не искушал судьбу, а повернулся бы — и ходу. Туда, откуда пришел.

— Знай своё место, стражник, а меня не трожь.

— Я тебя предупредил.

— Хорошо попусту болтать. Открывай ворота.

Охранник с лентой принялся раздвигать створки.

На несколько мгновений у Жара дыхание перехватило. Неужто все это взаправду? Его сон наконец сбылся!

Откуда-то возникла пара мастеровых. Один пристроился позади Жара, второй встал спереди.

— Следуй за мной, — распорядился передний.

— Но... я что, не...?

— Кончай болтать. И спрашивать тебе попусту не положено. Не то в приемный суд не поведем.

Жар страшно злился, но изо всех сил пытался держать себя в руках. Он еще не знает, что за правила игры тут действуют, в этом таинственном месте. А стоит только оступиться... костей не соберешь.

Тройка повернулась спиной к главным деревенским воротам и двинулась к ограде, окружавшей главный храм Места Истины, рядом с которым было воздвигнуто небольшое святилище, посвященное богине Хатхор. От взоров непосвященных здание скрывали высокие стены.

Суд собрался за закрытыми дверями, точнее, закрыт был крытый проход, ведущий в помещение. Девять мужчин на расставленных полукругом деревянных сиденьях. Все в простеньких набедренных повязках. Кроме самого старого — его тело пряталось под длинным белым одеянием.

— Я — Рамосе, писец некрополя, а ты пребываешь ныне в священном уделе мастеров, что к западу от Фив. Здесь, в этом светоносном краю, царствует Маат. Будь искренен, не лги и говори от всего сердца, иначе богиня изгонит тебя из Места Истины.

Заседатели приемного суда гостеприимства не выказывали, и молодой человек почел за лучшее глядеть на писца Рамосе, в глазах которого было что-то похожее на доброту.

— Кто ты и как зовут тебя?

— Мое имя — Жар, и я хотел бы прожить свою жизнь рисовальщиком.

— Что, твой отец — мастер? Ремесленник? — спросил один из судей.

— Нет, земледелец. Но мы с ним навсегда разругались.

— Какие ремесла знаешь?

— Работал в дубильной и мебельной мастерских, не то не смог бы заиметь то, что вы требуете.

И, не дождавшись ни заинтересованного вопроса, ни разрешения, Жар стал показывать свою ношу.

— Вот кожаный мешок, — с гордостью объявил он. — А это — чехол для папируса, тоже превосходного качества.

Обе вещи перешли в руки судей.

Слово подал судья, казавшийся брюзгой.

— Нашим требованиям отвечает мешок, а не чехол.

— Так что же, зря я постарался принести больше, чем требуется?

— Да. Это — ошибка.

— А по мне, так нет! — взбунтовался молодой человек. — Только ленивые и сырые не выходят за узкие границы приказа, они и других боятся, и себя самих тоже. Если только подчиняться и ничего не затевать самому, закоснеешь.

— О изрекающий надменные речи! Что же ты показываешь нам только раскладное

сиденье? А где кресло? Раз уж тебе вздумалось выйти за пределы предъявленных требований, почему же ты принес поленья, а не готовое изделие?

— Угодил-таки я в вашу западню, — только и смог сказать Жар, злясь и на судей, и на себя самого, — и как выбираться из нее, ума не приложу... А право на вторую попытку у Меня есть?

— Садись-ка на складной стул, — приказал, брюзгливый судья.

Стул был у него за спиной. Не оборачиваясь, Жар бездумно обрушился на утлую мебель всей тяжестью своего седалища. Послышался зловещий треск. Чего уж там спорить! Складной стул не выдержал его веса.

— Уж лучше я постою.

— Итак, ты даже не испытал свой стул на прочность. Мало того, что ты задавака, так ты еще и беспечен. И за дела свои отвечать не желаешь.

— Вы хотели стул — вот вам стул!

— Жалкие увертки, молодой человек. Ты еще и хвастун. И трусоват к тому же. Скажешь, нет?

Жар сжал кулаки.

— Неправда ваша! Я угодить вам хотел. И не собираюсь я над мебелью корпеть. Я умею рисовать и хочу, чтобы вы посмотрели, как я это делаю.

— Ладно, проверим.

Жар встал на колени. Пристально вглядываясь в лицо Рамосе, он быстро набросал его портрет. Рука не дрогнула, но у него еще не было привычки к новому для него материалу — уж слишком нежным тот казался.

— Я могу куда лучше, — поспешно заговорил художник, — просто я в первый раз рисую на папирусе кисточкой, макая ее в чернила... Я привык рисовать на песке.

Досадуя, трепыхаясь, торопясь, он искажил рисунок лба и ушей. Портрет Рамосе был безнадежно испорчен. И никуда не годился.

— Можно, я еще раз попробую?

Рисунок пошел по рукам. Но никто не произнес ни слова.

— Что тебе ведомо о Месте Истины? — спросил Рамосе.

— Место Истины хранит тайны рисунка, и я хочу узнать эти тайны.

— А что ты хотел бы делать в Месте Истины?

— Разгадывать жизнь... это... такое путешествие. У которого нет конца.

— Нам не мыслители нужны, а умельцы. Дело делать. Мыслителей хватает, — съязвил один мастеровой.

— Примите меня рисовать и писать красками, — не унимался Жар, — и вы увидите, на что я гожусь.

— Ты женат? Обручен?

— Нет, но с девушками бывал. И не раз, и с разными. Не обижаюсь. По мне, они — еще одно удовольствие в жизни. И больше ничего.

— И что, не женишься?

— Ни за что! Чтоб мне хозяйшкa голову морочила да из дому не выпускала? А скольких она нарожает? И тогда они всей кучей на шею как сядут, так поди скинь. Сколько раз вам повторять, что у меня на уме одно лишь рисование? Хочу рисовать всяких тварей и все сотворенное. И писать красками. Всю жизнь.

— А требование хранить тайну тебя не стеснит?

— Оно мешает тому, кто этой тайны не дознался. Тем хуже для них.

— А ты знаешь, что придется подчиняться очень строгим правилам?

— Лишь бы они не мешали мне продвигаться в моем ремесле. И я их не только выдержу, но и поддержу. Но подчиняться дурацким приказам не стану.

— Ты, значит, умный такой, отличаешь глупое распоряжение от умного?

— Никто не будет мне указывать, куда идти и по какой дорожке.

Брюзгливый судья возобновил натиск:

— И при всем при этом ты считаешь себя достойным войти в наше братство?

— Решать вам... Вы велели говорить правду и от души. И я старался.

— Ты терпеливый?

— Нет. И набираться терпения охоты нет.

— Так твой нрав, по-твоему, до того хорош, что и менять в нем ничего не стоило бы?

— Я таким вопросом не задавался. Своего добиваются, если сильное желание есть! При чем тут нрав? Есть враги — пусть либо они меня согнут, либо я их. Куда ни глянь, везде борьба. Потому я всегда готов биться.

— А ты не слыхал разве, что Место Истины есть тихая заводь и убежище мира? И что свары здесь под запретом?

— Раз тут живут мужчины и женщины, быть того не может. Нигде нет мира на этой земле.

— А ты уверен, что мы тебе нужны?

— Без вас мне не обойтись. Только вы знаете и умеете то, чему мне в одиночку не научиться и до чего мне не додуматься.

— Еще чего-нибудь сказать хочешь? Чтобы нас убедить? — спросил Рамосе.

— Да нет.

— Мы будем держать совет, и потом ты услышишь наш приговор, не подлежащий обжалованию.

Старый писец дал знак, и двое мастеровых повели Жара по той же дороге назад, к северным воротам деревни.

— А долго ждать? — спросил было он.

Ответа он не дождался.

Рамосе все еще не оправился от потрясения. Председательствовать в приемном суде ему доводилось нередко, но такие искатели, как этот, не попадались ему еще ни разу. И не приходилось сомневаться в том, что этот Жар сильно задел мастеровых, избранных в судьи. Это особенно было заметно по Кенхиру Ворчуну, преемнику Рамосе.

По крайней мере, обсуждение не затягивалось и ничуть не напоминало тот оживленный спор, в который погрузился суд, заслушав Молчуна. Особенно резко выступил тогда Кенхир, настаивавший на том, что молодому человеку, наделенному столь многими дарованиями и вкусившему сладость успеха на столь многих поприщах во внешнем мире, потребен простор, а в Месте Истины ему будет тесно. И все же мастеровые не разделяли мнения Кенхира: напротив, они, в большинстве своем, попали под обаяние сильной личности искателя.

Однако Рамосе должен был бросить на чашу весов весь свой авторитет и все нажитое за долгие годы уважение. А то двое мастеровых готовы были переметнуться на сторону Кенхира. Три голоса против — и ходатайство приемного сына Неби пришлось бы отклонить. Ибо решению непременно подобало быть единодушным. А в какую долгую и изнурительную борьбу втянул старого писца сам Кенхир и как же нехотя менял он свое отрицательное мнение...

Что до Ясны, то с ее прошением управились быстро. Коль скоро искательница ссылалась на услышанный ею зов Закатной вершины, то не диво, что суд, составленный из обитавших в деревне жриц Хатхор, пришел в немалое волнение. Женщины расчувствовались, и председательница совета, именуемая «ведуньей», с радостью приняла супругу Нефера Молчуна.

— Кто готов выступить? — спросил Рамосе.

Руку поднял один из ваятелей.

— Этот Жар тщеславен, драчлив и не знает мягких и обходительных речей, но я уверен, что он слышал зов. И об этом, единственно об этом и надлежит высказываться.

Живописец не выдержал:

— Не соглашусь с тобою. Что искатель слышал зов, оспаривать не стану, но какова природа искателя сего? Слыхали же: жажда совершенства, а не успешное вращение в наше братство — вот какое желание им руководит! Что мы ему дадим, кроме навыков? А от него мы и вовсе ничего не получим. Пусть паренек идет своей дорогой, лишь бы она была как можно дальше от нашего пути.

В спор вмешался Кенхир Ворчун, заговоривший страстно, с жаром:

— Станный, чуждый огонь пылает в душе этого мальчика, и пламя это пожрет вас, о вы, любящие лишь приятную теплоту! Да, это вам не заурядный ремесленник из тех, которые только и знают, что слушаться начальника, а думать ленятся — да и не умеют они! И такие тусклые, что никто даже не замечает такую серость! Кто спорит: примем его — и жди невесты чего! Может, буря над деревней пронесется, а может, все обычаи наши перевернутся. Так что, мастера Места Истины до того боязливы, что готовы отправить восвояси дарование необычайное? Что, не видели, какой он даровитый? Тогда что у вас за глаза? Рисунок подпорчен, согласен, ведь опыта мало — парень еще совсем юный! Но какой точный портрет! Покажите мне другого рисовальщика, который, не будучи никем научен, обнаружил бы сравнимые способности.

— Ты все-таки боишься признать, что этот удалец не захочет подчиняться и что ему плевать на наши правила, — не соглашался ваятель уже с Кенхиром.

— Если он что-нибудь учудит, будет изгнан из деревни. Но я уверен, что он постарается согнуть если не хребет, так хоть выю — уж очень дороги ему его устремления.

— Устремления, говоришь! А что, если к нам пробрался очередной любопытный? И ему бы только тайны братства нашего выведать...

— Если и так — не он первый! Но всем вам ведомо, что ни один лазутчик не может долго оставаться среди нас. Он будет разоблачен!

Рамосе ошеломленно следил за тем, как Кенхир ловко отбивает все доводы товарищей, говоривших не в пользу Жара. Не вспоминалось другого случая, когда старший писец некрополя высказывался бы с таким пылом.

Даже самые непримиримые к Жару мастерские заколебались.

— Нам не обойтись без таких уравновешенных и кротких существ, как Нефер, но и такие пылающие сердца, как у этого будущего художника, тоже нам нужны. Если он проникнет в смысл дела, творимого здесь, то какими же блистательными образами украсит он стены обителей вечности!

Слово взял начальник артели Неби:

— Братство наше не призвано опрометчиво ввязываться в опасные игры, ему надлежит хранить верность преданиям «Дома Золота» и беречь тайны Места Истины. Пареньку же этому заботы наши чужды, а ведет он себя и вовсе как воришка.

Рамосе почувствовал, что сопротивление начальника артели неодолимо; стало быть, продолжать отмалчиваться нельзя — нет у него такого права.

— Я сподобился высокой чести беседовать с его величеством, — признался старый писец, — и мы говорили про этого молодого человека. Если я верно понял мысль Рамсеса Великого, то в этого Жара, возможно, вселена особенная мощь, каковой нам пренебрегать непозволительно. Во имя высшего блага братства.

— О чем речь? — выразил недоумение начальник артели. — Уж не о мощи ли Сета? [\[6\]](#)

— Его величество не пояснял свою мысль.

Судьям стало зябко. Убийца Осириса, воплощенный в сверхъестественном существе, каковое одни уподобляют зверю лютному и хищному, другие же сравнивают с антилопой окапи, бог Сет был властителем вселенской мощи, которая воспринималась родом человеческим то благотворной, то пагубной. Нужно быть фараоном, да еще таким рослым и статным, каков был отец Рамсеса, чтобы осмелиться носить имя Сети. Ни единый самодержец до него не возлагал на себя столь тяжелое и столь богатое знаменательными смыслами бремя, которое понес Сети, воздвигая в Абидосе самое обширное и самое блистательное из всех святилищ Осириса.

Обыкновенно существа, приобщившиеся к могуществу Сета, склонны к странным чрезмерностям и ненужному насилию, и только прочно выстроенное общество, стоящее на фундаменте Маат, способно направить их устремления в благое русло. Но не должно ли заведомо исключить всякую возможность появления личности такого рода в сообществе художников, которым предназначено творить красоту?

— Его величество сообщил вам свою волю касательно Жара? — спросил старший мастер артели у Рамосе.

— Нет, но он воззвал к нашей проницательности.

— Стоит ли продолжать препирательства? — добавил Кенхир. — Мы должны понять

волю фараона, он — глава и наставник Места Истины.

Уже и самые недоверчивые готовы были сдаться, но Неби стоял на своем.

— Мое назначение на должность начальника артели было одобрено фараоном, следовательно, мне доверено оценивать желающих присоединиться к братству. Вот почему всякая слабость с моей стороны заслуживала бы осуждения. Почему требования к этому мальчику должны быть менее строгими, чем по отношению к другим ремесленникам?

— Ты остался единственным судьей, не желающим, чтобы мы приняли Жара, — поставил точку Кенхир, — а необходимо единодушие. Тебя никто не поддерживает. Не поразмыслишь ли о перемене своего мнения?

— Наше братство не вправе без нужды подвергать себя опасности.

— Опасность неотъемлема от жизни. Уклоняясь от опасности, мы впадем в застой, а там и до смерти рукой подать.

Обычно спокойный, старший мастер готов был вскипеть.

— Посмотрите, этот Жар уже сумел нас разделить! Вот вам и довод в мою пользу! Если мы его примем, между нами то и дело будут вспыхивать искры раздора!

— Перегибаешь палку, Неби! Что, разве раньше мы не спорили, когда других искателей обсуждали?

— Не без этого. Но всегда приходили к единодушию.

— Надо как-то выходить из тупика, — решил Рамосе. — Может быть, ты все-таки согласишься с нашими доводами?

— Нет, — отрезал Неби. — Боюсь, как бы этот молодой человек не разрушил согласие в деревне и не сорвал наши работы.

— А что, тебе разве не будет помешать этому?

— Свои возможности я бы не переоценивал.

Рамосе понял, что никакой натиск не сломит решимость начальника артели.

— Перечить — то же, что ничего не предлагать. Скажи лучше, Неби, что делать будем, чтобы выбраться из этой ямы?

— Давайте испытаем этого Жара еще. Если он в самом деле слышал зов и если ему достанет сил проложить для себя свою дорогу, врата откроются.

Начальник артели изложил свой план.

Все согласились со старшим мастером, и даже Кенхир, хотя и ворчал, все же проголосовал за то, что казалось ему ненужной предосторожностью.

- Долго еще? — спросил Жар у одного из двух мастеровых, присевших рядом с ним.
- А я знаю?
- Сколько еще они будут заседать?
- Да уже отзаседались.
- А если долго, то это — как? Примета дурная? Или же добрый знак?
- Всяко бывает.
- А сколько искателей принимают за год?
- По-разному бывает.
- А сколько народу может быть в братстве? Предел есть?
- Тебе это знать не положено.
- А сейчас вас сколько?
- У фараона спроси.
- А рисовальщики добрые у вас есть?
- Всяк свое дело делает.

Жар понял, что вызнать у мастерового хоть что-нибудь не удастся; что с этим, что с тем, который рядом молчит, толковать проку нет: оба словно немые. И все же носа он не вешал. Если те судьи, которые так его пытали, взаправду справедливы, они оценят силу его желания.

Завидев человека, обогнувшего восточный угол ограды, Жар сразу же узнал прохожего и, вскочив на ноги, кинулся навстречу.

- Молчун! Приняли тебя?
- Да, мне повезло.
- Так заступись за меня! Хоть поговори там, в деревне.
- Нельзя, Жар. Я присягал хранить молчание, а что важнее слова?
- Так ты мне больше не друг!
- Ты что? Я в тебя верю. И уверен — ты пройдешь.
- Не хочешь за меня словечко замолвить. Боишься?
- Пойми, ну никак нельзя. Решает приемный суд. И больше никто.
- А что я говорил? Ты и вправду больше мне не друг... А я тебе жизнь спас.
- Я этого никогда не забуду.
- Уже забыл. Потому что ты теперь из другого мира... И в этом мире помочь мне не хочешь.
- Не могу. Эту препону тебе придется преодолевать в одиночку.
- Ну, спасибо за совет. Удружил.
- Братство дало мне новое имя: Нефер. И ты... ты, конечно, еще не знаешь — я женился.
- Ну?... Хороша?
- Ясна... она, видишь ли, женщина такая... тонкая. Приемный суд допустил ее в Место Истины.

— Вот ведь везение — и все тебе! Небось семь помощниц богини Хатхор над колыбелькой твоих детей склонялись. И на подарочки не поскупились. А работу тебе какую дали?

— И этого я сказать тебе не могу.

— Ну и дела... Короче, меня для тебя больше нет.

— Жар...

— Уходи отсюда, Нефер Молчун. Уж лучше я один побуду. Да и не один — вон сторожа. Они, правда, как ты — тоже слова не вытянешь. Но хоть друзьями не прикидываются.

— Имей терпение. И веру. Ты услышал зов, значит, судьи тебе не откажут. Нефер протянул руку к плечу Жара. — Я в тебя верю, друг. И знаю, что в тебе живет такой огонь, который спалит все преграды.

Когда Нефер уходил, Жар с немалым трудом сдержал желание увязаться за ним и все-таки просочиться в селение; ну тогда уж точно бы выгнали. И навсегда.

Уже солнце клонилось к закату, когда соизволил появиться один из судей. Мышцы Жара напряглись, словно ему предстоял смертельный бой.

— Мы приняли решение, — объявил судья. — Мы принимаем тебя во внешнюю артель, которой управляет гончар Бекен, начальник всех помощников. Явишься к нему, и он даст тебе задачу, которую ты должен выполнять.

— Внешняя артель... Что это значит?

Судья удалился. И двое мастеровых за ним.

— Послушайте... Вы же так ничего толком и не объяснили...

Стражник в воротах решил вмешаться:

— Тихо ты! Решение тебе сказали, и ты должен его принять. А если нет, шагай отсюда и чтоб больше не появлялся. Но, скажу я тебе, внешняя артель — это совсем не плохо. Подберешь себе место по вкусу: можешь стать гончаром, дровосеком, прачечником, водоносом, садовником, рыболовом, хлебопеком, мясником, пивоваром или обувщиком. Весь этот народ вкалывает, чтобы мастеровые в Месте Истины благоденствовали. И все довольны. Да и я сам, и напарник мой, товарищ по службе при вратах, мы тоже люди внешнего.

— Ты не назвал ни рисовальщиков, ни художников.

— Ну, те трясутся над своими тайнами внутри стен... А что хорошего? Что они, счастливее? Или богаче? Корпят над своими поделками с утра до ночи — и так, считай, всю жизнь. А тебе, можно сказать, повезло. Если не сваляешь дурака. Уж можешь мне поверить. Угодишь Бекену-горшечнику — и будешь как сыр в масле кататься.

— А где этот Бекен живет?

— На самом краю возделанных земель — домишко такой, и хлев при нем. Грех, конечно, роптать, но... Он, знаешь... такой паршивец — подумать только: всерьез верит, что каждый помощник метит на его место. Хотя... Может, не так уж он и не прав... Однако ты не верь его словам и бойся, когда он копытами зацокает. Бекен, он сволочь и подлец, самый что ни на есть скот, и на этом своем месте не просто так оказался. Невзлюбит, так и рога обломает, и со свету сживет.

— А вот если кто во внешней артели, так ему что? В братство уже нельзя?

— Внешнее так оно внешнее и есть. Не высовывайся и лопай, что дают. Покамест ночевать тебя пустят в какую-нибудь мастерскую. Потом домик у тебя среди возделанных земель выстроится, а там и жена-красавица сыщется, ну и деток понаделаешь. В прачечники не ходи — работка нудная и трудная. Лучше уж рыбаком или пекарем. Те, если задница похитрее, утаивают часть улова или свежего хлеба: зачем писцу или мытарю все знать? На

что лишние хлопоты добрым людям? А ты уводишь эти, так сказать, излишки, а барыш себе оставляешь. Свой.

— Ну, я пошел к этому Бекену.

— Лучше не ходи.

— А чего?

— К своему личному покою Бекен относится трепетно. А рабочий день кончился — ну не хочет он, чтобы его нагружали. Подумай сам: отдыхаешь — и вдруг заявляется невесть кто и невесть откуда. Тут взвоешь — так бы и прибил надоеду! Может, он тебя и не грохнет, но зло затаит. Иди лучше спать — завтра еще на этого красавца нагладишься.

Жару захотелось ударить этого охранника, а потом вдребезги разнести ограду запретной деревни. Молчуна, эту курицу мокрую, Нефером сделали, а его, хотя он услышал зов, и такой мощный, выкинули к помогалам вовне, маяться и гнить — как последнего недоноска!

Отвергнутый, оскорбленный, униженный — ну что делать, если с тобой так обошлись?! Если так рвешься, а тебя и на порог не пускают? Стереть с лица земли это клятое место — не доставайся же ты никому!

Стражник уселся на свою циновку, и видно было, что глаза у него слипаются. Жар слышал, как далеко, в деревне, смеются дети, судачат женщины, о чем-то болтают парни и толкуют солидные мужи. Жизнь переместилась в селение. А за ее оградой никаких признаков жизни заметно не было.

Кто ж они такие, эти существа, допущенные к тайнам Места Истины? За что им такая благодать? Чем они так угодили приемному суду, что судейские их приняли? Что у них за качества такие? Из всех этих типов Жар одного только Нефера Молчуна видел, и уж на него-то Жар ничуть не похож.

Воевать, значит, придется только своим оружием. Какое там оружие — голые руки. И никто не поможет, а все эти советы со стороны — отравы. Но сдаваться Жар не собирается.

И он направился к опустевшим мастерским, зная, что страж следит за ним краешком глаза. Стоило бы, наверное, забраться в ту или иную мастерскую, но Жар двинулся дальше, чтобы уйти из поля зрения часового. И стал огибать холм, стараясь, чтобы песок из-под ног не осыпался, и двигаясь бесшумно, как пустынная лисица.

Раз уж братство выпихнуло его к помогалам, делать нечего. Надо показать им всем, на что он способен.

Старший предводитель колесничих Мехи все никак не мог наиграться с тоненьким золотым ожерельем и то и дело притрагивался к милому сердцу украшению. В самом деле, получив эту игрушку, он стал вхож в высшее фиванское общество. Не будь у него золотого ожерелья, не стали бы его зазывать на самые пышные пирушки, где ничего не стоит втереться в доверие к любому, даже самому влиятельному вельможе. Тем более в подпитии. Мало-помалу плелась паутина, коей предназначено превратиться в прочный шатер, который накроет богатейший град бога Амона. И Мехи станет тайным вождем этого города.

Первое решение напрашивалось само: надо поставить на место, нет, обойти фиванского градоправителя. Этот мелочный самодур, помыкавший своими домочадцами, ввязался в склоку противоборствующих клик, не имея на примете никаких долгосрочных целей. Пока дуралей будет истощать себя в бесплодной борьбе и выставлять напоказ свою глупость, Мехи расставит своих дружков по местам и мало-помалу под его присмотром окажутся самые разные участки власти. И все будет схвачено.

Звучит многообещающе, ничего не скажешь, но сердце этим не удовлетворится. Главное ведь что? Да, конечно же, тайна Места Истины, которую ему — единожды! — дано было созерцать. И которой он намерен во что бы то ни стало овладеть. Окажись светоносный камень в его руках... Что ему тогда фараон? Тогда он сам станет во главе Египта.

Уже давно Мехи подозревал ремесленников Места Истины в утаивании многих чудес, которыми вправе наслаждаться лишь самодержец, и никто другой. С этой исключительностью будет покончено. Египет получит новое оружие, сокрушит своих противников и еще больше расширит свои пределы. Ни о чем подобном престарелый Рамсес уже не думал.

На его месте Мехи ни за что не пошел бы на мир с хеттами. А дождался бы дня, когда бы ему доложили, что сосед оплошал, и извлек бы выгоду из слабости давнего недруга. Он сокрушил бы хеттов и создал бы могучее войско, такое, чтобы его страна могла навязывать свою волю всем соседям. А что мы имеем вместо величественной политики завоеваний? Смешно сказать: фараон постепенно усыпил свою страну и вверг ее в затхлый мир, а верховные военачальники если о чем и грезят, так лишь о списании в запас, ибо фараон наделяет удалившегося на покой отставника небольшим имением в сельской местности, неподалеку от одной из столиц. Плакать хочется: сколько еще терпеть такое бездарное управление?!

— Не желаете ли выпить чего-либо освежающего? — обратился к Мехи виночерпий.

— Плесни того белого вина из оазиса.

Слуга предложил старшему предводителю обмахивать его опахалом, чтобы молодого военачальника освежало не только вино. Что ж, и в самом деле так еще приятнее смаковать дорогой напиток. Заполучить для своего стола такое вино из винограда лучшего урожая — дельце непростое. Но Мехи без труда договорился с виноградарем, поставлявшим свою продукцию во дворец, и тот, не убоившись возможной кары, зато к немалой своей выгоде, продал ему пару бочонков. Вот и имеем то, что имеем. То, что заслуживаем.

Не состоит ли умение жить, лучше даже сказать, высшее искусство в накоплении разнообразных, особенно же порочащих, сведений о разных особах, с тем чтобы выложить подходящие сведения в удобную минуту? И извлечь заслуженную выгоду, присовокупив

некоторые заранее заготовленные и остроумные придумки, вполне правдоподобные. А как иначе удалось бы Мехи обойти по службе многих молодых военных, как ровесников, так и тех, кто постарше и поопытнее, знавших и умевших поболее? Но у них не было ни смекалки, ни сноровки. Вот и плетутся в хвосте у Мехи. И поделом.

— Вас желает видеть благородная госпожа Серкета, — сообщил ему привратник, когда он входил в свой прекрасный — в самом сердце Фив — дом.

Невеста... Туповатая слегка эта Сер кета, да что там, дура. Но как же на ней не жениться, если отец у нее такой богатей. И такой важный сановник — хранитель городских сокровищ. При титуле главного казначея Фив... Но ждал-то Мехи не ее.

И все же спустился в гостиную, располагавшуюся в нижней части дома. Этим залом он очень гордился: просторно, рамы высоких окон окрашены желтой краской, а роскошные столы и кресла — черного эбенового дерева.

— Мехи, миленький! Уже начала бояться, что так тебя и не дождусь... Как я тебе сегодня нравлюсь?

«С чего это ты так раздобрела?» — вот что ляпнул бы старший предводитель колесничих, поддайся он первому пришедшему на ум соображению. Однако молодой военачальник давно знал, что слова произносятся затем, чтобы скрывать мысли. Тем более, что благородная госпожа Серкета мечтала похудеть, просто одержима была заботами о своем весе. Но ежедневное пожирание сластей и прочих лакомств исполнению этого заветного желания не очень способствовало.

— Ты даже более восхитительна, чем всегда, дорогая. Это зеленое платье... Ты в нем совершенно неотразима.

— Я так и знала, что оно тебе понравится, — проворковала она, всколыхнувшись не то чтобы совсем уж рыхлыми, но все же недостаточно упругими телесами.

— Прости, но закавыка есть одна, небольшая. Я должен принять одну важную шишку — человек именитый, нрав тяжелый. Потерпишь, а? Потом поужинаем вместе...

Она глупо хихикнула, но пообещала.

— Я и на это уже не надеялась, милый.

И он, поощряя ее за сговорчивость, привлек ее к себе. Слишком резко, пожалуй. Да что там, грубо схватил, стиснул и вдавил в себя что было силы. А ей хоть бы что. Как будто так и надо.

Богатая грудь, пышная шапка осветленных краской волос, бледно-голубые, как выгоревшее небо, глаза и голосок то сюсюкающий, то лебезящий: дородная дама любила строить из себя капризную маленькую девочку.

По правде говоря, она здорово надоела. Ее овдовевший отец от нечего делать волочился за юницами, и чем в более почтенные лета входил, тем моложе становились его пассии, по каковой причине подрастающей дочери не могло быть ни в чем отказа, и папочка следил, чтобы все ее прихоти удовлетворялись: дочурка незамедлительно получала все, чего бы ее душенька ни пожелала. И она давно уже привыкла к тому, что жизнь ее становилась день ото дня все роскошнее и беззаботнее, и изобретала новые и новые желания, способные унять тоску и томления, разъедавшие душу изнутри. От одиночества, правда, помогало вино, но не всегда и очень ненадолго. А хотелось ей навеки остаться маленькой и пребывать во младенчестве, холимой и лелеемой мамочкой и нянюшками, за оградой, надежно укрывающей ее от внешнего мира.

Когда она впервые увидела Мехи на каком-то приеме, она нашла его грубым,

неотесанным и слишком много о себе мнящим. Однако же он сумел внушить ей дотоле неведомое и не поддающееся подавлению чувство: страх. Было в Мехи что-то звериное, и животное начало это не очень-то пряталось, оно завораживало ее и заставляло думать, что как раз этого-то ей и не хватало.

Тип еще тот: честолюбия почти не скрывает, зато готовность раздавить всякого, кто посмеет встать на его пути, колесами своей колесницы, — напоказ. Надо его женить на себе, решила Серкета. Наверное, этот Мехи заставит ее трепетать, бросая то в жар, то в холод, и как знать, вдруг дрожь перед супругом растормошит ее и сможет излечить от скуки и пресыщения.

— Сколько еще будет тянуться наша помолвка?

— Это только от тебя зависит, дорогой. После того как на тебя в присутствии Рамсеса Великого надели золотое ожерелье, мой отец видит тебя в ряду верховных фиванских сановников.

— Не хотелось бы его разочаровывать.

Серкета куснула Мехи в правое ухо.

— А меня ты, сокровище мое, подводить не будешь?

— И думать так не смей.

Послышался какой-то шум: это управитель, смущенный зрелищем милующейся парочки, осторожно забарабанил пальцами по двери, которую они даже не прикрыли.

— Чего тебе? — поинтересовался Мехи.

— Ваш гость прибыл.

— Пусть подождет, и закрой дверь с той стороны!

Серкета пожирала военачальника глазами.

— Так что с нашей свадьбой?

— Чем скорее, тем лучше. Успеть бы только прием подготовить и гостей пригласить, чтобы было куда явиться фиванской знати и чтобы знать эта единодушно пожелала нам счастья.

— Хочешь, чтобы этим занялась я?

— Ты сотворишь чудеса великие, дорогая.

Воитель полез к невесте за пазуху. Будущая супруга издала радостный стон, а потом довольно заурчала.

— А насчет нашего брачного договора... Отец мой, знаешь, он бывает строг...

— Какой еще договор? — изумился Мехи.

— Отец считает, что так будет лучше. Ну, знаешь, его немалое состояние... Он уверен, что мы будем счастливы и что у нас будет много детей, но думает, что все равно договор о разделе имущества не помешает. Да какая нам разница, любовь моя сладкая? Не будем мешать в одну кучу всякие судейские заморочки и наши чувства. Приласкай меня еще.

Мехи повторил маневр, но на этот раз с меньшим пылом. Вот тебе и на! Никогда не знаешь, откуда ждать подвоха. А ведь овладение богатствами отца Серкеты должно было стать едва ли не важнейшей вехой на его пути. И ступенькой, оттолкнувшись от которой он сможет как можно ближе подобраться к вожаемой власти.

— Какой-то ты скованный, зверь мой... О мой лев, наводящий на всех ужас... Неужто тебя так беспокоила эта глупая мелочь?

— Нет, конечно же нет... А жить ты у меня будешь, правда?

— В то время, когда мы будем в Фивах, конечно да. Дом великолепен и стоит в очень

хорошем месте. А мой отец решил немедленно оплатить все твои долги, и, значит, ты станешь полноправным домовладельцем.

— Как он щедр... Чем я ему отплачу?

— А ты люби его дочь! До безумия. Как она тебя.

И влепила ему звучный поцелуй, смачно втянув его кожу сочными полуоткрытыми губами.

— Еще у нас будет большое загородное поместье под Фивами, в сельской местности, и еще одна усадьба — в Нижнем Египте, и хорошенькое жилище в Мемфисе... Все эти дома будут записаны на меня, но ведь это такой пустяк, чего он стоит? Ну, милый?..

Мехи захотелось изнасиловать ее, нагло, жестоко, как можно грубее, как пристало бездумному в своей беспощадности воину-завоевателю. Но она и без того его слишком хотела — какое там насилие. Да и посетителя не стоило заставлять ждать слишком долго. Что ж, он получил удар ниже пояса, и теперь надо бы вернуть должок. Молодой военачальник давно понял, что лицемерие и ложь — грозное оружие и что, владея им, всегда можно выйти из самого затруднительного или запутанного положения. Прикинуться на все согласным, не трепыхаться, а тем временем готовить решающий контрудар. Отец Серкеты заблуждается, полагая, что ему по силам взнуздать мужчину такого закала, как жених его дочери.

— Прости меня, сладость всех чувств моих, но эта встреча в самом деле для меня очень важна.

— Понимаю...

— Подумаю, как готовить свадьбу. А пока... еще и о вечернем ужине подумаю.

Мехи был очень горд своим просторным домом. Чтобы его приобрести, пришлось попотеть, уламывая прежнего хозяина, пожилого знатного фиванца. Хорошо еще, что старикан был сам не свой — у него недавно умерла жена. Ну и удалось сбить цену. Войсковое начальство выделило ему ссуду на очень выгодных условиях. Словом, суетиться пришлось сразу в нескольких направлениях. Притворная щедрость будущего тестя превратит его в полноценного домовладельца куда раньше, чем он думал! На самом деле отец Серкеты хотел ввести в высшее общество зятя удачливого и богатого и вроде бы не страдающего от недостатка средств, но подразумевалось, что это он, казначей, как человек знатный, а не кто-то еще владеет положением. Ох, как же он поплатится: будет знать, как унижать Мехи.

Два этажа дома были поставлены на невысокую платформу, положенную непосредственно над фундаментом, и поэтому в доме никогда не бывало сыро. Цокольный этаж занимали хозяйственные помещения, и отвечал за них управитель. К столу Мехи подавали хлеб, испеченный его личным хлебопекон, и он наслаждался чистотой своих одежд, выстиранных и вычищенных приставленными лично к нему прачечниками. На ступенях лестницы между этажами стояли кувшины со свежесрезанными цветами, благоухание которых освежало воздух.

На первом этаже — гостиные и приемные; на втором — рабочий кабинет хозяина дома, спальни, ванны, отхожие места. Молодой военачальник озаботился устройством системы труб, по которым из дома выводились сточные воды. Словом, удобства если и уступали уровню дворца, то разве лишь фараонова, да и то не слишком.

Ни в какой сад Мехи никогда не тянуло, а про землю и говорить нечего: есть селяне, пусть они в земле и ковыряются. Люди, равные ему по достоинству, заслуживают лучшей участи, и только очень хороший дом в центре большого города, такого, как Фивы, вправе носить гордое имя пристойного жилища.

Когда он вошел в просторную гостиную под высокими потолками, его в который раз приятно поразила удивительная свежесть: хитроумное сочетание вытяжек, заслонок и люков позволяло забыть, что за порогом — безжалостное лето. Кстати, может ли быть что-нибудь хуже, чем отвратительная жара?

Гость, ожидавший хозяина, развалился в кресле, обтянутом пестрой тканью. Неподалеку стояла большая голубая чаша, наполненная водой с благовониями — для омовения ладоней и стоп.

— Добро пожаловать, Дактаир. Как тебе мой домишко?

— Выше всех похвал, старший предводитель Мехи! По-моему, ничего лучше мне видывать не доводилось.

Дактаир был маленьким, толстым и бородатым. Черные бегающие глазки оживляли хитроватое личико, из которого торчали как бы ужимавшие его толстые рыжие волосы. Руки и ноги — коротенькие, потому и походка вразвалочку, но известно, что, кидаясь на недруга, он бывает стремителен, как змея.

Родился Дактаир в Мемфисе у ученых родителей: отец его был греком и славился как математик, а мать вела свой род из Персии и преуспевала в занятиях химией. Еще в совсем юном возрасте мальчик обратил на себя внимание вкусом к научным изысканиям. Лишенный какого бы то ни было представления о нравственности, не говоря уж об интересе

к этой мутной проблеме, молодой ученый рано понял, что кража идей у коллег позволит ему продвигаться вперед не просто быстрее, а воистину богатырской поступью, да и силы попусту не тратить. Но не ради суетного житейского успеха он охотно прощал себе и проступки, и преступления — использование чужих достижений было всего лишь одним из путей к высокой цели: Дактаир лелеял высокую мечту о преображении Египта, сиречь о превращении страны в землю избранную, то есть удобную для занятий чистой наукой, освобожденной от любых суеверий и предрассудков. Такая наука наделила бы человека огромной властью.

Пусть честность и не была самой сильной стороной Дактаира, но в даровитости отказать ему было невозможно, и поначалу молодого ученого оценил градоправитель Мемфиса, а затем другой градоправитель перетянул его в свой город, в Фивы: Дактаир соблазнился возможностью поработать с древними письменами, рассчитывая разгадать сокровенные многовековые тайны предков. Его расчеты паводков и ожидаемого уровня воды в Ниле удивляли неслыханной точностью, но и предложенный им более совершенный способ наблюдения за планетами, хотя и не очень понятно было, какой от него прок, тоже укреплял положение Дактаира. Сам же ученый муж относился к этим своим достижениям пренебрежительно; сегодня его занимало некое новое видение мира, которое должно пробудить Египет, вырвать страну из затянувшегося сна, освободить ее от обветшалых преданий и поставить на путь быстрого развития. Неужто такой богатый и такой могучий край не сумеет отринуть свое истлевшее прошлое?

— Поздравляю с золотым ожерельем, старший предводитель. Награда заслуженная, но еще важнее то, что она превращает вас в человека значительного, и к мнению вашему станут прислушиваться более внимательно.

— Не внимательнее, чем к твоему. Слыхал я, что вот уже и фиванский градоправитель твоих советов не слушает.

— Говорят разное, согласен. Но человек умудренный, вроде меня, больше печется о грядущем.

— А еще я слыхал, что твои замыслы огорчают высоких особ.

Дактаир взъерошил густую бороду.

— Спорить не стану, старший предводитель. Великий жрец Карнака и ходящие под его началом знающие люди моих изысканий не одобряют, но я их не боюсь.

— Не слишком ли ты самонадеян?

— Недругов моих унесет поток, который много сильнее, чем Нил: я имею в виду природное любопытство рода человеческого. Познания необходимо накапливать, и я рад участвовать в этом. Боюсь, что в стране, столь приверженной преданиям, как эта, дороге суждено оказаться долгой. Однако же можно выиграть время, много времени...

— Это как?

— Должно овладеть тайнами Места Истины.

Мехи влил в себя огромный глоток белого вина, чтобы не выдать свое волнение. Неужто он ухватится за длань могучего союзника?

— Не понял... Ты о чем? Про это мелкое сообщество мастеровых говоришь?

Дактаир протер лоб пахучим платком из белой ткани.

— Я тоже поначалу думал, что оно ничего не значит... Но я был не прав. Мастера они, конечно, незаурядные, но важнее то, что это, как вы изволили выразиться, сообщество хранит тайны ключевой, жизненной важности.

— Тайны... какого рода?

— Не побоюсь ни велеречивости, ни преувеличений. Ибо речь о вечной жизни. Разве не братству Места Истины поручено готовить обитель, предназначенную для воскрешения фараона? И, чувствую я, кое-кому из братии ведом процесс преобразования ячменя в золото, [7]не говоря уже об иных диковинах и чудесах.

— А прознать об этом получше ты пробовал?

— Не единожды, старший предводитель, но безуспешно. Место Истины подвластно лишь фараону и его визирю. Сколько раз я просил разрешения посетить это селение, столько раз власти мне отказывали. Я даже к приятелям из высших властных учреждений обращался — куда там. Селение недоступно.

— Тебе не кажется, что ты... ведешь себя опрометчиво?

— До меня уже не раз доходили подобные суждения на мой счет. Да, скажу вам, уже и в глаза смеются.

— Да и до меня такие сплетни доходили, но я-то твои разговоры слушаю. Потому что воспринимаю тебя всерьез.

Дактаир удивился.

— Мне очень лестно, старший предводитель, но, интересно, какие из моих доводов показались вам убедительными?

— Дело в том, что и для меня Место Истины — едва ли не главная забота. Как и ты, я хочу узнать, что прячется за высокими стенами этой деревни. И у меня тоже ничего не выходит. Раз тайну так охраняют, значит, дело это первейшей важности.

— Превосходное умозаключение, старший предводитель!

Мехи пристально поглядел на гостя.

— Какое там умозаключение!

— Так... как прикажете понимать?

— Я видел тайну Места Истины.

Ученый вскочил с кресла, руки у него дрожали.

— И... в чем она состоит?

— Не спеши. Я тебя заверяю в том, что тайна действительно существует, но без твоей помощи мне не обойтись. Вместе будем дознаваться, а дознаемся — вместе будем пользоваться. Договоримся?

Глазки Дактаира превратились в черные буравчики, сверлящие лоб Мехи так, словно пристальный взгляд ученого способен был проникнуть за эту преграду и увидеть тайные, самые сокровенные намерения старшего предводителя.

— Вы сказали — договоримся... Но о чем договариваться будем?

— Ты — блестящий ученый, но твои изыскания натываются на неприступные стены, те самые, что окружают Место Истины. По некоторым личным причинам я решил сделать все, что только в моих силах, чтобы уничтожить это устаревшее учреждение. Но прежде, чем оно погибнет, необходимо вырвать у него его сокровища и его тайные знания. Объединим же наши силы.

Ученый растерялся.

— У тебя — ум и знания, — продолжил Мехи, — но не хватает сил и средств. Вскоре в моем распоряжении окажется огромное состояние, одно из самых больших в Фивах. И я намерен употребить его на расширение своего влияния.

— Рассчитываете занять высокий пост в войске, полагаю? На самом верху?

— Ясное дело, но это всего лишь ступень. Египет дряхл и болен, Дактаир. Слишком долго правит страной Рамсес Великий. А он не более чем выживший из ума царек и впавший в детство вождь; слабоумному старичку просто недостает мозгов, чтобы предвидеть будущее и приуготовлять верные решения. Какое там! Что в дурную голову взбредет... Его царствование, которое все тянется, тянется и никак не кончается, ввергло страну в неподвижность и застой. И это опасно.

Лицо гостя мертвенно побледнело.

— Вы... выдумайте, что говорите!

— Я говорю и думаю ясно, а это качество необходимо, если метишь высоко.

— Да сам по себе Рамсес Великий — воистину памятник! Никогда не слышал я ни единого слова хулы на его счет... Разве не он подарил нам долгие десятилетия мира?

— Мир не более чем передышка между столкновениями. Долгий же мир — недопустимо затянувшаяся передышка, преддверие войн, к которым Египет не готов, а если даже и готовится, то из рук вон плохо. Рамсес Великий скоро уйдет, а заменить его некому. При нем Египет закоснел и развитие его остановилось. Я это понимаю. И ты тоже. Займись продвижением новых мыслей, а я возьмусь за учреждения — вот что ляжет в основу договора между нами. А чтобы воплотить наши намерения в жизнь, мы должны стать хозяевами тех главных начал, которые составляют могущество Египта.

— Вы забыли про войско, стражу и...

— Говорю тебе — я ими займусь. Счастье и богатство фараона в своей основе имеют не отборные войска, но опираются на таинственную науку мастеровых, знающих, как создавать обители вечности и как получать золото... сколь угодно много золота.

Дактаир разволновался.

— Вы, я вижу, давно интересуетесь Местом Истины...

— Виденное мною — лучшее доказательство тому, что ни ты, ни я не ошибаемся насчет обширности его тайн.

— Больше вы мне ничего не расскажете?

— Будешь союзником?

— Это опасно, старший предводитель, очень опасно...

— Верно. Продвигаться к цели мы будем столь же осторожно, сколь и решительно. Не хватает духу — откажись.

«А откажешься — удавлю», — думал про себя военный. Как же можно оставлять в живых человека, которому ведомо, пусть отчасти, что на уме у Мехи.

Ученый колебался. Ему предлагают исполнение его самых заветных грез, но увлекают на путь, изобилующий опасностями. Представляя себе торжество науки, Дактаир как-то забывал, что царство и его армия нимало не интересуются столь волнительными вещами. Мехи же — да, учтив, хорошие манеры, обаятельная улыбка... Но за всем этим кроется душа убийцы. В сущности, Мехи не оставил ему выбора: или он сотрудничает, и без всякого там «себе на уме», или... Да придушит его этот разбойник, и вся недолга. И еще всласть помучает, пока дух не испустишь.

— Я согласен, старший предводитель. Объединим наши силы и наши воли.

Лунный лик военачальника расцвел, как свежераспустившаяся роза.

— Решающий час, Дактаир! Благодаря нам Египет познает будущее. А обмоем мы наш уговор вином прекрасного урожая — этот виноград давили на пятом году воцарения Рамсеса.

— Премного благодарен, но вынужден, попросив прощения, отказаться. Я не пью ничего, кроме воды.

— Даже в случаях исключительных?

— Предпочитаю сохранять ясность ума при любых обстоятельствах.

— Уважаю людей с характером. С завтрашнего дня я начинаю посещать присутственные места и важных особ, с тем чтобы продвигать свой план совершенствования фиванского войска. Никаких затруднений я не ожидаю, более того, эти мои действия должны принести мне повышение по службе. А после женитьбы я войду в круг многочисленных представителей знати, мало-помалу просочусь в высшие сферы управления и стану там незаменимым.

— Что касается меня, — вставил Дактаир, — то я имею серьезные основания надеяться, что буду назначен первым помощником руководителя всех оружейных работ в Фивах.

— Мой будущий тесть словечко замолвит, и, считай, ты уже получил эту должность. И не теряй времени. Чтобы у тебя там все было схвачено! Действуй пошустрее.

— Для меня это важно — я смогу приступить к изысканиям и изучать даже то, что пока изучать не советуют, и в моем распоряжении будут все необходимые ресурсы.

Мехи на миг позволил себе сон наяву: новейшее оружие и оснащенные им войска — под его началом они будут непобедимыми.

— Мы просто обязаны глаз не сводить с этого Места Истины. — Военный поспешил отогнать сладкие грезы. — И нам нужно отделить выдумки от правды. Говорят, искушенный писец некрополя, назначенный самим фараоном, — вот кто в деревне облечен властными полномочиями. Долгие годы этот Рамосе исполняет свою должность, о которой никому не удавалось вытянуть из него ни единого словечка. Известно лишь, как зовут его преемника, так как казенные документы подписываются именем Кенхира. Постараемся же как можно больше разузнать о нем. Если окажется, что его можно водить на привязи и дергать за веревочки, мы сможем поразить врага в самое сердце.

— При условии, что именно он — подлинный хозяин братства, — возразил ученый.

— Так или иначе, он их вождь, и учитель, и начальник над всеми работами. Или что-то

в этом роде. Словом, первая и высшая ступень служебной лестницы... Разузнать имена и обязанности каждого из руководителей — как же без этого? Неужели непонятно?

— Мастеровые ничего не скажут, на этот счет можно не сомневаться. Но помощники... совсем не обязательно.

— Если меня не обманули, помощникам вроде бы вход в селение закрыт.

— Так оно и есть, но они присутствуют при некоторых событиях.

— Доставка воды, съестных припасов, одежды, насколько я знаю... Но зачем это нам? Какой с этого прок?

Дактаир довольно ухмыльнулся.

— Подробное изучение изделий, доставляемых в селение, поможет нам судить об истинном уровне жизни братства и приблизительно оценить его численный состав.

— Любопытно, — признал Мехи. — Стукачи... они полезны. И что, небось тебе уже кое-кто кое о чем доносит?

— Пока есть только один такой человек. Это — прачечник, я посулил ему чудодейственный порошок, мгновенно очищающий грязное белье. Но лиха беда начало... Если не поскупимся, найдутся и иные опорные точки. Прачечник этот, между прочим, сообщил мне об одном неслыханном происшествии, случившемся в селении.

Дактаир не без удовольствия наблюдал за тем, как облизывается и сглатывает слюну честолобивый воин, внимая самым аппетитным подробностям его рассказа.

— За весьма продолжительное время братство не приняло в среду свою ни единого нового мастерового. И вот довольно молодой человек, некто Нефер Молчун, сумел снискать доверие у приемного суда Места Истины. Следует, однако, заметить, что он лишь вернулся в селение, оставленное им несколько лет тому назад, после того как повзрослел и решился отправиться в путешествие.

— Ничего не скажешь, занятно... А не числятся ли за ним какие-либо увлечения? Или, скажем, порочные наклонности? Чтобы было за что ухватиться?

— Постараемся разузнать. Кстати, он вернулся не один, а с женщиной, по всей вероятности дочерью одного фиванца, обывателя со средним достатком.

— Они — муж и жена?

— Это еще нужно выяснить.

Мехи уже набросал в уме несколько способов нападения на Место Истины. Сначала рисочка наметится, потом щелочкой станет, а там и трещины пойдут, и, глядишь, стены, ограждающие селение, сами развалятся. И камня на камне не останется.

— И не думал, мой дорогой Дактаир, что первая же наша встреча окажется столь плодотворной.

— Я, старший предводитель, тоже очень доволен.

— Задача наша представляется трудной, а терпение — далеко не первая из моих добродетелей. Придется, однако же, поупражняться и в этом искусстве. А теперь — за работу.

Бекен-горшечник был собой доволен. И на жизнь не жаловался: руководителю помощников Места Истины хватало ума не только проводить свой рабочий день с пользой для взыскательного работодателя, но и извлекать из своего положения некоторые выгоды для себя лично, чтобы несколько подсластить бременное существование свое в скорбной земной юдоли. В частности, он мог позволить себе делить ложе с дочерью обувщика, более дорожившего сохранением своего рабочего места, чем добродетельностью своего потомства по женской линии. Вряд ли кто счел бы эту девушку красивой или хотя бы умной, однако же она была лет на двадцать пять моложе начальника, поставленного над ее родителем.

— Ну иди ко мне, моя птичка... Я тебя не съем.

Девушка упорно не желала входить в призывно распахнутую дверь и только поеживалась. Словно бы ей было зябко.

— Я — мужчинка добрый и щедрый. А будешь хорошо себя вести, так я тебя такой вкуснятиной угощу!

И папочка твой будет работать там же, где и теперь, и никто его не тронет.

Сердце готово было выскочить из груди, но молоденькая девочка шагнула вперед.

— Ну, еще шажок, мой маленький воробушек. Не пожалеешь, капризулечка. А теперь рубашонку вот так... И вверх...

Пусть медленно, ох как медленно, но дочь сапожника все же повиновалась гостеприимному хозяину.

Гончар уже растопырил пальцы, готовясь схватить свою испуганную добычу, как вдруг дверь дома резко распахнулась и со всего размаху ударила Бекена по плечу, повергнув его наземь.

А молодая женщина, и без того терзаемая смятением, совсем уж перепугалась, увидев в дверном проеме юного великана, распаленного, как взъярившийся бык, и попыталась трясущимися руками кое-как натянуть на себя полусодранную одежду.

— Брысь! — услыхала она.

Бедняжка взвизгнула и метнулась прочь. Нежданный гость тем временем обнаружил жертву своих энергичных телодвижений и ухватил хозяина за волосы.

— Никак это ты и есть гончар Бекен, поставленный начальником над помощниками Места Истины?

— Ага, ага... А тебе чего?

— Жар — вот как меня зовут, и я спешил повидаться с тобой, чтобы ты меня на работу определил.

— Отвяжись от меня, ты! Отпусти! Больно!

Молодой человек швырнул горшечника на топчан.

— Мы с тобой очень даже можем поладить, Бекен, но учти: мне немножечко недостает терпения.

Обозленный начальник помощников пришел в себя:

— Ты с кем это так разговариваешь, наглец, а?! Дружок выискался! Да ты у меня вообще ничего не получишь!

Жар придавил горшечника к стене.

— Не нагоняй на меня тоску: если мне скучно, на меня такое находит... А уж если на

меня найдет, я за себя не ручаюсь.

Бекен не был настолько слеп, чтобы не заметить ярость, пылающую в очах молодого человека.

— Ладно, ладно, хорош тебе! Успокойся!

— Знаешь, такая скука, когда вот такой, как ты, норовит мне указывать.

Гончар еще раз попытался вернуть себе начальственное достоинство:

— А как же без приказов? Ты обязан мне подчиняться. Ведь я же руковожу всеми помощниками и слежу, чтобы любая работа делалась как следует.

— А я стану твоей правой рукой — и ты не пожалеешь! Труд-то у тебя какой? Изматывающий. Нет разве? Ты же так устаешь... Значит, заместитель тебе хороший нужен. Верно?

— Не все так просто...

— Кончай сказки сказывать. Дело решено. А раз так, я тут остаюсь. Постели мне — спать хочу.

— А... Но... это же мой дом!

— Смерть как не люблю повторять одно и то же. И не забудь: с утра чтоб лепешки горячие, сыр, ну, там, молочко парное. Как светать начнет, даже чуток пораньше. Денек у нас завтра с тобой, чую, тот еще будет.

Чтобы выспаться, Жару хватало часов трех, и он всегда мог подняться, когда это было необходимо, и обычно вставал задолго до рассвета. Подкрепившись черствым хлебом с финиками, он вышел из хижины Бекена и заглянул в хлев, где обнаружил откормленную ухоженную корову, глядевшую на него невыразимо кроткими очами. Кто же не знает, что в каждом из подобных животных воплощена богиня любви Хатхор, и потому взору коровы присуща несравненная красота.

Угадал Жар, как в воду глядел. Как с ночи думал, так поутру и вышло: вот он, горшечник, и два мордоворота при нем. И у каждого — по дубине. Бекен, значит, не собиравшись уступать и решил, что грубое воспитательное воздействие отобьет у смутьяна охоту докучать добрым людям.

Увидев, что все трое вошли в дом, Жар вышел из хлева, чтобы послушать буханье дубины, обрушивающейся на ложе, на котором, по всем разумным прикидкам, еще должен был возлежать непрощенный гость. Когда удары стихли — надо думать, приспешники Бекена сочли свою миссию выполненной и прекратили разорять ни в чем не повинную постель, — Жар рванул дверь на себя.

— Не меня ли ищете?

Вздрогнув от неожиданности, смутившийся гончар поспешил укрыться за спинами своих прихлебателей. Один ринулся было на юношу, но Жар схватил табурет и, используя его сначала в качестве щита, а затем — дубины, уложил противника на пол. Другому удалось ударить юного великана в левое плечо, однако ответный удар кулаком не только заставил нос противника взорваться, но и повалил воителя на спину — раскинутые руки и вытянувшееся тело образовали подобие креста, из верхней оконечности которого сначала забила ключом, а потом потекла тонкой струйкой темная кровь.

— Кроме тебя, больше никого не осталось, Бекен.

Гончар закатил глаза.

— Как же ты меня достал! И как кинул! Я знал, что ты скот, но ты еще и тупица. Гляди у меня, выкинешь еще что, руки переломаю... Чем горшки лепить станешь? Дошло до тебя?

Гончар торопливо закивал головой.

— Убери с глаз моих этих прощелыг. И на стол мечи, что есть в печи. Я проголодался.

С какой вызывающей горделивостью шествовал Жар, сопровождаемый гончаром Бекеном, по дороге, ведущей к Месту Истины, мимо пяти укреплений. На каждой заставе горшечник знакомил стражей с Жаром, представляя его не иначе как своего заместителя. Писец Кенхир, конечно, сообщил охране о появлении нового молодого помощника, но никто не ожидал от новичка столь стремительного продвижения по служебной лестнице.

Давно уже гончар не приходил на площадку помощников так рано. Даже кузнец Овед, слывший ранней пташкой, еще не проснулся.

— Подъем! Вставайте все! — взревел Жар громогласным голосом, и эта команда подняла на ноги всех помощников, которым позволено было жить рядом с деревней.

Разбуженные работяги испуганно недоумевали: что за бедствие обрушилось на Место Истины?

— Бекен говорит, что все вы — лодыри и лежебоки, — объявил Жар, — и с этим безобразием пора кончать. Все вразброд: всяк ковыряется на особицу, корпит над своей безделицей, а до соседа ему и дела нет. Так жить нельзя. С сегодняшнего дня все мы дружно помогаем разгружать доставленные съестные припасы, а то доселе была одна лишь волюнка и суматоха. И еще я собираюсь прошвырнуться по рабочим местам: погляжу, чем вы там занимаетесь и управляетесь ли в срок.

Еще не проснувшийся кузнец не выдержал:

— Что ты такое плетешь... Еще чего выдумал... Бекен нам такого не велел!

— Зато велел мне. И я изо всех сил стараюсь выполнить его приказ.

Гончар гордо выпятил грудь. Как-никак, распоряжения этого Жара укрепляли его авторитет, несколько, приходилось признать, подорванный.

— Должен вам сказать, — начал он, — что ваша распушенность дошла до неслыханных пределов. Поняв, что в одиночку навести порядок трудно, я решил обзавестись новым помощником: он будет отвечать за ход работы и строго следить, чтобы все исполнялось как следует.

Жар ткнул пальцем в молодца с необычайно мускулистыми ногами.

— Сгоняешь на равнину и соберешь тамошний народ. Что за дела? Они уже вкалывать должны, а еще до работы не доплелись. Мы что, чинуши какие на казенном жалованье, чтоб до полудня дрыхнуть?! Мы же помощники Места Истины. Дай только волю лени — засосет вмиг, заест. А тогда уж увольнять придется толпами, гнать позорников поганой метлой — толку-то от них все равно не жди.

Видимо, слова новичка показались собравшимся убедительными. Никто не возразил.

— Бекен первым подаст пример, — уточнил Жар. — Он за день вылепит больше сосудов, чем за два предыдущих месяца.

— Да-да... Обещаю.

— До всех нас должно дойти, что дело, которым мы здесь заняты, очень важное. А проверку я начну с тебя, кузнец.

— Думаешь, сможешь?

— А ты меня всему и научишь.

Бракосочетание Мехи и Серкеты удалось на славу. На пышную свадьбу пожаловало больше пяти сотен гостей, цвет фиванской знати, все верховные сановники... Не хватало лишь Рамсеса Великого, но престарелый царь не покидал своего дворца в Карнаке, где трудился вместе со своим писцом Амени, который до предела ограничил приемные часы.

Еще не протрезвевшая Серкета возлежала на подушках. Обширная усадьба ее отца опустела, гости разошлись. Мосе, главный казначей Фив, хлебал овощной отвар, прогоняющий похмельную головную боль, а Мехи, спокойный до неузнаваемости, сосредоточенно глазел на лотос, распустившийся в большой чаше.

Кругленькому толстячку с крепким телом и хорошо развитыми мышцами перевалило за пятьдесят, но степенностью и солидной малоподвижностью он так и не обзавелся. Напротив, юркий Мосе вечно пребывал в заботах и хлопотах, и хотя рано появившаяся плешь придавала ему сходство со жрецом из какого-нибудь храма, обряды и тем более священнослужители его ничуть не занимали. С младых ногтей Мосе полюбил игру с числами и заинтересовался властью; решив, что пусть уж богам служат другие, сам он не уставал обогащаться, а став вдовцом, лишь умножил свою алчность. Такую же страсть к стяжательству он учуял в Мехи, а потому позволил дочери убедить себя в том, что именно такой зятек ему и нужен.

— Ты счастлив, Мехи?

— Прием удался на славу, что и говорить. И дом у Серкеты просто ослепительный.

— А ты принят в высшее общество... Ладно, все это хорошо, но давай потолкуем о твоём будущем, не против?

— Думаю продолжить по военной части... Хотя армия, признаться, стала нагонять на меня тоску.

— Согласен. А как ты думал? Утвердился, благодарение Рамсесу Великому, прочный мир, и высшие военачальники нынче не мечтают попусту о стяжании лавров в битвах с несуществующим противником. Но вот что ты сам намереваешься предпринять? Полагаю, не навеки же ты застрял в старших предводителях?

— Хочу реформировать отборные войска, с тем чтобы они надежно обеспечивали безопасность города.

— Похвальное намерение. Но эта дорожка далеко тебя не заведет. Что скажешь о должности заместителя главного казначея Фив? Станешь командовать полчищем писцов, которые будут решать скучные задачи, а я расскажу тебе, как извлечь наибольший доход из этой должности. При этом нисколько не преступая закон.

— Вы очень добры ко мне, но не знаю, сумею ли я... Я насчет состоятельности в делах...

— Не скромничай. Ты — человек расчетливый. Как и я. И, уверен, понатворишь чудес. В свою пользу.

— Не хотелось бы расставаться с войском.

— А кто заставляет? Скоро тебе дадут очередной чин, вот и сиди на двух стульях: видал, сколько высших военных чинов так живет? Чем ты хуже них? Рамсес уже очень стар, надо готовиться к передаче престола. Но никто не знает, что на уме у Мернептаха, которого царь прочит в преемники.

— А вы к нему приблизиться не смогли?

— Недостаточно. Человек это прямой, можно сказать, негибкий. Или не гибкий. Нрав такой же неудобный, как у его отца, и та же неприязнь к нововведениям. Следует ожидать царствования с упором на верность старине и без особого размаха. Но долголетие Рамсеса Великого, быть может, еще удивит нас... Чего доброго, Рамсес и Мернептаха переживет. И кто же тогда будет объявлен наследником трона?

— Вы не знаете?

— Конечно нет. Я деньгами занимаюсь, а от опасных властных игр держусь подальше и не хочу, чтобы мой зять пострадал из-за склок наверху. Так что тебе стоило бы занять выгодное положение, удобное при любом раскладе: повернется так — ты пригодишься как воин, выйдет этак — ты понадобишься как руководитель, как звено власти. И никакая смута ничем не повредит моей дочери и ее мужу, ничего дурного им не принесет.

— Я с чужеземцем одним познакомился. Ученый такой, по имени Дактаир.

— Фиванский градоправитель им не нахвалится. Изобретатель, из тех, у кого вечно в голове что-то варится.

— Мне он тоже показался человеком приятным, и я бы не прочь оказать ему услугу. Не сможем ли мы продвинуть его на должность помощника руководителя всех оружейных работ?

— Запросто. И мысль, по-моему, прекрасная. Он там растолкает кое-каких дремучих упрямец да и нам за помощь благодарен будет. И если не сегодня, так завтра или послезавтра он может нам пригодиться. Окружай себя теми, кто тебе обязан, но, Мехи, не забывай собирать о них сведения. Самые разные, Мехи. Не знаю, может, тебе это и противно, зато если кто захочет тебя пальцем тронуть, угодит этим пальцем в небо.

— Знаете, дорогой тесть, меня тревожит одна мелочь.

— В чем дело?

— Почему вы мне не доверяете?

— Ты о чем? Что за вопрос после такого разговора?

— Если бы вы мне верили, не навязали бы договор о разделе имущества.

Мосе единым махом осушил чашу со своим отваром.

— Жизни не знаешь. Впрочем, я тоже не знаю... не знаю я, Мехи, что у вас там с дочкой моей получится. А вдруг налево повадишься, а там и развестись захочешь... Смотри, шажок в сторону — и гол как сокол: состояние тью-тью. Серкета — дочь мне, пойми, и я должен прикрыть ее от всех невзгод. Так что никто и ничто не заставит меня переменить свое решение. А при нынешнем раскладе, глянь, мы и этот вопрос решили. Ты же важной особой будешь — мой зять не какой-нибудь там вояка. Все житейские радости — твои, у знати ты нарасхват, этот зовет, тот приглашает... Чего еще? Не упускай того, что само в руки идет, Мехи, но и большего, чем то, что и так дается, не требуй.

— Спасибо за мудрые советы, дорогой тесть.

На оранжевом закатном небе четко обозначился сдвоенный силуэт пары ибисов. По Нилу сновали туда-сюда суда, суденышки и лодки: благо дул ветер с севера, но течение и водовороты тоже никуда не делись. Старший предводитель Мехи и Дактаир устроились на корме судна, движимого шестеркой гребцов и новехоньким белым парусом, и наслаждались речной свежестью.

— Градоправитель Фив назначил меня помощником руководителя оружейных работ, — сообщил Дактаир. — Догадываюсь, что возвышением своим я обязан вашим хлопотам.

— Тесть мой оценил тебя, хотя понятия не имеет, каков ты на самом деле. Ну а начальник твой? Как он тебя встретил?

— Не очень-то любезно, пожалуй. Человек это искушенный, ученик и воспитанник карнакских мудрецов, а там, как известно, господствует старая школа, довольствующаяся теми познаниями, которые имеются. Он запретил мне предпринимать что бы то ни было по своему почину. Я под надзором и ни о какой свободе рук даже мечтать не смею.

— Потерпи, Дактаир. Вышестоящие тоже не вечны.

— У него прекрасное здоровье!

— Любую преграду можно снести множеством способов, не так ли?

— Не понимаю, старший предводитель...

— Не строй из себя простачка, Дактаир. Пока же, если речь о твоей работе, не колеблясь повинуйся приказам. А почему ты так спешно захотел повидаться со мной?

— У меня есть кое-какие связи во дворце, и по этим каналам я узнал, что Рамсес Великий принимал Рамосе, бывшего старшего писца некрополя, не выходившего из деревни несколько лет, и прием затянулся. Сам Рамосе не сказать чтобы человек недоверчивый или свехосторожный, и потому он проболтался, сказав одному своему старинному знакомцу из царедворцев, что у царя много великих замыслов касательно Места Истины.

— Также мне откровение! Когда Рамсес в последний раз появлялся здесь, в Фивах, он дал резкую отповедь управителю западного берега. Тот предложил селение упразднить, а мастеровых разогнать.

— Я в бой с Рамсесом не рвусь. Силы слишком неравны.

— Рамсес всего лишь дряхлый старик!

— Должен ли я напомнить вам, что он — фараон, глава и наставник Места Истины? Нам не по плечу тягаться с ним, Мехи, отступимся, пока не поздно.

— А про тайны, которые ты хотел выведать, забыл?

— Нет, конечно, но эти тайны недоступны.

— Ты обманываешь себя, Дактаир, и я тебе это докажу. Помни, ты встал на дорожку, которую уже не покинуть. А еще узнал что-нибудь?

— Писец Рамосе удовлетворен тем, что братство приняло Нефера Молчуна, так как уверен, что он сохранит славу братства.

— Иначе говоря, он видит Нефера среди будущих руководителей.

— Это всего лишь мнение Рамосе, — возразил ученый, — пусть Рамосе и носит звание «писца Маат» и пользуется всеобщим уважением. Оказался достоверным иной слух: Нефер женат на Ясне, принятой в братство вместе с мужем.

Мехи в задумчивости уставился на воду.

— Чтобы подорвать силы Места Истины, — решил он, — следует первым делом опорочить братство. А когда начнут сомневаться в его доброй славе, то и царь не сможет заступиться. И мы вполне можем преуспеть.

— Поддавайся, Жар, ты должен уступить!

— Поговори еще у меня, Овед.

Кузнец вместе с молодым помощником гончара мерялись силой в кузнице, благо никто из подмастерьев видеть их не мог.

— Я самый сильный мужчина в Месте Истины и останусь им! — заявил Овед.

— Промотал ты всю свою мощь. Растранижил.

Рука Жара была тверда и тяжка, как каменная глыба, и Овед не мог сдвинуть ее с места. Медленно, очень медленно, нехотя кузнец начинал примиряться с неизбежным. Напрягая последние силы, он сумел на несколько мгновений удержать руку от неминуемого падения. Но давление было непереносимым, и с криком раненого зверя Овед сдался.

Тыльной стороной левой ладони Овед попытался утереть взмокший лоб. А юный исполнитель не уронил ни единой капельки пота.

— До сего дня никто не брал надо мной верх. Что за силушку ты вливаешь в свои жилы?

— Сосредотачиваться не умеешь, — подытожил Жар. — А у меня всегда столько силы, сколько мне нужно: понадобится еще — будет еще.

— Гляжу я на тебя, и, знаешь, страшно порой становится.

— Подружишься со мной, так и бояться тебе будет незачем.

Жар убил львиную долю рабочего дня на кузню: Овед учил новичка ковать новую утварь и чинить прохудившуюся, накладывая на слабые места металлические заплатки. Кузнец рабочих часов не считал, чем был совсем не похож на других помощников, в большинстве своем особым трудолюбием не отличавшихся, хотя молодой человек и не уставал их подгонять.

— Много друзей у тебя тут быть не может, — заметил Овед. — Ведь обычно как онс бывает? Смотрят начальнику в рот, наушничают, то тот, то этот что-то просит, а начальник прислушивается и, глядишь, дает людям послабление и старается, чтобы они не перетруждались. Бекен-горшечник, тот и вовсе такие чудеса творил... В свою пользу... Пока тебя не назначили, вся площадка была как улей жужжащий, как пасека медоносная! А вот писец Кенхир, тобой, кажется, очень доволен.

— Значит, он меня поддержит.

— Еще чего! Это знаешь какой добряк? Детей таким хорошо пугать — и сварливый, и придира, и терпеть не может, когда ему перечат. Не попадайся ему на глаза и вообще держись от него подальше.

— А чего ж его на такую должность назначили?

— А я почему знаю, что там... На то воля фараона, У нас больше Рамосе любили: вот человек! Добрый и не жадный. Мы при нем творили что хотели, пользовались его широтой напропалую, а ему от нас почти ничего не доставалось. Да он и не требовал. Его время — это радость и веселье без удержу и без предела. А пришел на его место Кенхир — и, считай, все переменялось.

— А почему ты в братство не просишься?

— Лета не те, да и ремесло мне по душе. А кузнецу есть место только среди помощников.

— Разве это справедливо?

— Таковы уж законы Места Истины, и, знаешь, я доволен своей участью — честно. И ты, если дурака валять не будешь, на мою дорожку ступишь.

Жар вышел из кузни и отправился проверять, как выполняются указания гончара Бекена. Вот уже несколько недель он жил в поселке и за это время приобрел вкус к своему неблагодарному труду, который заключался в том, чтобы следить за качеством воды, рыбы, мяса, овощей, дров, за чистотой выстиранного прачечниками белья и за прочностью вылепленной гончарами глиняной посуды.

«Те, что вовне», именовавшиеся также «теми, что носят» и «теми, что обременены», скоро поняли, что молодой человек не склонен прощать любые проявления бестолковости или ловкачества. Женщины, собиравшие плоды, стали тратить куда меньше времени на болтовню, а привалы на долгом пути караванов в селение, с выпивкой и разговорами, случались теперь у вожатых этих караванов много реже. Жар ужесточил требования к рыбакам и садовникам и лично снимал пробу со свежееиспеченного хлеба. В первые дни он просто швырял скверный хлеб на землю и слышать не хотел ни про дрянную муку, ни про сырые дрова; после такой взбучки пекарь не имел права повторять прежние ошибки, и со временем он даже научился баловать ремесленников медовыми пряниками и миндальными пирожными.

Жар не раз отправлялся вместе с пастухами на заболоченные земли, где и травы росли погуще, и скотина нагуливала вес побыстрее, и хорошо ему было среди этих грубоватых людей. Он привык, готовясь к ночлегу в камышовом шалаше, вслушиваться в их горестные разговоры, понял, почему пастухи так боятся крокодилов, мошкары и гнуса, но все же не стал к ним более снисходительным. Трудности трудностями, но это не причина день напролет наигрывать на дудочке да дрыхнуть подле своих собак. И все же отношения как-то налаживались, и взаимного понимания и даже сочувствия становилось все больше, но, главное, его слушались.

Тем не менее, шагая к мясницкой, Жар знал, что на этот раз его, быть может, ждет провал.

Коротко стриженный старший мясник щеголял в кожаной набедренной повязке с ножом и точильным камнем на перевязи. Этот Дес теперь вызывающе бездельничал, пока его подчиненные ощипывали гусей и уток, чтобы потом выпотрошить, засолить и повесить очищенные тушки на длинном шесте или же закупорить белое мясо в больших глиняных сосудах для длительного хранения.

— Доброго здоровья, Дес. Занемог?

— Отдыхаю. Тебе-то что?

— Утром привезли газель и быка. Котлы разогреты, но пусты. Почему в них нет мяса? Ты же должен был его нарубить?

— С руками у меня неладно.

— Покажи, что там у тебя с ними.

— Ты что, целитель?

— А ну покажи руки!

— Хочешь мяса — руби его сам.

Жар выхватил кремневый нож у одного из мясников и надрезал левую заднюю ногу быка в соответствии с обрядом. Это делалось для того, чтобы приносимое в жертву животное по своей доброй воле отдало свою силу тем, кто будет употреблять его в пищу.

Кровь, наполнившая подставленную чашу, была чистой. Жар вставил лезвие ножа

между суставами, перерезал сухожилия, выбрал куски получше и передал мясо на кухню. А бычья печень считалась ценным и почетным блюдом, и Жар был согласен с этим.

— Я не такой ловкий, как ты, Дес, но мастеровые сегодня подкрепятся как следует.

— Рад за них.

Мясник отправил в рот кусок сырого мяса и начал его жевать.

— Один вопрос остается: ты-то здесь зачем?

Мясник смерил юношу ненавидящим взглядом.

— Ты мне тут показывать вздумал, малявка? Я — начальник над мясниками, и у меня — отдых. А на ваши приказы — твои или твоего горшечника — мне плевать.

— А с чего это ты решил давать себе поблажки? Годами потекаешь своим прихотям. Бекен мне говорил, что ты был одно время начальником помощников. Верни себе былое положение и верно служи Месту Истины.

Все другие мясники, рубильщики мяса, повара и поварята бросились врассыпную, от греха подальше. Зная нрав старшего мясника, они боялись самого худшего. И не захотели стать свидетелями неизбежной драмы. Привяжутся: давай показания! А если Десу насолить, пусть невзначай... потом не поздоровится.

Мясник поднялся во весь рост. Он был чуть поменьше своего противника да и сбит не так крепко. Но бугристые плечи и раздувшиеся предплечья не сулили недругу ничего хорошего. А ведь был еще и нож, уже перекочевавший в его здоровенную лапищу.

— Вот я сейчас жилы тебе перережу, не побегаешь больше! А как обессилеешь, так и народ донимать не сможешь.

Жар отшвырнул нож, который держал в руке.

— Дурачок! Вздумал отбиваться голыми руками!

Совсем уже разъярившийся Дес рванулся к врагу, нацелив острый клинок ему в живот, однако Жар увернулся, когда нож был всего лишь на волоске от его тела. Пролетев вперед, увесистый мясник не успел вовремя развернуться, и Жар, схватив его за руку, сначала так ее выкрутил, что заставил противника выронить нож, а потом так сдавил Десу горло, что тому стало нечем дышать.

— Решай, Дес: или ты уважаешь правила, которым все подчиняются, или я тебе шею ломаю. Гляди, ерунда какая: несчастный случай в мясницкой, той самой, за которую ты всецело отвечаешь. Ну, подумаешь там, со смертельным исходом.

— У тебя... кишка тонка!

Дышать стало совсем уж нечем.

— Пусти... Согласен!

— Слово даешь?

— Даю!

Освобожденный от недружеских объятий, мясник рухнул на колени и поспешил всосать в себя весь тот воздух, который перед этим недобрал.

— Есть хочу, — крикнул Жар работникам, которые уже поняли, что гроза миновала, и теперь понемногу возвращались на свои места. — Приготовьте-ка мне кусок мяса получше.

Дочка после того, как Абри отхлестал ее по щекам, взревела, потом завывала и убежала в покои матери — прятаться. Такой разнос Рамсес Великий ему устроил, да на людях! И ведь подчиненные его там были, в этом зале приемов, и те, с кем рука об руку трудишься... Вот уже сколько дней минуло, а главному управителю западного берега становилось все горше, любая мелочь выводила его из себя, и на орехи доставалось и подчиненным, и домочадцам, и не только прислуге, но и самой близкой родне. Но в ярость его повергали не случайные мелкие происшествия: управитель в ужасе ждал указа, отстраняющего его отдел. Что тогда? Он — заурядный писец. И прощай поместье, все расходы по содержанию которого и по оплате сонма услужливых носильщиков и прочих ревностных слуг несет казна: оно вместе с его должностью перейдет другому сановнику. И все будут глядеть на него сверху вниз и посмеиваться у него за спиной, а то и насмехаться прямо в лицо. А те, кто пока еще только таят на него обиды, станут мстить. И у кого искать заступничества? А жена? Поддержит в трудную минуту? Ага, как бы не так. Избалованная бездельница, лишившись привычной роскоши, рассвирепеет и потребует развода.

А покончить с жизнью духу не хватало. Лучше всего было бы, прихватив кое-что с собой, убраться за рубежи Египта и на чужбине начать все сначала. Но как покинуть этот город? Распрощаться с фиванским раем было выше его сил. Так что оставалось одно: уныло дожидаться неминуемого падения.

— Господин, старший предводитель Мехи просит вас принять его, — сообщил, поклонившись, управитель.

— Я никого не принимаю.

— Он настаивает.

Абри устало уступил:

— Я выйду к нему в гостиную для приемов.

Управителю западного берега давно хотелось перекрасить помещение, в котором он принимал важных посетителей, но теперь он не мог позволить себе лишних расходов. Задергалось веко... Жди теперь, пока проморгаешься... сколько же их, хлопаний-то этих... сто, что ли?

Нарядный — все по последней моде, браслеты на запястьях, крепкий аромат благовоний, на которые он мог бы и покуситься... За версту благоухает... Блестящий, надменный, молодой военачальник сделал шаг навстречу хозяину.

— Благодарю за радушный прием. Вы не пожалели для меня вашего драгоценного времени. Смею заметить, что дом ваш приятно поражает удобствами и размахом.

— С чем пожаловали? Вы что, не знаете, что я в опале? Или стервятник почуял легкую поживу?

— Скажу вам откровенно, но хорошо бы, чтобы это осталось между нами... Я не согласен с упреками царя.

Абри пришел в изумление.

— Уж не хотите ли вы сказать, что... вы одобряете мою точку зрения?

— Именно так. Доводы ваши представляются мне более чем убедительными.

Удивление мигом сошло на нет. Так тебе и поверили — ищи дураков. Подставить хотят — вот и подослали этого щеголеватого вояку: вызвать на откровенность, заставить

наговорить лишнего. Такой молодой, а уже...

— Слово Рамсеса — непреложный закон, и все мы должны ему повиноваться!

— Разумеется, — не стал спорить Мехи, — но наш возлюбленный царь ныне всего лишь почтенный старик, слишком привязанный к пережиткам прошлого. При всем почтении к его величию, не должны ли мы позволить себе крупицу самостоятельности, в том числе и в оценках его решений? Ради грядущего.

Абри оцепенел.

— Вы произносите слова чрезвычайной тяжести, старший предводитель.

— Будучи военным в немалом чине, я обязан выражаться ясно. И быть прозорливым. Случись столкновение, и наше войско не выстоит в сражении: тогда Египет, быть может, будет стерт с лица земли. Вот почему я настаиваю на переменах, и стоящие надо мной верховные военачальники благосклонно изучают мои предложения. Видите? Я вовсе не хочу никаких разрушений.

Недоверчивость слегка отступила, и Абри уселся на мягкое сиденье, закрепленное поверх каменной скамьи.

— Как вы отнесетесь к финиковому вину с анисом?

— С удовольствием и благодарностью.

Высокий сановник лично обслужил гостя, подсевшего к нему совсем близко.

— Почему я должен довериться вам, Мехи?

— Потому что, кроме меня, никто не станет защищать вас от ваших невзгод. Вам же ведомо, что я связал себя брачными узами с дочерью главного казначея Фив. Стало быть, мое влияние будет расти. И чего ради мне набиваться в друзья к какому-то опальному писцу — если, конечно, я не разделяю его убеждений...

Абри имел обыкновение наносить своим противникам беспощадные удары. Но сегодня пришла его очередь их получать.

— Дни мои сочтены... Кому я теперь нужен?

— Заблуждаетесь, Абри. Мой тесть очень к вам благоволит, и он со знанием дела передает туда, куда следует, послания, восхваляющие вашу деятельность в качестве управителя западного берега.

— Но решения принимает Рамсес. И только он один.

— Ему известны ваши убеждения. Зачем же он будет заменять вас чиновником, взгляды которого не ясны? Царь противится вашим замыслам, и вы не сумеете предпринять чего бы то ни было для осуществления ваших намерений, поэтому сможете удержать за собой вашу область и руководить ею как прежде, не угрожая привилегиям, дарованным жителям Места Истины.

— Вы... Вы серьезно?

— Рамсес — человек очень ловкий, и власть его никто не оспаривает. Повеление его нарушено быть не может, и, поскольку вы опасаетесь за свое место, вы первым станете бдительно следить за строгим соблюдением указаний царя. Разве теперь не вы самый ревностный защитник Места Истины?

И в глубине души управитель вынужден был признать правоту военачальника.

— Вы останетесь на своем месте, — пообещал старший предводитель, — а я помогу вам укрепить ваше положение.

— Такое задаром не делается... Что вы хотите получить взамен?

— Хочу я того же, что и вы, — уничтожения Места Истины.

— Не пойму я вас... Со мной все ясно: я не понимаю, за что им такие привилегии. Я считаю, что податью нужно обложить всех, никто не должен уходить от уплаты налогов. Никому никаких поблажек. Но вам-то что?.. Чем они вам-то помешали?

— Для любого человека, желающего обновления обветшавшего царства, это братство представляется нетерпимой обузой, помехой, которая должна исчезнуть.

Абри чувствовал, что собеседник увильивает от прямого ответа, прячет свои истинные побуждения. Но так ли уж это важно? Как бы там ни было, Мехи кажется добрым вестником: он принес надежду и предлагает некое будущее.

— Не вижу, чем вы мне поможете. Вы же мне сами объяснили, что отныне я должен защищать селение от любых напастей!

— Делать вид, что защищаете. Создавать видимость, и только! Пока что ни податей, ни налогов, предельная доброжелательность, подчеркнутая покорность воле царя — вот что должно быть на виду.

— Но будет и... другая задача, не так ли?

— Мало-помалу подкапываться под основы братства.

— Но ведь это опасно!

— Опасность далеко не так велика, как вам, Абри, кажется. Уверяю вас, я человек весьма осмотрительный и привык действовать в тени. Вам же должно знать, что лучше бить врага в спину, а не приближаться к нему спереди, да еще с открытым забралом. Моя теперешняя просьба крайне проста: согласитесь ли вы рассказать мне все, что вам известно о Месте Истины?

— Я знаю самую малость, но все же сведения эти совершенно тайные. Если я поделюсь с вами тем, что знаю, я стану вашим соучастником. Или заложником.

— Не соучастником, а союзником.

— Как далеко вы намерены зайти, Мехи?

— Вы в самом деле хотите это знать?

Благостное течение беседы было прервано появлением супруги сановника. Тучная черноволосая дама выглядела не на шутку возбужденной.

— Ты почему маленькую обижаешь?

— Имею честь представить тебе старшего предводителя Мехи. Не стоит вмешивать его в наши семейные дела.

— Пусть знает, что ты нам житья не даешь! То и дело на всех кидаешься!

— Успокойся, дорогая!

— Это он меня успокаивать будет! Сам-то держать себя в руках умеешь?! Пусть бы тебя этот предводитель в войско призвал, под свое начало. Может, хоть тогда бы мы вздохнули спокойнее. Без тебя!

— Все наладится, обещаю.

— Никак, этот военный собрался спасти твою головушку.

— Почему нет? — позволил себе вмешаться в перепалку Мехи.

Супруга Абри смерила гостя презрительным взглядом.

— Нашли за кого заступаться! Да и что вы можете? Шли бы лучше в свою казарму!

Управитель взял свою лучшую половину за плечо и начал понемногу подталкивать ее в направлении выхода.

— Дочку твою пошла успокаивать, и не смей больше ее обижать!

Возмущенная дама удалилась.

— Из-за Рамсеса Великого, — пожаловался сановник, — моя жизнь превратилась в ад. У меня больше нет никаких заслуг.

— Человеку ваших достоинств нельзя терпеть такую несправедливость. Тем более оставлять ее безнаказанной.

Абри принялся мерить шагами комнату, погрузившись в глубокие раздумья, которые старший предводитель не осмеливался прервать.

— Не хочу я знать, до чего вы собираетесь дойти, Мехи, а вот мне нужно одно: остаться при своем месте. По мере возможности обещаю снабжать вас сведениями. Но большего от меня не требуйте.

Старший предводитель ликовал. Первый шаг Абри уже сделал, значит, последуют и другие. Коготок увяз...

— Боюсь вас разочаровать, — торжественно начал управитель западного берега. — Хотя среди высоких сановников нет никого, кто знал бы о Месте Истины больше чем я, мне так и не удалось выяснить, что на самом деле там происходит.

— Кто там руководит людьми?

— Насколько мне известно, главенство принадлежит писцу некрополя Кенхиру, преемнику Рамосе, Рамосе же решил окончить дни свои в деревне.

— Что значит: «насколько мне известно»?

— То, что я имею отношение лишь к вопросам управления. При необходимости я вступаю в переписку именно со старшим писцом некрополя, и именно он отвечает на мои запросы. Однако должна, по всей видимости, существовать и некая тайная иерархия, но порядок в ней устанавливают сами ремесленники, под руководством главного мастера.

— И вы не знаете даже, как его зовут?

— Об этом знают лишь фараон и его визирь. Сколько я ни пробовал дознаться, ничего не выходило.

— А сколько мастеровых в братстве?

— Чтобы узнать это, нужно или проникнуть в селение, или получить заслуживающий доверия ответ от старшего писца некрополя.

— А что вам известно о деятельности Места Истины?

— Считается, что братство высекает обитель вечности для царствующего фараона: в этом якобы и состоит его назначение. Но по царскому приказу любой из мастеров и любое их число перебрасывается с одного места на другое, где они выполняют особые, строго оговоренные задания.

— И часто ли случаются подобные... отлучки?

— И снова скажу: дать ответ мог бы только Кенхир.

— Будто бы Место Истины умеет творить золото...

— Старинная байка вообще-то. Но не заслуживает никакого доверия. На самом деле есть лишь немислимые и несуразные льготы, предоставленные братству. В его распоряжении целое селение, оно отчитывается о своей деятельности только перед фараоном и визирем, его членов судит собственный суд, и его обслуживают многолюдные полчища так называемых помощников! Это нетерпимо! Как я не устаю повторять, хорошее управление состоит в ежегодном увеличении податей!

Мехи стало как-то кисло. Боязливый сановник Абри пекся только о сохранении своего высокого положения и поэтому сам ничего не предпринимал. Но все-таки какая-никакая дорожка к вожаемой цели.

— А что вы знаете о Кенхире?

— У Рамосе не было детей, хотя он не раз молил о них богов, делая богатые приношения. Когда он понял, что надежды обзавестись наследником нет, он решил усыновить какого-нибудь мальчика, чтобы тот стал его преемником и унаследовал его имущество. Свой выбор Рамосе остановил на Кенхире, которого Рамсес назначил старшим писцом некрополя на тридцать восьмом году своего царствования. Почти все считают выбор

неудачным: Рамосе — человек щедрый, любезный, все время улыбается; Кенхира же никто не любит за луженую плотку и спесь: он считает себя умнее других, и обиднее всего то, что он и в самом деле много знает и в деле своем разбирается. С тех пор, как его назначили, его ни разу никто ни в чем не упрекнул. Из тех, кто вправе делать замечания, конечно.

— Сколько ему лет?

— Пятьдесят два года.

— Так, значит, его служба тоже завершается... Полагаю, что он не против уйти на покой, если, конечно, заслуженный отдых будет как следует обеспечен.

— Сомневаюсь! Как и Рамосе, он доволен тихой жизнью в деревне.

— Ни один человек не похож на любого иного — все разные, мой дорогой Абри. У него могут быть какие-то невысказанные желания, а мы можем их удовлетворить. Он женат?

— Сведений на этот счет не имею.

— А где он работал до Места Истины?

— В какой-то неведомой конторе или мастерской на западном берегу. Там Рамосе его и заметил.

— Поговорить с ним сможете?

— Непросто это... Кенхир редко выходит из деревни.

— Ищите повод для встречи.

— Что, по-вашему, я должен ему сказать?

— Подружитесь с ним и предложите ему свою помощь в управлении. За существенное вознаграждение, разумеется: таковым, например, могут быть две дойные коровы, несколько штук тонкого льна или десяток кувшинов вина высшего качества. А уж затем можно ему посулить и больше — за предоставление нужных нам сведений.

— Вы требуете слишком многого!

— А чего вам опасаться? Или Кенхир неподкупен, или он проглотит наживку.

Чиновник уныло скривился:

— Вы предлагаете такие расходы... мне не потянуть. Отрывать от семьи...

— Не беспокойтесь. Издержки я беру на себя. Заверяю вас.

На лице Абри отобразилось облегчение.

— На этих условиях я попробую. Но не стоит заранее надеяться на успех.

Старший предводитель почти расстроился: ну и союзнички, хороши, нечего сказать. Докопавшись с ними до тайн Места Истины, как же. С другой стороны, он в самом начале пути, а от никчемных он потом мало-помалу избавится. Этот Абри... его хотя бы легко дергать за ниточки — вон их сколько к нему привязано...

— А вы следите хоть как-то за работой ремесленников Места Истины? Хотя бы за тем, что они творят вне своего удела?

— Какое там, — отмахнулся Абри. — Сколько раз я пытался. Но визирь оставался глух к моим просьбам.

— А вам известно, какие припасы и в каком количестве доставляются в селение?

— Мастерские ни в чем не нуждаются! Ежедневно — вода с избытком, мясо, овощи, оливковое масло, одежды — не знаю уж что еще! А Кенхир еще подает жалобы на запаздывания и на любой изъясн. Но в последнее время, к счастью, Кенхир замолк: жалоб от него почти не поступает.

— А это еще почему?

— Среди помощников Места Истины появился новичок: великан такой, совсем

молодой, по имени Жар. Он теперь немилосердно их гоняет: давайте работайте на братство как следует. У мальчика такие кулачищи, что, похоже, никто не смеет ослушаться.

— А не работал ли этот паренек в дубильне?

— Случалось. Судя по тому, что я узнал от начальника стражи Собека, этот Жар предстал перед судом Места Истины, но был отвергнут. Однако в помощники его приняли, и теперь он, кажется, отводит душу на своих товарищах по работе.

Старший предводитель вспомнил парня, склепавшего ему крепкий щит. Эта буйная головушка так и не соизволила показаться в его казарме. А теперь небось локти себе кусает.

— А в помощники кто принимает?

— По правилам ответственность за этот штат несет старший писец некрополя. Но не станет он морочить себе голову, разбираясь с каждым водоносом. А вот начальник Собек и его стражи — они следят. И пропускают лишь тех, кого знают. Хотя бы в лицо.

— А этот Собек... что за человек?

— Жалуются, что на расправу скор и руки распускает, а учтивостью и обходительностью в речах или поисками подходов к человеку так и вовсе себя не утруждает. Но он доказал, что дело знает и что он — на своем месте, и поэтому наверняка задержится здесь надолго.

— А продвижение по службе... Чтобы перевести его подальше от Места Истины...

— Визирь так за него держится...

— Хотел бы вас попросить... Подготовьте для меня документы со сведениями об этом Собеке. Быть того не может, чтобы у него не было никаких слабых мест.

— Вот это уже очень опасно, старший предводитель!

— Но и прибыльно. Для вас, мой дорогой. Знаете, я почему-то уверен, что критские вазы немалой цены очень украсили бы вашу очаровательную обитель.

— Как давно я о таких мечтаю...

— Вот видите: мечты сбываются. И это, среди прочего, доказывает, что ваше согласие помогать мне способно приносить ощутимую пользу. Вам. Еще один вопрос: положим, ремесленники не обременены никаким заданием; обязаны ли они и тогда сидеть взаперти в своей деревне?

— Нет, они вправе покидать свое место проживания и возвращаться в него согласно своим пожеланиям. Иные из них имеют свойственников на восточном берегу и часто их навещают.

— Если кто-то из них отлучится, сообщите мне тотчас же.

— О, это будет непросто! Дело в том, что, если член братства намерен покинуть селение, ему никто не чинит препон, поэтому он может уйти, нигде не задерживаясь. Но я сделаю все, что в моих силах.

Завидев стремительно шагающего юношу, хлебопек поспешил выложить на блюдо круглый мягкий хлеб, покрытый золотистой корочкой.

— Здорово, — признал Жар. — Делаешь успехи. А что еще ты сегодня испек?

— Хлебы длинные, хлебы треугольные, печенья и лепешки.

— А про муку что скажешь?

— Уж и не помню, когда в последний раз она бывала лучше.

Удовлетворившись итогами проверки, Жар удалился, оставив за спиной еще более довольного работника. И заглянул в пивную. Там в настоящее на финиках вымачивали недопеченные ячменные хлебы: забракованную выпечку нарезали на мелкие кусочки, которые бросали в чан с настоем. Потом тюрю процеживают через сито и получают жидкость покрепче пива — для праздников самое то.

— А котел, про который я говорил, установили? — спросил Жар у пивовара.

Тот замялся. Не хотелось ему подставлять другого помощника, как-никак товарища, под громы и молнии, на которые Жар, как известно, не скупился.

— Ну да... Конечно. С этим все. Почти. Ну, может, замешкались чуток, но ничего страшного... по-моему.

Вмиг рассвирепев, Жар широко шагнул вперед и, миновав навес обувщика, который поспешил втянуть склоненную голову в плечи, заскочил за загородку из вычурно сложенных камней и влетел в углубление — в этой яме трудился котельщик, присев на корточки перед топкой, сложенной из мелких камешков и загружаемой древесным углем.

Кожа, толстая как у крокодила, и смрад, как от тухлой рыбы... Помощник орудовал мехами из козьей кожи, установив это орудие прямо напротив металлического зева печи.

— Что, забыл, что я тебе велел? — полюбопытствовал Жар.

— А с чего это ты тут раскомандовался? Вот Бекен-гончар тоже приходил, так тот распорядился два котла подправить и стенки выпрямить, а еще один — облудить. Напарник мой болеет, а я один всю работу не переделаю.

— Гляди, какой у тебя огонь в топке слабый. Значит, развел ты его только что. Слушай, ты просто отлыниваешь от работы — тебя же в этой яме никто не видит.

— Ну чего пристал? Делать больше нечего? Плевать я хотел на твои придирки!

Жар схватил дырявый котел и отшвырнул его в сторону. Огромная посуда со скрежетом и треском рухнула на щебенку.

— Совсем сдурел! Знаешь, сколько времени мне придется возиться с заплатой, чтобы хоть как-то его починить?

— Не будешь подчиняться правилам, я у тебя ни единого целого котла не оставлю. И ты только с их починкой и будешь возиться день и ночь напролет.

Взбешенный ремесленник пошел на противника, наставив на него нагретые мехи. Жар в мгновение ока обезоружил котельщика и швырнул его на песок.

Котельщик с трудом поднялся на ноги.

— Ну что? Будешь подчиняться?

— Кончай, Жар... Хорош... Твоя взяла.

— Приветик, Жар. И мои поздравления.

Собек встал возле стола, разглядывая юного богатыря, уплетавшего бобы, щедро

приправленные пряностями.

— У помощников большой любви к тебе я не замечаю, но им приходится с тобой считаться. Это неплохо.

— Здесь начальствует гончар Бекен.

— Да будет тебе! Горшечник лишь игрушка в твоих руках. Далеко пойдешь, если стража не остановит. Такой молодой... Шел бы ты, Жар, в стражи: с твоими способностями тебе среди нас самое место.

— За кого ты меня принимаешь, Собек? Держать да не пущать... да всяких злодеев сторожить... у меня от этого мурашки по коже.

— Неужели... А чем же еще ты занят? Приказываешь, надзираешь, наказываешь... Делать никогда еще над помощниками не было такой власти! Старший писец не нарадуется, я — тем более. Знаешь, мне хотелось бы забыть о том маленьком недоразумении, подумаешь, кошка пробежала... Согласись, что не поучить такого никак нельзя, Для пользы дела. Однако нужно считаться с переменившимся ветром. Тебя, того и гляди, начальником над помощниками назначат, так что будем трудиться рука об руку. Еще раз поздравляю — ты встал на верную дорожку.

Когда Собек ушел, Жар подвинул блюдо с недоеденными бобами обувщику.

— Это... это мне?

— Ешь, я сыт.

— И ругать меня ни за что не станешь?

— Да вроде не за что.

— К вечеру будут готовы еще сандалии! Две пары сверх урока!

— Ну и молодец.

Жар зашел в мастерскую Бекена. Горшечник вздрогнул в предчувствии взбучки.

— Устал я что-то, — попытался заранее умиротворить гостя. — Теперь, правда, мне чуть лучше... Но поправиться-то надо.

— Занемог, так отдыхай.

— Что это ты такое говоришь?

— Ты же начальник над помощниками. Тебе и решать.

Бекен ушам своим не верил.

— Посмеяться надо мной вздумал?

— Вовсе нет, я серьезно говорю. Бери в свои руки власть, которую тебе дали, и все будет путем. А от меня лишнего не требуй.

— Ты что, больше не хочешь помощниками руководить?

— Пусть всяк делает свое дело.

— А... ты-то что делать станешь?

Жар ничего не ответил и вышел из мастерской. Начальник Собек ткнул его рылом в неприглядную правду: это что ж получается? Чтоб доказать суду Места Истины свою цену, он не только сам голову свою в западню засунул, так еще и похоронил себя в этой яме. Своими руками. Пока он устраивал и переустраивал порядки и обычаи в работе помощников, он и думать забыл про рисование. Только и радости, что вот опять взял верх над еще одним обормотом, — нашел решение задачи, нечего сказать. В кого он превратился? Мелочный самодур, помыкающий бессловесным народцем. Сам себя обрек на бесплодие: еще пара недель такого владычества, и его рука забудет все, что умела.

Бекен просунул голову в дверной проем:

— А кем тогда ты стать хочешь?

— Собой. И только.

— Да не злись ты. Я к старшему писцу схожу, пусть он тебя начальником над помощниками ставит. Пойдет?

— Мне этого мало.

— Не пойму я тебя.

— Шел бы ты к себе, Бекен. И знаешь, тебе меня опасаться больше не надо.

— Что, и дергать меня больше не станешь?

— Говорю тебе: забирай назад свою власть, И вперед.

Осчастливленный донельзя гончар спорить не стал.

Унылый, хотя внутри все klokотало, юноша брел, не поднимая глаз, неведь куда. Но ноги сами его несли к воротам. За которыми селение. Ну, вырвался из семейного узилища. И что? Далеко ли ушел? Чтоб угодить требованиям Места Истины, свернул на такую дорожку... А та никуда не ведет. А свой путь так и остается не пройденным. И кто он теперь? Человек внешнего мира. И ничто его не зовет. Лишь бы поизмываться над безответными людьми. И забыть — навеки — про тайны рисунка. И не вспоминать про краски.

Что за тусклая судьбина! Нет, Жар на такое не согласен.

Страж при северных вратах, заведя приближающегося юношу, взял свой жезл на изготoвку — а ну как этот малолетний великан вздумает прорваться. Сила есть — ума не надо.

Но когда до ворот оставался какой-то десяток метров, Жар присел и принялся очень старательно расчищать и разравнивать песок. Потом из-под кусочка кремня появились очертания стен деревни, а затем возник и окружающий пейзаж. Когда набросок был закончен, Жар обвел тонкие линии заостренной палочкой и затем немного отошел в сторону, чтобы окинуть взглядом свое произведение.

Охранник успокоился, но не перестал следить за рисовальщиком, который трудился с изумительным спокойствием. Когда художника что-то в рисунке не устраивало, он стирал этот участок и потом вновь начинал вырисовывать недостающие подробности.

А когда стражу пришло время сменяться — в четыре часа пополудни, — Жар все еще работал над рисунком. И не оставил его до следующей пересменки караула, время которой настало в четыре утра.

Помощники, развѣчивавшие ослoв, издали бросали взгляды на великолепный рисунок, становившийся все обширнее и в то же время все подробнее и четче. И никто не смел потревожить молодого человека, видя его полнейшее безразличие к окружающему миру.

Приемный суд собрался перед воротами храма Места Истины. До начала заседания установили большой балдахин, чтобы уберечь престарелого писца Рамосе от жарких лучей беспощадного солнца.

— Опыт наш подходит к концу, — объявил Кенхир своим привычно сварливым голосом. — Неби считал, что Жар не согласится стать послушным, серым и безмолвным помощником, и он оказался прав; Неби предсказывал, что Жар заставит обратить на себя внимание тем или иным способом, и снова был прав: юноша нагнал страх на бездельников и заставил всех остальных своих товарищей шевелиться поживее; но Неби ошибся, полагая, что искатель забудет зов и удовольствуется возможностью властвовать над людьми. Вот уже два дня и две ночи он без перерыва рисует, и за все это время он выпил только пару глотков воды, предложенной ему стражем. Он способен на насилие, но, смотрите, вместо этого он показывает нам свою одаренность, располагая более чем скудными средствами. Не согласится ли на сей раз наше собрание услышать зов Жара?

Рамосе был готов согласиться, однако старший мастер артели сдаваться не собирался.

— Признаю, что я обманывался. Но совершенно неоспоримо, что все это творит сетова мощь, вселившаяся в этого мальчика и обитающая в нем; ясно также, что он не подчиняется никаким правилам. Мне он всегда представлялся немалой угрозой братству, и я бы предпочел, чтобы он отправился проявлять свою одаренность в какие-то иные места.

— Ты предложил нам план, и мы ему следовали, — возразил Кенхир. — Жар не попался в уготованную тобой ловушку, и ты должен переломить себя. Не забывай, что принять его мы можем, но эта процедура не необратима, и любое недостойное поведение влечет за собой наказание вплоть до изгнания. Введя искателя в свою среду, мы если и подвергаем себя опасности, то крайне незначительной.

— Прежде чем я выскажу свое окончательное мнение, — заявил Неби, — я хотел бы еще раз выслушать искателя. Пусть Жар вновь предстанет перед приемным судом.

— Согласен ли ты следовать за мной? — спросил мастеровой у молодого человека, который раз этак в десятый перерисовывал ворота деревни, добиваясь раз от разу все большей точности.

Жар поднялся.

Он ничуть не утомился и не испытывал никакой физической усталости, но уже не понимал, на каком свете находится. К миру помощников интерес он утратил, мир Места Истины оставался для него недоступным. Оставшись наедине с собой, уйдя в себя, он горел — его пожирало его собственное пламя. Чего ему бояться? Куда уж хуже?

Без единого слова он следовал за мастером, пока тот не довел его до храма и он не оказался перед приемным судом. Жар сел возле писца, не поднимая глаз на судей.

— Не злоупотребил ли ты властью, дурно обращаясь с помощниками? — спросил его Неби.

— А есть ли оправдание для безделья?

— Никто не просил тебя предпринимать столь решительные меры. И такие резкие.

— Если вам по вкусу притворство, так это не по мне. Нет у меня привычки подкрадываться исподтишка.

— Это тебе гончар приказал вести себя так, как ты себя вел? — спросил Рамосе.

— Гончар — человек вялый. Он только за свою должность держится. И не хотел он тормозить своих подначальных. За все мои поступки отвечаю я сам, и больше никто.

— Хочешь стать начальником помощников? Вместо гончара?

— Хуже ничего для меня не придумали? Я и так возле самого Места Истины, рукой подать. А войти нельзя.

— Но тебе, кажется, пришлась по вкусу эта работа?

— Верно, меня затянуло, клюнул я на приманку. Как последний безмозглый дурак. Еще немного, и я утоп бы в этом гибельном пойле. Опыанел бы, и с концами. Но вот успел очнуться.

— Не означает ли сказанное тобою, что ты отказываешься стать помощником? — вмешался в беседу Неби.

— Я пришел сюда, чтобы стать рисовальщиком. Прочее мне безразлично.

— Ты что, не веришь, что дорога начинается с послушания?

— Пусть. Если это отворит врата.

— И ты думаешь, что твое поведение заслуживает нашего снисхождения?

Лицо Жара скривила жалкая усмешка.

— Да не надеюсь я ни на что! Но почему вы держите меня в подвешенном состоянии? Или принимайте, или прогоняйте.

— Что делать станешь, если мы тебе откажем?

Молодой человек надолго задумался.

— Все равно. Вы надо мной издеваетесь, и только.

— Есть ли у тебя еще какие-нибудь доводы? Новые причины, по которым мы должны были бы тебя принять?

— Нет иных причин, кроме одной-единственной: я слышал зов.

И один из мастеровых повел Жара назад, к главным воротам Места Истины. На той стороне молодой человек Начал стирать ногой свой немыслимо огромный рисунок. На этот раз его судьба точно решится. Отпихнет его братство — и идти некуда: нет другого такого места, где он смог бы осуществить себя и отыскать то, без чего жить ему незачем. Страха он не испытывал и лишь клял про себя судьбу, которая зависит теперь от милости судей, этих, в большинстве своем по крайней мере, узких, мелких душонок. Какие они там — нестигаемые, то есть негибкие, или суровые, то есть бесчеловечные, — какая, в сущности, ему разница, но как же им понять его устремления? Вырвавшись из западни, которой, что и говорить, оказался поселок помощников, Жар вновь почувствовал пламя, сжигающее его изнутри, — то самое, которое вело его в селение, и никуда больше. Это здесь, и нигде больше, ни в каком ином краю земли, может — должна! — расцвести его жизнь. Если ему откажут в будущем, если его оставят за оградой, скрывающей тайну, в которую он намерен проникнуть, надеяться ему будет не на что.

Но что толку терзаться? Что попусту травить душу такими предчувствиями? Мериться силами стоит только с тем, что есть, а пока что и тягаться-то не с чем — и остается только ждать. И ожидание обещает растянуться на долгие часы, быть может, на многие дни, но сколько бы их там, часов или дней этих, ни случилось, решимости у него никак не убудет. Жар верил, что должен, пусть издали, навязывать свою волю суду. Останется воля неповрежденной и цельной, несмотря на превратности, — и судьи непременно почувствуют ее силу на себе.

Затаянные Кенхиром прения продолжались вот уже два часа. Кенхир требовал, чтобы

решение было принято, чтобы оно было окончательным и чтобы каждый из судей принял на себя полную ответственность за свой выбор и смог бы обосновать его.

— Этот молодой человек не внушает мне ни малейшего доверия, — объявил Неби.

— Это тебя сетово пламя так ужасает? — съязвил старший писец некрополя.

— Огня этого не опасается только непонимающий и не желающий ничего понимать. Будучи начальником артели, я не вправе рисковать гармонией внутри братства. И повторяю свои слова: пусть Жар ищет удачи в иных местах.

— Так ведь нет иного места, кроме Места Истины, где живут согласно призванию, и ты это прекрасно понимаешь! О ты, именующийся Неби, отказываешь ли ты в возможности осуществить свою мечту человеку, услышавшему зов?

Начальник артели как будто бы заколебался, но сдаваться не захотел.

— О ты, которому никак не ужиться с мастерами братства нашего, чего ради ты так хлопочешь за Жара?

Кенхир парировал удар:

— Это ты, Неби, ничего не понимаешь! Не в каком-то там ходатайстве дело или в потакании. Мы заботимся о благе Места Истины! И почему это я — я ведь не более чем писец — должен уговаривать вас принять дар такой мощи?! Неужто вы почитаете себя ни на что не годными? Или вы не верите, что сможете преобразить эту мощь в творящую силу на благо всей общины?

Лицо начальника артели стало жестким.

— Далеко заходишь, Кенхир! Мастеровые признают твою власть и твои полномочия, но ты не вправе вмешиваться в нашу работу.

— Я этого и не хотел. Мой отец и мой учитель писец Рамосе учил меня понимать природу моего дела и его пределы. Ты, спору нет, прав: я слишком многое себе позволяю. Но именно ты, Неби, с другими мастерскими составляешь суд. И именно вы выносите окончательное решение. Если оно окажется отрицательным, я буду в меньшинстве и мне придется подчиниться.

Пожелал высказаться Рамосе. Писец Маат говорил спокойно, почти бесстрастно:

— Любовь, какую я питаю к братству сему, воспрещает мне оказывать давление на него и ссылаться на лета свои и на пережитое мною; однако же должно мне напомнить вам, что его величество настоятельно советовал нам изучить случай Жара со всей возможной ясностью и без лицепрятия. И пусть выскажутся все, и пусть всяк высказывается с безмятежностью.

Несмотря на многочисленные оговорки, каждый заявлял, что должно предоставить мальчику возможность стать рисовальщиком — разумеется, при условии, что Жар будет строго соблюдать правила, действующие в братстве, и повиноваться всем требованиям, сопряженным с ученичеством.

А Неби, в сущности, лишился права на высказывание. Во всяком случае, ему пока приходилось выслушивать других. Но слушал он очень внимательно.

— Настоящее собрание высказало свои соображения со всей подобающей ему мудростью, — сказал наконец и он, подводя итоги, — и каждый из судей открывал сердце свое, не поддаваясь ни чувствам, ни мимолетному настроению. Не по душе мне нрав Жара, и я не думаю, что способен он осознать важность нашего труда, но нам надлежит внять его зову.

Начальник Собек опорожнил, одну за другой, три большие чаши парного молока, запивая с десяток проглоченных тепловатых лепешек. Ночь прошла в блужданиях по высотам, окаймляющим Долину царей, и этот инспекционный обход отнял у богатыря последние, кажется, силы, однако отдыхать пока было нельзя — надо еще принять рапорты от подчиненных.

Вот и они. Вытягиваясь друг за другом по струнке и поедая начальство глазами, каждый заверял, что ничего подозрительного за время дежурства не объявлялось. И все же беспокойство не проходило. Чутье подводило его редко, и потому, выждав еще несколько дней, он объявил тревогу. Вот так ответственный за безопасность Места Истины и умножает число обходов, рискуя вызвать неудовольствие у своих людей... Кому по душе изматывающие круги по каменистой пустыне?

Непреходящее беспокойство заставило его почти забыть об очень важном событии, которым жило селение: посвящение новичка в члены братства — куда уж важнее! И с чего бы это приемному суду открывать ворота перед этим Жаром, который — неужели не ясно? — станет сеять смуту? Такая силушка и такая разрушительная мощь, как у этого молодца, делают его непригодным к любому пристойному занятию — ему одна дорога: в разбойники. Или в стражи, или... есть, конечно, еще и другие ведомства. Так что надолго он в деревне не задержится. Необузданный нрав даст о себе знать, не станет он подчиняться своим руководителям, и тем придется низвести его в помощники, а то и вовсе прогнать с глаз долой. Жару станет совсем скверно, и он не преминет показать свои худшие стороны, и не останется ему никакой иной участи, кроме как погибнуть в случайной и жестокой потасовке. Или сгинуть в узилище.

В комнату, где Собек уже расстилал циновку, чтобы подремать часок-другой, вломился страж, заставивший забыть о заслуженном отдыхе.

— Посыльный, начальник. К вам лично. Настаивает.

Служащий, о котором доложили Собеку, ежедневно появлялся на главном сторожевом посту Места Истины, доставляя послания в братство и забирая письма, которые писали мастеровые и их домочадцы во внешний мир, находя этот способ общения легким и необременительным; через этого же чиновника осуществлялась переписка между старшим писцом некрополя и визирем. Но при неотложной надобности срочную весть могли послать с нарочным гонцом, а особо тайное сообщение — с доверенным посыльным.

— Не мог его отшить? Или занялся бы сам...

— Но он требует, чтобы лично вы его приняли. И никто больше.

— Ладно... зови.

Из мешка, набитого папирусом, более или менее пригодным для написания пары-другой строчек, посыльный Упути, долговязый детина лет тридцати с мускулистыми ногами и приметными плечами, извлек черепок, завернутый в льняную тряпицу, и поместил его на письменном столе начальника Собека.

— Согласно письмам, начертанным красными чернилами на ткани, послание сие предназначается тебе, Собек.

— А сам-то ты читал?

— Сам понимаешь, что права не имею.

Упути слыл чиновником, с которым считаются. Платили ему, во всяком случае, хорошо. Будучи носителем жезла Тота, знаменовавшего честность и точность, гонец должен был доставлять письма по назначению и в хорошем состоянии и ручаться за то, что знакомиться с письмом никому, кроме человека, которому оно направлено, не будет дозволено. Ремесло тяжелое, так как дворец и службы визиря не только требовали как можно более скорой доставки, но подчас бывали дни и недели особенно лихорадочной деятельности, когда приходилось бегать с почтой не единожды на дню. И такое случалось не так уж и редко. Утешался Упути сознанием высокой ценности и важности своего ремесла и гордился тем, что ему доверяют самые высокопоставленные особы.

— Отвечать будешь?

— Погоди чуток.

Собек снял с черепка льняную обертку и прочел несколько строк, написанных теми же красными чернилами на старательно отполированной грани обломка известняка.

Ошеломленный страж дочитал немыслимое послание. Нет, просто в голове не укладывается... Быть такого не может...

— Ну что, Собек?

— Ты свободен, Упути... Ответа не будет.

Вся сонливость слетела, как рукой сняло. В какой уж раз чутье не подвело: надвигалось несчастье, зрело бедствие, и размах его грозил оказаться таким, что селение мастеровых накроет, а то и сметет, волна насилия, куда более неистового, чем самые лютые песчаные бури.

Жизнь у Нефера Молчуна складывалась до того счастливо, что он чувствовал себя чуть ли не каким-то беззаботным ветреником. И зов он услышал, и в братство Места Истины его приняли, да не одного, а вместе с Ясной, любимой им женщиной, и приспособилась его возлюбленная к обычаям деревенским легко, да и не диво: врожденная тонкость и благородство этой молодой женщины помогали ей не задевать старожиллов и в зародыше гасить все их поползновения как-то уязвить новенькую. Хотя новичков и пришельцев тут, как и везде, впрочем, ой как не любили.

А еще через какие-то считанные часы сбудутся и самые заветные сны Жара! Тот, кто спас ему жизнь, без кого ему не была бы дана встреча с Маат, станет ему братом, и отныне они вместе будут постигать тайны великого мастерства. Жар, с его пылом, восторженностью, страстным желанием творить, несомненно сумеет подняться на высоту, достойную той задачи, которую ему поручат.

Любимое ремесло, светлая любовь, возвышенная дружба... Нефер Молчун взыскан богами, осыпавшими его неслыханными милостями, за что он никогда не устанет возносить им благодарения свои. И за эти дары благодатные ему надлежит исполнять долг свой со всем возможным рвением и не допускать ни единого промаха и ни единой мельчайшей задержки в выполнении порученных ему задач. Коль скоро он сумел внять зову и коль уж ему дарована возможность на зов этот откликнуться, а небо и земля не поскупились для него на радости, ему остается лишь воспользоваться этими щедрыми дарами и доказать, что он достоин того пути, по которому идет.

Когда он уже собрался в мастерскую ваятелей и вот-вот должен был выйти из дома, Ясна показала ему письмо, которое им только что принесли. Заглянув в печальные глаза жены, Нефер понял, что новости нерадостные.

— Мой отец очень болен, — сообщила она. — Целитель опасается, что исход может

быть роковым. Отец продиктовал это письмо. Он очень хочет повидаться с нами обоими. И очень просит, чтобы мы поспешили.

Нефер тотчас же отправился к начальнику артели, чтобы объяснить ему причины своего отсутствия, которые потом занесет в свой свиток писец некрополя.

Чета ничего не взяла с собой и отправилась в путь налегке. Они покинули селение, выйдя через малые ворота к тропе, которая шла мимо заупокойного храма Рамсеса Великого.

— Я чувствую, что тебе досадно, — сказала Ясна мужу. — Опасаешься, что не успеешь к обряду посвящения Жара? Да?

— Угадала, — смутился Нефер.

— Как только мы доберемся до Фив, ты, повидавшись с отцом, сразу же отправишься в обратный путь. А я останусь и пробуду с ним столько, сколько потребуется.

— Я тоже.

— Нет, ты должен видеть, как твой друг станет служителем Места Истины.

На сторожевом посту у Рамсессеума стражи лишь спросили их имена и сразу же пропустили. Нефер и Ясна были полноправными членами братства и, следовательно, имели право свободно передвигаться в окрестностях Места Истины и покидать его пределы по своему усмотрению.

Пара быстро дошагала до возделанных земель, пересекла поле, засеянное люцерной, и, выйдя к берегу реки, направилась к причалу, к которому приставал паром. Смешавшись с другими пассажирами — в основном это были земледельцы, которые везли в Фивы овощи на продажу, — супруги обменивались с попутчиками обычными фразами насчет урожая, процветания страны и щедрости Нила. Никто не мог бы заподозрить в них выходцев из самого тайного селения во всем Египте.

Ясне было очень тревожно, но она держалась и даже смогла утешить одну мать, малолетнюю дочурку которой мучила горячка.

Как только паром причалил к восточному берегу, Нефер с женой прыгнули на берег и поспешили к дому хозяина строительной артели. И вдруг, хотя до дома было еще далеко, на дорогу вылетел Черныш. Встав на задние лапы, пес по очереди облобызал обоих, сначала облизав лицо хозяйки, а потом и ее мужа. Карие собачьи глаза сияли радостью.

— Давай за нами, Черныш, — велела Ясна. — Мы спешим.

И вдруг черный пес зарычал и обнажил клыки, уставившись на нескольких стражей, двигавшихся навстречу молодой паре.

И во главе небольшого отряда — Собек.

— В чем дело? — заволновалась молодая женщина.

— Заверяю вас, отец ваш в добром здравии. Письмо, полученное вами, написал не целитель, а я, лично.

— Но... чего ради?

— У меня не было иного способа выманить вашего мужа из селения. На том берегу задерживать мы его не стали, не желая ненужной огласки: там, возможно, пришлось бы действовать на виду у многих свидетелей.

— И для чего все это, Собек?!

— Правосудие.

— Объясните.

— Нефера следует задержать. Он обвиняется в убийстве одного из моих подчиненных, когда последний, будучи в ночной смене, обходил с другими дозорными Долину царей.

В Фивах Мехи все уже полюбили. Точнее, сходили по нему с ума. Не случалось такого приема, на который его бы не приглашали, он блистал на пирах и участвовал в многочисленных советах. А его речи! Он не ограничивался краткими замечаниями, не упускал случая дать полезный совет и умел польстить, не отягощая лесть дурновкусием.

И все поздравляли главного казначея Фив Мосе с таким замечательным зятем, таким многообещающим военачальником, который не только стремительно восходит по служебной лестнице, но и проводит реформы в фиванском войске, и его немалого размаха замыслы находят отклик и поддержку в самых высоких сферах.

По случаю своего дня рождения фиванский градоправитель устроил донельзя пышный, даже величественный прием: в усадьбе и в саду толпились и теснились самые славные и самые могущественные из знатных обитателей града Амона. Виновник торжества с сияющим лицом витийствовал, приветствуя гостей с самоуверенностью расчетливого и всеведущего властителя, всегда готового задушить в зародыше любой намек на мятеж или крамолу.

— Какой вкус, какое изящество, мой дорогой Мехи! Это одеяние первозданной белизны, а какие сандалии... с таким необычайным вырезом на подъеме... Если бы вы не были женаты, ни одна из присутствующих здесь очаровательных барышень не устояла бы перед вашим обаянием.

— А вот я бы устоял перед любыми соблазнами.

— Между нами, Мехи. Как Серкета? Я полагаю, она-то знает, как ублажать муженька своего, верно?

— Не смею лгать градоправителю Фив, опытность которого признается всеми и повсеместно.

— Вы мне льстите, Мехи! Полагаю, что для вас войско не более чем ступень. Одна из многих.

— Знаете, для начала мне хотелось бы завершить преобразования, а уж затем я бы с удовольствием разделил с вами честь управления нашим великолепным городом.

— Устремление вполне законное и весьма похвальное. Не забывайте, однако, что вы живете лишь в третьем по величине городе Египта после Мемфиса и нашей новой столицы, Пи-Рамсеса. У нас здесь, видите ли, тихо. Мы храним мир, покой и верность традициям.

— А разве не в этом и состоит мудрость политика?

— Превосходно, Мехи! С вашими убеждениями вы высоко взлетите.

— Ими я во многом обязан своему тестю, человеку мне очень дорогому. А теперь, откровенно говоря, именно тесть беспокоит меня более всего прочего.

Городской голова изумился:

— У Мосе неприятности?

— Откровенно говоря — и строго между нами... у него нелады со здоровьем.

— Но мне-то всегда казалось, что он прекрасно себя чувствует!

— На первый взгляд, он полон жизненных сил, но на самом деле... кажется, что-то с головой... В последнее время я был свидетелем того, как он принимал решения, которые оказались ошибочными. Пока он еще в состоянии осознавать и признавать свои огрехи, но что будет завтра? Эти провалы сознания случаются у него все чаще и чаще... Но мне,

наверное, не стоило рассказывать вам об этом.

— Напротив, Мехи, как раз напротив! Было бы неплохо, если бы вы не посчитали за труд время от времени сообщать мне о его состоянии и не оставляли своих забот. Дабы не довести до беды. И очень прошу вас: если положение вдруг резко ухудшится, дайте мне знать тотчас же. Вечерок удался, ничего не скажешь... Ваш рассказ — это уже вторая печальная история, поведенная мне сегодня.

— Смею ли я надеяться услышать первую историю?

— Скучное дело, должен признаться... Тоскливейшее. Молодой ремесленник по имени Нефер, недавно присоединившийся к братству, обвинен в убийстве стража. Речь о местной охране, служащей под началом Собека. Сам Собек в свое время счел гибель одного из своих подчиненных несчастным случаем, но вышедшие наружу обстоятельства, бывшие ранее неизвестными, убедили его, что тогда произошло преступление.

— Простите, но если этого Нефера будут судить... разве его дело не поступит в суд Места Истины?

— Нет, так как задержан он был на восточном берегу, куда прибыл, намереваясь погостить у тестя. Останься он в селении, мы бы вовсе не смогли привлечь его к ответу. Опасаюсь, что судебное разбирательство окажется весьма шумным.

— А добрая слава мастеровых?.. Не уронит ли себя селение в общественном мнении?

— В действительности все может оказаться гораздо хуже. Само существование селения может встать под вопрос! Смотрите: это что же получается — не селение мастеров, а какой-то разбойничий притон! Но ежели это так, то его должно упразднить. То-то управитель западного берега порадует... Осуждение Нефера откроет глаза Рамсесу Великому: самодержец убедится, что от Места Истины вреда куда больше, чем пользы. Село будет отбиваться изо всех сил, зубами и когтями, это понятно... А я, можно не сомневаться, вынужден буду прибегнуть к помощи войска. То есть поможете мне вы, дорогой Мехи. Придется выселять, и желательно, чтобы столь хлопотное дело прошло как можно спокойнее.

— Я всегда в вашем распоряжении.

— Я этого не забуду... Ну, надеюсь, вскоре увидимся. Желаю хорошо повеселиться, Мехи.

Градоправитель отошел к богатому землевладельцу и завязал с ним столь же оживленную беседу. А военачальник, оставшись один, упивался про себя первой одержанной победой.

Анонимное письмо, которое он отправил Собеку, не только порочило Нефера, но и влекло за собой иные последствия. Предвиденные, более того, заранее продуманные. Итак, совершенное им убийство несло ему все большие выгоды. Молодого человека, скорее всего, приговорят к смертной казни, а община будет распущена. Мехи поведет свои войска на селение и стремительно займет его, а затем — обыск сверху донизу: необходимо найти все спрятанные сокровища. И завладеть ими. Действуя под прикрытием официального приказа, он достигнет всего желаемого. И при этом все будет по закону.

Жар сидел на голой земле — точнее, это был глинобитный пол комнатухи с белеными известкой стенами. Окон не было, и потому Жар не знал, день ли на дворе или уже настала ночь. Ему приносили еду и питье, но он не слышал ни единого слова.

Дверь в каморку заперта не была, и, значит, он был волен выйти из заточения. Но чуял он, что за этой дверью таилась какая-то иная ловушка, да и что ему оставалось делать, как не

дождаться здесь решения приемного суда.

Это он-то, такой нетерпеливый и беспокойный, и не собирался теперь бунтовать против этого испытания? Так ведь потому, что чувствовал: оно необходимо. Оно позволило ему познать отдохновение души и тела — он и не думал, что такое возможно. Поскольку его судьба более ему не принадлежала, он от нее отстранился и питался умиротворяющей пустотой, в которой ничего не происходило.

Пока ему не объявят окончательное решение, так и будет он висеть между жизнью и смертью. То есть будет ни жив ни мертв. Здесь, в тайном уделе Места Истины, он всего лишь непосвященный. Однако, как знать, войдет ли он в братство. Очень даже может быть, что никогда. Его прошлое исчезло, его уже нет. А будущего еще нет.

Впрочем, Жар уже начал открывать для себя новый удивительный мир. Привычные точки отсчета исчезли, границы стерлись, и обозначился какой-то иной горизонт. Но пока все это было лишь бессодержательной тенью, подобием его самого. И пока это так, какой прок от его силы и от его желания?

Молодой человек был уверен, что каждый мастерской братства побывал в этом месте и вот так, как теперь он сам, дожидался, когда наконец будет оглашен приговор без права на обжалование. И никаких исключений или преимуществ ни у кого не было, каковы бы ни были дарования и умения искателя, а то, что все пережили одно и то же испытание в одинаковых условиях, должно было необычайно сплачивать: мастера становились воистину братьями, которых объединяли и общий опыт, и устремление к одному-единственному идеалу.

Дверь распахнулась.

В руках мастерской не было ни хлеба, ни кувшина.

— Пошли со мной, Жар.

Юный великан уже приготовился было просидеть невесть сколько нескончаемых суток в этом тихом месте, куда не доходило ни единого звука извне. Наверное, поэтому он поднимался очень медленно, словно бы нехотя, будто не желая следовать за своим провожатым.

— Ты что, берешь назад свое прошение о приеме в братство? — поинтересовался мастерской.

— Ты давай води меня. Туда, куда положено.

Они пришли к храму, перед которым заседал приемный суд. Лица судей казались непроницаемыми, правда, на губах старого писца Рамосе играла чуть заметная улыбка.

Но Жар, сердце которого колотилось так сильно, словно было готово вырваться из груди, решил, что не след потакать себе и, значит, лучше он будет смотреть на Кенхира, писца некрополя.

В первый раз в жизни тоска сжимала горло так, что дышать было нечем. Он готов был бежать до края земли, лишь бы не слышать тех слов, которые будут произнесены.

— Суд принял решение, — ронял тяжелые слова Кенхир, — и пересмотру оно не подлежит. Его величество фараон, глава и наставник Места Истины, одобрил это решение, и оно будет занесено в летописи, ведущиеся письмоводителями визиря. Ты, Жар, услышал зов и внял зову, и посему ты будешь допущен в это братство.

К кому обращается писец? Неужто к нему? Внезапно огонь вновь запылал в его жилах, и ему захотелось обнять Кенхира Ворчуна.

— К несчастью, — продолжал тот, — мы вынуждены отложить твоё посвящение. И

причина отсрочки вовсе не в тебе, но в общине, ввиду постигшего всех нас бедствия.

— Что стряслось?

— Неферу Молчуну предъявлено обвинение в убийстве.

— Молчун — убийца? Что за чушь!

— Мы все тоже так думаем, но мы должны приложить все свои силы и добиться, чтобы его признали невиновным. А когда мир вновь воцарится, ты получишь новое имя и тебе будут открыты первые таинства Места Истины.

По завершении изнурительного дня старший предводитель Мехи овладел Серкетой. По обыкновению, любовь в его исполнении вышла очень грубой, однако же исполнил он задачу свою со всем присущим ему блеском. Впредь непозволительно было ей соваться поперек бабки, то есть поперек супруга конечно, но надлежало ей оставаться на том единственном месте, которое только и может занимать женщина, а именно — быть верной и послушной служанкой. Со дней ранней юности Мехи испытывал глубокое презрение к самкам, и уж не Серкете изменить его убеждения. Как и все прочие бабы, она, конечно же, мечтала о господине, о повелителе, власть которого над нею неоспорима и беспредельна. И ей, что ни говори, повезло: такого владыку она обрела.

После того как Нефер Молчун был схвачен, Мехи успел выйти на связь с десятками разных людей, применяя метод, в действенности которого он не единожды убеждался: он распускал ложные слухи. Недоброжелатели подхватывают молву, упиваются ею и разносят ее со скоростью ветра, слабоумные повторяют все, что услышат, не утруждая себя пониманием, но счастливее всех болтуны — те всегда рады блеснуть в разговоре невесть откуда взявшейся новостью да еще заверить, что, кроме них, подобными сведениями никто не располагает.

Эти его вольные и невольные приспешники, передававшие неслыханные известия из уст в уста, складывались в цепь или сеть из множества звеньев и помогали ему делать с мнениями и убеждениями других людей то, что ему заблагорассудится, превращая обмолвку или говорок в бесспорную действительность. Общество уже видело в Нефере Молчуне страшного злодея, а Место Истины представлялось логовом разбойников, скрываемых завесой немыслимых привилегий.

И только один Рамсес Великий мог бы единым словом своим обратить вспять мутный поток лжи и домыслов. Но и фараон не выше Маат, и нет у него права вмешиваться в судебное разбирательство. Обвиненного должно судить. А Нефер обвинен.

Связи между Местом Истины и визирем были тесными, однако председательствовал на предварительном слушании, на котором выдвигалось обвинение, не этот верховный сановник, а старейшина суда. Председатель в самом деле был стариком, и он подчеркнуто соблюдал все положенные правила. Мехи даже на взятки тратиться незачем: улики настолько тяжки, что председательствующий непременно поставит Нефера перед присяжными.

Тогда-то и понадобится вмешательство Мехи, не открытое, понятно, а, так сказать, подспудное. Первым делом надо будет ввести в число присяжных управителя западного берега Абри — уж он то знает, какую напраслину надо навесить на братство, чтобы вымазать его в такой грязи, что народу эти мастеровые станут отвратительны. А еще стоило бы позаботиться о большинстве в составе присяжных, чтобы уж наверняка этого Нефера приговорили к смерти: надо выставить обвиняемого хладнокровным душегубом, воистину диким зверем; а коль скоро воспитан он был мастеровыми, то и те, приходится думать, не менее злобны и коварны, чем подсудимый.

И тогда все селение окажется в ловушке. И мышеловка захлопнется.

Мехи в задумчивости забарабанил пальцами по крупу жены.

— Кобылка... это же моя кобылка, верно?

Серкета услужливо выгнулась в талии, подвигая к мужу свой уже обласканный им таз.

— Да-да, я вся — твоя... Еще хочу. Давай еще раз.

— Ненасытная!

— А почему бы и нет? Разве это не естественно? Коль уж мне так повезло с муженьком. Такой безотказный. И никогда не устает.

— Знаешь, Серкета, что-то твой отец меня беспокоит.

— Ах... а почему?

— Да голову он потерял.

— А я как-то ничего не замечала.

— Ты с ним не работаешь. Знаешь, кто мне уже сказал об этом? Фиванский градоправитель, лично, посоветовал быть начеку. Представь себе: важное собрание, а твой отец бормочет что-то непонятное. Потом выступает с отчетом и путается в цифрах. А потом и вовсе впадает в ступор и ничего не видит и не слышит. И довольно долго. За последнее время — а я не расстаюсь с ним вот уже несколько дней подряд — такое бывает все чаще. И приступы эти все заметнее. Разумеется, я ничего не сказал градоправителю и даже попробовал рассеять его страхи. Жаль, конечно, но хуже всего то, что отец твой отрицает очевидное. В подобном состоянии он даже не замечает, что его, так сказать, долго не было. И ничего не запоминает.

— Что же делать?

— Поговори с его целителем и попроси его назначить лечение. Если такое лечится, конечно. Но стеснять отца ни в коем случае нельзя. Если бы не этот его докучливый недуг...

Серкета присела на краешек ложа.

— В чем он выражается?

— Боюсь и говорить.

— Я — твоя жена, Мехи, и я хочу знать!

— До чего же это жутко...

— Рассказывай, говорю тебе!

— Знаешь, милая, за тебя страшно. Тебе, наверное, будет неприятно. И больно.

Мехи понизил голос, словно бы опасаясь, что их кто-то подслушивает.

— Поехали мы с отцом твоим в один удел, проверять, как тамошнее население подати платит. Меня он взял, чтобы я проследил за кое-какими мелочами. И вдруг он накидывается на случившуюся там девочку, хватает и... ну, пытается ее изнасиловать. Хорошо, я проворнее его и не дал довести до греха. Повезло, и худшего не случилось. А потом, когда он пришел в себя, он был не в состоянии вспомнить хоть что-либо об этом ужасном случае.

— А... кто-нибудь видел?

— Мать малышки.

— Она же подаст салобу!

— Могу тебя успокоить. Я из кожи лез, чтобы уладить дело миром. Все ей растолковал и подарил дойную корову и четыре мешка полбы. Лишь бы она забыла о случившейся неприятности. Но я же не всегда буду с ним рядом. И очень опасаясь, как бы он опять не взялся за то же...

Еще немного, и у Серкеты начнется истерика.

— И пойдет о нас дурная слава, а все наше добро...

— Я тебя люблю, милая, тебя. За то, что ты такая, как есть... А не за что-то еще. Если бы только не недуг твоего отца...

Серкете стало все ясно: она должна переписать или как-то иначе перевести семейное состояние на свое имя и ни в коем случае не подпадать под власть какой-то там душевной болезни. А вдруг хворь обрушится на отца вдали от Фив, на краю какого-нибудь села? И подсунут ему расписку, а он подмахнет. И прости прощай наследство предков. То есть ее наследство. Нет, мысль о бедности Серкету никогда не грела. К счастью, она замужем за Мехи и ее муж — воистину ясновидящий. И вовремя обнаружил грозную опасность.

— А ты мог бы установить над моим отцом постоянный надзор?

— Ты что?..

— Прикажи своим воинам незаметно следить за ним. Если он вдруг выкинет что-то не то, они смогут сразу же вмешаться. Ну и тебе доложат.

— Это же превышение полномочий, и...

— Сделай это для нас, Мехи! Пойми же, от этого зависит наше будущее.

Старший предводитель сделал вид, что задумался. На самом деле он уже предложил именно такое решение фиванскому градоправителю, и тот его одобрил.

— Если вышестоящие узнают, я буду сурово наказан за злоупотребление властью. Но рискну. Ради тебя, моя сладкая.

Серкета обхватила мужнее туловище обеими руками.

— Ты не пожалеешь об этом... И я тоже не буду сидеть сложа руки.

— Ты, главное, с его лекарем поговори.

— Само собой... А еще и с законниками посоветуюсь. Я же единственная дочь, значит, мой долг — оберегать семейное достояние. А моя семья теперь — это ты. И наши будущие дети.

Он заставил ее лечь на спину и потом навалился на нее всей своей тяжестью.

— А сколько бы ты хотела? Этих детей?

— Ну, четверых... пятерых...

— Не многовато ли для дамы твоих достоинств? И такого качества?

— Я хочу сыновей. Чтобы мальчиков много было. Они будут похожи на тебя, и они всегда будут рядом. И потому я как бы не буду с тобой расставаться. Никогда.

— Так ты уже не можешь обойтись без Мехи, красавица моя...

Серкета была неспособна испытывать наслаждение и потому только посмеивалась про себя над постельными доблестями своего мужа, тем паче что даже более понимающая женщина сказала бы о нем, что любовничек-то не ахти. Точнее, очень даже так себе. Но вот как муж... Вряд ли возможен лучше. С таким честолюбием и такой ненасытной жаждой власти... поди сыщи другого такого. При таких данных он богатство для нее и сохранит, и приумножит. Если, конечно, удастся обезвредить отца: тот уже мешает и, того и гляди, просто превратится в угрозу.

А крутить и вертеть этим Мехи... подумаешь, задача. Угодать и льстить — пусть глупыш верит, что он и в самом деле владыка над нею. Строить из себя распаленную самку, не ведающую, что делать со своей горячкой, и потому ставшей на все согласной восторженной дурищей, прикидываться не более чем служанкой, которая донельзя счастлива показываться на пышных приемах у плеча своего блистательного властелина. Не подрывать его самоуверенность, а, напротив, укреплять его раздутое самомнение. А тем временем исподтишка приобретать и накапливать блага вещественные и осязаемые. С каждым днем иметь все больше и больше — разве не ради этого живем мы на этом свете?

Дактаир никак не мог успокоиться.

— Вы, Мехи, помогли мне занять ту должность, которую я хотел получить. Но проку-то?.. Руководитель оружейных работ — старый и тупой жрец, неспособный понять, что, собственно, обещают новые знания, какие просторы они открывают. Этот жрец сопротивляется любым новшествам, запрещает какие бы то ни было пробы и заставляет меня перебирать папирусные свитки.

— Отведай-ка лучше жареного гуся, мой дорогой, вот хороший кусочек. Мой повар воистину кудесник, не правда ли?

— Да, но...

— Я думал, ученые люди более терпеливы.

— Вы меня не понимаете... У меня сотни замыслов, а я... обречен на бездействие.

— Слишком долго ждать не придется, Дактаир.

Ученый дотронулся кончиками пальцев до своей бороды.

— Ничто не указывает на изменение положения в мою пользу.

— Заблуждаешься! Мои хорошие отношения с фиванским градоправителем только укрепляются, и мое влияние день ото дня растет. Твой нынешний начальник долго на своем посту не продержится, а его преемником будешь ты.

Дактаир откусил, показав прекрасные зубы, кусочек жареного мяса.

— А судебное дело? Я о разбирательстве насчет Места Истины... это в самом деле серьезно?

— Как нельзя более, мой дорогой! И мерзкое преступление, совершенное Нефером, поможет нам поскорее избавиться от этого отвратительного братства. Мастеровых разгонят, а я получу такие полномочия, что смогу перевернуть вверх дном все селение. А ты, разумеется, примешь в этом участие в качестве человека знающего и сведущего. И моего советника.

Глазки Дактаира просияли. Ученый явно возбудился.

— Но... приговор еще даже не оглашен.

— Египетское правосудие отличается предельной суровостью и тяжело карает как убийц, так и тех, кто их покрывает. А что такое это братство, если не шайка злоумышленников? Разогнать его — и дело с концом. Лучшего решения и быть не может.

Жар явился к кузнецу Оведу невероятно взвинченным и проработал без перерыва восемь часов кряду. Молодой человек успел предложить писцу некрополя создать специальный отряд из двух или трех мастеровых покрепче и посмелее: этот отряд, по мысли юноши, должен был вызволить Нефера и доставить его в селение, входить в которое не вправе ни войска, ни стража. Однако Кенхир отринул эту прекрасную задумку да еще и облек свой отказ в очень резкие слова. А дожидаться посвящения Жару велели за стеной: мол, возвращайся-ка ты к помощникам и будь там у них на подхвате.

— Ну что, приняли тебя? — поинтересовался кузнец, с удовольствием разглядывая медные резцы, выкованные его напарником за день.

— Обещали. Может, и сдержат слово.

— Вообще-то они не обманывают... Только вот это преступление, знаешь... Такой удар по братству.

— Молчун не виноват!

— И все же его наверняка засудят за убийство. У Собека есть сильные улики.

— Одного не пойму: кто так возненавидел моего друга? За что его обливают грязью и ломают ему жизнь?

— Забудь эту темную историю. Со мной будешь работать. Ковать ты любишь, и все у тебя получается. Чего ради торчать взаперти в селении? Его дни сочтены.

— Что это ты такое несешь?

— Засудят Нефера, значит, и братство виновато. И потянут всех мастеровых на дознания, работы остановят, а мастеров, тех, кого не заточат в темницы, разгонят по разным фиванским храмам, Конец пришел Месту Истины.

— А мое посвящение?

— Не дождешься. Никогда.

Юноша стиснул кулаки.

— Все это злобный дух какой-то творит. Который в темноте прячется...

— Ты Нефера хорошо знаешь? — спросил кузнец.

— Он — мой друг.

— Думаешь, поэтому его оправдают? А если по делу, так что ты знаешь про то, что с ним бывало? Да и про него самого... ничего ты не ведаешь толком. Где шлялся, что творил... Он же в Нубии бывал, значит, во всякие переделки ввязывался волей или неволей. И наверняка убивать научился. А в Фивы вернулся, чтобы разбогатеть, не иначе. Он же в селении рос, а там эти разговоры про сокровища, которые прятали в гробницах фараонов, когда их хоронили... Уж не собирался ли он грабить гробницы?

— Да ты что...

— Не он первый и не он последний, кому это в голову приходило. А ему-то проверить такое дельце куда проще, чем другим: он же из селения и все тут знает. Потому, видать, он и пошел той ночью на холмы, что над Долиной царей... Только не знал он, что начальником стражи назначили Собека и что Собек этот ввел новый порядок надзора. Гляди: он невзначай натывается на стража, убивает его — и что ему теперь делать? Ясно же, что лучше селения ничто не прикроет: стражу туда не пускают. И опять он не вспомнил про Собека. А тот — упертый, возьми и докопайся.

— И в такую дурь ты веришь?! Надо же — такие байки плести!

— Вот суд будет, так сам все увидишь. Гляди, улики веские какие, и все они одна к одной ложатся. Как не поверить?

— Придумано складно. Но ты же знаешь, что это неправда.

— Одно скажу: дело скверное. Ни Неферу, ни братству целехонькими из него не выбраться. Послушался бы ты лучше меня и держался от всей этой мути подальше.

— Знаешь что! Мастеровые связаны по рукам и ногам, но мы-то... ни ты, ни я, мы же не из братства! Если я чего-нибудь придумаю, поможешь?

— Ни за что! Все равно у нас ничего не выгорит, а меня с работы погонят. Где еще я такое место найду? Нефер — в темнице, и никто его оттуда не выпустит.

— А что про родителей Ясны знаешь? Они еще живы?

— Только отец.

— А чем живет?

— Строительная артель у него. Мужик очень толковый, никто про него дурного слова не слышал. Одно хорошее говорят.

Кузнец Овед так здорово растолковал, что, где и как, что Жар совсем не плутал и сразу же нашел дорогу к хозяйству отца Ясны. По пути юноша размышлял о случившемся и скоро понял, что и думать тут нечего: это все Неферов тесть подстроил. Дочка его бросила, обидно-то как, вот он и затаил злобу на невесту откуда свалившегося зятя. И подсунул Собеку ложные улики — а нечего охмурять мою дочь! Человек немолодой, и здоровье не то, кто-то глядеть за ним должен, нет разве? Разобьет пару, вернет в дом дочку: чего ей в потайном селении от отца родного прятаться?

Ну так Жар возьмет его за шкуру и лаской или таской, а загонит в суд — и заставит признаться, что это все его козни. И смоет с Нефера все подозрения. Дельце-то, оказывается, плевое! И решить его можно мигом.

Утро постепенно переходило в день, народ тянулся с базара домой. Подойдя к нужному дому, юноша вошел внутрь, благо дверь оказалась не заперта.

И тут же дорогу ему перегородила здоровенная черная псина.

— Тихо ты, свои... Я же тебе ничего плохого не сделаю.

Прочно упершись в пол всеми четырьмя крепкими лапами, пес рыкнул и показал клыки. Попробует Жар шагнуть, и собака кинется на незваного гостя.

Юному великану ничего не стоило одним ударом переломить собачью шею, но уж очень хорош был этот отважный сторож. И Жар присел на корточки, чтобы заглянуть псу в глаза.

— Да ты только посмотри: что я тебе, враг что ли?

Смутившееся животное завертело головой, словно бы пытаясь взглянуть на пришельца с какой-то иной точки зрения.

— Давай-ка поближе ко мне. Я тебя не укушу.

На верхней ступеньке лестницы, соединявшей этажи, появилась Ясна.

— Жар... Что ты здесь делаешь?

Молодой человек поднялся.

— А можно я его поглажу?

— Черныш, спокойно. Это свои. Не бойся. Пропусти его.

Пес спрятал клыки и даже разрешил почесать себя за ушком.

— Ясна... Я все знаю. Это все твой отец, так?

— Отец? О чем ты?

— Ну, не понравилось ему, что ты замуж вышла. Вот он и донес на Молчуна стражникам. Пусть откажется от доноса.

Молодая женщина попыталась засмеяться. Но получилась у нее только кривая усмешка, очень печальная.

— Ты что, Жар? Надо же такое придумать... Горе наше его разбило. И он теперь такой больной. Да, когда я ушла из дому, ему было несладко, но все равно он очень гордился дочерью, которая вышла замуж за служителя Места Истины, где его зятю такие тайны ремесла откроются, что даже он сам ими не владеет. Но когда я ему сказала, что Нефера схватили, сердце отца не выдержало.

— Ион...

— Еще жив, Но чувствую я, что смерть ходит совсем близко.

Ясна не ошиблась.

За час до начала судебного заседания ее отец испустил дух. Его дочь успела убедить умирающего, что Неферу каяться не в чем и что правосудие и справедливость восторжествуют.

— Я должна заняться погребением, — сказала она Жару.

— Нет, ты в суд пойдешь: твоему мужу надо, чтобы ты была рядом. А тут я за тебя побуду.

— Я так не могу, мне...

— Слушай, ты что, мне не веришь? Твое место — возле мужа.

— Ты же не знаешь даже, к кому и куда обращаться.

— Разберусь, не беспокойся. Не слыхала разве, что настоящих друзей в беде узнают? Я, чтобы Молчуна вытащить, проломил бы стены темницы, так ведь не выйдет у меня ничего. Только ты можешь его поддержать, а тебе помогу я. Если отец твой и вправду праведником был, чего ему бояться? Не страшен такому суд Осириса. А вот мужа твоего запросто могут запихать в преисподнюю до срока.

Речи молодого богатыря учтивостью не радовали и слух любезностью не ласкали, но их простоватая откровенность взбодрила Ясну и вернула ей отвагу. Нет у нее времени упиваться жалостью к себе, и нет иного выхода, кроме продолжения борьбы, пусть даже оружие ее... какое там оружие — смех один.

— В присяжные? Меня?

— Мой дорогой Мехи, ваше назначение утверждено визирем, — открыл тайну фиванский градоправитель. — Поскольку суду понадобился человек в чине, я сразу же вспомнил о вас.

— Ответственность, знаете ли, тяжкая.

— Ну да, ну конечно... Но далеко не последняя из трудных обязанностей, возлагаемых на вас судьбою. И вы всегда справлялись! А мне бы, например, тоже хотелось, — понятно, когда мы развяжемся с этим нудным разбирательством, — доверить вам кое-какие ответственные поручения. Мои подчиненные стареют. Нужна свежая кровь.

— Как я уже неоднократно заверял вас, я всегда в вашем распоряжении.

— Превосходно, Мехи, А что... ваш тесть?

— Все хуже и хуже.

— Как это огорчительно... Поместили ли вы его под постоянный надзор?

— Как договаривались. Надзор совсем незаметный, бережный. Воинам приказано вмешиваться только при самой крайней необходимости.

— А целитель что говорит?

— Болезнь ему знакома, но вылечить от нее тестя он не может.

— Досада-то какая... Воистину беда. Что же до предварительного слушания, то визирь повелел, чтобы оно проходило на западном берегу, пред воротами храма Сети, отца Рамсеса. Если собирать суд здесь, на восточном берегу, то можно опасаться чрезмерного наплыва зевак — во всяком случае, так я понимаю визиря. Стражи воспрепятствуют празднующимся и любопытствующим попусту, и суд сможет заседать без помех.

Эта перемена, которая произошла, как всегда, в самую последнюю минуту, Мехи не

понравилась. Но вряд ли она хоть как-то повлияет на исход дела. И будет Нефер Молчун осужден, а братство разогнано.

Представителями Места Истины на суде были престарелый писец Рамосе, писец некрополя Кенхир и начальник артели Неби. Обитатели селения намеревались устроить шествие, дабы предстать пред судом всем множеством, однако писец Рамосе убоился многолюдья и шума и отговорил народ: сборище могло вызвать неудовольствие судей и оказать скверную услугу обвиняемому.

— А не стоило ли тебе похлопотать о приеме у фараона? — спросил начальник артели у Рамосе.

— В том не было бы никакой пользы. Фараон не может помешать свершению правосудия. Мне же, как писцу Маат, должно печься о репутации братства.

— Можно попроситься на прием к визирю!

— И это столь же бессмысленно. Ныне участь Нефера в руках суда.

— А если суд ошибется?

— Если не существует улики или они неубедительны, Кенхиру, как и мне самому, можно будет потребовать прекращения дела.

Неби не разделял уверенности Рамосе в благополучном исходе, ибо если он и верил в правосудие, то лишь на суде Места Истины, где невозможны ни подкуп, ни «советы» заинтересованных сторон.

— Я ничуть не сомневаюсь, что Нефер невиновен и что все это затеяно только затем, чтобы нам навредить, — убежденно сказал Кенхир.

— Рамсес Великий — наш щит и ограда, — возразил Рамосе. — Существование Места Истины жизненно важно для Египта.

— А если дело в тайных кознях: чудовище, таящееся во мраке, намеревается причинить зло?

— В таком случае нам будет ведомо, как противиться.

— Сначала опасность надо распознать! Ударят нам в спину — и мы погибнем, так и не успев вступить в сражение.

Старейшина фиванских судей объявил предварительное слушание по делу Нефера, служителя Места Истины, открытым. Неферу предъявлялось обвинение в убийстве одного из стражей, который нес ночное дежурство, охраняя Долину царей.

— Под покровительством Маат и во имя ее, — объявил старейшина, — я требую от настоящего собрания рассматривать лишь действительно имевшие место события, и ничего, кроме таковых.

Среди присутствующих заметны были судьи, которым надлежало выносить приговор, представители Места Истины, а также Ясна, супруга обвиняемого, — она держалась по левую руку от старейшины. По обе стороны от Нефера стояли два воина: при каждом — палица и кинжал.

Виду него был спокойный, даже равнодушный. Когда его взгляд встречался с глазами жены, видно было, что он начинает верить, что это испытание он выдержит. Уже в том, что она так близко, было какое-то волшебство, и оно навевало мир, покой, безмятежность.

— Это ты Нефер Молчун? — спросил председатель суда.

— Я самый.

— Признаешь ли ты себя совершившим человекоубийство?

— Я не виновен в том преступлении, в котором меня обвиняют.

— Посмеешь ли поклясться в этом?

— Именем фараона, клянусь.

После клятвы надолго воцарилось молчание: всяк осознавал важность произнесенных слов. А Мехи радостно злорадствовал: теперь Нефера признают еще и клятвопреступником, так что от смертной казни ему уже наверняка не уйти.

— Слово предоставляется стороне обвинения.

Вперед вышел начальник Собек и начал излагать факты. Из его слов следовало, что расследование, проводившееся лично Собеком, отличалось стремительностью, а его умозаключения оказались поспешными. Кроме того, Собек предъявил суду письмо, никем не подписанное, хотя писавший был определенно человеком весьма осведомленным и послание это прямо обвиняло Нефера. Зачитав письмо, Собек рассуждал все увереннее и подводил слушателей к тому выводу, что Нефер, весьма вероятный виновник, к тому же не располагает никаким алиби: кто может сказать, где именно находился он в ту ночь, когда было совершено преступление? Выросший в селении мастеровых, он наверняка был наслышан о несметных богатствах Долины царей и вздумал их похитить — замысел конечно же безрассудный. Застигнутый врасплох стражем при попытке нащупать пути проникновения в запретный удел, он просто не имел иного выбора. И потому убил. Расчетливость, которой Нефер всегда отличался, подсказала ему укрыться в селении, ибо стража не вправе вторгаться в его пределы.

— Столь тяжкое обвинение опирается лишь на анонимное письмо, и ни на что иное, — заметил старейшина суда.

— Очевидно, — ответил Собек, — что написано оно неким мастеровым, уповавшим на торжество справедливости. К тому же все, изложенное в письме, неумолимо связывается в единую неразрывную цепь.

Старейшина обратился к Неферу:

— Где ты был в ночь преступления?

— Не могу вспомнить.

— А почему ты вернулся в селение?

— Потому что услышал зов.

Слово попросил управитель западного берега.

— Защита Нефера смехотворна! Этот малый — проходимец, наделенный хладнокровием и неустрашимостью и способный на самое худшее! Его необходимо поскорее поставить перед судом присяжных и покарать — за убийство и ложную клятву.

— Однако решающее доказательство отсутствует, — оценил создавшееся положение старейшина.

— Быть может, таковое все-таки имеется, — возразил Собек. — Один из моих подчиненных, тоже дежуривший в ту ночь на месте преступления, припомнил, что видел некоего бродягу.

Выходило, что начальник стражи, выступающий перед собранием судей, разволновался из-за замечаний старейшины и, сказав все, что имел, просто признался в том, что он убежден в виновности подсудимого.

У старейшины больше не было выбора.

— Итак, я...

— Погодите.

— Кто дерзает прерывать ход разбирательства?

Сухонькая старушка с копной седых волос выступила вперед, приблизившись к председателю суда.

— Нефер Молчун не виновен.

— Кто ты?

— Ведунья Места Истины.

По залу суда пошел шум: и судейские, и зрители были ошеломлены явлением этой женщины с царственной поступью и благородной осанкой. К тому же ведунья Места Истины слыла особой едва ли не сказочной, и молва приписывала ей сверхъестественные способности и возможности. А так как она никогда не покидала селение, многие сомневались в самом ее существовании.

Председателю было сложно подобрать нужные слова.

— Как... почему вы позволяете себе высказывать столь решительное утверждение?

— Поскольку Нефер Молчун живет в селении, я имела возможность наблюдать за ним.

И он — не убийца.

— Мы не можем пренебречь вашим мнением, — крайне сдержанно, даже скромно произнес старейшина, — но вот если бы было хотя бы одно доказательство...

— Если бы удалось доказать, что Нефер Молчун не мог находиться на западном берегу в ту ночь, когда произошло несчастье, не означало бы это, что он решительно невиновен?

— Это так, но он сам не может вспомнить, где именно он был в ту ночь.

Мудрая женщина подошла к молодому человеку, восхищенному глубиной и красотой ее взгляда.

— Дай руку. Левую.

Она обхватила раскрытую ладонь Нефера своими ладонями и крепко стиснула ее. Ладонь Нефера пронзил жар и стал распространяться по всему телу. Тепло поднялось по руке до плеча, а затем перетекло в голову.

— Закрой глаза и вспоминай.

Душа Нефера взмыла птицей и отправилась в волшебное путешествие. Пролетев над Нилом и подгоняемыми ветром суденышками, она устремилась на юг, но неодолимая сила опустила ее на землю близ Элефантины, в пальмовой рощице, близ которой приютилась деревушка, а у ее околицы ребяташки играли с обезьянкой.

— Да, — бормотал он, — я ночевал на опушке у той деревни, закутавшись в циновку, ночь выдалась не жаркой. За день я устал и тосковал: все странствия да блуждания, не вырваться, как узник какой... И ничто на свете меня не волновало... Но это было там, на берегу у Элефантины, и ярко светила полная луна.

Нефер открыл глаза, а ведунья, отойдя от него, опять направилась к председателю.

— Прикажите начальнику Собеку незамедлительно отправиться в то место и расспросить тамошних селян.

Нефер, запертый в одной из камер пятого укрепления, сидел и ждал решения своей участи, но нетерпение его совсем не мучило. Если вмешательство ведуньи, так убедительно высказавшейся в его пользу, к чему-то и привело, то разве лишь к подчеркнутой предупредительности стражей: охранники, скорее всего, страшно боялись колдовства. Его сносно кормили и позволяли гулять по утрам и вечерам, то есть выходить на улицу и проходить расстояние в несколько шагов. И даже свидания разрешали: Ясну он видел каждый день.

Чтобы он не вешал нос, Ясна заверяла его, что в селении все хорошо, но он-то был убежден, что наверняка кое-кто еще сомневается в его невиновности и эти люди постараются осложнить ему жизнь.

Наконец две недели, требовавшиеся на дорогу в южное селение и обратно, прошли, и Собек отворил дверь каморы.

— Ты свободен, Нефер, с тебя снимаются все обвинения и смываются все подозрения. Множество свидетелей воочию видели тебя в селе у Элефантины в ночь преступления. Значит, стража убил не ты. Для возмещения ущерба суд предписывает выдать тебе деревянный ларь, две новые набедренные повязки и свиток папируса хорошего качества. Что касается меня, то я приношу тебе свои извинения.

— Что поделать, у тебя работа такая.

— Но ты меня никогда не простишь...

— А почему ты подумал, что это я виноват?

— Я дважды промахнулся с этим делом. Сначала я решил, что мой подчиненный погиб в результате несчастного случая. А потом я подумал, что тот, кто написал письмо, указал на настоящего убийцу и, значит, я могу исправить свою ошибку. Если ты настаиваешь, я попрошусь в отставку.

— Я этого вовсе не хочу.

Нубиец напрягся.

— У меня нет привычки просить, чтобы меня жалели...

— При чем тут жалость?.. Ты совершил две грубые ошибки, и они, несомненно, перевесили многие твои успехи. А потому ты теперь станешь недоверчивее и будешь блюсти безопасность селения с большей прозорливостью.

У Собека было такое чувство, что этот Нефер Молчун вытесан не из того дерева, из которого вытесаны почти все прочие мастеровые братства. Он так ни разу и не повысил голос, и в его словах не чувствовалось ни обиды, ни тем более озлобленности.

— Остается один вопрос, — вспомнил страж. — Кто все-таки написал это письмо?

— Есть хоть какой-то намек на след?

— Пусто и голо. Но надо мной посмеялись, а я зла не забываю. Убийство было, спорить нечего, а тот, кто писал, он, чего доброго, и убил. Но тебя-то ему зачем губить?

— Понятия не имею. Даже малейшего.

— Никакого времени не пожалею, — пообещал Собек, — но загадку эту разгадаю.

— Так можно ли мне вернуться в селение к своей жене?

— Ты свободен, я же сказал. Хотя постой, я тебя хотел спросить кое о чем. Не чувствуешь ли ты, что тебе грозит опасность?

— Ты же меня защищаешь.

— Но мне же не дозволено входить в селение.

— А кто, по-твоему, мне может угрожать?

— Положим, что тот, кто письмо написал, он тоже из вашего братства... Если так, то он не успокоится, станет гадить исподтишка и выжидать, когда тебя можно будет прижать к ногтю. Так что в селении тебе будет небезопасно.

— Не бросай расследования, Собек. Излови того злого духа, который таится во мраке.

Нубиец понял, что ремесленник не хочет принимать близко к сердцу его предупреждения, но переубеждать собеседника не стал. Хорошо уже то, что Нефер не собирается сутяжничать: всего одна жалоба на начальника охраны — и начальник этот мог бы ставить крест на своем будущем, никакой служебный рост ему бы уже не светил.

Не успел Нефер выйти из темницы, как к нему кинулся черный пес и так резко навалился на него всем своим весом, что едва не опрокинул. Поставив передние лапы на

плечи Нефера и облизав его щеки, Черныш принялся крутиться и скакать вокруг хозяина и в конце концов все-таки выпросил у него ласку.

А потом к мужу вышла Ясна, и тот сразу же подхватил ее на руки.

— Черныш так хотел первым поздравить тебя с освобождением... Ты вернулся — какое счастье!

— Пока все это тянулось, я ни о чем больше не думал — только о тебе. У меня перед глазами стояло твое лицо, и я забывал и про тревоги, и про стены узилища. Не будь тебя на суде, я бы не выдержал.

— Это ведунья тебя спасла.

— Нет, ты. Если я тебя вижу, я знаю, что никакая ложь меня не коснется.

— Отец умер, — наконец сообщила она. — А все хлопоты с похоронами взял на себя Жар, чтобы я смогла присутствовать на слушании. У этого мальчика золотое сердце.

— А с ведуньей ты виделась?

— Нет, и мне посоветовали ее не беспокоить. При случае вместе к ней пойдем, раз ты вернулся.

— Ты там все время одна была? В стороне от всех?

— Да я и не очень-то помню... Наша жизнь в селении начинается сегодня.

Ясна была права. Сейчас Нефер знал, что счастье хрупко, как крылышки у бабочки, и в то же время прочно, как гранит, если радоваться каждому мгновению его как чуду.

Пара вместе с Чернышом направилась к главным воротам.

— Как жаль, я даже на похоронах твоего отца не был.

— Он тебя так уважал, и надеюсь, я его утешила перед большой разлукой. Я пообещала ему, что справедливость восторжествует. И так оно и вышло.

— Не обзавелась ли ты какими-то диковинными умениями?

— Не выдумывай. Это просто любовь. Она не позволяет мне падать духом.

Стражник у ворот встретил чету жарким приветствием.

— Со счастливым возвращением, Нефер! Мы — я и напарник мой — всегда знали, что ты невиновен. В селении к празднику, похоже, готовятся... Повеселитесь там хорошенько!

Ворота распахнулись, и Нефер с Ясной вступили на землю своей новой родины.

Все мастеровые во главе с обоими начальниками артелей собрались там, где начиналась главная улица. И встретили пару бурными приветствиями и объятиями. Все радовались тому, что вот наконец все снова вместе и никто не потерян, и опустошали кувшины сладкого пива во славу высоких заслуг и великих достоинств ведуньи.

— Коль скоро Нефер вернулся, — сказал Неби, — пришел час приступить к посвящению Жара.

— Просыпайся. Ну вставай же, — будил кузнец Овед Жара.

— А что стряслось?

— Твой друг Нефер освобожден, а тебя ищут двое мастеровых.

Жар проспал часа два, а трудовой день выдался напряженным. Но, услышав новость, он мгновенно вскочил с постели.

— А зачем ты им понадобился? Как думаешь? — спросил Овед.

— Пришло время моего посвящения!

Кузнец промолчал. Он-то был уверен, что юный великан спешит к своей гибели.

— Ну и куда мы? — поинтересовался Жар.

Двое мастеровых неприязненно поглядели на него.

— Первейшая из добродетелей — молчание, — отозвался один из них. — Если тебе угодно, следуй за нами.

Ночь была темна, и ни в селении, ни на его околицах не было видно ни огонька. Мастеровые шагали уверенно: местность они знали досконально, все неровности почвы давно выучили собственными стопами. Они довели Жара до порога святилища на краю местного некрополя — небольшой храм был вырезан в скале, нависавшей над западным краем селения.

Проситель было попятился, Не смерти ищет он, но жизни новой! Но, хотя вопросы так и норовили слететь с его губ, он все же почел за лучшее держать язык за зубами.

Двое спутников его сначала немного отступили, а потом и вовсе растворились в темноте, бросив Жара перед позолоченными деревянными воротами.

Ну и сколько еще ждать? Если братство испытывает его терпение, то старается оно напрасно. Раз уж он здесь оказался, то своего не упустит.

Он готов был биться с каким угодно противником, но от вида этого возникшего из мрака чудовища даже его в озноб бросило: туловище человеческое, а голова шакаля, с длинной, вытянутой и злобной мордой и поднятыми остроконечными ушами! В левой руке чудовище держало жезл, увенчанный оскаленной мордой какого-то хищника.

Человек с головой шакала, не дойдя до юноши двух шагов, протянул к нему правую руку.

Никакое это не чудовище, хотя кто не испугается, повстречав такую тварь во мраке на узкой дорожке! И Жар успокоился, хоть ему и вспомнилось всякое: уверяли, что повстречать ночью шакала — к смерти, не иначе.

— Если ты проследуешь за Анубисом, — сообщило странное существо, — он посвятит тебя в тайну. Но если в тебе есть страх, ты далеко не пройдешь.

— Кем бы ты ни был, делай то, что должен.

— Эти ворота не отворятся, если ты не изречешь слова мудрости.

Человек с головой шакала отпустил руку Жара, который теперь не знал, что и делать. Какие еще слова мудрости? Откуда ему знать такие слова? Может, врезать по воротам кулаком, глядишь, откроются и он увидит, что там внутри?

Но Жар так и не успел натворить ничего непоправимого. Вновь появился Анубис, держа в руках какой-то белый предмет.

— Представь ее воротам, — приказал он Жару. — Только ей ведомы слова мудрости, сиречь слова приношения.

И юный великан поднял алебастровую статуэтку.

Ворота начали медленно открываться. Появился человек с головой сокола, держа в руках фигурку красного дерева: она изображала человека с отрезанной головой, перевернутого вверх ногами.

— Гляди, Жар, чтобы у тебя не закружилась голова. Не то ты ее потеряешь. Лишь прямота убережет тебя от печальной участи. Ныне же — преступи порог.

Жар втиснулся в крошечное святилище, стены которого были расписаны изображениями: вереницы мастеровых, совершающих жертвоприношения божествам. Посередине каморки начиналась лестница, уходящая вглубь, в недра холма.

— Ступай во чрево Земли, в ее средину, — велел человек с головой сокола, — и ты обретишь там большой сосуд. Открой его и испей воды чистой, дабы не пожрало тебя пламя. Вода освежит тебя, и ты сможешь узреть мощь творения и силу творящую.

Жар стал спускаться по лестнице, не пропуская ни единой ступеньки — чтобы привыкнуть к темени.

Ступени привели в склеп, где стояла большая чаша, и Жар, взявшись за ее ручки, поднес ее ко рту. Вода оказалась свежей и отдавала анисом.

Молодой человек почувствовал воодушевление и прилив бодрости. Так бывало, когда жрецы благословляли паводок и разрешали пить прибывающую воду.

Человек с головой шакала и его товарищ с головой сокола тоже сошли в склеп и осветили факелами небольшую серебряную чашу с водой. Этой водой они омыли стопы Жара, ею же были обрызганы различные части тела посвящаемого и смочены его голова, плечи и ладони.

— Ты рождаешься для новой жизни, — говорили его спутники, — и тебе предстоит узреть могущественную силу.

В полу склепа обнаружился ход, который вел в пещеру, занятую саркофагом в форме рыбы, той самой, что поглотила причинное место Осириса, когда различные части расчлененного тела убитого бога были выброшены в Нил. Двое священнодействующих подняли крышку гроба и дали знак Жару. Повинуясь, он лег на дно саркофага и вытянулся во весь рост, — огромная рыба изнутри была выложена лазуритом.

Там он пережил свое первое преображение, осознав себя не просто человеком, но неотъемлемой частью всего земного бытия. Эта светоносная рыба одарила его на мгновение ощущением того, что он способен постичь даже сам источник жизни.

Но не успел он расслабиться, как шакал с соколом прервали его размышления, велев выбираться из рыбы и выходить из святилища, с тем чтобы перейти в другое, куда более просторное помещение, освещенное четырьмя факелами на подставках. Если их мысленно соединить линиями, получится прямоугольник. На полу подле каждого из факелов стояли сосуды из глины, смешанной с ладаном; в них было молоко белой телицы.

В этом просторном святилище оказались и другие мастеровые. Много. Слово взял начальник артели Неби.

— Око Хора позволяет нам зреть таинства и быть причастными к блаженным, обретающимся в потустороннем мире. Ежели ты воистину желаешь стать братом нашим, ты должен будешь трудиться вдали от глаз и ушей и блюсти правило наше, ибо оно есть хлеб, питающий нас, и пиво, утоляющее жажду нашу. Называется оно «теп-ред», [\[8\]](#) вдохновляет оно и мысли наши, и деяния чаши, и прочно скреплено оно с кормилом нашей общины. Правило сие есть изречение Маат, дочери света, она же есть начало всей соразмерности и

всего согласия и слово творящее. Упорствуешь ли ты в прощении присоединиться к нам и быть среди нас и желаешь ли ты познать обширность обязательств твоих?

— Упорствую и желаю, — отвечал Жар.

— Будь бдителен, выполняя те задания, что тебе поручат, — сказал Неби, — и нельзя тебе выказывать небрежения. Ищи того, что верно и справедливо, будь цельным и последовательным. Дабы таинство творения оставалось сокровенным, будь молчалив и храни тайну. Посещай храм, будучи призван, совершай приношения богам, фараону и предкам, участвуй в шествиях, празднествах и погребениях братьев твоих, отчисляй из средств своих малую толику и вноси отделенное в общую казну, собираемую ради сплочения братства нашего, повинуйся решениям нашего суда, не будь терпим ни к какому недоброму умыслу. Не дерзай вступать в храм, совершив нечто злое против Маат, равно как и в состоянии нечистом или когда ложь слетела с уст твоих. И да будут гири твои верными, а мера — точной, и да не оскорбишь ты Око света, и не будешь алчным. Поклянешься ли ты на камне сем, что будешь блюсти правило наше?

— Клянусь.

А это уже Нефер Молчун вышел вперед, дабы разоблачить камень, ограненный в форме куба и источающий приятный свет.

— Выше жизни твоей обязуешься ли ты ставить и безупречно блюсти то, что я тебе оглашу?

— Обязуюсь, — подтвердил Жар.

— Отныне, со дня сегодняшнего, — возгласил начальник артели, — ты становишься служителем Места Истины, и отечеством твоим будет впредь удел некрополя, и ты нарекаешься именем новым: Панеб. Пусть будут дарованы тебе стойкость и непреходящая долговечность небесных звезд, да не забудешь ты о вечности и да сохранишь ты мощь свою днем, равно как и в ночи. И да наделят ее боги незыблемостью истинной правды.

Не выпуская из левой руки посох, увенчанный изображением головы барана, воплощения бога Амона, Нефер начертал на правом плече Жара дарованное тому новое имя, тщательно выписывая знаки тонкой кисточкой, смоченной в алых чернилах.

— О ты, становящийся мастеровым, — вновь заговорил начальник артели, — всегда памятуй об отклике на зов, трудись, дабы преуспеть, согласно речениям Тота, побеждай трудности и познавай тайны. Так достигнешь ты просветления.

И умощен был Панеб Жар благовонными маслами и мазями, и облачен был в одеяние белое, и обут в белые сандалии. Поверх его уст Нефер начертал в воздухе знак богини Маат, дабы не мог он более произносить лживых речей.

Начальник артели убрал камень и погасил все четыре факела, окунув их в чаши с молоком. После этого все мастеровые покинули святилище. И предались созерцанию звезд небесных.

Вот и утро занялось, а Панеб Жар с Нефером Молчуном все еще сидели перед воротами того святилища, в котором первый только что прошел посвящение. Они долго глядели на звезды, в которых жили души древних мудрецов.

— А тебя тоже так посвящали? — спросил Панеб у друга.

— Обряды для всех одинаковы.

— А жена твоя?

— И она через них прошла. Как и другие женщины, которые здесь живут. Все они жрицы Хатхор. Правда, в большинстве своем они не восходят дальше первой ступени.

— А что, есть еще ступени?

— Наверное...

— А у мастеровых тоже?

— Разумеется. Но главное, мы составляем артель. Она не зря так называется: это — сообщество, где у каждого свое дело и одно занятие дополняет другое. И какое бы задание каждый отдельный мастер ни выполнял, все мы — в одной лодке, на одном судне, и у каждого из нас свое место и своя роль.

— А мое место какое будет?

— Первым делом стань полезным.

— Другим?

— Полезным общему делу, общему творчеству и, сверх того, товарищам по братству.

— А что это за общее дело, Нефер?

— Возведение царской гробницы. Благодаря ей на земле присутствует незримое и совершается воскрешение. Однако, чтобы в полной мере принимать в этом участие, прежде необходимо многому научиться.

— Наконец-то я буду рисовать и писать красками!

— Самое главное для тебя сейчас — научиться писать и читать. Будешь ходить на уроки, которые здесь дают детям.

— Я что, малолетка, что ли?! — возмутился Панеб.

— Без грамоты — никуда, особенно в твоём искусстве, и тебе нельзя попусту терять время. Кенхир — наставник суровый и часто по пустякам придирается. Но учит хорошо, и его ученики славятся мастерством.

— И потому, значит, пройти еще и через это надо... А что мое новое имя означает, знаешь?

— Панеб значит «мастер», «наставник». Это начальник артели Неби придумал, чтобы наметить тебе цель недостижимую. Он уверен, что ты не отступишься от своего желания стать настоящим мастером и сможешь укротить свой вздорный нрав. Придет день, и ты успокоишься.

— Не дождется он, этот начальник артели! Я овладею своим ремеслом и оправдаю свое имя. Но огонь, что пылает во мне, погаснет только с моей смертью.

За оградой началось какое-то шевеление. Это помощники взялись за дело. Они развьючивали ослов и разносили воду, потребную для утренних омовений.

Солнце поднялось над Местом Истины, где Панебу Жару предстоит пережить то, о чем он столько грезил.

Наконец-то он увидит собственными глазами селение, так старательно укрывающееся за высокими стенами! За ними, оказывается, шли еще стены, пониже, они защищали селение от грязевых потоков, которые случались во время грозы. Хорошо еще, что такие стихийные явления — и сели, и сами грозы — случались здесь редко.

Деревня располагалась метров на пятьсот выше той отметки, до которой доходила вода во время самых высоких паводков, так что жители могли не опасаться разливов. Селение полностью занимало долину, образованную некогда сходом мощного селевого потока, и со всех сторон было укрыто от любопытных глаз высокими каменистыми скалами. Оно было равно удалено как от заупокойного храма Рамсеса Великого, так и от священного холма Джеме, где покоились боги-прародители. «Город», как называли его сами местные жители, казалось, был полностью оторван от остального мира; во всяком случае, с речной долиной Нила никакого соединения не было. На западе высились ливийские утесы; на юге — скала, к которой примыкал главный храм; на севере находился выход из долины и вдали виднелись возделанные поля.

С двух сторон к деревне примыкали два некрополя. Восточный был выстроен в три яруса: нижний — для детей, средний — для юношей и девушек, верхний — для взрослых. Западный, тоже ступенчатый, был обращен к солнцу, и здесь находились самые красивые святилища.

Здесь жизнь, смерть и вечность тесно переплетались между собой, существуя в гармонии, казавшейся естественной и вместе с тем необъяснимой. Внутри самого селения находились святилища, храмы, молельни, а кроме того, резервуары для дождевой воды, житницы и прочие строения, священные и мирские.

— Идем, — сказал Нефер Панебу, — я провожу тебя до дому.

— Что? У меня... есть свой дом?

— Простенький, для безбрачных... Ну, для холостяка. Но на чудо не надейся!

— А у тебя тоже свой дом? Да?

— Мне повезло больше, мое жилище попросторнее твоего. Никто не выбирает сам, где жить. Это решает писец некрополя. А начальник артели назначает место в святилище братства, том самом, где у нас собираются советы.

— А по-настоящему кто распоряжается?

— Писец некрополя Кенхир с двумя начальниками артелей. Наше братство устроено как судовая команда. Неби управляет правым бортом, а Каха — левым. Мы с тобой зачислены в артель правого борта, как подмастерья. Мы должны уважать товарищей и знатоков, которые провели здесь много лет и обрели доступ к речениям мудрости.

— А сколько нас?

— На сегодняшний день тридцать два ремесленника. Шестнадцать — в артели правого борта, шестнадцать — в артели левого борта. Бывало, в иные времена, общее число мастеров доходило до полусотни. Но люди умирают, а фараон хочет, чтобы артель была сплоченной и цельной. То, что тебя приняли, точно так же как и то, что приняли меня, настоящее чудо! А раз мы ученики, то должны научиться хранить молчание, мы по-настоящему должны стать «теми, кто внял зову».

— И к какому ремеслу тебя приставили?

— Я работаю с резчиками камня: каменотес должен освоить большое долото, которому и самая твердая скала не страшна. Но и ремесло ваятеля осваиваю: учусь тонкой работе маленьким теслом.

— И тебе это надо?

— У меня нет твоих способностей к рисованию, — отозвался на недоумение друга Нефер, — и потом, я всегда хотел работать с камнем.

— Я только рисунком буду заниматься. И больше ничем!

— А если начальник артели поручит тебе другое задание?

Юный великан не очень-то скрывал свое недовольство.

— У меня четкая цель и дорога к ней, никто меня с этого пути не собьет.

— Неби человек не покладистый, — предупредил Нефер, — и не из тех, чьи приказы можно оспаривать. А раз ты — подмастерье, и к тому же самый последний, ведь тебя только что приняли, то тебе положено гнуть спину. И кланяться.

— Не будет этого! Хотя какой он там разначальник, я его не боюсь. И слушаться стану, лишь если он мне растолкует, зачем это. В Египте рабов нет, и я первым не стану.

Нефер спорить не решился, опасаясь, что друг еще сильнее закипит. Да, первые шаги Панаба вряд ли будут легкими.

А тот тем временем с любопытством разглядывал село: главная улица шла с севера на юг, а вторая дорога, тоже осевая, но менее важная, пересекала главную под прямым углом. За оградой — около семидесяти белых домов, это жилища семейных мастеров братства, среди которых и дом писца некрополя. На севере — самый старый жилой квартал, первые дома были построены там еще при Тутмосе Первом.

Друзья миновали аккуратный домик Рамосе: старый писец приютил в нем своего преемника Кенхира, и потому тот был теперь недурно обустроен. В его распоряжении были просторная приемная и рабочая комната, снабженная всем необходимым.

Панаб чувствовал на себе взгляды товарищей из своей, правой, артели — утех как раз выдался перерыв в работе. С десятков детишек, примерно от четырех до двенадцати лет, кинулись обезьянничать: передразнивая друзей, ребятня, болтая и хихикая, зашагала с ними в ногу.

Пройдя по главной улице до перекрестка, юноши свернули направо, а потом вышли на дорогу, которая привела их к южной околице села, где и находился дом, предназначенный для Панаба Жара.

Тот долго разглядывал дарованную ему недвижимость.

Но это же просто развалина! Настоящие руины!

Стены, того и гляди, обрушатся, деревянная обшивка внутри сгнила, а краска отслаивалась.

— Да, дом не слишком хорош, — признал Нефер, — зато он построен в селении. Преимущество бесспорное.

Этот довод не утешил рассвирепевшего Панеба.

— Я должен немедленно поговорить с писцом некрополя.

Не беспокоясь о возможных последствиях своего порыва, юный великан в считанные минуты пролетел через всю длиннющую улицу и ворвался в приемную Кенхира, где тот, присев на циновку, разворачивал папирусный свиток. Документ, судя по виду писца, был очень важным.

— Что за лачугу вы мне выделили? Там же жить нельзя!

Писец некрополя не поднял глаз и продолжал чтение.

— Никак, подмастерье Панеб?

— Я самый. И я требую, чтобы мне дали сносное жилье.

— Здесь, малыш, подмастерья не требуют ничего. Они слушаются и повинуются. При таком норове ты особенно далеко не продвинешься, и начальник твоей артели не замедлит потребовать твоего изгнания. А я первым его поддержу.

— А почему с другими мастеровыми обходятся иначе? У всех пристойное жилье!

— Пока что ты никто и ничто. Братство приняло тебя в свои ряды и назначило тебе первые обязанности. Но что ты понял из обряда посвящения? Еще первые сутки твоего пребывания в селении не прошли, а ты уже хочешь жить как зрелый мастер! На что ты рассчитывал? Думал, что тебя за красивые глаза поселят в роскошном, великолепно обставленном жилище с вместительным винным погребом? А знаешь ли ты, что товарищи твои сами дома свои чинили, а то и строили, и никто не стенал, не возмущался? У тебя есть рабочее место и какие-то стены, да пускай они хоть ходуном ходят... Знаешь, сколько искателей такому счастью радовались бы... Их сотни, только невезучие они. А этот! Еще смеет жаловаться! Какой же ты невыдержанный!

Кенхир, произнося эти речи, продолжал осторожно разматывать свиток, просматривая цифры, написанные на папирусе.

А Панеб кипел: до чего же ему хотелось схватить писца, вышвырнуть его из этой каморки, растоптать его свитки и разнести здесь все вдребезги.

— Ты еще тут, подмастерье? Лучше бы ты занялся этой, как ты соизволил сказать, лачугой. Чтобы жить в ней стало можно. Имей в виду: никто тебе не поможет. У нас в братстве так: если кто не самостоятельный, тому здесь не место.

Панеб поджал когти, и Кенхир с облегчением вздохнул. Поддался бы этот малолетний исполин охватившему его бешенству — и что бы пришлось писцу делать?

Ступени небольшой каменной лестницы, которые вели с улицы к порогу первой комнаты, были побиты. Нижняя кладка самого дома, каменная, еще держалась — время ее пощадило, а вот все остальное... И сляпано, похоже, было кое-как с самого начала: неровные, необожженные кирпичи небрежно приставлены друг к другу, а широкие щели залиты раствором. Вот он теперь и выкрошился... Все переделывать надо. А балки... столько им всего выдержать довелось, лучше бы их заменить. Ясно, что хибара годами

стояла нежилой. И первым делом стоило бы подмести и почистить все сверху донизу.

Но все-таки речи писца некрополя запали в душу Панеба Жара, и до него дошло, что эта развалина — его первый дом. И вдруг лачуга показалась ему прекраснее дворца.

— Я тебе помогу, — сказал Нефер.

— Кенхир говорит, что нельзя.

— Есть обычай, но есть и дружба.

— Буду блюсти обычай и все сделаю сам.

— Видишь ли, кое о чем ты просто не знаешь, а что-то упустишь из виду...

— Ничего, кто не ошибается. Зато это будет моя стройка. А вот если ты меня позавтракать пригласишь, не откажусь.

— Уж не подумал ли ты, что Ясна про тебя забыла?

Если фасад жилища, предоставленного Неферу, еще мог кого-то обмануть, то внутри... ясно, что без капитального ремонта не обойтись. Все нужно делать заново или переделывать. Нефер успел навести порядок только в кухоньке, где Ясна готовила отварную говядину и чечевицу с тмином. Дым уходил в круглую дыру, проделанную в потолке.

Опять — и в который раз — Панеба поразила необычайная красота молодой женщины, улыбка которой могла превратить любого угрюмого нелюдима в милейшего человека.

— Нам пока еще не на чем сидеть, но все равно добро пожаловать в наш дом! Уверена, что ты очень рад своему новому обиталищу.

Панеб расхохотался.

— Хорошо же ты меня знаешь, Ясна! Вчера я ночевал под открытым небом, а сегодня на меня, того и гляди, свалятся старые кирпичи и переломят мне хребет. Но довольно об этом. Наконец-то я с вами... и я умираю от голода!

Панеб Жар наслаждался лучшей трапезой в своей жизни. Хрустящий хлеб, тающее во рту мясо, нежная чечевица, ласкающее нёбо мягкое пиво. А венцом пиршества стал козий сыр.

— С завтрашнего утра, — сказала Ясна, — будешь получать свой паек.

— И что, так каждый день кормят?

— По праздникам куда лучше.

— Понятно теперь, почему так рвутся в это братство и почему так трудно в него пролезть. Еще бы! Жилье дают даром, жратвы от пуза, ну и работка по сердцу...

— Только ты держись поскромнее, — посоветовал Нефер. — Трудно сюда попасть, а вот вылететь куда легче. Не понравившись начальнику артели, так Кенхир за тебя заступаться не станет. А если эти двое будут заодно, то прогонят неугодного мигом, тянуть не станут.

— А что ты про Неби слыхал?

— Человек резкий, властный, халтурщиков не терпит. Если честно, ты ему не очень-то понравился, и ни единого промаха, малейшего даже, он тебе не простит.

— А перейти в другую артель можно?

— Похлопотать придется, но я бы не советовал. Обоим начальникам такое не понравится, и Каха станет придирааться не меньше, чем Неби.

— Понял. Что ж, повоюем.

— Ну почему, если кто-то руководит, а кто-то подчиняется, нужно смотреть на это как на войну?

Жара вопрос озадачил.

— Так ведь в любое время здесь, как и везде, приходится биться. Старшой в артели

сломать меня захочет, а я не дамся.

— А если он воспитывать тебя намерен? Чтобы ты смог вершить большие дела?

— Знаешь, Ясна, я еще молодой, не спорю. Но меня так просто не проведешь. Между людьми так заведено, да что там, у всего живого так: за кем сила, тот и прав.

— А про любовь забыл?

Панеб уперся глазами в свою миску.

— Ты с Нефером — ну... вы — пара редкая, другую такую еще поискать... Так чего на вас оглядываться? Да никто и не оглядывается. Ты же жрица Хатхор, так?

— После моего посвящения, — заговорила молодая женщина, — я каждый день бываю в своей молельне и готовлю приношения, которые должны возлагаться на алтари в храмах и в святилищах гробниц, равно как и во всяком доме. Жизнь бывает разная. Есть супружеские пары, есть холостые, есть дети, но жилища наши — это тоже святилища, и нет здесь иных священнослужителей, кроме самих мастеровых и их жен. И в делах, которые нам предназначены, будничное не отделено от священного, и я словно слышу биение сердца селения, одного из сокровеннейших в Египте, укрытого за стенами. И оно предлагает нам вкусить таинство, распробовать его вкус, вслушаться в его музыку — вот какая участь предначертана нам здесь.

— Если только начальники артелей не помешают...

— Я живу здесь совсем недолго, — добавила Ясна, — но уже поняла, что упорство — это такая важная добродетель, без которой трудно постичь незримые и невыразимые законы Места Истины. Селение — это щедрая мать, одаряющая не скупясь. Но готовы ли мы к этому? Открыты ли сердца наши настолько, чтобы мы могли принять ее дары?

Слова молодой женщины разбередили душу Панеба Жара. Они сорвали пелену, застилавшую его взор. Хоть он и услышал зов, ему и в голову не приходило, что какое-то там невзрачное сельцо может оказаться целым миром, просторным настолько, чтобы вместить сокровища, истинная природа которых для него еще непостижима.

— Переночевал бы у нас, — предложил Нефер.

— Нет, к себе пойду. Домом заниматься надо. Да и чего вас с Ясной стеснять?

— Еще раз говорю: давай помогу.

— Если я чего-то не так сделаю, так кроме своей бестолковости винить мне будет некого. Бывает, что порой я совсем дурак дураком, спорить не буду, но я понял, что дом этот, каким мне его дали, — это мое первое испытание.

Неустанн­ные тру­ды Мехи — а ко­пал он глу­бо­ко — при­но­си­ли ожи­дае­мые пло­ды. Бо­лее трех ме­ся­цев уш­ло у не­го на по­лу­че­ние чи­на ко­ман­ду­ю­ще­го фи­ван­ски­ми войска­ми, и ему же до­ве­ри­ли про­ве­сти ре­фор­мы управ­ле­ния эти­ми частя­ми. Ма­ло-по­ма­лу он отти­рал от вла­сти дру­гих круп­ных во­еначаль­ни­ков, пу­ска­я в ход свое из­лю­блен­ное ору­жие — до­но­сы, ще­дро рас­то­чая обе­ща­ния, ласкав­шие слух бой­цов: служивые с удо­воль­ст­ви­ем вни­ма­ли ре­чам о по­вы­ше­нии жа­ло­ванья, о воз­мож­но­сти до сро­ка уй­ти на за­слу­жен­ный от­дых, об уве­ли­че­нии пай­ка и об­нов­ле­нии ка­зарм. А если к не­му по­том при­ста­ва­ли: мол, где же обе­щан­ное? — Мехи вы­ру­ча­ло то же крас­но­ре­чие. Он ме­тал гро­мы и мол­нии, жа­лу­ясь на не­по­во­рот­ли­вую ар­мей­скую бю­ро­кра­тию, эти­х за­жрав­ших­ся чи­ну­ш, не­ра­дивость ко­то­рых срав­ни­ма разве что с их ли­це­ме­ри­ем, по­пут­но со­жа­ле­я о горь­кой судь­бине не­сп­ра­вед­ли­во под­верг­ших­ся опале и все­час­ки да­вая по­нять раз­ве­сив­шим уши со­бе­сед­ни­кам, что уж он-то за­сту­па­ется за оби­жен­ных пе­ред вер­хов­ны­ми вла­стя­ми, и пусть да­леко не все ему под­вла­стно, спра­вед­ли­вость все-та­ки не звук пу­стой, бо­ро­ться за нее мож­но и нуж­но, но бор­цы нуж­да­ются в под­дер­жке, и не толь­ко свер­ху, но и от ниж­них чи­нов. На са­мом де­ле он, раз­уме­ется, в грош не ставил своих под­чи­нен­ных, впро­чем, как и вышестоящих, и, если во­и­ны за­хо­ди­ли в не­до­воль­стве сво­ем не­до­пус­ти­мо да­леко, Мехи на­по­ми­нал, что во­ин­ство не­ве­ро­ят­но об­ла­го­де­тель­ст­во­ва­но и на­слаж­да­ется бо­лее чем бла­го­при­ят­ны­ми жи­тей­ски­ми усло­ви­я­ми, и, во­об­ще, вы­ка­зы­вать не­бла­го­дар­ность не­хо­ро­шо и не­красиво.

Так что ко­гда его на­ко­нец на­зна­чи­ли ко­ман­ду­ю­щим, до­воль­ны бы­ли все, и на са­мом вер­ху, и вни­зу, а Мехи по­спе­шил укрепить свою доб­рую сла­ву, чуть ли не еже­вечерне за­зы­вая на пи­ры фи­ван­скую знать. За­бла­го­вре­мен­но на­коп­лен­ные све­де­ния о ка­ж­дом госте тщатель­но изу­ча­лись, что­бы хо­зяин все­гда мог ска­зать лю­бо­му при­гла­шен­но­му не­что осо­бен­но лест­ное. В и­то­ге тот по­ки­дал гостеприим­ный дом в убеж­де­нии, что са­м он, что и го­во­рить, че­ло­век редкий и ка­че­ства его ис­клю­чи­тель­ны и вы­со­ки, но и ко­ман­ду­ю­щий, на­до от­дать ему долж­ное, сумел все-та­ки, в от­ли­чие от иных бли­зо­ру­ких, за­метить оче­вид­ное и уже по­то­му за­слу­жи­ва­ет похвалы и во­об­ще че­ло­век до­сто­й­ный.

К то­му же Сер­ке­та пре­вос­ходно ус­во­и­ла роль безуп­реч­ной хо­зяйки пре­крас­но­го дома, обя­тель­ной и иг­ри­вой. Она у­мело стро­и­ла из себя каприз­ную ма­лыш­ку, что уми­ляло кич­ли­вых са­нов­ни­ков, охот­но по­та­кав­ших ее безобид­ным капри­зам. Но с мно­го­чис­лен­ны­ми слуга­ми Сер­ке­та ве­ла себя со­всем ина­че: злоб­ная, при­ди­рчи­вая и бес­сер­деч­ная го­спо­жа на­во­ди­ла страх на безот­вет­ных ра­бот­ни­ков.

И­так, Мехи и Сер­ке­та во­шли в мо­ду, и всяк, кто хоть что-то значил в Фи­вах, с не­тер­пе­нием ожи­дал, ко­гда эта вели­ко­леп­ная че­та до­га­да­ется при­гласить к сво­е­му роскош­но­му сто­лу и его. Тем не ме­нее ко­ман­ду­ю­щий очень старался не вы­хо­дить из тени фи­ван­ско­го гра­до­прав­и­те­ля: тот был еще в си­ле и, пре­жде чем ломать ему хребет, сто­ило по­ка са­мо­му перела­мы­вать­ся в по­яс­нице. Встречаясь с ним, Мехи стро­ил из себя скром­ня­гу и если и об­на­ру­жи­вал ка­кие-то че­сто­лю­би­вые устрем­ле­ния, то вполне обос­но­ван­ные и очень умерен­ные. Да и не тянуло его в го­род­ское управ­ле­ние: уж очень эти де­ла хлопотны. Куда лучше оста­ваться за ку­ли­са­ми и дер­гать за ниточки тех, кто вы­ста­вля­ет себя на­по­каз и дей­ствует в от­кры­тую, яко­бы по сво­ей во­ле. Если ему и нужна вла­сть, то та­кая, ко­то­рую, пусть от­час­ти, за­сло­ня­ла бы от рев­ни­вых взоров гу­стая тень. Тогда за все про­ма­хи и про­сче­ты бу­дут от­ве­чать дру­гие — глупцы, ко­то­рые во­об­ра­жа­ют, что у них все схвачено.

Пир, как обычно, удался на славу. Главного писца житниц с его супругой, богатой фиванкой, некрасивой и жеманной, настойчиво потчевали и мясом, и пирожными, не забывая подливать в бокалы белое вино из оазиса. В итоге языки у супругов развязались, и Мехи выяснил ряд любопытных подробностей о зерновых запасах — при случае пригодится.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Наконец-то они ушли! — сказал командующий жене, грубо притянув ее к себе. — Эти, наверное, самые докучливые за всю неделю. Но больше они надоедать нам не будут.

— Дорогой, у меня для тебя великая новость.

— У меня будет ребенок?

— Угадал.

— Сын... У меня будет сын!

— А если девочка, так что? Расстроишься?

— Конечно. Но ты родишь мне сына, верю!

И вдруг восторг Мехи как-то угас, а лицо помрачнело.

— Как бы я хотел, чтобы нашу радость поделил и твой отец... Куда там! Ему все хуже и хуже. Мне даже пришлось переделывать последние отчеты — столько в них было ошибок. А его целитель что? Хоть какое-то лечение предписал?

— Я ему советовала не лезть к отцу с разговорами насчет болезни, с которой лекарь, впрочем, и так бы не справился. И он лишь следит за его сердцем — говорит, что оно очень уж слабое. И еще переживать ему запретил: нельзя моему отцу волноваться.

— Боязно мне, Серкета. Выкинет, чего доброго, невесть что, и пойдет прахом все, чего мы так упорно добивались. Тем более теперь, когда у нас вот-вот появится наследник. Надо позаботиться о его будущем, любовь моя.

— Знаешь, я говорила с законником. Рассказала ему о наших трудностях. Разумеется, тайно и без свидетелей.

— И что он думает?

— Мы уже предприняли ряд мер, с тем чтобы воспрепятствовать моему отцу дробить мое состояние в том случае, если разум совсем ему откажет. Но этого недостаточно. Лишь в случае явного и несомненного безумия я стала бы единственным распорядителем нашего имущества.

— А наш договор о разделе имущества ты сохранила?

— Поскольку наследника у нас не было, лучшим представлялось именно такое решение. Теперь дело другое. Мы — слаженная пара, я жду ребенка, а ты — великолепный управляющий. Как только моего отца не станет или же он будет признан невменяемым, я объявлю договор утратившим силу, и все у нас станет общим.

Мехи жадно облобызал Серкету.

— Ты — чудо! И знаешь, одного сына мне будет мало...

Серкета долго размышляла над своим положением. Отец стареет, привычные ему способы обогащения уже не годятся. Правила игры диктует теперь другой хозяин — Мехи. Коварный, лживый, жестокий и пронырливый, он неустанно продвигается вперед и подгребает под себя все больше и больше. А детей рожать — от того или этого... какая разница? Все одно, не Серкете их поднимать, а у Мехи перед глазами все время будет маячить зримое доказательство его мужской силы, которой он придает такое непомерное значение.

Ну а если развод? Тогда за Серкетой остается не меньше трети состояния и она, пусть

никто не сомневается, подключит законников и судейских, и уж те постараются, чтобы правосудие оттягало для нее и все остальное. Расторжение договора о разделе имущества он сочтет своей великой победой: он завоевал доверие вздорной бабы, ослепшей и оглохшей от любви. И потому он утратит бдительность. Наблюдать за тем, как Мехи растет, и опять растет, и еще больше растет, как пожинает плоды своих ухищрений, а потом жадно пожирает эти плоды... Так или иначе, будущее обещало быть волнительным, и опасность кинуть в тоске и умирать от скуки ей не грозила.

— Каждый день, — начал свою исповедь командующий, — я возношу молитвы богам за здоровье твоего отца. Хоть бы он выздоровел. Если с ним что дурное случится, то я рухну. Пропаду.

— Я ни о чем таком ни единого мгновения даже не думаю, любовь моя. Но не сомневайся: я с тобой. И мы вместе пройдем через это ужасное испытание.

Командующий Мехи пригласил самых близких из своих непосредственных подчиненных и нескольких знатных людей на охоту в папирусные заросли к северу от Фив. Главный управитель западного берега Абри готов был умереть от страха. Он знал, что место опасное и если что стрясется, то можно и не уцелеть. Лодку запросто опрокинет любой взбесившийся бегемот, а там и крокодил не упустит легкую добычу, а еще водоплавающие змеи бывают — да что там: топи кишат ими!

Высокий сановник занял место рядом с Мехи, который, метнув дротик, уже разнес голову крякве. Убиение птиц приносило немедленное и яркое удовольствие, и Мехи гордился своей сноровкой, хвастаясь, что равных ему в этом деле еще поискать.

— Мы могли бы поговорить и в ином месте, — сказал недовольный Абри.

— Не доверяю я вашим подчиненным, да и вашей супруге, пожалуй, тоже, — возразил Мехи. — С тех пор как Нефера оправдали, Место Истины вернуло себе весь свой блеск. Нападать на мастеров теперь — обречать себя на гибель.

— Ия так думаю! И потому я предложил бы вам отступить. У нас же есть высокие должности, определенные обязанности...

— И не думайте, мой дорогой.

— Но зачем ожесточаться?

— Смотрите, Абри, как прекрасно! Жизнь здесь раскрывается во всей своей дикости, правит только один закон: убей или убьют тебя. Побеждает тот, кто сильнее.

— Деяние, согласно воле Маат, как раз и состоит в противлении этому закону.

— Маат не вечна! — воскликнул Мехи и метнул дротик в неосторожного зимородка.

Брошенная заостренная палка в птицу не попала, пролетев в пяди от ее тельца.

— Вот, не сдержался и утратил меткость, — пожаловался Мехи. — На охоте самое лучшее оружие — хладнокровие. — Хотите попробовать?

— Нет, я к этому не способен.

— Мы продолжаем наше общее дело, Абри, и вы мне помогаете. Этот случайный промах правосудия не ослабил моей решимости, и я по-прежнему надеюсь на успех.

— Место Истины неприступнее нубийской твердыни!

— Нет неприступных крепостей, бывают неудачные осады. Ныне братство полагает себя укрытым от любого покушения и продолжает труды свои в полной безмятежности. Вот вам и уязвимое место.

Из густых камышей выскочила генетта и тут же скрылась вновь, успев спугнуть диких уток. Оглашая заросли громким предупредительным кряканьем, стая взмыла в воздух.

— Набраться терпения — и бить, бить, бить. По порядку, удар за ударом. И никто от нас не уйдет.

— Это вы о Месте Истины?

— Отчасти, мой дорогой... И я еще кое-что добавлю. А что у вас? Есть новости?

— После того как в братство приняли Нефера Молчуна и Панеба Жара, почти ничего.

— Панеб... это же «руководитель»! Хорошенькую судьбу пророчат новичку его товарищи!

— Не думаю я, что имя всерьез что-то значит.

— Плохо вы мастеровых знаете, Абри. Это же художники. Уверен, что они уже ни о чем не тревожатся, однако мы по-прежнему должны собирать все возможные сведения. Помните, я просил вас оповещать меня о любых отлучках из селения.

— Это уже сделано, но пока ничего нового.

— Как только что-то случится, незамедлительно дайте мне знать.

— Само собой... Но не пора ли нам возвращаться в город?

— Я хочу добыть еще несколько птиц.

— «Полезно слушание для слушателя», — сказал мудрец Птаххотеп. А вы... вы только и знаете, что по улицам носиться да в воде бултыхаться, а пуще всего попусту болтать! А от ваших последних письменных упражнений хочется плакать и биться головой о стенку! Ну почему вы меня не слушаете?!

Писец некрополя Кенхир был не в духе. Как и в любое другое утро, на душе у него кошки скребли и жить почти не хотелось. Как часто посещало его желание передать обязанности преподавателя лучшему рисовальщику братства, который, понятно, будет именоваться в таком случае «писцом», однако после принятия в братство Панеба Кенхир все еще являлся к ученикам, хотя мальчики и девочки, изнемогавшие от уроков и попреков, приводили его в отчаяние.

— Простейшие знаки вы, может, кое-как и выучили. Но как вы их рисуете! Ужас! Я уж не говорю про осанку ваших птиц, ну что это за птенчик такой?! А сова! Почему она бьет крылами и зачем язык высунула? Как я могу чему-то научить, если те, кого я учу, меня не слушают? Сколько ударов палкой по спине нужно, чтобы открылись уши? Кто не знает, что уши у ученика на спине, а то и пониже?

Панеб Жар не выдержал.

— Я — самый великовозрастный ученик, давайте я буду отвечать за ошибки всего класса. И спина у меня широкая, ее хватит на много ударов палкой.

— Ладно, ладно... Там видно будет. Сели, пишем. Макаем кончики тростинок в черные чернила — кончики влажные, чтоб чернила не густели, понятно? Значит, тростинки сначала смачиваем. И пишем основные знаки на черепках.

Черепками назывались плитки известняка, которые находили среди мусора в самых разных уголках селения.

Самые ценные осколки — отходы от резьбы по камню — подбирали возле погребений. На черепках писали деревенские школьники и подмастерья рисовальщиков, поскольку и те и другие считались недостойными того, чтобы тратить на свои упражнения папирус, даже уже использованный и не очень высокого качества.

И вот этот-то второсортный материал заворожил Панеба. Наконец-то у него под рукой было все потребное для занятий своим искусством! Есть на чем и есть чем рисовать. Он выводил каждый иероглиф так точно и так изящно, что Кенхир только диву давался. Такой здоровенный и еще совсем молодой, а какое прилежание! И как же быстро усваивает он все, что ему ни покажешь: можно подумать, что он уже отдал этому делу многие годы.

Кенхир собрал черепки и начал проверять задания. Девочки справились с уроком много лучше мальчиков. Как всегда.

— Вы как кривые и сучковатые палки! Если столяру случится проходить мимо, он, быть может, обратит на них внимание. И как знать, может, вздумает он подправить их убожество, и начнет их стругать и ровнять, и выйдут из-под его рук красивые посохи для высоких сановников. Так вот, я — этот самый столяр! Не знаю уж, какая участь вам выпадет, но когда из этой школы выйдете, вы будете уметь и читать, и писать.

И учитель велел повторить упражнение. Ученики трудились до обеда.

— Завтра, — объявил Кенхир, — будем рисовать рыб. А теперь идите перекусите. И чтоб хорошо вели себя за столом. Дорога к мудрости начинается с вежливости и уважения к

другим. А ты, Панеб, останься.

Детишки, радостно вопя и визжа, бросились вон из комнаты.

— Проголодался?

— Угу.

— Я тоже. Но дело не терпит.

Кенхир выдал Панебу огромный черепок со слегка отполированной поверхностью и самую настоящую кисть писца. У ног ученика поставил круглый длинный сосуд с угольно-черными чернилами.

Молодой человек выразил бурную радость.

— Ох... как здорово! Я после такого и рисовать не осмелюсь...

— Пугливым стал?

Оскорбление сильно задело Панеба, но, хотя в нем все кипело, он сумел сдержаться.

— Рисуи пять раз два знака твоего имени: ПА — взлетающая утка, и НЕБ — корзина, в которую удобно складывать приношения и которая поэтому становится хозяйкой, владеющей тем, что в нее положили.

Панеб не спеша выполнил задание. Рука не дрожала, и знаки получались ровными и красивыми.

— Годится?

— Судить не тебе. Ты понял, почему тебе дали такое имя?

— Потому что мне нельзя отступать от своего устремления, а мое мастерство — оно будет зависеть от того, что я пойму и приму.

— Мастерство... Тебе до него еще ох как далеко! — проворчал Кенхир. — Нарисуй глаз, потом лицо, затем профиль, волосы, шакала и лодку.

Не пожалел времени Панеб: он словно бы вживался в знак, чтобы потом уверенно начертать его. И так — строка за строкой. С ума сойти — он же еще подмастерье. Ученик.

— А теперь все сотри. И поскобли черепок.

«Как духу, распляемому огнем Сета, удастся выказывать такое терпение и такую дотошность? — недоумевал Кенхир. Этот парнишка воистину великая загадка».

— Готово.

— Перепиши то, что написано на этом папирусе.

Кенхир развернул свиток. Документ был написан прекрасным мелким почерком. Знаки выписаны очень тщательно.

— Попробуй скопируй.

— Мне писать так, как здесь, или можно немножко по-своему?

— Как хочешь.

Панеб выбрал второй вариант.

И все у него получилось. Безупречно, ни единой ошибки. Но читать текст стало заметно легче. Спору нет, рука молодого человека — рука настоящего писца, пишет быстро и ясно. А вот у самого Кенхира, когда он пишет весь день напролет, знаки к концу дня становятся почти нечитаемыми. К стыду и огорчению самого писца.

— А теперь читай, что написал.

— «Слушающий — это тот, кого любит бог, не слушает ненавидимый богом. Сердце превращает господина своего в слушающего или неслушающего. Любящий слушание — это тот, кто исполняет сказанное. Что до глупого, который не слушает, не наживет он ничего. Считает он знание невежеством, полезное — вредным. Делает он все порицаемое, за что

упрекают его каждый день. Живет он тем, отчего умирают. Будь примером, не позволяй, чтобы был осуждаем ты. Не говори то одно, то другое, не подменяй одного другим. Сдерживай сердце свое, обуздывай уста свои».

— Читать ты умеешь, Панеб, вроде бы ни единожды не запнулся. Но понимаешь ли ты прочитанное?

— Ну, по-моему, вы выбрали этот текст не случайно... По-вашему, я еще плохо слушаю то, чему вы учите, да?

— Это мы еще поглядим, попозже... Иди обедать. А черепок не хватай. Клади на место. Не твое.

Панеб отправился восвояси, а Кенхир вернулся в дом Рамосе, где жил, не желая обзаводиться собственным хозяйством. Деревенская женщина, которая была у Рамосе застряпуху, приготовила салат и телячьи почки.

— Простите за опоздание, — сказал Кенхир, — урок затянулся. Я рассчитывал управиться побыстрее.

— Жене нездоровится, — предупредил Рамосе. — Поэтому она не будет обедать с нами.

— Что-то серьезное?

— Вот жду, что ведунья скажет. Как продвигается обучение Панеба?

— Мальчик замечательный. Хотел бы я сделать его писцом.

— У него иное призвание. Ты же знаешь.

— Если он усвоит науку Тота, то станет изрядным художником. Хватило бы ему только терпения учиться и подниматься со ступеньки на ступеньку, не пропуская ни единой.

— Ты привязан к нему. Скажешь, нет?

— Им движет некая сила, и такая, без которой нашему братству не обойтись. И кто может вообразить творения, которыми богата его душа?

— Я в тебя верю, Кенхир. Вы с начальником артели Неби сумеете сделать его зрелым мастером.

— Но прежде его ждут неудачи и даже поражения... Панеб Жар требователен, неистов и всегда готов взбунтоваться. Пламя Сета, обитающее в нем, такое могучее, что мы, быть может, не сумеем с ним управиться.

— А читать и писать он научился?

— И читает, и пишет не хуже нас с вами. Года не прошло, а он уже усвоил столько, сколько другие и за десять лет усвоить не могут.

— А как у него отношения с детьми в классе?

— Он для них как старший брат. Защищает, утешает и никогда не отказывается поиграть с ними. Дети ему, понятно, подчиняются, и ему даже голос повышать не нужно на послушника. Куда хуже то, что он помогает лодырям и делает за них задания, даже не считаясь со мной, — я-то все вижу. Приходится карать, грозить исключением...

— Вспомни правило тех, кто готовит будущих писцов: «Будь ученикам своим наставником терпеливым, приятными речами стяжай их уважение, воспитывай же, внушая любовь». Продолжай учить этого юного исполина, Кенхир, не допускай слабости в борьбе с его несовершенствами, не позволяй ему в чем бы то ни было заблуждаться и мало-помалу открывать ему тайны великого мастерства.

Главный фиванский казначей Мосе втирал в свой череп душистую жидкость с моринговым ^[9]маслом — надо же что-то делать с плешью. Остановить или хотя бы замедлить облысение. Непочтительное замечание последней по счету любовницы лишний раз напомнило, что он стареет и что его способность обольщать и соблазнять мало-помалу ослабевает. И вдруг стало так обидно, а потом вспыхнула злоба. Здоровью же подобные чувства не способствуют. Срочно призванный целитель посоветовал отдохнуть и поберечь занедужившее сердце.

Но как совместить следование добрым советам со столькими обязанностями? Пусть Фивы не более чем третий по важности город Египта, но он же ломится от богатств, а визирь требует ясного и действенного управления. Четкость и точность ему подавай. Иной раз у Мосе возникало желание уйти в отставку, удалиться за город вместе с дочерью. И там они с Серкетой вкушали бы радости садоводства — на это увлечение у него никогда не хватало времени.

И тут ему объявляют о скором рождении внука! Какое чудо, какую прекрасную пару создала его дочь, сочетавшись с этим Мехи! Стало быть, ему суждено пережить радость увядания в окружении множества детишек, мал мала меньше, и все они будут похожи на него: они станут такими же юркими, как дед. Но главное — они будут так же проворны, смышлены и расчетливы и так же ловки и оборотисты в обращении с числами, как он, для которого тайн в этом деле нет. А если с ходу получаться не будет, всегда можно научить. Вот взять Мехи: до чего сметлив и с каждым днем делается все ловчее. Это уже вызывает тревогу: опасается Мосе, как бы зять, увлекшись числами, не махнул рукой на свой служебный рост.

Если хорошенько подумать, то Мосе не следовало бы безоглядно доверять новому командующему фиванскими войсками. Если тот подчас строит из себя скромнягу, например в общении с градоправителем, так это расчет, и очень понятный. Для пользы дела. Людей такой породы хватает; но Мехи непомерно честолубив, до жестокости, а жалость ему неведома. И хоть зять носил непроницаемую маску, Мосе видел его насквозь и боялся обнаружить в муже дочери лишь шагающего по головам властолюбца, который женился на Серкете, на его сладкой и хрупкой дочурке, лишь затем, чтобы завладеть богатствами тестя. Ему же, отцу, теперь надо думать о пользе дочери и прежде всего о том, как убедить ее ни в коем случае не менять договор о разделе имущества. Ну и о ее детях тоже позаботиться стоило бы.

Его последняя встреча с градоправителем Фив, как-никак давним приятелем, не на шутку его растревожила. Градоправитель держался отчужденно, словно бы в чем-то подозревал собеседника, не делился, как это обычно бывало, походя и между делом, своими новыми замыслами и, вообще, разговаривал с ним как с чужаком. Мосе подозревал, что тут не обошлось без зятка: если тому удастся потайными кознями подорвать положение тестя, то он станет естественным преемником последнего. А если догадка Мосе верна, то Мехи — соперник грозный и, если его не остановить, вреда он принесет немало.

Управитель доложил Мосе о прибытии супружеской четы, приглашенной на обед.

Расфуфыренная Серкета, спесивый Мехи.

— Как себя чувствуешь, дочь моя дорогая?

— Превосходно! А как твое здоровье, отец?

— Недосуг думать о себе. Визирь требует представления сводной ведомости по Фиванской области через десять дней, но в этом году, как и всегда, отчетов не хватает. Не все поданы вовремя.

— Если будет нужна моя помощь... — услужливо начал было Мехи.

— Вряд ли она понадобится. Я нагружу своих помощников. Пусть работают сверхурочно.

Никогда прежде Мехи не замечал у тестя недоверия, да что там, враждебности по отношению к себе. Так что, этот Мосе прозорливее, чем ему казалось?

— Наконец-то выдалась тихая минутка, — сказала Серкета. — Сегодня вечером мы ужинаем с пастырем стад Амона. Это такой несносный тип! Кроме коров и быков, говорить ни о чем не способен. Подсуетился бы ты, а? Чтобы на его место пришел не такой зануда.

Зорко следя за поведением зятя, Мосе не вслушивался в лепет дочери. И та решила, что у папочки помрачение ума — он словно был не здесь. Один из тех пугающих припадков, о которых говорил Мехи. Не иначе.

— Отец, ты слышишь?

— Ну да... Но я ничего не говорил. А в чем дело?

— Да ничего серьезного. Не обращай внимания.

— Все хвалят ваших подчиненных, такие они дельные, — снисходительно сказал Мехи. — Но все равно, если понадобится, можете на меня рассчитывать.

— Пойду гляну, что там твой повар приготовил, — объявила озабоченная Серкета.

— Прекрасная мысль! А мы с Мехи пока посидим в беседке. Винцом побалуемся.

Местечко тесть выбрал и в самом деле очаровательное, и неплохо бы за этой завесой из плюща и винограда поразмышлять на досуге. Но у командующего не оставалось времени, чтобы терять его попусту.

— Мой дорогой тесть, у меня для вас есть кое-какие сведения. Тайные. Строго между нами.

— Что-нибудь касающееся... меня? Непосредственно?

— Дело напрямую касается вашей должности. Вам, несомненно, известно, что с начала года в Фивах обосновалось множество сирийских купцов.

— Ну так ими, в конце концов, были получены соответствующие разрешения. И никто не жаловался на их поведение, они платят полагающиеся пошрины и подати, приносящие доход области.

— Это видимость... На самом деле все иначе.

— И что ты узнал?

— Мои подчиненные, обходя с дозором базары, наткнулись на запертое хранилище, и оно их заинтересовало. Расследование показало, что сирийцы, войдя в сговор с селянами западного берега, наладили поставки зерна в обход сборщиков податей. О чем и считаю своим долгом доложить.

— А доказательства у тебя есть?

— Более чем осязаемые. Все их потайное счетоводство да и другие улики спрятаны в этом хранилище.

— Ты намерен их схватить?

— Надеюсь, что вы удостоите меня чести выполнить это задание.

С обедом управились по-быстрому: Серкета заторопилась домой, чтобы проследить за

подготовкой к вечеринке, а Мехи с Мосе отправились в ту часть города, где располагались торговые склады. Беспокойство в душе Мосе нарастало: в сущности, речь о контрабанде, но как же покончить с незаконным оборотом зерна? И надо ли?

Да и командующий что-то замялся.

— Забыл, где это хранилище? Не узнаешь дорогу?

— Не в том дело. Помню, что фасадом склад выходит на улицу, и, кажется, вот этот фасад и есть. Но можно ли нам войти? Не уверен. Опасные люди эти сирийцы.

— Хочешь сказать, что нас может ждать засада?

— Я думаю, что без присмотра они свои тайники не бросят.

— Не смей без нужды лезть на рожон, Мехи! Помни: ты муж моей дочери и отец ее ребенка. Сходи за воинами.

— Хорошо, я приведу людей. Но только вы оставайтесь здесь и никуда не уходите. Ждите меня.

Мосе разглядывал склад, возле которого его оставил зять. Ни за чем власть не следила так пристально, как за производством и распределением зерна, и главный казначей Фив даже не представлял, как мошенникам удалось обойти все строгости. Каким-то сирийцам. И ему стало любопытно. Что ж, изучение двойной документации покажет слабые места в законе, которыми сумели воспользоваться злоумышленники. Оборона будет укреплена, а виновных сурово накажут.

Поблизости никого, про само хранилище как будто забыли. Лучше схрона не придумаешь, особенно для документов с порочащими сведениями.

Зятя только за смертью посылать. Вот так они небось и воюют. Мосе изнемогал от нетерпения и любопытства. А, где наша не пропадала... И он двинулся обследовать местность.

Никого.

Сердце забило сильнее. И чаще — это уже когда он ткнулся в двери склада. Оказалось, что их даже запереть не удосужились. Проникавший через примостившееся под потолком окошко луч света падал на сундук без крышки, доверху наполненный папирусом. Он принялся разворачивать первый свиток и вдруг почувствовал, что в амбаре он не один. Подняв глаза, он увидел, что, откуда ни возмись, к нему приближается молоденькая девушка.

— Ты кто?

Она тряхнула головой, волосы заметались в разные стороны, И вдруг принялась рвать на себе одежду и расцарапывать ногтями шею и грудь.

— Ты что? Рехнулась?!

— Караул! — завопила девчонка. — Насилуют!

Мосе схватил ее за плечи:

— Тихо ты, болтушка!

Но та еще громче звала на помощь.

Дверь со всего размаху распахнулась, в проеме появились два воина с мечами на изготовку.

— Отпусти дитя, доходяга!

Перепуганный Мосе не знал, что и делать. И залепетал, обращаясь к вооруженным людям.

— Вы... вы... не думайте... Я... Она...

Страшная боль в груди оборвала бормотание Мосе. Обеими ладонями он ухватился за сердце, жадно глотая разинутым ртом воздух — дышать стало нечем. Потом рухнул головой вниз.

Наскоро одевшись, девочка незаметно улизнула через дыру в дальней стене склада.

Появился Мехи:

— Что здесь творится?

— Главный казначей покусился на малолетнюю девочку. Она сбежала, а он... По-моему, он умер.

Мехи наклонился к труп. Как он и надеялся, сердце тестя не билось.

— Бедняга испустил дух... Вы видели, что произошло?

— Девочка вопила так, что... В общем, все ясно. И., вы же дали приказ вмешаться в случае чего...

— Вы не совершили ничего неподобающего, однако лучше забыть об этой трагедии. Я намерен устроить своему тестю прекрасные похороны, а на его доброе имя не должна упасть даже малейшая тень. Никаких докладов: вы ничего не видели и не слышали. Ваше благоразумие не останется без награды: вам будут выданы ткани и вино.

Служивые кивнули головами, а потом вытянулись по струнке.

Маленькая сириянка, которую подкупил Мехи, в тот же день покинула Египет и направилась на родину, увозя с собой недурной заработок: с успехом разыгранная комедия избавила ее от необходимости задерживаться на чужбине. А командующий, благодаря кончине Мосе, вошел в очень узкий круг самых богатых людей Фив.

Нефер Молчун быстро приспособился к ритму, в котором жили мастера Места Истины: восемь рабочих дней и два дня отдыха, к которым добавляются многочисленные общие и местные праздники, пополуденное вольное время, предоставляемое по согласованию с начальником артели, и отпуска, разрешения на которые дает писец некрополя. Рабочий день начинался в восемь, с полудня до двух часов дня — обед, потом снова работа — до шести вечера. Многие мастера в свободное время подрабатывали, выполняя заказы извне: их изделия повсюду высоко ценились.

На выполнение царского заказа братство тратило не более половины года, так что жаловаться на обремененность непосильным трудом не стоило; мастеровые как правой, так и левой артелями осознавали свою причастность к делу исключительному — ведь сам фараон придает ему первостепенную важность.

То же чувствовал и Нефер, но приходилось ему трудновато. Вписаться в артель правого борта так просто не получалось — мешали настроения товарищей по работе: они составляли что-то вроде землячества и все еще глядели на новичка с недоверием. Работая по камню, он в основном общался с мастерами, у каждого из которых было красноречивое прозвище. Фенед Нос и в самом деле отличался чутьем и умением находить нужный ход, Каза Тягло не ведал себе равных в искусстве перемещения тяжестей, а еще были Нахт Богатырь и Каро Угрюмец. С тремя ваятелями, художником, тремя рисовальщиками, плотником и золотых дел мастером он почти не разговаривал, а если кто-то из них и обращался к нему, то по случайному и мелкому поводу.

Артель левого борта трудилась, когда правая команда отдыхала, и наоборот. И обе артели почти не соприкасались друг с другом, значит, и общения практически не было. Оба начальника артелей, и Неби, и Каха, руководили каждый на свой манер, но умудрялись не соперничать между собой, и никакого соревнования между артелями не возникало.

Каждый вечер Нефер чистил свои орудия, пересчитывал их и вручал писцу некрополя, который запирал все принесенные ремесленниками инструменты в кладовой, чтобы на следующее утро раздать орудия тем же мастерам, которые сдали их с вечера. Весь инвентарь принадлежал фараону, и ни один мастеровой не мог присвоить себе хотя бы одно орудие. Зато служителям Места Истины не возбранялось изготавливать собственные инструменты, которыми они могли работать, выполняя заказы со стороны.

Нефер смастерил себе заостренное каменное кайло весом килограмма в три, такое прочное, что ему поддавались даже самые твердые породы. На стройке в Долине знати, где артель готовила новую обитель вечности, он часто оказывался последним.

Приглядываясь к товарищам, Молчун усвоил приемы работы молотком-колотушкой и долотом с коротким скошенным лезвием. Помучавшись немного, Нефер после многих не очень удачных опытов научился орудовать обоими инструментами так, словно это были инструменты музыкальные. В их вибрации ему слышалась настоящая музыка, столь прекрасная, что он не смел делать ни одного лишнего движения, дабы не нарушить гармонии.

Освоить резак с трехсторонним лезвием, пробойник с короткой ручкой и квадратным в плане острием и медное тесло, используемые для тонких отделочных работ, было нелегко, но Неферу хватило терпения и на это.

Из задумчивости его вывел окрик Каро Угрюмца:

— Проверь-ка вот тот блок! Я его выровнял, — глянь, встанет ли он в нашу стенку.

Задача, что называется, на засыпку, для опытных каменотесов. Каро Угрюмец не имел права поручать такое дело ученику, но Нефер спорить не стал и постарался вспомнить, как и что делал совсем недавно в подобном случае начальник артели. У того было три мерных палочки, каждая двенадцати сантиметров в длину, на одном из краев у которых было высверлено отверстие, как у свистка. Старший тогда сначала убедился, что все палочки равны по длине, потом поставил их на поверхность блока — ровно отесанной со всех сторон каменной глыбы. Затем соединил две палочки бечевкой, вставив ее в дырочки, — третья служила точкой отсчета. Блок не очень-то ровный, решил Нефер и, взяв известняковый рапили, принялся сглаживать выпуклости и шероховатости.

— Что это у тебя за забавы? — рявкнул Каро Угрюмец, Самодеятельность подмастерья его, похоже, не обрадовала.

— Ты мне дал работу, я ее выполняю.

— Я тебя просил проверить, а ты давай углы закруглять.

— Я увидел, что не все ладно, а если видишь — чего ж не подправить. Не останется горбылей, так встанет в стенку как влитой.

— Это мой блок, а не твой!

Нефер положил инструмент и повернулся к Каро: мужичонка коренастый, руки короткие, но мускулистые, ноздри раздуваются от гнева, — того и гляди, драться полезет.

— У тебя куда больше опыта, чем у меня, Каро, но это не дает тебе права портить то дело, которым мы занимаемся. А этот блок — он не твой и не мой. Он принадлежит той обители вечности, для которой его вытесали.

— Хорошо болтать! Отдай мне мой блок и проваливай.

— Хватит, Каро. Меня взяли в эту артель, и я больше не потерплю, чтобы ко мне так придирались.

— Не по вкусу наше обхождение — возвращайся за ограду.

— Чего ты взъелся? Я тебе доказываю, что умею ровнять камень и вставлять его в каменную кладку. Чего тебе еще?

Каро Угрюмец схватил долото и угрожающе помахал им.

— Ты нам в нашем селении не нужен.

— Это селение — моя жизнь.

— Берегись, Нефер... Поверь мне, далеко ты не пойдешь.

— Положи инструмент. Никакой страх не заставит меня нарушить клятву.

Двое мужчин смотрели друг на друга не мигая. И Каро наконец положил долото на камень.

— Значит, ничего не боишься?

— Я люблю свое ремесло и хочу во что бы то ни стало оправдать доверие, оказанное мне братством.

— Ладно. Пусть этот блок достанется тебе... Заканчивай его сам.

И ремесленник удалился. Нефер принялся убирать последние шероховатости и так увлекся, что позабыл о времени. Его размеренные движения стали мягкими, как свет заходящего солнца.

— А тебе домой не пора? — спросил начальник артели.

— Да я почти закончил.

— С Каро нелады?

— Да ну. У него свой нрав, у меня — свой. Если чуток постараемся, притремся. А там и поладим. Что бы ни случилось, лишь бы работе не в ущерб.

— Пошли со мной, Нефер.

Неби привел ученика к навесу, под которым лежали самые разные камни.

— Вот, гляди. Что скажешь?

— Это песчаник. Камень так себе. Мягкий, и потому поддается обработке бронзовым теслом. Но очень уж пористый. И доставили его не из самой лучшей каменоломни, вроде той, что в Джебель Сильсиле. Для царской гробницы не годится.

— Твоя правда, Нефер. Важно, откуда камень: Асуан — это красный гранит, Хатнуб — алебастр, Тура — известняк, Джебель эль-Ахмар — кварцит. Место Истины не терпит никаких изъяснов в этом деле. Ты побываешь во всех каменоломнях и запечатлишь их в своей памяти. А о происхождении камня ты размышлял?

— Я думаю, что камни зарождаются в мире подземном и возрастают в утробах гор. Но также полагаю, что рождаются они и в пространстве светоносном, ибо подчас камни падают с неба. Каменная глыба кажется косной, но рука резчика ведает, что она живая и несет в себе следы преобразований, невидимых очам нашим, ибо время камня не то же, что век человеческий. Камень видел то, что не дано видеть ни одному человеку. И не должны ли мы, в свой черед, воспринимать его как свидетеля вечности?

— А вот этот гранит как тебе?

— Сущее чудо... Его можно так отполировать — за многие столетия не потускнеет.

— Хочешь стать ваятелем?

— Чтобы научиться тесать камень, целой жизни мало. Но ваяние... меня тянет к нему сильнее.

— Начальник ваятелей Усерхат считает, что ему никто не нужен, и ты такого от него натерпишься, если попробуешь уговорить его, чтобы он тебя научил... Но раз камень с тобой разговаривает, может, он тебе и дорогу откроет?

— А я только его и слушаю.

Неби дал понять, что пора все-таки оставить стройплощадку, но сам с пригорка еще понаблюдав за молодым человеком. Завтра надо будет поговорить с собратом. Интересно, что скажет ему Каха? Но поднимать Нефера Молчуна по лестнице старшинства в Месте Истины надо.

Ясна не знала, чего бы еще ей пожелать. Ей посчастливилось познать настоящую любовь, глубокую и светлую. Она жила в селении, не похожем ни на какое другое, и оно открывало ей мало-помалу свои обычаи и маленькие тайны. И каждый день она служила богине Хатхор, составляя из цветов букеты, которые возлагались затем на жертвенниках и в молельнях.

Женщины, в отличие от мужчин, после посвящения по артелям не распределялись, занимая нижнюю ступень на служебной лестнице, Ясна нисколько этим не смущалась, а только радостно выполняла порученную ей задачу. Однако обитательницы Места Истины если и роняли словцо при встрече с нею, то лишь по какому-нибудь незначительному поводу, и она до сих пор ощущала себя чужачкой, не заслуживающей доверия.

Вечером Нефер и Ясна рассказали друг другу о событиях, случившихся с ними за день, и, обсудив происшествия, решили, что в поведении мастеровых и их жен не стоит видеть что-либо особенное или тем более угрожающее. Это непростое место, и ожидать, что тебя примут за своего сразу, не приходится.

Хатхор — богиня звезд — разливает по всей вселенной любовную силу. Она одна способна слить воедино все начала жизни. И, почитая ее, жрицы Места Истины вносят свою лепту в поддержание всеобщей гармонии, не являющей себя в каком бы то ни было зримом творении или твари. И все члены братства, равно как и все молящиеся во всех храмах Египта, начиная с самого фараона, повторяя день за днем одни и те же священнодействия, поддерживают растекание этой незримой силы, дабы люди оставались под покровительством богов, а Маат по-прежнему пребывала на земле.

Ясна, занимая на лестнице старшинства весьма скромную ступень, была счастлива своей причастностью к служению сему культу, тем более что вся жизнь селения строилась вокруг него.

Дверь дома Казы Тягло оказалась запертой. Обыкновенно с утра его жена подметала порог и гостиную и всегда спешила принять цветы из рук Ясны.

Встревоженная девушка нерешительно постучала.

В дверном проеме появилась маленькая черноволосая женщина.

— Муж захворал, — сказала она раздраженно, словно это Ясна была виновата в недуге супруга. — А ведунья занята, она пользуется женой писца Рамосе. И я не знаю, когда она придет.

— Может быть, я помогу...

— А ты разбираешься в целительстве?

— Кое-что знаю.

Жена Казы Тягло заколебалась.

— Имей в виду: если у тебя ничего не выйдет, я всем расскажу, что ты строишь из себя невесту что!

— Не опасайся. Тебя-то уж точно винить никто не будет.

Спокойствие Ясны обезоружило хозяйку, и та подалась в сторону, освобождая проход.

Каза растянулся на каменной скамье, подложив под голову подушку. Роста он был среднего, мощные ножищи с широкими икрами, физиономия квадратная, волосы черные как смоль, глаза карие.

— На что жалуетесь?

— Живот... Печет, мочи нет.

Ясна осмотрела больного так, как ее учила когда-то целительница Нефрет, постаравшись взять на заметку цвет кожи, запах, исходящий от тела, частоту дыхания, но прежде всего она ощупала брюшину и посчитала пульс, чтобы вслушаться в голос сердца.

— Что-нибудь серьезное? — спросил Каза.

— Не думаю, ибо никакие демоны вам не угрожают. Желудок болит, потому что вы его перегрузили или съели что-то не то. В течение нескольких ближайших дней ешьте мед, черствый хлеб, сельдерей и смоквы. Пейте подслащенное мягкое пиво, понемногу, но часто. Боль будет уходить постепенно.

Мастеровому уже полегчало.

— Приготовь мне то, что велено, — попросил он жену, — и не забудь сходить к писцу некрополя. Скажешь, что сегодня я на работу не выйду.

Женщина с недоверием взглянула на Ясну.

— Хочешь, я возложу цветы на твой жертвенник?

— Обойдусь. Я сама. Уходи, дел у меня полно.

— Да будет над вами покров Хатхор и да исцелится супруг твой.

Ясна думала, что теперь-то сможет раздать по домам остававшиеся цветы, но... застыла на месте. В метре от нее, посреди главной улицы, стояла ведунья. Из-под густой седой гривы на Ясну сурово взирали ее пылающие очи.

— Кто тебя учил лечить?

— Старшая целительница Нефрет.

Чуть заметная улыбка смягчила суровость лика мудрой женщины.

— Нефрет... Такты ее знала.

— Она меня воспитывала.

— А почему ты не стала целительницей?

— Потому что Нефрет предсказала мне иную судьбу, и я ее послушалась.

— А тяжелые недуги лечить умеешь?

— Кое-какие.

— Идем со мной.

Утопающее в цветах жилище ведуньи соседствовало с домом Рамосе. Ошеломленные соседи глазам своим не верили: Ясна прошла вслед за хозяйкой в дом, куда никто не заходил вот уже лет двадцать.

Ведунья провела гостью в просторную комнату. Обилие жимолости в цвету. Полки заставлены горшками и кувшинами с целительными составами и другими снадобьями. Вдоль стены — ряд корзин и сундуков, доверху заполненных папирусными свитками.

— Я очень долго работала вместе с целителем Пахери — это тот, что написал трактат о болезнях прямой кишки и ануса, — сообщила ведунья. — Он заставил жителей селения строго блюсти чистоту, ибо она — залог здоровья: чистоплотные болеют много реже. У нас нет недостатка в хорошей воде, а это первейшее из лекарств. Помни об этом и всегда требуй убирать грязь. Самые лучшие и самые быстродействующие снадобья не помогут, если больные пренебрегают чистотой. Скорпионов боишься?

— Боюсь, конечно, но Нефрет мне говорила, что в яде скорпиона есть такие вещества, которые помогают от множества недугов.

— Да, они есть и в яде змей, и я поведу тебя в пустыню, где мы наловим самых опасных

тварей, чтобы изготовить из них лечебные снадобья. Хороший целитель — «тот, кто повелевает скорпионами», ибо они способны отгонять злых духов и притягивать силы, заключающиеся в амулетах-оберегах. Знаешь ли ты первое заклинание исцеления?

— Я — чистая жрица львицы Сохмет, и я ведаю ее наставления, а равно и то, как налагать руку на недуг, сиречь длань, умудренную в искусстве распознавания хворей.

— Покажи мне, как ты это делаешь.

Ясна возложила ладонь на голову мудрой женщины, затем переместила руку к затылку, охватив основание черепа, потом прикоснулась к ладоням, плечам, сердцу и ногам. Так она вслушивалась в звуки сердца, отдававшиеся в каждом из протоков.

— Никакими опасными болезнями вы не страдаете, — сообщила в конце концов Ясна.

Настал черед ведуньи. Когда та возложила руки свои на Ясну, молодая женщина почувствовала мощный прилив тепла.

— У меня больше силы, чем у тебя, и я стираю следы усталости в твоём теле. Когда ослабеешь, тотчас же покажись мне, и я дам тебе силу, которой тебе не хватает.

Сеанс продолжался полчаса с небольшим. Ясне показалось, что в ее жилах теперь течет обновленная кровь.

— Нефрет, верно, учила тебя пользоваться целительными травами и составами.

— Я целыми днями пропадала у нее и хорошо запомнила ее уроки.

— Я разрешу тебе заглядывать в мои ящики — там ты найдешь целебные травы. Настойки и отвары — в горшках. Сначала я их процеживаю, а потом уже использую: то, что остается на фильтре сверху, твердое снадобье; то, что через ситечко стекло вниз, жидкое зелье. — Нагрев, — объясняла целительница, — приводит к образованию пара, а пар растворяет твердые составы, и те смешиваются с жидкостями. Иногда твердые частички нагревать нельзя, и тогда приходится размельчать твердое вещество в воде, а образовавшийся раствор, точнее, взвесь выливать в кувшин. Хочешь, чтобы я учила тебя своей науке?

Лицо Ясны просияло.

— Не знаю, как вас и благодарить...

— Работать не покладая рук и посвятить себя служению братству. Знай, что начальник артели не без причины не допускает к работе заболевшего труженика, и тот волен искать исцеления хоть в деревне, хоть за ее пределами. В последнем случае он берет с лекаря расписку, в которой указывается сумма уплаченного ему за услуги вознаграждения, и предъявляет ее затем писцу некрополя, а тот в свою очередь возмещает заболевшему все расходы. Никогда не навязывай своих услуг, пусть всяк отвечает за свой выбор сам.

— Должна ли я понимать это так, что... я становлюсь вашей помощницей?

— Только вышестоящие братства нашего ведают мои лета. Сегодня, Ясна, я поделюсь с тобой своей маленькой тайной: на днях мне исполнится сто лет. Как предсказывают мудрецы, мне остается всего несколько лет на то, чтобы посвятить себя сосредоточенным размышлениям о вечном и служению Маат. Коль уж ты соглашаешься быть моей ученицей, я смогу уйти ка покой.

Панеб Жар продолжал свое ученичество под руководством неумолимого Кенхира, весьма скупого на похвалы. Писец некрополя полагал, что будущему рисовальщику Места Истины необходимо столь совершенное владение иероглифами, чтобы он никогда не испытывал сомнений в начертании знака, а сразу же и не задумываясь выписывал бы любой из них. Как только у его ученика начинала кружиться голова от успехов, наставник давал зазнайке все более сложные задания.

Кенхир не переставал дивиться разительному контрасту между телесной мощью молодого человека и изысканностью его рисунков. С бесконечным терпением, которое трудно было заподозрить в юноше с таким вспыльчивым и неистовым нравом, подмастерье раскрывал и совершенствовал свой дар. И поскольку Панеб не ведал усталости и никогда не упускал случая угодить своему наставнику, Кенхир даже попросил у ведуньи какой-нибудь укрепляющий отвар, чтобы уж не совсем уступать воспитаннику.

Этим утром Кенхир не предложил ученику никакого нового испытания, и Панеб ограничился быстрым написанием шести сотен иероглифов, от самых простых до совсем уж затейливых.

— Доволен ли ты своей жизнью в селении? — спросил писец некрополя.

— Я здесь затем, чтобы учиться, и я учусь.

— Ты почти не водишься с собратьями из твоей артели. Так, кажется?

— Днем я в школе, вечерами выполняю домашние задания, а как выдается свободное время, чиню дом. Чтобы развлечься, я рисую портреты на кусках известняка, которые нахожу в пустыне. Вот и не остается времени на болтовню.

— Портреты... Кого ты рисуешь?

— Вас и других учеников. Они мне кажутся довольно занятыми, но я их сразу же стираю.

— Тем лучше... Первая часть твоего образования закончена. Начальник артели требует тебя, Панеб, и я не могу обманывать его, говоря, что ты еще не готов. Для тебя настал час выбора.

— Между чем?

— Ты можешь стать писцом в Фивах или рисовальщиком в Месте Истины. Если ты выберешь первое, я поручусь за тебя перед своими товарищами по ремеслу. Мне известно, что тебе нелегко подчиняться правилам, но это незначительное неудобство — ничто по сравнению с ожидающей тебя блестящей карьерой. Ты будешь благодетельствован и год от года будешь становиться все богаче и богаче, сонмы слуг избавят тебя от забот о житейских мелочах, и всяк будет тебе кланяться. С твоей трудоспособностью и необычайной памятью ты быстро получишь весьма ответственную должность. Что же до твоего будущего в качестве рисовальщика, то оно представляется далеко не столь радужным, ибо собратья твои не хотят, чтобы ты им помогал, — скорее, наоборот. Они будут долго приглядываться к тебе и вряд ли проникнутся к тебе симпатией: так они воспринимают всякого новичка, отчего-то заявившегося к ним и только мешающего, как им кажется, их дружной работе.

— Но мы же в одной общине, разве не так?

— Разумеется, но мастера, занимающиеся одним и тем же делом, зачастую соперничают друг с другом. Хватает и просто неотесанных и несговорчивых мужиков,

пытаться ублажить которых напрасный труд. Сдается мне, что, когда они увидят твои старания, а пуще всего, твои дарования, они постараются от тебя отделаться и ты останешься простым работягой. И будешь локти кусать: упустил возможность прожить блестящую жизнь писца, неуклонно поднимающегося по служебной лестнице.

— Что ж это за собратья такие? С чего им быть такими жестокими?

— Они увидят в тебе угрозу. И будут защищаться.

— Не очень-то братские чувства...

— Служители Места Истины всего лишь люди, Панеб.

— Послушать вас, так моя дорога заранее предопределена.

— Если прислушаешься к голосу разума, не пожалеешь.

— Один вопрос занимает меня, наставник... Почему, зная чуть ли не все на свете, вы, при ваших дарованиях, согласились на должность писца некрополя? А ведь могли бы стать высоким сановником в Фивах. Наверное, у Места Истины должны быть какие-то особые чары, которые вас заморозили и втянули в общину.

Кенхир сохранил полнейшую невозмутимость.

— За меня не беспокойтесь: я встану лицом к лицу перед рисовальщиками и докажу, что мое место — среди них.

По сговору с начальником артели Неби, Кенхир должен был попробовать отвлечь молодого человека от выстраданного им решения. И теперь радовался провалу своих потуг.

Выйдя на главную улицу, Панеб словно бы очнулся после долгого сна. После вступления в братство перед ним стояли только две задачи: научиться рисовать иероглифы и сделать свой дом пригодным для обитания. Первое дело заняло его куда сильнее, чем он ожидал, и потому он часто совсем забывал о втором.

Всякий раз, когда он рисовал пантеру, сокола или быка, у него возникало ощущение, что отчасти качества изображаемого животного передаются и ему; письмо оживляло абстрактные понятия; чтение наполняло его сердце поучениями мудрых.

Два года пролетели как сон. Панеб ни с кем не водился, кроме Нефера и Ясны, да и с ними он не говорил ни о чем, кроме тех же иероглифов, и все время, по сути дела, проводил подле Кенхира, либо в школе, вместе с другими учениками, либо наедине с наставником, дававшим ему частные уроки. Но теперь он раскусил учителя и его виды на будущее: писец некрополя решил вылепить из него еще одного писца и сплавить его за ограду! К внешним!

Панебу следовало усвоить и этот урок: борьба скрытая, бой не на кулаках, а... головой работать надо, в общем. Кенхир вздумал сбить его с избранного пути: гляди, мол, вон сколько благ и льгот у чинуши.

Но ничего у этого Кенхира не вышло. Не сходя со своего пути, Панеб овладел знанием и теперь уже мастерски выписывал знаки, столь много значащие для всякого рисовальщика Места Истины. Письмена обладали воистину колдовской силою, и их колдовство поглотило все его внимание — до того дошло, что он забыл о лучшем из всего, что сотворили боги: о женщинах.

С тех пор как он погрузился в работу, ни на одну из них он и не глянул даже! Ясна не в счет — уж очень она не похожа на остальных, да и замужем за Нефером. Он относился к ней как к старшей сестре, которая, если что, и успокоит, и дурного не посоветует.

Как же это он так долго обходился без женщин? Никак чары коварного Кенхира тому причиной? В следующий раз не станет он доверяться этому хитрецу, одному из трех вождей братства. Что вышло-то? Запутался в сетях, расставленных писцом, и лишился любви.

Точнее, любовь у него украли, всю, которая могла бы быть... Разве нет?

Этот день был выходным. Для правой артели. Одни мастеровые отсыпались, другие усердствовали в обустройстве своих жилищ, третьи подрабатывали, корпя над заказами со стороны. До сего дня они не знали Панеба и знать не хотели, и он им платил тем же. Скоро ему придется как-то договариваться с рисовальщиками. Чтобы взяли. Но пока... пока еще утро, и он может позволить себе глазеть на деревенских женщин и даже пробовать к ним подкатываться.

Чем спешить домой и браться за опостылевший ремонт, куда лучше вразвалочку пройтись по главной улице, заглядывая в глаза каждой встреченной представительнице прекрасного пола.

Пока он не пробился в Место Истины, ему казалось, что село — место нудное и постное: жены мастеровых сидят взаперти по домам или торчат в молельнях. Да ничего подобного: как и в прочих селениях Египта, почти все женщины работали обнаженными по пояс, и взгляд Панеба неизбежно застревал на их грудях, особенно на девичьих. Как ни жаль, сами обладательницы прекрасных форм как-то не спешили разделять эту его маленькую радость: одни отвечали на его дерзкие взоры угрюмыми взглядами, другие и вовсе спешили укрыться от нескромного чужака в своих домах и тоже старательно изображали неприязнь и злость.

Да, охота легкой быть не обещала, но молодой великан и не думал отступаться. После такого долгого воздержания нечего привередничать и кривить губы, пусть та искушена и давно немолода, а эта, наоборот, юна и совсем неопытна.

Показалось было, что добыча уже в руках, когда одна на диво хорошенькая светловолосая, правда совсем крошечная, девушка глянула на него вовсе не сурово, а как бы даже ласково. Но уж слишком стремительно он к ней направился, и смутившаяся девушка поспешно хлопнула дверь.

— Подумают, что ты девочек пугаешь, — прозвучало рядом. Сказано было под нос, как бы для себя, но голосок был сладкий, словно свежий плод.

Обернувшись, Панеб увидел перед собой задорную рыжеволосую девушку: на вид лет двадцать, зеленое платьице на бретельках, но груди наружу — ткань начиналась где-то возле талии. А чего скрывать — грудь пышная, да и все прочие прелести вызывали, а точнее сказать, усиливали желание.

— Меня зовут Панеб.

— А я... меня зовут Бирюзой, и я — безбрачная.

Панеб фыркнул про себя: замужняя ли, холостая — нам без разницы. Лишь бы женского рода.

— Поболтать хочется, да не с кем?

— Еще чего. Я тебя хочу. Любить тебя хочу. И прямо сейчас.

Бирюза засмеялась.

— Ты — настоящий великан.

— А ты — былинка такая, красивенькая. Очень! Давай чудо сотворим. Вдвоем! И будет нам приятно и хорошо — и мне, и тебе.

— Думаешь, что можно так разговаривать с женщинами?

— Так ведь уже говорим.

Он перемахнул несколько ступенек и, оказавшись у входа в домик Бирюзы, заключил хозяйку в объятия и наградил ее жарким поцелуем. А поскольку она не противилась, он

втолкнул ее внутрь, где царил приятный полумрак и где он и сдернул с нее ее скудненькую одежду.

Благоухание амбры, белая кожа молодой женщины и то, как она изгибалась, прижимаясь к нему, как она его направляла, — все это сводило с ума. Что бы он ни начинал, до чего бы он ни додумывался, она тут же поддерживала его почин и угадывала верный ответ. Вместе они совершали это удивительное путешествие, вместе разведывали и открывали тайны своих тел.

Насытившись друг другом, любовники наконец решили передохнуть.

— Ты по праву носишь свое имя, Панеб Жар! Такой горячий. Пылкий.

— Не бывало у меня еще такой заводной... И такой заводящей...

— Хочешь сказать, что у тебя побед не счесть?

— На селе девочки, знаешь, они — простые. Не морочат голову попусту.

— А чувства, значит, тебя вроде бы и не волнуют.

— Чувства... это пускай старые про чувства толкуют. Женщине нужен мужчина, мужчине — женщина... Что тут непонятного? Было б о чем говорить.

— И твой друг Нефер тоже так думает?

— Ты его знаешь?

— Я его с женой видела. Ясна ее зовут.

— Ну, это особый случай. У них такая любовь, что, как чудо какое, навеки их соединила, до смерти. Но я им не завидую. Другой женщины у него не будет. Никогда! Представляешь? Если подумать, так это даже на проклятие походит.

Панеб вытянулся во весь рост и, опершись на локти, вгляделся в нее.

— Слушай, ты и в самом деле обалденная... Я хочу сказать, красивая очень... А почему ты не замужем?

— Потому что люблю жить сама по себе. Как и ты.

— Так болтают небось. Языкастые. Селение же.

— Так и не так. Отец мой — резчик по камню левой артели. Он овдовел совсем молодым. И я росла то у одних, то у других, пока он, три года тому, не умер. Я решила, что останусь здесь, в селе. Стану жрицей Хатхор. Ведь она — богиня любви.

— У тебя много любовников, что ли?

— Твое-то какое дело?

— И то правда. Ерунда все это! Но теперь у тебя останется только один. Я.

— Не тешь себя понапрасну, Панеб. Я — женщина свободная и никакому мужчине подчиняться не стану. Я, может, с тобой вообще больше никогда не лягу.

— Сдурела!

Он попытался было прижаться к ней. Но Бирюза увернулась.

— Отстань от меня! — велела она.

— Я же силой тебя возьму!

— И еще до захода солнца из селения вылетишь. И в узилище на немалый срок угодишь. Уходи, Панеб.

Не зная, что и думать, помявшись, молодой исполин послушался. Поди пойми да разбери этих женщин. Понавыдумывают! Бирюзу он, выходит, потерял. Что ж, найдутся другие, А пока... огонь уже поутих, и, значит, можно какое-то время об этом не беспокоиться. Значит, пора вспомнить про дом.

Как и все прочие жилища в Месте Истины, дом Панеба по всем документам числился за визирем, от имени которого распределяли жилье. Домишко скромный, 50 м на всё про всё: считалось, что холостяку больше и незачем. Супружеским парам полагалось 80 м², ну, это в среднем, а если у четы рождались дети то и все 120. Фасады, выходящие на главную дорогу, жались друг к другу: оставленные между ними просветы казались очень узкими. Посреди

фасада — ширина каждого была не меньше трех и не более семи метров — была пробита небольшая дверь, которую с мостовой соединял один лестничный пролет.

Строение опиралось на сложенный из камней цоколь, высотой в метр, а поверх каменной кладки шла кладка из грубых кирпичей — стены, обмазанные штукатуркой и несколькими слоями известки. Собственно, дому Панеба не доставало отделки, да и был он далеко не так прочен, как самые старые здешние постройки, возведенные прямо на скале.

Нефер другу не помогал, потому что тот хотел все сделать сам. Но все же иногда ему удавалось дать хороший совет, чтобы предотвратить грубые просчеты, которые могли бы оказаться роковыми. И Панеб в одиночку надрывался с очень толстыми внешними стенами и отделял комнаты друг от друга стенками потоньше, выкладывая их из кирпичей, которые он скреплял простым раствором на глине. На этих перегородках держались потолки и терраса. Сруб был сложен из пальмовых стволов: бревна, подогнанные друг к другу и скрепленные между собой, должны были образовывать прямоугольник. Правильно выложить деревянный каркас — задача не из простых, но Панеб справился: помогли сила и советы Нефера.

С окнами тоже надо было что-то делать — от них зависел воздухообмен, то есть надо было, чтобы зимой из дома не уходило тепло, а летом не было слишком жарко. Сначала ничего не получалось, и Панебу пришлось перебрать добрую долю грубой кладки и сделать внешние стены еще толще. Но потом отделка пошла как по маслу.

Как почти все прочие местные жители, Панеб располагал в своем трехъярусном доме тремя основными комнатами, кухней, парой погребов, кладовой и террасой. Но внутри жилища было пусто и голо, никакого убранства не наблюдалось. Из мебели — одна простая циновка. Очень не доставало украшений, которые радовали бы глаз и создавали уют. Словом, обитель оставалась без души.

У Панеба мысли и задумки насчет улучшения жилища исчислялись тысячами, но ему никак не удавалось воплотить хотя бы некоторые замыслы, тем более что он был согласен только на полное совершенство, и никак иначе. Пока что он довольствовался цветами, которые ежедневно разносили жрицы Хатхор и которые Ясна должна была распределять между жителями селения, чтобы те, почитая богиню, возлагали их на домашние жертвенники.

Самое время научиться каким-нибудь новым приемам и навыкам, применяя которые Панеб как следует украсит свой дом, чтобы он стал самым нарядным в Месте Истины.

К нему направлялся какой-то человек.

Он был чуть пониже Панеба, но в плечах едва ли уже, да и грудная клетка бугрилась впечатляющими мышцами. А поступь какая тяжелая: он вдавливал ступни в землю с такой силой и немалым шумом, что можно было подумать, будто ему просто тяжело перемещать такую огромную кучу мышц.

— Уж не меня ли ты ищешь?

— Ты будешь Панеб Жар?

— А тебя как зовут?

— Нахт Богатырь, я — резчик камня.

— Ну и прозвище... Обалдеть. За какие такие подвиги тебя так окрестили?

— Если ты сегодня начнешь ворочать камни и будешь поднимать их хоть сто лет подряд, не останавливаясь, ты все равно меня в этом деле не переплюнешь. Потому так и окрестили.

— Да не пойду я в каменотесы. Я хочу стать рисовальщиком.

— Братство числит в своих рядах изрядного художника и троих искушенных рисовальщиков. Тех самых, кстати, что украшали обитель вечности Рамсеса Великого, а потом гробницы членов царской семьи и знати. А на что годен и на что нужен праздный гуляка вроде тебя?

— Я посвящен точно так же, как и они, и я принадлежу тому же братству.

— Ну да, мы тебя приняли. Но надолго ли ты у нас задержишься?

— Задержусь настолько, насколько захочу.

— Думаешь, ты сам хозяин своей судьбы?

— Гляди, вот мы идем по дороге. И на этой нашей дороге попадаются ворота. Одни на них только глазеют, другие стучатся. А я... я любую дверь вышибаю.

— Пока ты должен меня слушаться.

— И что ты мне прикажешь, Нахт?

— В моем доме стена есть, починить бы ее. А самому уродоваться не хочется. У тебя уже есть опыт, так ты ею и займешься.

— Так ведь дом-то твой. Не мой. Твои трудности — сам и расхлебывай.

— Тебя сюда взяли служить, парнишка.

— Служить делу — согласен. Но не тем, кто норовит на чужом горбу кататься. Как ты.

— Ты, мальчик, очень уж нахальный. Хороший урок наставит тебя на путь истинный.

Противник вполне мог попытаться исполнить обещанное, но Панеба это не напугало: он был уверен, что окажется проворнее и когда потребует уйти от удара, и в нападении.

— Поберегся бы, Нахт. Гляди, в лоб получишь. Зачем это тебе?

— Иди сюда, хвостун, ну-ка...

— Еще раз говорю: подумай. На твоём месте я бы домой пошел, с женой ругаться, если уж приспичило пособачиться. А если ты заявишься к ней в ранах и шрамах, так она же тебя бросит.

Терпение у Нахта Богатыря иссякло, и он нацелил свой кулак в живот Панеба. Но тот успел отскочить и достал противника слева, угодив тому в ребро и заставив вскрикнуть от боли.

— Стойте! — раздался голос невесть откуда взявшегося Нефера.

Ясна приготовила пироги со смоквами, и супруги решили, что хорошо бы угостить и друга. Потому Нефер, с пирогами в руках, и стал свидетелем неприглядного зрелища.

Панеб послушался и ослабил бдительность.

Не то что Нахт Богатырь. Он то ли не услышал Нефера, то ли не захотел слушать. И уже летел на противника, выставив голову вперед.

Вслед за Каро Угрюмцем, задававшим темп, постукивая в такт ходьбе длинным, вырезанным из орехового дерева посохом, мастеровые правой артели двигались на север, к холму, где на границе некрополя стояло небольшое строение, по виду напоминавшее храм.

Вставший на пороге начальник артели Неби взял на себя обязанности хранителя и стража. И потребовал от каждого мастерового назваться.

По совершении обряда каждый мастер правой артели попадал во дворик и там, под открытым небом, преклонял колени перед прямоугольным водоемом очищения. Художник Шед Избавитель зачерпнул воды в чашу и оросил ею вытянутые руки товарищей, обращенные ладонями к небу.

Потом Шед очистил и себя, после чего мастеровые прошли в зал собраний. Потолок помещения поддерживался двумя колоннами, окрашенными желтой охрой.

Вдоль стен тянулись скамьи, перемежавшиеся каменными сиденьями. Днем зал освещался лучами солнца, проникавшими через тройку высоких окон, а когда наступала ночь, зажигали факелы.

Перегородки отделяли помещение со скамьями от святилища, вступать в которое мог лишь начальник артели. В центре его стояла статуэтка богини Маат, а в двух каморках по бокам хранились сосуды с умощениями, жертвенники и прочая обрядовая утварь.

Неби занял место у восточной стены, воссев на деревянном сиденье, где до него восседали его предшественники — мастера, которым доверялось руководство правой артелью.

— Воздадим подобающие почести предкам, — повелел он, — и испросим у них вспоможения в искании просветления нашего. И да пустует во веки веков соседствующее со мной каменное сиденье и не изведает оно присутствия человеческого, ибо предназначено оно для ка моего предшественника, незримо присутствующего среди нас. И да хранит он единение наше.

Мастеровые погрузились в безмолвие. Все чувствовали, что речи Неби не пусты и не тщетны и что узы, связующие мастеров, прочнее смерти.

— Двое из нас серьезно повздорили, — объявил начальник артели. — И мне надлежит спросить у вас совета: сможем ли мы уладить это дело здесь или же нам следует передать его в суд Места Истины.

Слова попросил Нахт. Голова его была замотана белой тканью, пропитанной миррой, которая облегчала боль.

— Я подвергся нападению со стороны подмастерья Панеба Жара. Он едва не расколол мой череп, и мне пришлось провести несколько дней в постели, что замедлило работу артели. Вот почему суд должен его покарать со всей суровостью.

— Иного решения нет, — поддержал раненого Каро Угрюмец.

Панеб было взвился, но, прежде чем он успел высказать свое негодование, на его плечо опустилась ладонь Нефера. И помешала ему подняться.

— Я был очевидцем стычки между Нахтом Богатырем и Панебом, — заговорил Нефер. Голос его звучал очень спокойно. — Когда я подошел, они готовы были накинуться друг на друга с кулаками, и я вмешался, чтобы остановить ссору. Панеб сразу меня послушался, Нахт же кинулся на него головой вперед. Такое поведение можно счесть предательским, и Панебу

не оставалось ничего иного, как защищаться.

— Не говоришь ли ты так потому, что Панеб — твой друг? — спросил начальник артели.

— Если бы он вел себя дурно, я бы не пытался его оправдывать. Мне кажется, что остается выяснить только одно: причину ссоры.

— Да ничего подобного, — вскинулся Нахт. — А мои раны? Он же цел. Значит, не я напал, а на меня напали.

— Довод правдоподобный, — не стал спорить Нефер. — Но если бы ты меня послушал, остался бы невредим. Но чего ты требовал от Панеба?

— Я хотел просто поговорить с ним, а он начал меня оскорблять. Хорошенькое дело! Разве это поведение, достойное ученика?

— А разве каменотес имеет право требовать от подмастерья сойти с прямого пути правды и изменить клятве?

Нахт Богатырь побледнел:

— Вопрос бестолковый, и смысла в нем нет. Ты же подошел поздно и ничего не слышал. И потом... ничего я от него не требовал!

— Я ничего не слышал, это так, но твое поведение этим никак не объяснить. Мы живем в Месте Истины. Маат — наша повелительница. Как ты смеешь врать? И как ты можешь упорствовать в своей лжи?

В голосе Нефера не было ни капли воинственности или желания обидеть. Можно было подумать, что озабоченный отец увещевает напроказившего отпрыска: ребенок совершил серьезную ошибку, но ничего непоправимого все-таки не случилось.

Доводы Нефера бешено завертелись в голове Нахта Богатыря. Взгляды товарищей казались ему тяжеловеснее корзин, доверху груженных щебенкой, — а сколько он их перетаскал на своем веку... И вдруг в памяти всплыли слова его первой клятвы.

— Я отзываю свою жалобу на Панеба, — объявил он, понутив голову. — Незачем из-за каждой мелкой ссоры будоражить наше братство... Что ж, всплыли, с кем не бывает. Силами захотелось помериться. Уж лучше сойдемся как-нибудь один на один, в честном поединке...

— Я всегда готов. Когда захочешь, — сказал Панеб.

— Дело закрывается, — решил начальник артели. — Есть еще вопросы?

— Мне не нравятся умощения, которые мне приносят в последнее время, — пожаловался Каро Угрюмец. — Кожа у меня чувствительная, и от этих мазей она идет красными пятнами. Если к нам по-хорошему, так и от нас отдача будет.

— Скажу писцу некрополя, — пообещал Неби, — а он уж распорядится.

— А нам тонких кистей не хватает, — посетовал художник Шед. — Несколько месяцев тому назад я отправил предупреждение, но оно так и осталось без ответа.

— Займусь и этим. Все?

Больше никто не поднялся.

— Нам поручили очень ответственные работы, — объявил Неби. — И очень срочные. Пока левая артель заканчивает обитель вечности царских сыновей Рамсеса Великого в Долине царей, мы получили повеление подновить несколько гробниц в Долине цариц. Если придется работать сверхурочно, вы получите в порядке возмещения сандалии высшего качества и хорошие отрезки ткани.

— А к празднику готовиться как? — заныл Каро. — А когда отсыпаться будем? Жара

надвигается, и работать становится все тяжелее. А хуже всего перебои со свежей водой!

— Про пиво не забудь, — вставил свое слово Нахт Богатырь. — Без него как без рук.

— Как рисовальщик, предвидя размах работ, — добавил Гау Точный, — я бы просил, чтобы особое внимание было уделено качеству поставляемых красок. Не подобает нам извращать первоначальные очертания и исконные цвета.

Поскольку после рисовальщика ни один мастеровой слова не попросил, начальник артели поднялся, затушил факелы и в последний раз обратился к пращурам.

А Панеб, хотя строение и погрузилось в темноту, заметил странный свет, исходящий из святилища. И решил, что, наверное, там остался какой-то светильник и лучи от него пробиваются через дверь из позолоченного дерева.

Чтобы понять, не мерещится ли ему, следовало приглядеться поближе, но нельзя было отставать от товарищей, которые уже выходили из помещения.

— Ты видел этот странный свет? — спросил он у рисовальщика Шеда.

— Иди тихо.

Ночь была очень приятной, селение спало. Когда они вышли за врата, Панеб повторил вопрос:

— Так ты видал?

— Да это головешки от потушенных факелов. Они, пока не остынут, красные. И больше ничего.

— Из святилища бил луч света!

— Тебе показалось, Панеб.

— А по-моему нет.

— Иди спать, а то еще не то привидится.

Панеб поискал Нефера, но тот куда-то пропал. Его друг, только что добившийся его оправдания и, значит, избавивший его от наказаний, должно быть, ушел к себе домой.

Нет, быть такого не может! Неферу наверняка хотелось поговорить с ним.

Вся артель разошлась. Один Панеб остался у закрытых врат, ведущих в святилище братства.

Что стряслось с Нефером?

Панеб прождал у врат до утра, надеясь, что друг вернется. Но, увидав жриц Хатхор, направлявшихся к храму, чтобы пробудить божественную силу, раздосадованный молодой великан поплелся домой.

И вдруг селение, такое мирное и тихое на вид, показалось ему враждебным. Он-то думал, что уже разобрался в его законах, но ни с того ни с сего столкнулся с загадкой. Не стал ли его единственный друг жертвой заговора темных сил, решительно настроенных на уничтожение всех, кто скроен не по их мерке? Панеб повздорил с Нахтом Богатырем, Нефер заступился за Панеба... Значит, от обоих должно избавиться.

Но Панеб Жар и не подумает покорно подставлять шею под нож. Не скотина же на бойне. Да он и в одиночку разнесет все это селение! Спалит его! Зальет кровью!

А когда в дверь постучали, он понял: вот и они.

И на всякий случай вооружился палкой, чтобы разmozжить голову любому, кто вздумает посягнуть на его дом.

Подняв правую руку, левой он отворил дверь и увидел на пороге двух женщин — Ясну и маленькую робкую белокурую девушку. В руках у Ясны была гипсовая мужская голова, а у ее спутницы — цветы, букет из лотосов, нарциссов и васильков.

— Защита на лик твой, — произнесла Ясна обычное пожелание удачного дня. — Уабет вызвалась мне помочь. Мы пришли, чтобы принести жизнь в твой дом.

— Какие у тебя новости от Нефера?

— А что ты так беспокоишься?

— Так он пропал!

— Уймись. Он отправился на верфь, где суда строят. Поглядеть, как там плотники работают. И кое-чему у них научиться.

— Один?

— Нет, вместе с начальником артели и другими мастеровыми.

— Ты точно знаешь?

Ясне стало любопытно, и она внимательно оглядела Панеба.

— Что с тобой такое? На тебе лица нет!

— Я подумал, что его куда-то увели и теперь мучают...

— Да все хорошо будет, не тревожься. Он просто ненадолго отлучился по служебным делам. А ты что подумал?

Панеб показал свою дубину.

— Мне стало страшно за него. Я боялся, что все братство на него ополчилось.

— Успокойся, — посоветовала Ясна. — Вот лик предка, он поможет тебе. Ежедневно почитай это изображение и думай о тех служителях Места Истины, которые жили до тебя.

— И где мне его поставить? В главной комнате, как у вас дома?

— Если хочешь знать, то именно так и полагается. По обычаю.

А Уабет, засмутившись, уже протягивала юному великану букет.

— Аромат этих цветов приятен ка предков, — объяснила Ясна. — Если мы не будем поддерживать связь с ними, если они не будут наделять нас силами, мы не сможем выжить.

— Какое мне дело до предков...

— Дом, построенный на песке, не устоит. Нужен прочный фундамент. Наши

предшественники, Панеб, взлелеяли душу этого селения и питали ее творениями своими. То, что передано нам, должны будем в свой черед передать и мы. Пренебрегая пращурами, ты останешься глухим и слепым.

Задумавшись над словами Ясны, Панеб все же заметил, что Уабет Чистая глядела на него как-то очень уж внимательно.

Походя и небрежно записав изображение предка в угол своей главной комнаты, Панеб заторопился к жилищу художника Шеда, считавшегося главным над тремя рисовальщиками. Панеб намеревался потребовать от художника точного изложения плана работ и не собирался удовлетворяться туманными разглагольствованиями.

Нагруженный впечатляющей грудой кистей и прочих необходимых для работы вещей, Шед, похоже, готов был отправиться в путь к Долине цариц. Тонкие черты лица, аккуратно подстриженные волосы и ухоженные усики, светло-серые глаза, прямой нос над четко очерченными губами — художник, казалось, смотрел на все немного свысока.

— Послушайте меня!

— Слушаю тебя... И что скажешь?

— Я пойду с вами в Долину царей. Ладно?

Ну и улыбочка у этого Шеда... Режет получше ножа.

— Ты голову потерял, что ли, мальчик мой? Мне предстоит выполнение очень ответственных восстановительных работ точности чрезвычайной, и необученные подмастерья мне совершенно ни к чему.

— Я умею читать и писать, и я прекрасно вырисовываю иероглифы!

— Как и все жители селения... Но что ведомо тебе об искусстве рисунка, о правилах гармонии, о тайнах красок? Вот вздумалось ему стать рисовальщиком и, похоже, даже художником! А тебе известно, что не ты указываешь братству, какие требования ему предъявлять? Ты должен научиться работать с гипсом, и это занятие, несомненно прекрасное, будет для тебя наилучшим — его тебе до конца твоих дней хватит.

Слова Шеда были подобны острым ножам, вонзавшимся в живую плоть юного исполина.

— Есть еще одно важное обстоятельство, оставшееся для тебя неизвестным, — продолжил художник. — Жилище, тебе предоставленное, — не дом селянина или какого-то там незначительного писца, но своего рода святилище. Ты не томишься мечтаниями об удобствах? Допустим. Но что тебе известно о символических смыслах комнат? И где те предметы, которые придали бы им этот смысл? До сих пор ты не более чем чужак, бедненький мой Панеб, и у меня нет уверенности, что тебе достанет ума и дарований, чтобы стать подлинным служителем Места Истины. Брал бы пример с Нефера, он же твой друг, верно? И приходится признать, он уже серьезно продвинулся. Не забывай, что вылететь отсюда наружу легче легкого, и уж за воротами ты без труда найдешь себе работу. Для тебя вполне посильную.

Ошарашенный Панеб глядел вслед художнику, не в силах выдавить из себя в ответ хотя бы слово. Он мог бы в ярости накинуться на Шеда, без труда отнять у него все эти кисти и краски, а самого его растоптать. Но произнесенные художником упреки никуда не делись бы и продолжали бы хлестать его, как удары плетью, разве что боль стала бы еще острее.

О чем спорить? Шед прав: он всего лишь деревенский олух... и писец весьма заурядный. Но почему Нефер, единственный его друг, не помог ему обзавестись нужными знаниями? И на какое такое продвижение намекал Шед? Панеб решил расспросить Ясну.

Бредя по главной улице, он повстречал двоих рисовальщиков: Унеш Шакал и Гау Точный направлялись в Долину цариц. Панеб с трудом выдавил из себя приветствие в ответ на насмешливые взгляды мастеровых.

Дверь дома Ясны и Нефера оказалась запертой.

Панеб постучал.

— Ясна! Можно войти?

— Подожди чуть-чуть, — попросила хозяйка.

Странное дело... Неужто и она, всегда такая приветливая, тоже презирает его и не хочет с ним водиться, как тот художник? Но он не успел еще глубже погрузиться в свои черные думы, потому что дверь наконец распахнулась.

— Нефер вернулся?

— Еще нет.

— Я хотел его видеть.

— Работает он. На стройке.

— Ну почему он встал на добрую дорожку, а я нет? Ты знаешь? Должна знать!

— Заходи. У меня работа, но я уже заканчиваю.

Панеб вошел и в изумлении уставился на третьего рисовальщика селения. Паи Доброхлеб, кругленький человечек с веселым личиком и пухлыми щеками, держал свой правый забинтованный кулак на отлете.

— Вот, связки слегка растянул, — объяснил Паи. — Но Ясна помогла, и, думаю, безделье мое больше чем на пару дней не затянется.

Молодая женщина проверила, не слишком ли тугой получилась перевязка.

— Первое время, Паи, полный покой. Никаких волнений. И тогда осложнений не будет.

Панеб тем временем оглядывал комнату свежим взглядом, словно бы видел ее впервые: замысловатая статуэтка в углу, изображение предка на одном алтаре, другой утопает в цветах... Нефер уж точно знал, как сделать из своего жилища святилище.

— Художник Шед счел меня ни на что не годным, мой единственный друг пропал, а я совсем ничего не понимаю! Что же это такое творится? А, Ясна?

— Просто ты должен подняться на следующую ступеньку, а искать туда дорогу — дело только твое.

— Шед дал мне один совет: учился бы ты, говорит, работать с гипсом.

— Превосходный совет, — подал голос Паи Доброхлеб.

Панеб вскипел:

— И ты туда же! Только смеетесь надо мной!

— Ты все еще хочешь стать рисовальщиком?

— Сильнее, чем когда-либо!

— Должен, значит, понимать, что первое место, где ты должен себя проявить и кое-что доказать, это твой собственный дом. И что ты нам доказал? Что можешь в одиночку справиться с черной работой и кое-как сляпать общий ремонт? Мало этого! Надо так овладеть ремеслом, чтобы не допускать ошибок в работе на стенах обители вечности.

— Так ты же не был гипсовальщиком!

— Как это не был? А как делать рисунок без хорошей основы? Надо знать, как сделать подложку — из гипса или штукатурки. И как нанести ее на стену. Это — первейшая из тайн.

— А меня научишь? — спросил совсем уж запечалившийся Панеб.

Паи Доброхлеб поглядел на свой замотанный в тряпку кулак.

— Совсем уж быстро выздороветь, наверное, не получится... Можно попробовать.

Забеременев во второй раз, Серкета с тревогой дожидалась, что покажет осмотр. Когда в первый раз она разродилась девочкой, ее муж невероятно рассвирепел и отказался глядеть на младенца, так что расти малышке на руках у нянюшек, а отца своего она и видеть не будет.

Никогда. Первородство признавалось только за новорожденным мужского пола: полноправный наследник должен быть мальчиком.

Обладая превосходным кровообращением и хорошими легкими, Серкета ни минуты не сомневалась в том, что беременность пройдет без осложнений и роды будут удачными и нетрудными. Однако если что и было важно, так это пол младенца. Вот уже две недели она ежедневно мочилась на два мешка: в одном были зерна пшеницы, финики и песок, в другом — песок, финики и ячмень. Если первой прорастет пшеница, значит, Серкета родит девочку; если же сначала зазеленеет ячмень, у нее будет мальчик.

— Что ж, у меня нет никаких сомнений относительно пола будущего ребенка, — объявил ей целитель женских недугов.

— Выглядите вы великолепно, мой дорогой Мехи! — восклицал фиванский градоправитель. — Воины клянутся только вашим именем и лишь вам готовы присягать. А большие учения под вашим командованием произвели весьма благоприятное впечатление на народ. Он чувствует себя защищенным и укрытым от любой опасности.

— В том заслуга военачальников и низших чинов, поддерживающих образцовую дисциплину.

— Однако же приказы отдаете вы!

— И руководствуюсь при этом вашими советами, — ответил любезностью на любезность Мехи.

Градоправитель оценил это.

— Оправились ли вы после смерти вашего тестя?

— Не знаю, настанет ли тот день, когда я смогу это сделать. Он был человеком с такими обширными познаниями и таким богатым опытом, что его уход стал для меня огромной, ничем невозполнимой утратой. Мы с женой поминаем его ежевечерне и, несомненно, никогда не примиримся с его уходом.

— Как я вас понимаю... Но нет лучше лекарства от великой боли, чем упорный труд. Вы — человек сведущий, сознательный и щепетильный, это сочетание качеств позволяет видеть в вас превосходного главного казначея Фив.

Мехи изобразил на своем лице крайнее удивление.

— Это — должность великой важности! Не думаю, что...

— Простите великодушно, но решаю здесь я, и я полагаю, что в этом своем решении я не ошибаюсь. Став моей правой рукой, вы будете отвечать за процветание нашего города. Я же смогу несколько отступить в тень.

Мехи хорошо знал, что более всего градоправитель занят закулисной борьбой. Его силы и время уходят на то, чтобы ослабить и по возможности устранить многочисленных охотников занять его место.

— Вы предлагаете мне весьма высокий пост, но имеется достаточно весомая причина, понуждающая меня отказаться.

— Что именно?

— Хорошо ли это — занимать место своего достопамятного тестя? Моя супруга... для нее это будет еще один удар, И жестокий.

— Это я беру на себя. И я ее уговорю, не беспокойтесь! Вы нужны Фивам, Мехи. Бывают такие обстоятельства, в которых приходится жертвовать собственными чувствами ради общего блага. Разве это не тот самый случай?

Мехи готов был пуститься в радостный пляс. В самом деле, власть над войском уже в его руках, и он ее уже не выпустит. А теперь те же руки будут распоряжаться и городской казной. Отныне он становится главнейшей опорой градоправителя. Наверное, тот не слишком верит в искренность чувств Мехи, который якобы будет вечно горевать по усопшему тестю, но о том, что случилось на самом деле, он и не подозревает. Если убийца остается безнаказанным, а его преступление вознаграждается предложением занять завидное служебное место жертвы, то это, несомненно, лишний раз подтверждает, что закон Маат не более чем байка, измышлением которой развлекались лжемудрецы, заточившие себя в храмы — затем, вероятно, чтобы как молено дальше удалиться от жизни.

Чтобы произвести переворот и возглавить его, Мехи воспользуется талантами своего друга Дактаира, которому чужды любые рассуждения о морали. Если бы удалось сколотить команду из людей его рода, нимало не дорожащих старинными преданиями, то Египет стремительно преобразился бы в новое царство, где правил бы один закон, тот самый, что блюдет Мехи: прав тот, кто сильнее. Умельцы-правоведы напишут новый свод законов, который удовлетворит верховных сановников, и вскоре они будут окончательно покорены многими и великими личными выгодами, извлекаемыми из нового положения вещей. Что же до народа, то его должно держать в повиновении, да и кто дерзнет возмущаться, по крайней мере до тех пор, пока против мятежников имеется многочисленная стража и прекрасно устроенное и разумно управляемое войско?

Остается лишь одна преграда: Рамсес Великий. Но царь давно вошел в преклонные лета, и здоровье его слабеет. Несмотря на крепкое телосложение и чрезвычайное долголетие, смерть его не минует, к торжеству Мехи. Разумеется, мысль о покушении, которое ускорило бы исчезновение Рамсеса, с порога отбрасывать не следует, однако потребуются слишком много предосторожностей, чтобы затеянное после такового события расследование не смогло добраться до Мехи. Лучше понемногу и тайком подтачивать окружение будущего фараона Мернептах, в надежде, что подгнившие подпорки будущего царствования не помешают опрокинуть престол и посадить на него подставное лицо, подчиняющееся Мехи.

Время работало на него. И самое главное: нельзя действовать опрометчиво — непродуманный шаг грозит оказаться роковым. А главной целью остается захват Места Истины. Овладев его тайнами, Мехи превратился бы в единственного великого владыку и наставника Обеих Земель. Однако нападение на селение равносильно прямому столкновению с Рамсесом; пока соотношение сил не в его пользу, Мехи следует наносить удары исподтишка.

Голые груди, запах благовоний, распущенные волосы, браслеты с сердоликом и бирюзой на запястьях и лодыжках — вот такая Серкета повисла на шее супруга.

— Почему так поздно? Я не могла дожждаться.

— Градоправитель задержал.

— Смотри не доверяйся ему! Он такой лукавый и бессердечный...

— Он собирается назначить меня главным казначеем Фив.

Серкета отстранилась от командующего, чтобы поглядеть на него.

— Место отца... Здорово-то как! Как же я угадала, что за тебя вышла. Ты, Мехи, и в самом деле мужчина замечательный.

— Понятно, что я выразил лишь самый умеренный восторг. Не переставая петь хвалы твоему достопочтенному отцу, я уверил градоправителя, что ты огорчишься, если я займу эту должность. Так что жди его на днях: он расскажет тебе, что прошлым жить нельзя и что я должен принять это назначение.

— Во мне не сомневайся, дорогой! Я со слезами соглашусь, что мне не остается ничего иного, как смириться с неизбежным. Но... послушай... это же значит, что мы станем еще богаче!

— Это так, но придется действовать с оглядкой, чтобы никто не заподозрил меня в разбазаривании городской казны.

— Но отец считал, что мало кто умеет ловчить с числами лучше тебя.

— Управление Фивами тяжеловесно и очень запутано... Годы уйдут, прежде чем я стану здесь полновластным хозяином. Но я этого добьюсь.

— А... потом?

— Что ты хочешь сказать, Серкета?

— А что, если ты метишь еще выше?

— По-моему, то, о чем я говорю, и без того весьма незаурядно.

Серкета обвила мужа руками.

— Я жду от тебя большего, дорогой!

Мехи поспешил соединиться с супругой. Любовь, по обыкновению, вышла грубоватой, но муж так и не поведал жене свои истинные честолубивые, замыслы. Ни Серкета, ни любая иная женщина не может постичь своим узким умишком размах его устремлений, однако дочери бывшего главного казначея Фив придется стать его верным и полезным союзником.

Примостив голову на мощном торсе мужа, Серкета заговорила. Голос звучал взволнованно:

— Я проверялась на беременность у своего целителя...

— И что?

— Первой взошла пшеница.

— Это значит, что...

— К несчастью, да... Я ожидаю вторую девочку.

Мехи надавал жене пощечин.

— Ты меня подводишь, Серкета! Мне нужен сын, никаких девочек. А ты снова... то же самое, что и в первый раз. Девай ее куда хочешь, но чтобы я ее не видел.

— Прости, Мехи, прости!

— Смешны мне твои извинения. Я ведь чего хочу? Сына. И я желаю, чтобы ты завтра же уничтожила договор о разделе имущества, с тем чтобы я стал его единственным распорядителем. Какой дурак доверится жене, рожаящей только девок? Я тебе еще даю возможность исправиться, Серкета, но попытайся наконец мне угодить.

Уткнув горящее лицо в подушки, жена Мехи попыталась сопротивляться.

— Закон тебе это запрещает... А если я не стану отказываться от моего состояния?

Ухмыльнувшись, военачальник взял жену за подбородок.

— Думаю, что ты будешь мне покорна и не вздумаешь ссориться со мною... Или ты мне повинешься, не рассуждая, или ты становишься моим врагом.

— Ты не посмеешь...

— Становись достойной супругой. И рожай мне сына. Сможешь, так будешь щедро обласкана. И потому очень довольна. Слушай, что я тебе говорю.

Жара стояла убийственная. Жизнь на холмах, окружавших Место Истины, словно бы замерла. Даже скорпионы не хотели передвигаться, и никакое дуновение ветра не тревожило горячий воздух, застоявшийся над выжженными солнцем каменистыми долинами.

Кроме Панеба Жара, других живых существ, способных шевелиться в этой раскаленной топке, не было, и он трудился в полнейшей тишине и спокойствии, потягивая изредка воду, которую принес с собой в небольшом бурдюке. Одна была забота у молодого человека: набрать как можно больше гипса. А дорогу к этому далекому холмику подсказал ему Паи Доброхлеб. И хотя Паи описал путь очень туманно, Панеб все же нашел нужное место, хотя и не сразу, а лишь с третьей попытки.

Вообще-то на такое задание нужно было бы отправить по крайней мере троих работяг поздоровее. Но в помощники ему взять было некого, и Панеб не стал дожидаться ни спада жары, ни приказов начальника.

Наполнив корзины до краев, он поставил их на плечи и пошел в селение. Опорожнив их перед мастерской, в которой готовили штукатурку, Панеб понес пустые корзины обратно. И так он ходил туда и сюда, пока не зашло солнце.

Когда он в последний раз тащил свою ношу в селение, неподалеку от ворот его повстречал Нефер Молчун.

— Ты, что ли? Наконец-то! — воскликнул Панеб. — Где пропадаешь?

— Начальник артели водил меня в каменоломни. А потом на верфь — там мне показывали кое-какие плотницкие приемы. А ты что делаешь? Вид у тебя... такой озабоченный.

— Да вот говорят, осваивай гипс. Со штукатуркой, мол, работать надо. Потому мне нужен гипсовый камень... Ох как я его искал. Но нашел! А сколько надо — не сказали, вот я и таскаю. Надо будет, весь пригорок сюда приволоку.

— Тебе помочь?

— Да я уж привык сам справляться.

Двое друзей дошли до мастерской. Панеб опорожнил корзины и оглядел гипсовую кучу.

— Завтра дело лучше пойдет. Утром я много времени потерял, пока искал нужное место. Слушай, как пить хочется!

— Думаю, Ясна догадалась приберечь немножко свежего пива.

Панеб опорожнил трехлитровый кувшин и жадно проглотил обильный ужин, вершиной которого был фаршированный голубь.

— Ты очень неосторожен, — заметила Ясна. — Место, где ты был сегодня, кишит змеями и скорпионами.

— Да ну... Такая жара... Эти твари выползают только по ночам.

— Могут дать тебе противоядие.

— Незачем, я не боюсь. Уж если я взялся за работу, меня ничто не остановит.

Панеб пристально посмотрел на Нефера:

— Ты же видел странный свет, который бил из дверей святилища. Там, в зале для собраний.

— Ну да.

— А почему другие не хотят говорить об этом?

— Не знаю.

— И знать не хочешь!

— Начальник артели дал мне столь важное задание, что я ни о чем другом и думать не могу, ни днем ни ночью.

— Тайна?

— Не для мастерского Места Истины, — улыбнулся Нефер. — Фараон повелел обновить и расширить святилище, воздвигнутое им в нашем селении в начале своего царствования. И Неби выбрал меня, чтобы я осуществил замыслы его самого и писца Рамосе.

— Огромная честь!

— Так и ответственность тяжкая.

— Скажи честно, Молчун... Ты же перескочил через несколько ступенек служебной лестницы, так?

— Так.

— А как это у тебя вышло, мне не говоришь.

— Как и все мы, я тоже храню тайну.

— А я остаюсь в хвосте!

— У тебя другая дорога, тебе иные задачи решать, и двигаться тебе лучше в своем темпе. Мы с тобой не соперники и никогда друг с другом тягаться не будем.

Наступающий день обещал быть еще жарче вчерашнего. Несмотря на это, Панеб Жар уже отправился в поход за гипсом, но вдруг дорогу ему преградил начальник артели.

— Ты куда?

— За гипсовым камнем.

— А кто тебе велел?

— Мне надо научиться делать гипсовую штукатурку, чтобы было на чем рисовать. Значит, гипс нужен.

В первый раз после своего приема в братство Панебу выдался случай приглядеться к своему руководителю поближе: человек важный, сильный, речь медлительная, глаза суровые. Единственный из мастеров Места Истины, с кем Панеб не хотел бы сойтись один на один.

— Ты еще не понял, что здесь никому нельзя творить что вздумается? И выдумывать что попало?

— У меня не выдумки, а нужда.

Неби скрестил руки на груди.

— Это мне решать, где какая нужда. Иди за гипсом, Панеб, а как научишься делать гипсовую штукатурку, займешься обновлением лепнины на фасадах всех здешних домов. Когда закончишь, поговорим про твои дела и намерение стать рисовальщиком.

Конечно, селение помнило имена кое-каких мастеров, сумевших за день произвести немислимое количество гипсовой штукатурки: сто сорок мешков выдал на-гора Чени, а Санахт — двести пять! Но Панеб Жар, освоив приемы, которые показал ему Паи Доброхлеб изо дня в день завязывал по двести пятьдесят мешков. Правда, из мастерской под открытым небом за весь рабочий день он не вылезал ни разу.

Потребность общины в гипсе, как правило, зависела от характера и количества выполняемых заказов; но коль скоро требовалось отделать фасады по всему селу и придать им ослепительную белизну, Панеб решил заранее заготовить материала побольше, чтобы потом не отвлекаться: когда он наконец примется за тяжелый труд, порученный ему

начальником артели, рвения-то изрядно поубавится — задание наверняка отнимет несколько месяцев. Но неповиновение начальнику артели равносильно незамедлительному изгнанию из селения. Так что Панеб изживал обиды, обжигая сырой гипс — тот самый, который он сам извлек из земли. После обжига при температуре двести градусов он смешивал обожженную пыль с водой, получая гипсовую штукатурку, то есть тот самый строительный гипс, который так хорошо пристаёт к стене и сглаживает все ее неровности.

А если хорошенько разровнять, то поверхность превратится в ровную плоскость.

— Твоя штукатурка лучше моей, — признал Паи Доброхлеб. — Обжиг ты освоил просто здорово. Даже не верится!

— Я начну обмазывать стену слоями известки. А потом оштукатурю ее гипсом. Выберу самый раздолбанный дом в деревне... Что скажешь?

— Бог в помощь, Панеб! Продолжай в том же духе.

А ты знаешь, что один из наших сотоварищей остался штукатуром на всю жизнь? Он выравнивал стены для рисовальщиков.

— Может, его это и устраивало, но у меня на уме другое. И этот гипс для меня только ступень.

— Ты еще не знаешь всех тайн гипса... Гипс нужен и затем, чтобы связывать кое-какие краски, если только начальник артели сочтет тебя достойным и допустит к ним. И не забывай, что гипсовая штукатурка — прекрасная смазка, если нужно подогнать один огромный каменный блок к другому.

Молодой великан наострил уши.

— Прежде всего, Панеб, следи за качеством готового материала.

— А как?

Паи Доброхлеб показал конус, выточенный из известняка.

— Вот этой штучкой проверяют строительный гипс на плотность и на густоту — для разных работ нужна разная штукатурка, так ведь? Если ты дашь тяжелым частицам осесть на дно, то вся работа насмарку и начинай все по новой.

Панебу не хотелось морочить себе голову такими тонкостями, и он пропустил это предостережение мимо ушей. Ему хотелось как можно скорее управиться с заданием и просочиться наконец в круг рисовальщиков.

— А когда ты был подмастерьем, Паи, тебе тоже приказывали штукатурить все дома в селе?

— Нет, только свой. Но у меня не было столько сил, сколько у тебя. Вон как ты работаешь! Каждому даются те испытания, которых он заслуживает. Здесь так.

И вдруг Панеб решил, что Паи Доброхлеб вовсе не такой доброхот, какого из себя строит. И помогает ему вовсе не из сочувствия, а, никак, ему начальник артели велел. Что, если так?

— Задавай себе правильные вопросы, — советовал Паи, — от неправильных никакого проку. И не забывай первое правило всех мастеров: твори для того, кто творит.

Жители селения не переставали удивляться успехам Панеба: его невероятное упорство и неуклонное продвижение от дома к дому невольно внушали уважение к нему даже самым недоверчивым. Он набрасывался на каждый фасад с решимостью воителя, сражающегося за свою жизнь, и не оставлял его до тех пор, пока гладкая поверхность не начинала сиять невероятной белизной. Словом, оживали жилища трудами Панеба Жара.

Насмешливый взгляд, руки в боки, плечико небрежно прислонилось к косяку входной двери... прекрасная Бирюза пристально всматривалась в юного великана.

— Наконец-то и до моего дома дошел... Боялась, что его-то ты постарайся пропустить.

— Я всеми домами должен заниматься, но твой-то — в великолепном состоянии.

— Видимость одна... Только новая штукатурка придаст ему пристойный вид. Или ты хочешь, чтобы я пожаловалась начальнику артели?

Панеб Жар вмиг оказался рядом с молодой женщиной, левой рукой обхватил ее за талию, поднял и внес в дом.

— Доносом грозишь?

— Знаешь, какая трещина в спальне? Как обмазка высохла, так и поползла. Чтобы она не разрасталась, надо соломы в нее напихать, а потом сверху заштукатурить.

— Я только фасадами занимаюсь.

— Ну сделал бы исключение. Для меня-то.

И она обвилась своими длинными точеными ножками вокруг талии Жара и поцеловала его так пылко, что никакой решимости сопротивляться у него не осталось. Подняв свою сладостную ношу, он перемахнул через три ступенечки и оказался у ложа, [\[10\]](#) сложенного из кирпичей в углу первой комнаты. Оно было оштукатурено и украшено изображениями совершающей омовение обнаженной женщины и флейтистки, отчасти скрытой выюнком, хотя вообще-то из одежды на ней было только ожерелье. Это отделенное от комнаты и приподнятое ложе было, однако, достаточно удобным: на толстых шерстяных покрывалах лежали подушки, на которых и расположились любовники.

— Ты место неправильно выбрал, Панеб.

— А разве это не ложе?

— Это — обрядовое ложе. Оно пребывает под защитой Хатхор и предназначено для того, чтобы на нем ежеутренне возрождался юный Хор, который побеждает силы зла и оберегает нашу общину от гибели.

— Так сделай же так, Бирюза, чтобы и я родился для новых радостей.

Жрица Хатхор прекратила урок богословия и позволила раздеть себя восторженному любовнику, чей пыл передался и ей. Ласки, которыми Панеб ублажал прекрасное тело молодой женщины, потребовали от него столько внимания, что он не заметил еще одного изображения: в изголовье обрядового ложа был нарисован красками бородатенький смешливый коротышка. А ведь имя этого развеселого карлика — Бес, и он отвечает за то, чтобы новый служитель Места Истины смог родиться на свет.

Неприятности и невзгоды никак не желали покидать Абри. Супруга главного управителя западного берега чем дальше, тем больше свирепела, и отношения в семье становились все более тяжкими. Она корила мужа за недостаточное рвение, насмехалась над

его одеяниями и прической, упрекала за пристрастие к крепким винам... Вскоре между супругами не осталось далее клочка общей почвы, на котором можно было бы надеяться построить хоть какое-то согласие, пусть даже и не очень сердечное, и крупная черноволосая дама, ссылаясь на ночные головные боли, не только перестала разделять с ним ложе, но и перебралась в отдельную спальню. И чтобы хоть как-то позабыть о несбывшемся счастье супружеской жизни, приходилось злоупотреблять пирожными. Но горечь тяжких дум сладкие лакомства не перебивали.

Он часто грезил о разводе, но львиная доля состояния принадлежала жене, и он мог остаться ни с чем. А поскольку она ничуть не обманывалась насчет того, кто в доме хозяин, а скорее, напротив, цепко держалась и за унаследованное, и за общий дом, то у Абри не было, да и быть не могло, ни единого довода против нее.

Невозможно даже, как бывало еще недавно, поваляться у воды, порадоваться затянувшемуся послеобеденному отдыху, растянуть приятный полдник в тени пальм на многие часы: эта ведьма не дает ему ни минуты покоя. А ведь она должна была удовлетвориться. И уgomониться! Как и предрекал Мехи, Абри удержал за собой все свои обязанности и не лишился своих полномочий — все при нем, ничто не потеряно. Но и это невероятное чудо не умаслило его супругу, она стала только еще придирчивее и требовательнее.

Тяжко, конечно, но если бы только это! Тот же Мехи — он в сто раз опаснее, как бы ни были учтивы его манеры и как бы ни елейны были его любезные речи. Вот уже несколько лет Абри наблюдал за возвышением нынешнего главного фиванского казначея со смешанным чувством страха и удивления. Поначалу ему казалось, что этого наглого типа скоро сломают — или вышестоящие, или недоверчивая знать. Но время шло, Мехи с успехом обходил все заготовленные для него ловушки и с таким же успехом доказывал, что он оборотистее своих противников.

Сегодня фиванские войска разве что не молятся на него, и не диво: командующий их благодетельствовал, когда окончательно утвердился во главе городской казны. Сильный человек в Фивах — вот кто теперь Мехи. Он плетет свою паутину день за днем, и нельзя сказать, что никто по этому поводу не тревожится, однако его дальнейшее возвышение неотвратимо. Градоправитель уже уступил ему управление огромным городом, и Мехи так проявил себя в этом деле, что даже визирь доволен.

Казалось бы, что Абри все это должно радовать по причине особых отношений, сложившихся у него с командующим. Но как раз это-то и беспокоило более всего прочего.

Да, он взялся выполнять щекотливые поручения Мехи, но тогда он надеялся, что военачальника скоро уберут и он успеет воспользоваться его поддержкой, расплатившись лишь самыми ничтожными услугами. Но все пошло не так, как он рассчитывал, а командующий не замедлит предъявить счет. Власть его неудобного союзника росла, и Абри уже не мог делать вид, что все ладно: несмотря на неустанные усилия, он не добился до сих пор ничего существенного.

Вот почему после тянувшихся более двух лет попыток выдавать желаемое за действительное главный управитель западного берега решил все-таки удовлетворить своего грозного покровителя и нанести удар по Месту Истины, да так, чтобы Мехи был доволен.

Поднялся Абри рано, надеясь, что хоть позавтракать удастся в относительном спокойствии. Но не успел он распробовать пирог, как заявила эта ведьма, осыпавшая его

упреками, — на этот раз она озаботилась хлебами: за полями, видите ли, нужен глаз да глаз, а хозяин, если это определение уместно, не мычит и не телится. Вот почему пришлось в очередной раз нанести урон пищеварению и, наспех проглотив несколько больших круглых пирогов, вылететь из дома. И направиться в селение ремесленников.

Почему жители Места Истины соглашались жить в таких условиях? Ни роскошных садов, ни пальм, в тени которых можно передохнуть, только пустыня и бесплодные холмы, над которыми царит беспощадное солнце. И что это за таинственное предназначение, которое мастера скрывают от непосвященных со времен основания своего поселка?.. Но Абри не завидовал их суровому существованию, такому близкому и вместе с тем невероятно далекому от берегов Нила и городских удовольствий.

Когда носилки с главным управителем западного берега прибыли к первому укреплению, стоявший на страже нубиец встретил его, строго следуя указаниям начальника Собека. Он потребовал, чтобы Абри назвал себя, и дождался разрешения от старшего, прежде чем позволить управителю продолжить свой путь. Попытки Абри возмущаться пропали впустую.

Поведение стража лишь подтвердило его опасения: Собек донельзя ужесточил охрану и отменил пропуска.

Абри изучил личное дело Собека и весь служебный путь охранника, от первых шагов в страже до назначения в Место Истины. В результате он пришел к неутешительному выводу: получалось, что Собек — честный страж и интересуется только своей работой. Никаких намеков на подкуп или иное предосудительное поведение на всем протяжении безупречной службы. Высокий сановник не обнаружил ни единой подробности, пригодной для предъявления Мехи в качестве зацепки, ухватившись за которую можно было бы отделаться от этого неподкупного нубийца. А убрать его стоило, ибо расставленные им препятствия нелегко обойти.

Начальник Собек вышел Абри навстречу.

— Что-то случилось? — спросил страж.

— Я, как управитель этого берега, всего лишь хочу убедиться, что у помощников все благополучно.

— Извольте.

Управитель не имел права проникать в селение, и даже проходить через укрепления он мог лишь в сопровождении начальника стражи.

— Как вам работается, Собек? Должностью довольны?

— Дело непростое, но затягивает. Вот только то нераскрытое убийство...

— Что, по-прежнему никаких следов?

— Никаких.

— Годы идут, никто вас ни в чем не винит... И вы тоже забудете.

— Никогда. Убит один из моих подчиненных, но я знаю: настанет день и преступление будет раскрыто.

— А если виновник... знаете, ну, один из селения?

— Возможно. Но у меня нет зацепок, с которых можно было бы начать расследование.

Абри сделал вид, что его занимает труд помощников, и навестил скромные жилища, выстроенные у ограды, за которой скрывалось селение. Затем вернулся к Собеку и пригласил его выпить свежего пива.

— Вы, похоже, не женаты?

— Нет, — отвечал нубиец, — и не имею на то ни намерения, ни возможности. Обеспечение безопасности братства поглощает все мое время.

— Со временем существование, сопряженное со столькими опасностями, может стать тягостным! — предупредил чиновник. — Здесь вы уже доказали свою состоятельность и показали все, на что вы способны. Нет ли у вас желания занять иной пост, более благодарный и не столь обременительный?

— Это не я решаю. На то есть визирь.

— Он меня иногда принимает. В беседе с глазу на глаз я бы мог замолвить за вас словечко. Должно ценить редкие способности, тем более что ваши качества заслуживают награды лучшей, чем изматывающий труд.

Собек выказал заинтересованность. Неужто Абри сумел нащупать слабинку?

— И на какого рода повышение я мог бы рассчитывать? — спросил нубиец.

— Охрана каналов Фиванской области, к примеру. Вы станете заместителем нынешнего распорядителя, каковой не замедлит уйти на заслуженный отдых. И должность довольно скоро будет вашей.

— А что потребуется от меня взамен?

— Пока совершенно ничего, мой дорогой Собек. Но эта маленькая услуга, понятно, превратит нас в друзей. И, как водится между друзьями, мы могли бы обмениваться сведениями и оказывать друг другу разного рода услуги. Разве это не разумеется само собой?

Нубиец кивнул головой.

Наконец-то Абри сможет явиться к командующему с превосходными новостями.

Панеб Жар жил всепоглощающей страстью к Бирюзе, посвящавшей его в самые утонченные и самые дикие любовные игры. В конце рабочего дня, когда солнце скрывалось за Закатным холмом, юный исполин спешил в дом любовницы, чтобы упиться наслаждением, источники которого оказывались неисчерпаемыми.

Шли месяцы. Панеб продолжал наводить блеск на фасады домов, но если что и рисовал, то лишь бледные наброски на кусках известняка, а на свой дом и вовсе махнул рукой. Проводя ночи напролет у Бирюзы, он даже с Нефером виделся лишь изредка.

Как небо или Нил, красота Бирюзы менялась в зависимости от времени года. Цветущая летом, нежная осенью, диковатая зимой, пряная летом, она открывала Панебу все новые глубины нескончаемого желания.

Вскоре все селение заблестало белизной. Штукатур, можно сказать, уже справился с задачей, поставленной начальником артели, и собирался потребовать, чтобы его в конце концов зачислили в бригаду рисовальщиков. Войдя в этот день в дом Бирюзы, он рассчитывал отпраздновать свой успех, но обнаружил возлюбленную обряженной в длинное красное одеяние, которое дополняли роскошные малахитовые ожерелья и браслеты. Темный парик придавал ее блистательному облику непривычную строгость, почти суровость.

— Я участвую в обряде вместе со жрицами Хатхор и потому должна явиться в храм, — объяснила она.

— И меня бросаешь? В одиночестве?

— Верю, что ты выдержишь и это испытание, — сказала она смеясь.

— Обычно ты ходишь в храм ненадолго рано утром и перед тем, как стемнеет...

— Отдохни, Панеб. К завтрашнему вечеру твой пыл станет лишь еще жарче.

И Бирюза вышла из дома. Походка ее была такой изящной, что молодому человеку захотелось броситься к девушке и покрыть ее поцелуями. Всю. Но осанка жрицы, преисполненной высокого достоинства, препятствовала незамедлительному исполнению подобных намерений.

— Бирюза! Взяла бы меня в мужа, а?

— Я же тебе не раз говорила: замуж я не выйду никогда.

И ушла. А Панеб почувствовал себя одиноким, глупым и ненужным. И тяжелым шагом поплелся к себе домой.

Не дойдя нескольких шагов до порога, он почувствовал приятный, нет, роскошный аромат. словно бы кто-то рассеял в воздухе колдовские благовония.

Дверь была не заперта, и из дома доносилось чье-то нежное пение.

Панеб вошел и увидел тоненькую и хрупкую Уабет Чистую, которая орошала полы водой и окуривала комнаты дымом из смеси ладана, семян сыти, камфары, дынных семечек и лесных орехов. Дым, поднимавшийся над маленькой жаровней, губил насекомых.

— Что ты здесь делаешь?

Вздрагнув, молодая женщина оборвала пение.

— Ах, это ты... Не входи пока, наследишь!

Засуетившись, она принесла медную лохань с водой, чтобы Панеб смог омыть руки и стопы.

— Больше можешь не бояться злых духов ночи, — сказала она. И добавила: — Я

смешала порошок молотого чеснока с пивом и обрызгала смесью каждый угол каждой комнаты. А жир иволги, которым я обмазала стены, отгоняет мух. Еще чуть-чуть не подождешь? Уборку в спальне закончить хочу.

Уабет Чистая вооружилась метлой из длинных пальмовых волокон, связанных бечевкой, и принялась за работу.

Панеб не узнавал своего дома и только руками разводил. В первых двух комнатах, где прежде, кроме единственной циновки, никакой иной обстановки не было, появились табуреты, стулья с мягкими спинками, крепкие столики высотой в полметра, светильники на ножках, глиняные сосуды, разные сундуки и ящики под плоскими или пузатыми крышками, корзины, короба и мешки.

Панеб зашел в спальню и обнаружил, что она подметена, наполнена ароматом благовоний и в ней появились два ложа; одно подлиннее, другое покороче. На них уже лежали тяжелые матрасы, набитые камышом, и поверх были набросаны циновки и новые шерстяные покрывала. Щеткой из прутьев, скрепленных кольцом, Уабет начищала до блеска пол.

— Можешь заглянуть на кухню — там теперь есть почти все необходимое. Кувшины с оливковым маслом и пивом я оставила в первом погребе, а мясо, заготовленное для долгого хранения, — во втором. Тебе нужно повесить полки в умывальне и еще купить два больших чугунных горшка. А там поглядим... Если ты поторопишься и смастеришь деревянный платяной шкаф, к которому я бы зеркало прикрепила и где смогла бы разложить гребенки, парики и заколки для волос, я бы стала счастливее всех прочих женщин. И не забывай про уборные...

Я их вычистила и обработала составами против всякой заразы, но стульчак уж слишком низенький. Надо бы тебе его сделать повыше. А еще хорошо бы проверить отводы для сточной воды.

Панеб Жар так тяжело опустился на крепкий трехногий табурет, что можно было подумать, будто он только что прошагал немалое расстояние.

— Но что это ты тут делаешь...

— Не видишь, что ли? Порядок пытаюсь навести.

— А вся эта мебель...

— Приданое мое. Что хочу с ним, то и делаю. Нельзя же тебе жить на одной циновке, да такой, которую и выкинуть-то лишь тайком можно — чтоб люди не видели! И питаешься ты, по-моему, не так, как следовало бы. Не хочу тебя обижать, но ты даже с лица спал. Не подумай, я тебя не ругаю: ты столько работаешь, другого такого работягу еще поискать! Надо же, все дома в селе подновил. Пусть никто тебе в глаза этого не скажет, но все довольны и по большей части думают, что штукатур ты изрядный. Если их послушать, так тебе другого ремесла и не надо.

Как в этой Уабет Чистой совмещаются такая робость и такая уверенность? Голосок тонюсенький, тихоня тихоней, глазки потуплены, — и при этом нисколько не сомневается, что все, что она говорит и делает, правильно.

Ее речи заставили Панеба понять, что он опять угодил в западню. Новую. Мастерски овладев навыками штукатура и поразив всю деревню своей силой и упорством, он забыл — в который уж раз? — свою мечту, свою заветную цель.

— Столько уборки, — пожаловалась Уабет Чистая, — что ужин у меня получился так себе: жареный хлеб, мятые бобы и сушеная рыба. Завтра приготовлю что-нибудь получше.

— Я же не прошу! — взвился Панеб.

— Да знаю я. Ну и что?

— Слушай, Уабет, я в Бирюзу влюблен и...

— Да все селение про это знает... Дело твое.

— Так, значит, ты знаешь, что я — не свободный человек!

— Как это — не свободный? Она же на каждом углу вопит, что никогда замуж не выйдет. Да мало ли что вы с ней там вытворяете! Вы же под одним кровом не живете. И хозяйства общего у вас нет, Значит, это не считается, И значит, ты — холостой.

— Я уговорю ее выйти за меня замуж.

— Ничего у тебя не выйдет.

— А вот увидишь!

— Ты не знаешь, что Бирюза дала обеты богине Хатхор. Богине она посвящает все думы свои, живущие в ее сердце и оживляющие его, и она всю жизнь будет красива той красотой, которую ей дарит богиня, но только если она не выйдет замуж. Священнослужительница Хатхор свои обеты не нарушит.

Юный богатырь сломался. Однако Уабет Чистая не торопилась праздновать свою победу.

— Ты любишь Бирюзу, ты ей нравишься, ты ей угождаешь, и она будет забавляться с тобой до тех пор, пока не пропадет удовольствие. Я — не такая: я тебя люблю и отдаю тебе все, что у меня есть. А раз мы заживем под одной крышей, то станем мужем и женой, — ведь никакого обряда или иного подтверждения для этого не требуется. Тем более, что, должна тебе признаться, родня моя против такого союза и близкие мои отказались устроить маленький праздник, чтобы отметить бракосочетание.

— Да как ты можешь не считаться с тем, что они думают?!

— Еще как могу. Я выхожу замуж за мужчину, которого выбрала сама. И этот мужчина — ты.

— Да я завтра же тебе изменю.

— Знаешь, это меня не очень волнует. Зато я сына тебе родила бы... Ладно, все равно решать тебе.

— Да, а как? Если бы ты так не наседала...

— Подумай, Панеб. Я буду хорошей хозяйкой, каждый твой день будет приятным, а тебе я мешать не стану. Ты только выигрываешь и ничего не теряешь. Давай пива выпьем, чтобы скрепить наш союз?

— Не слишком ли рано?

— Лучшего нам обоим не придумать. Что бы тебе ни было суждено, жить ты должен в ухоженном доме. И сам должен быть накормлен и ухожен. Я стану твоей служанкой, и ты меня даже замечать не будешь.

Голова ничего не соображала: его, кажется, опять провели... Панеб, растерявшись, не отказался от пива, но напиток не прояснил его мысли. Еду он проглотил с большим удовольствием. А подушки, появившиеся стараниями Уабет Чистой, оказались куда удобнее драной циновки.

Да что ж это такое? Женат на женщине, которую не любит, и влюблен в женщину, на которой никогда не сможет жениться... Голова шла кругом. Если не выгнать — теперь же! — эту Уабет Чистую из спальни и из дома, завтра она уже будет его законной супругой. А он даже не знает, останется ли он и дальше в братстве, которое спихнуло его в штукатуры!

Надеясь, что все это лишь дурной сон, но при этом прекрасно понимая, что трусит и поступает неправильно, а может быть, и подло, Панеб заснул.

Когда Панеб проснулся, Уабет Чистой рядом не оказалось. Суконные покрывала она сложила, а циновку свернула. Решив, что Уабет оставила его в покое, молодой великан испытал невероятное облегчение и направился на террасу, где хорошо спалось в жаркие летние ночи.

Почувствовав свободу, он с наслаждением смаковал лучи восходящего солнца. Потом осмотрел большое, выходящее на север окошко под потолком, через которое в дом поступал воздух. Воздухообмен поддерживался за счет небольших отверстий в стенах, которые можно было прикрыть, если солнце палило уж очень нещадно.

В конце концов он легко отделался. Уабет Чистая явно сочла, что пригрезившийся ей брак невозможен, но оставила ему дом не только вычищенным и убраным, но еще и обставленным хорошей мебелью. Вправе ли он оставить все это добро у себя? Нет, конечно, он все ей вернет. Это ее приданое, и распоряжаться им он не может.

Где же это детишки щебечут? Выйдя на террасу, Панеб увидел с десятков ребятишек, толпившихся перед его дверью. В руках у детей были корзины, сплетенные из свежесрезанного тростника; пруты были связаны волокнами папируса. В корзинах лежали большие орехи пальмы дум.

Молодой человек спустился вниз.

— Вам чего?

— Мы принесли тебе подарки, чтобы отпраздновать твою свадьбу! — крикнула бойкая девчушка, и вся мелкота захихикала.

— Какая еще свадьба? Я...

— Она такая хорошая, эта Уабет, и все селение знает, что вы живете под одной крышей.

— Да неправда это! Она утром ушла и...

И тут появилась Уабет Чистая с корзиной, наполненной едой, которую она несла на голове. Она сияла и двигалась, несмотря на свою ношу, очень проворно.

— Проснулся, дорогой муженек? Пойду принесу для детей овощей и свежих плодов — эти малыши такие трогательные! Правда?

Главный управитель западного берега Абри отправился в Фивы на пароме, специально предназначенном только для высших чиновников. На том берегу, у причала, стояла наготове колесница, которая доставила его в роскошное загородное поместье, где жили командующий Мехи и его супруга Серкета.

Абри назвал себя привратнику, тот послал слугу доложить о госте господину, а распорядитель тем временем помог Абри омыть ладони и стопы душистой водой, а затем проводил его в приемную залу, потолки которой поддерживали две порфирные колонны и украшал растительный орнамент, выдержанный в красных и синих тонах.

Абри успел разглядеть водоем с лотосами и увидеть, что в саду растут пальмы, смоковницы, рожковые деревья и акации. Еще он заметил живой навес из виноградных лоз и пруд за ним, большой двор, к которому примыкали амбары, конюшни и хлев, а посередине двора — колодец. В огромном роскошном доме было никак не менее двух десятков помещений, без учета каморок, в которых ютились домашние слуги и прочая мелкая челядь.

Преуспеяние Мехи ослепляло, а ведь его восхождение далеко не завершилось. Взирая на все эти богатства, Абри испытывал страх: человек, избравший его в союзники, опасен, а

аппетиты его непомерны.

— Главный казначей примет вас в комнате для массажа, — объявил распорядитель.

Абри перевел дух. По крайней мере, Мехи не прогнал его. На этот раз не придется увиливать и изворачиваться: есть доказательства честного сотрудничества.

Следуя за дворецким, сановник прошел через роскошный зал с четырьмя колоннами, украшенными изображениями рыбной ловли и охоты на болоте. Затем его провели в комнату для массажа, где у стены стояла выложенная из кирпичей лежанка, прикрытая многоцветными циновками высочайшего качества. Шкафы ломились от множества стеклянных, алебастровых и выточенных из слоновой кости пузырьков и кувшинчиков с мазями и снадобьями, и сосуды эти были очень разнообразны по виду: одни походили на цветок лотоса, другие — на папирус, гранат или кисть винограда, косметические ложечки были выточены в виде обнаженных пловчих, державших за крылья уток: в туловища птиц наливали всяческие масла.

Мехи лежал на животе. Массажист растирал спину своего господина, а маникюрщик очищал его ногти щеточкой из «финиковых волос» — так называли нити, вытягиваемые из листьев финиковой пальмы.

— Присаживайтесь, мой дорогой Абри, и простите, что я принимаю вас в таком виде, у меня сегодня очень загруженный день. Тем более, что эта встреча не была назначена заранее. У вас хорошие новости?

— Превосходные... но строго между нами.

— С маникюром покончено. Что до массажиста, то он глухонемой.

Маникюрщик удалился, а массажист продолжил свои труды.

— Действительно, давно у нас не было случая поговорить, — заметил Мехи. — Мы слишком заняты работой, и каждый печется о своем служебном росте. Наши пути то сходятся, то расходятся.

— Я тоже так думаю... И хочу вас поздравить — вы прекрасно справляетесь с управлением казной нашего города. Ваш тесть гордился бы вами.

— Ваша хвала тронула меня до глубины сердца. Я часто вспоминаю об отце своей супруги и сожалею о его преждевременной кончине.

— Ваши обязанности все весомее и все многочисленнее... Простите, но не побуждает ли это вас отодвигать в сторону, а то и забывать те намерения, о которых мы с вами разговаривали?

— Ни в коем случае, — резко ответил Мехи.

— Вы по-прежнему желаете сокрушить Место Истины?

— Мои намерения не меняются, и договор между нами тоже. Только я не уверен, что ты его соблюдаешь.

Это оскорбительное тыканье... Абри даже вздрогнул.

Да что там, его всего трясло.

— Я стараюсь изо всех сил, поверьте, но мои труды не увенчиваются успехом. Тайны этого братства охраняются куда надежнее, чем я предполагал. И любая оплошность может разъярить визиря. А то и самого фараона.

— Зато в Фивах ныне все мое. Я обещал, что должность за тобой останется, и слово сдержал. Но если ты будешь влиять и ничего для меня не делать, гляди! Я доложу тем, кому следует, что ты не справляешься.

Побледневший Абри завертелся.

— Вы же знаете, что это не так... Я аккуратно исполняю свои обязанности, никто не жалуется, и я...

Мехи настолько выбил своего собеседника из колеи, что тот чуть не забыл, что у него в запасе такие доводы. Неотразимые, ничего не скажешь.

— Хочу сказать о начальнике Собеке. Я вызнал всю его подноготную, глубоко копал.

— Нашел что-нибудь?

— К сожалению, почти ничего... Думал даже отступить: этот страж кажется совершенно неподкупным. Но сначала решил поговорить с ним и отправился в селение, якобы изучать работу и положение помощников. Но на самом деле я хотел лишь плотнее пообщаться с Собеком.

— Прекрасно, мой дорогой Абри! И каковы итоги?

— Это очень совестливый человек, исполняющий свои задачи с предельным рвением.

— Кто бы сомневался! Это мы и так знали. Что здесь нового?

— Собек утверждает, что удовлетворен своей участью, но это лишь видимость. На самом деле ему начинает надоедать тягостный труд, отнимающий все время и мешающий обзавестись семьей.

Мехи оделся и быстрым мановением руки отослал массажиста.

— Возможно, это любопытно, мой дорогой Абри, — размышлял вслух командующий, рассматривая себя в медном зеркале, рукоятка которого была отлита в виде фигуры обнаженной девицы. — Но пошел ли ты дальше?

— И зашел довольно далеко. Я предложил ему более благодарную должность — в управлении охраны каналов. В уверенности, что вам ничего не стоит дать ему такое назначение.

— Так оно и есть... Но дал ли ты понять, что за подобную щедрость желательно кое-что получить взамен?

— Разумеется.

— И что Собек?

— Полагаю, он согласен помогать нам. В том объеме, в каком мы попросим.

— И в самом деле прекрасная новость!

Мехи, стоя перед зеркалом, расчесывал свои черные густые волосы, которыми по праву гордился. Убедившись, что его могучий покровитель доволен, Абри позволил себе слегка расслабиться.

— Я ни о чем не забыл, будьте покойны! Но вот уже давно никто из мастеровых из селения не уходил. По крайней мере, надолго.

Мехи нахмурился.

— Как-то не верится... Сдается мне, что ты просто не наладил слежку, как мы договаривались. А мастеровые шатаются туда и сюда незамеченными.

— Люди, задействованные мной, чутья не теряли. Клянусь! Но задача уж очень щепетильная!

— Мое терпение иссякло, Абри. С сегодняшнего дня я требую только дела. Не разговоров, а дел — вот чего я хочу.

С тех пор как начальник артели привлек Нефера к работам по обустройству нового святилища для ка Рамсеса Великого, у Ясны если и случались моменты близости с мужем, то очень редкие и скоротечные. Вслед за посвящением в тайны судостроения Нефер Молчун преодолел еще несколько ступенек служебной лестницы, а расплачиваться за очередное продвижение приходилось принятием все новых и новых жестких ограничений, накладываемых каждой ступенью.

Прочим посвященным казалось, что очень уж легко даются новые навыки молодому человеку и что предъявление доказательств своего мастерства не требует от него почти никаких усилий. И только его жена знала, что это не так и что он швыряет все, что только знает и умеет, в топку самозабвенного труда. Но работа-то была не в тягость, потому что Нефер жил в гармонии с самим собой. Он родился для Места Истины, и боги сотворили его, чтобы он совершенствовался здесь и служил селению.

Годы летели незаметно, и это было счастливое время для Нефера и Ясны, несмотря на то что работать обоим приходилось помногу. Пока Молчун постигал науку резьбы по камню и обучался ваянию, Ясна усваивала учение жриц Хатхор и перенимала мастерство ведуньи. Первое посвящало ее в тайный смысл обрядов и символов, второе раскрывало перед ней древние предания, унаследованные от мудрецов прошлого, и учило видеть незримое.

Вот и сегодня, как и в любое иное утро, Ясна вышла на террасу своего дома и оглядела селение мастеров, приютившееся у подножия скал: повсюду виднелись святилища, строившиеся для поклонения богам или же в память о почивших фараонах, оберегавших Место Истины: защищали селение Аменхотеп I, Тутмос III и Сети, отец Рамсеса. Извилистый ряд, в который выстроились молельни, прижимался к подножию утеса, а священные помещения храмов с алтарями были обращены к Закатной вершине, на которой, вдали от взоров людских, еженощно совершалось таинство воскрешения.

Ни на миг Ясна не пожалела ни о том, что покинула родной дом, ни о том, что жизнь, которую она вела, была скромной и будничной. Нефер здесь родился, но это крошечное селение, не похожее ни на какое другое, стало и для нее настоящим отечеством. Она твердо усвоила ту истину, что благополучие общины зависит от количества совершенных приношений и их качества. Если стремиться давать, а не брать, то между людьми возникает особая сплоченность и им уже не будут страшны ни распри, ни вражда, ни недоброжелательство, ни самолюбие. И именно жрицы пеклись о том, чтобы дары и приношения не иссякали.

Ясна любила первые мгновения дня за их стремительную переменчивость и за свет, брызжащий из-за горы Восхода; у нее было такое чувство словно бы возрождается сама жизнь, и все сотворенное переживает свой новый расцвет, несущий с собой невиданные и нечаянные чудеса.

Внезапно до слуха ее донесся звук шагов; кто-то приближался к дому.

Седая грива развевалась на ветру — это ведунья медленно брела по главной улице селения. Ходить ей становилось все труднее, но она по-прежнему не пользовалась палкой. Догадавшись, что старуха, скорее всего, идет к ней, Ясна поспешила вниз, чтобы отворить дверь и подождать у входа.

Но когда она спустилась, гостя уже стояла на пороге. Опередила. Как сумела она так

быстро преодолеть немалое расстояние, отделявшее ее от цели?

— Готова, Ясна?

— Я собиралась к главным воротам. За цветами.

— Без тебя обойдутся. Ступай за мною.

Чувствуя, что ведунья пускаться в разговоры не расположена, Ясна не стала задавать лишних вопросов и последовала за ней. Целительница, похоже, обрела задор давно минувшей юности и, резво перемахнув через все селение, вышла на дорогу, ведущую в Долину цариц.

Остановилась ведунья лишь перед семью высеченными в скале пещерами. Они образовывали дугу, обращенную к северу.

— Здесь царствуют богиня безмолвия Меретсегер и бог творцов Птах. Выбери одну из пещер, Ясна, и оставайся там в сосредоточенном размышлении, пока за тобой не придут.

Супруга Нефера Молчуна вошла в первую пещеру слева. Оказалось, что это маленькая молельня, в которой была установлена стела, посвященная Птаху, сотворившему мир Словом. Ясна присела перед надписью и с удовольствием ощутила свежесть и тишину этого места.

Утро еще не кончилось, когда одна из жриц пришла и пригласила ее перебраться во вторую пещеру, где восседала богиня Закатного холма в облике благодетельной кобры. В полдень в третьей пещере Ясна выпила молока перед рельефом, изображающим фараона, питаемого богиней-матерью. В четвертой пещере она почтила богиню звезд Хатхор, а в пятой — ее *ба*, благодаря которому помыслы людские очищаются и возносятся к небесам. Уже под вечер Ясна оказалась в шестой пещере, где увидела изображение фараона, приносящего цветы Хатхор; в седьмой же, при свете зажженного факела, она увидела образ царя Аменхотепа I с его матерью Яхмес-Нефертари. Написанные красками облики были столь выразительны, что благодетели Места Истины казались живыми.

Под серебряным светом луны Ясне предложили выйти на площадку, усыпанную цветами лотоса. Жрица преподнесла ей хлеб и вино.

И тут к ней приблизилась ведунья, словно бы отделившись от скалы.

— Ты, Ясна, пребываешь между вчера и завтра, между Закатом и Восходом. До сего дня ты принимала мои наставления. Настал час творить собственный путь, торить свою дорогу. Желаешь ли ты этого?

— Если таков верный путь служения Месту Истины, да будет он и моим путем.

— Выпей вино, съешь хлеб и знай, что всякое движение твое, даже незначительнейшее, должно быть осознанным. Иначе существование твое будет всего лишь игрой теней. Осирис был убит Сетом, но Исида его воскресила. Его кровь стала вином, его плоть — хлебом. Человеческое существо может приобщиться к божественному, но только если преодолеет врата таинства. Посмеешь, так следуй за мной.

Ясна не колебалась.

Мудрая женщина двинулась в гору по тропинке, оказавшейся такой крутой, что ученица с трудом поспевала за своей наставницей. И вдруг ночь стала совсем черной, словно луна отказалась сиять. Но странное свечение, возникшее вокруг волос ведуньи, помогало Ясне не терять ее из виду.

Казалось, что восхождение никогда не кончится, а тропа становилась все более крутой и узкой, но Ясна и не думала отставать. А ее проводница, следуя по дорожке, выходящей по самому краю пропасти, ни разу не обернулась. Наконец ведунья остановилась на вершине

кряжа, и Ясна смогла к ней приблизиться.

— Селение уснуло, тела наполнены снами, а боги непрестанно продолжают творить. То, что ты видишь, — то, что тебе должно видеть, — сотворено ими. Не людьми же, ибо тех разрушает время. Слушай, Ясна... Внимай словам священной горы.

Кругом царило полнейшее безмолвие. Не был ни единый шакал, ни одна ночная птица не выводила свои трели.

В первый раз Ясна видела небо. Не то усыпанное созвездиями небо, для всех явственное, но некий сокровенный, тайный образ. Длани и стопы небесной богини Нут касались краев вселенной. Все, что успела усвоить Ясна с тех пор, как ее приняли в селение, обрело некие новые смыслы и вошло в согласие с этим женственным космосом, в котором жизнь непрестанно возрождает себя.

— Иди же познакомься с союзниками твоими, — велела ведунья.

И Ясна оставила утес и начала спускаться в узкую расщелину, окруженную выступами и скалами, и, сойдя вниз, присела на круглый камень — таким его сделали бури и ветра, Тьма понемногу рассеялась, словно бы луна решила направить весь свой свет на это пустынное место. И в этом свете Ясна увидела их.

Змеи.

Десятки змей самой разной величины и самых немислимых расцветок.

Красная с белым брюшком, еще красная с желтыми глазами, белая с толстым хвостом, белая со спиной в красную крапинку, черная со светлым брюшком, раздувшаяся гадюка, другая гадюка, на головке которой словно стебель лотоса нарисован, рогатая гадюка и кобры, изготовившиеся к нападению.

Ясна умирала от страха, но не убежала. Если уж ведунья привела ее сюда, то не затем, чтобы ей навредить.

Ясна смотрела на то, как змеи, одна за другой, укладывались неподалеку от нее, и скоро она со всех сторон была окружена живым, шевелящимся кольцом. Глазки рептилий глядели бдительно, но никакой враждебности Ясна в них не замечала.

И вот в ночи заблистала седая грива ведуньи. А когда она воздела руки к солнцу, всей осанкой своей выражая умиротворение, змеи полезли под круглый камень. И очень скоро все они скрылись под его громадой.

— Лучших союзников у тебя не будет, — сказала она Ясне. — Они не лгут, не строят козни и носят в себе яды, из которых ты будешь готовить снадобья, исцеляющие недуги. В горах я научу тебя говорить с ними, и ты сможешь призывать их к себе. Змеи — дети бога земли Геба, им ведомы тайны недр, ибо при них первые боги сотворяли и горы, и реки, и пески, и все что ни есть на земле. Приемлешь ли ты дар змей?

Ясна взяла посох, протянутый ей мудрой женщиной. Но миг, когда он превратился в длинную золотую змею с приоткрытой пастью, молодая женщина не уловила.

В харчевне, открывшейся в Фивах близ главного рынка, было полно египетских и чужеземных торговцев, приходивших сюда, чтобы подкрепиться и поболтать. Настроение у всех — развеселое, разговоры больше про сделки и барыши. Полненький бородатый Дактаир вполне мог сойти за сирийского купца, ищущего дело повыгоднее. Здесь ему не грозила случайная встреча с каким-нибудь знакомым; вот почему именно здесь назначил он встречу с одним из помощников Места Истины. Тот был прачечником.

Человек с округлыми плечами присел напротив Дактаира. Стоял такой шум и гам, что подслушивания опасаться не стоило.

— Я заказал лучшего пива, — сказал ученый.

— А стиральный порошок есть?

— Целый мешок приторочен к спине осла, привязанного во дворе.

— Ой как хорошо, — обрадовался прачечник. — Знали бы вы, до чего тягостно мое ремесло... А хуже всего те потеки, что остаются на женском белье после месячных. И такие эти женщины придирчивые! Если белье не сверкает белизной, не берут: мол, стирай по новой. Они сами, наверное, никогда это свое тряпье не стирали. А ваш порошок сильно выручает — досужее время появилось. И в кои-то веки могу огородом заняться.

— Это наша маленькая тайна...

— И главное, чтоб начальство мое не прознало! Пусть думают, что я все по старинке делаю, как и все товарищи мои. Просто я — лучший.

— Разумеется, но мне понадобятся кое-какие услуги. По мелочи.

— А что надо-то? — заволновался прачечник. — Я человек бедный.

— Мне хотелось бы кое-что выяснить.

Прачечник потупил глаза.

— Это смотря что... Я же так, мелкая сошка, ничего толком не знаю...

— А в селение ходишь?

— Я же права не имею.

— А другие помощники?

— Тоже. Охрану не уломать. С тех пор как начальник Собек стал еще бдительнее и новые меры принял, ни один человек снаружи не осмелится и подумать про селение, не то что заикнуться об этом. Да и народ тамошний... они же все друг друга знают. Чужак на виду, его в миг засекут, выгонят да еще и в темницу кинут.

— А разве любопытство не пересиливает?

— Куда там! Каждый за свое держится. Мы, помощники, на свое житье не жалуемся.

— Но ты ведь примерно знаешь, сколько белья сдают в стирку тебе и товарищам твоим, так? Значит, можешь прикинуть, сколько народу в селении живет и сколько примерно из них мужчин, а сколько женщин.

Прачечник пристально поглядел на Дактаира.

— Это, конечно, можно... Только нам советуют держать язык за зубами.

— И чего бы ты хотел?

— Три мешка вашего порошка. Даром.

— Дороговато.

— Ну так и сведения, которые вам нужны, тайные очень... Я и так боюсь — очень

опасно. Узнает кто, что я тут вам наговорил, меня с работы погонят. Так что всего — четыре мешка.

— На этом и порешим.

— Так говорите, чего вы хотите. И сколько заплатите.

Торг вышел, как у заправских купцов.

— Так вот, по-моему, мастеровых — с три десятка, и раз есть кое-какие холостяки, то женщин там двадцать, может, двадцать пять.

— А дети? Их больше?

— Считаем по два ребенка на пару. Есть, правда, жрицы Хатхор, они детей не хотят. Всего, значит, получается...

«Такая крошечная община, — думал Дактаир. — Раздавить ее не так уж трудно».

Наконец все фасады в селении обновлены и сверкают первозданной белизной в лучах солнца. Панеб Жар испытывал гордость: он мастерски овладел навыками работы с гипсом, хотя занятие это и наводило на него тоску. Махать руками туда и сюда — хорошего мало, ни душе, ни сердцу никакой радости. И к тому же ремесло это больше ничего нового открыть ему не могло.

Молодой исполин привык к постоянному присутствию Уабет Чистой, которая и за домом глядела, и на кухне стряпала, и за любовные утехи у Бирюзы не корила. Перед людьми она была его законной женой, но понимала, что муж о ней почти и не думает. А в разговорах с другими женщинами она совсем не жаловалась на своего юного супруга и надеялась, что из ее речей всяк поймет, как она счастлива.

Назавтра Панебу предстояло давать отчет рисовальщикам и начальнику артели. Раз он так здорово справился с испытанием, ему, надо надеяться, будет позволено заявить о своих желаниях. А туманные словеса он и слушать не станет — хватит. Тем более, что питается он хорошо: у сытого заведомо больше сил и победить в споре будет, наверное, легче.

Однако его подстерегала новая неожиданность: длинное белое облачение, на шее — сердоликовое ожерелье, лоб украшен венком из цветов — осанкой своей Уабет Чистая нимало не походила на смиренную домохозяйку.

— Не шуми, входи, но потише, — попросила она.

У Панеба пропало настроение, но он прошел в дверь, за которой обнаружил Ясну с Нефером: супруги сосредоточенно взирали на изображения предков, установленные в нише, высеченной в стене первой комнаты. Один взывал к богу Птаху, другая — к Хатхор. У обеих статуэток предков не было рук, а туловища обрывались на линии, проведенной чуть ниже ребер, где-то над пупком. На груди у каждого было по большому ожерелью, а глядели статуи серьезно и как-то очень значительно.

Ясна зажгла пластинки фимиама, разложенные на небольшой переносной жаровне, и протянула жаровню Панебу.

— Почти наших предков огнем, — потребовала она. — Предки обретаются во всех жилищах наших, ты живешь их мощью и силой. Они являют себя самым разным образом на тысячах путей и могут ослепить нас или открыть нам глаза. Посему да не истребит ничего пламя, пылающее здесь.

Пока Панеб кадил предкам, Ясна оросила водой цветы и плоды, возложенные на жертвенник.

— Пришел час освятить жилище сие, — промолвил Нефер. — Зайди во вторую комнату: я приготовил там подарок.

В стенную нишу Молчун поместил прямоугольную известняковую стелу с полукруглым верхом. Плитка была высотой около тридцати сантиметров, и на ней был изображен предок, именующийся «могущественный и светоносный дух Ра»: он находился в солнечной барке и посылал свои лучи обитателям селения.

— Сам стелу изваял, что ли? — спросил Панеб.

— Нравится?

— Настоящее чудо! А в правой руке у предка — знак жизни, так?

— И он преподнесет его нам, если только мы поймем, как услышать его голос. «Способность слышать — величайшее из всех благ», — говорил мудрец Птаххотеп, и ее дарует нам сердце. Если не отъединять сердце от языка, всякое начинание достигнет своей цели.

— И мои дела тоже?

— Если бы не сердце, у нас не было бы ни ума, ни совести, без сердца невозможно увидеть свет наших предков и почувствовать аромат лотоса, коим они дышат, — вот чему меня учил наш начальник артели. Эта стела — связь между миром иным и нашим селением, между богами и живыми.

— Еще неплохо бы, чтобы сердце слушалось, а не бунтовало и не вредило, — возразил Панеб, на которого подействовали не только слова Нефера, но и торжественность, с которой они были произнесены. — Мое-то сердце, по-моему, такое... горячее, что уж и не знаю, есть ли у меня хоть какая-то власть над ним.

— Ужинать будем? — предложила его супруга.

Молодые люди разделили трапезу, приготовленную Уабет Чистой, которой очень нравилось принимать друзей своего мужа. Они много смеялись, вспоминая всякие происшествия, случавшиеся с жителями селения да и с ними самими. Встав из-за стола, Ясна расставила по углам спальни светильники, чтобы никакой злой дух не потревожил сон супругов.

На этом освящение дома завершилось.

Гости поблагодарили Уабет Чистую за прием, однако, когда хозяева провожали гостей, Нефер заметил, что Панеб, похоже, сердится.

— Не хочу я всю жизнь слушать, — признался он. — Я рисовать хочу, и это куда лучше, чем слушать, по-моему!

— Если наклониться, спина не переломится, — ответил ему Нефер.

Ночью Ясну и Нефера разбудила ведунья.

— Супруга писца Рамосе очень плоха, — объявила она. — Никакой надежды у меня не осталось, но мы можем облегчить ее страдания.

Ясна торопливо оделась.

— Пошли с нами, Нефер, — попросила ведунья, пожаловавшись на усталость. — Рамосе хочет поговорить с тобой.

Втроем они молча шли к самому красивому дому в деревне, окна которого были освещены: внутри горели масляные светильники. Ведунья и Ясна прошли в спальню, а Нефера писец Рамосе попросил присесть подле него.

— Жена моя умирает, — сказал писец голосом печальным, но вместе с тем безмятежным. — Всю нашу жизнь мы прожили вместе и познали счастье в этой деревне. Я не отпущу ее одну в великое путешествие, надолго я ее не переживу. Старость скверна, Нефер; сердце цепенеет, уста становятся нерешительными, очи закрываются, уши поражает глухота, а члены теряют гибкость. Память слабеет, кости болят, дыхания не хватает, и пропадает вкус к житейским удовольствиям. Однако до сего дня, каждое утро приносило мне радость, ибо я зрел жизнь в Месте Истины. Но без моей супруги у меня не будет сил даже смотреть, как ты и братья твои отправляетесь на работы. Человеку не подобает бояться смерти; смерть есть путь, ведущий нас на суд Осириса, где великий бог судит сердца наши. Хотя ты еще юн, время и тебе озаботиться обителью вечности в некрополе селения, ибо обитель смерти есть неотъемлемая часть жизни. Остается мне одно дело довершить вместе с Неби, дело, к которому мы решили привлечь и тебя: восстановление святилища, посвященного царскому ка. Я хотел бы, чтобы Рамсес Великий увидел его завершенным, прежде чем он присоединится к своим предкам в Долине царей. Обещай мне, что будешь трудиться не покладая рук.

— Обещаю.

— В прямоте, честности и любви к Маат — вот в чем истинное счастье, Нефер; Маат есть праведность деяния. Велика она, неколебима и сильна; не менялась она с рождения своего, и, если все исчезнет, лишь она устоит. Вот почему главный долг фараона — поддержание Маат, ибо место истины всегда готова занять ложь. Твори Маат, и она явит себя, она есть пища богов, и вкус ее слаще меда. Созидай путь свой светом Места Истины, Нефер, и не забывай улыбку Маат.

Ведунья и Ясна вышли из спальни супруги писца. Лица у обеих были очень серьезными и значительными.

— Боль отпустила ее, — сказала мудрая женщина, — и она зовет своего мужа.

... Панеб Жар решительным шагом направлялся к дому художника Шеда. Он был главой рисовальщиков, и его надо было уломать, чтобы он наконец отворил врата ремесла перед Панебом. С тех пор как его приняли в братство, молодой великан достойно выдержал все испытания. Годы, однако, шли, а он никак не продвигался в том искусстве, к которому тянулся всем сердцем. Сгорая от страсти, ни о каких отсрочках он больше не хотел и слышать.

И внезапно застыл на месте.

Что-то было не так. Обычно с первыми лучами солнца селение оживало, начиналась

суэта возле цистерн с водой, люди завтракали на террасах... Но в это утро жизнь словно бы остановилась. Прервалась. Ни единого звука, даже дети не смеются. И на главной улице ни души.

Панеб побежал к Неферу и Ясне, но их не оказалось дома. Да и все прочие жилища были пусты.

Жар вышел из селения через маленькие западные ворота и увидел, что деревенские жители собрались возле одной из гробниц некрополя.

— Вот и ты наконец-то! — негромко сказала Уабет Чистая.

— Я сегодня просто встал позже обычного.

— Тихо ты. Траур.

— Кто умер?

— Писец Рамосе и его супруга. Их нашли вместе, лежали рядом, мирные такие, за руки взялись.

Распоряжался похоронами Кенхир, преемник и приемный сын Рамосе. Обнаружив, что супруги скончались, писец некрополя послал одного из мастеровых за бальзамировщиками, чтобы они преобразили бранные останки в вечные тела.

Дабы почтить память любимых всеми Рамосе и его жены, Место Истины погрузилось в великий траур. Весь лунный месяц мужчины не будут бриться, а женщины делать нарядные прически. Каждый день в храме и в домах обитатели селения будут молить предков принять усопших в царстве мертвых, где пиршественный стол никогда не пустеет и вечно остается накрытым.

Мастеровые оставили всю работу, чтобы к сроку изготовить все предметы, потребные для погребения писца Маат. Художник Шед Избавитель заканчивал переписывать папирус «Изречений выхода в день». Такой свиток возлагается на мумию, чтобы та владела заклинаниями, необходимыми для воскрешения.

Под руководством плотника Диди, человека крупного и медлительного, Панеб заканчивал работу над двумя погребальными ложами. Он подгонял резные деревянные ножки, а Диди в это время прилаживал изголовья из акации, на которых будут почивать головы мумий.

— Виду вас какой-то подавленный, — заметил Панеб. — Неужто Рамосе был таким важным человеком?

— Фараон дал ему титул «писец Маат». Быть может, ни один из писцов некрополя не был вправе так именоваться.

— А Кенхир что? Хуже?

— Кенхир он Кенхир и есть, и этого уже довольно.

— Непонятен ваш ответ.

— Работай получше, мальчик, и истина явит себя... если того пожелает.

В день погребения мастеровые с женами священнодействовали, выступая в качестве жрецов и жриц, и потому нужды призывать кого-либо извне не возникало. Кенхир с обоими начальниками артелей распевали обрядовые гимны над двумя возлежащими мумиями с отверстыми устами, ушами и очами.

Затем мастеровые поместили их в деревянные саркофаги, украшенные изображениями богов, знаками жизни, волшебными узлами Исида и столпами Джед, символами воскресшего Осириса.

Затем в путь медленно двинулась вереница носильщиц и носильщиков с приношениями

для обители вечности: там надлежало оставить посохи, письменные приборы, облачения, лежа, стулья, сундуки с украшениями и умощениями, жертвенные столики и маленькие статуэтки «ответчиков», которые будут помогать умершему в мире ином.

Внутренности усопшего были помещены в четыре сосуда в виде сыновей Хора: печень будет хранить человек, кишечник — сокол, легкие — павиан, желудок — шакал. Все органы умершего должны быть в наличии, нельзя допустить, чтобы что-либо пропало.

Нефер был сам не свой. Ясна почувствовала волнение мужа.

— Что тебя тревожит? — спросила она.

— Почему с последними словами Рамосе обратился ко мне, а не к своему приемному сыну Кенхиру? Или к начальнику артели?

— Рамосе был писцом Маат и не действовал поспешно. Он ведал час своей кончины и выбрал именно тебя, и никого иного, чтобы передать свою последнюю волю.

— Я не понимаю его решения.

— Разве он не дал тебе четких указаний?

— О том я уже говорил с Неби.

— И что он?

— Как только завершится траур, я немедленно примусь за работу.

После той ночи, проведенной в горах вместе с ведуньей, Ясна обрела способность видеть будущее. И для нее в поступке писца Рамосе не было ничего непонятного.

Похороны подходили к концу. Хотя никто не сомневался, что суд Осириса признает писца Маат и его супругу праведниками, все очень горевали. Никто больше не услышит их речей, не воспользуется их советами, не сможет полагаться на их мудрость, если понадобится помощь в преодолении невзгод.

Один Панеб Жар не поддавался всеобщей печали. Время траура казалось ему уж слишком растянутым, просто нескончаемым, тем более что Бирюза отказала ему в любовных утехах. Умер так умер, умершие — они мертвыми и останутся, и из царства Осириса им уже никогда не вернуться; жизнь продолжается, а от стенаний никакого проку: горюй не горюй, заботы никуда не денутся.

Панеб похлопал Нефера по плечу:

— Это все, да? Других обрядов уже не будет, так ведь?

— Изю дня в день жрец и жрица будут почитать ка усопших.

— Значит, с завтрашнего дня жизнь войдет в обычное русло?

— Ну, более или менее...

— Признай, что я вправе требовать удовлетворения.

— Ты о чем?

— Должны же меня наконец научить тайнам рисунка.

— Пока что я тебя забираю к себе.

— Я что, каменотес?

— Мне необходимо как можно скорее завершить одну очень важную работу, и мне нужен сильный помощник.

На следующий день после смерти Рамосе Кенхир трижды вымыл волосы: мыть голову было его любимым удовольствием. Поскольку скончалась и супруга писца Маат, он наследовал все имущество своего покровителя, из которого ценнее всего была, конечно, прославленная библиотека с творениями древних авторов — Имхотепа, зодчего, возводившего пирамиды близ Саккары; мудреца Хордедефа, творившего во времена великих пирамид; визиря Птаххотепа, поучения которого Кенхир не уставал переписывать; пророка Неферти или необычайно осведомленного Хети, написавшего, среди прочего, «Сатиру на ремесла», чтобы похвастаться своим положением писца и преимуществами, с ним связанными.

Став полноправным собственником прекрасного дома Рамосе, Кенхир вдруг почувствовал себя состарившимся, и это было тяжелое чувство. Пятидесятилетнюю отметку он перешагнул, не утратив ни крупинцы своего задора да и крепости тоже, но теперь ощутил тяжесть одиночества. Что и говорить, Рамосе уже давно передал ему многочисленные обязанности, и с работой писца некрополя Кенхир вполне справлялся; но ведь нельзя отрицать, что он часто советовался со своим предшественником и, как бы он ни сетовал на чрезмерную доброту Рамосе и на его немыслимую душевную широту, позволявшую снисходительно принимать чуть ли не любые человеческие слабости, из слов учителя он извлекал очень большую пользу. Отныне управляться с селением придется в одиночку, и споры с обоими начальниками артелей, далеко не всегда разделяющими его взгляды, обещают быть жесткими и утомительными.

А эта юница пятнадцати лет, Ниут... Она убиралась в доме и стряпала. Кенхир рассчитывал платить ей совсем немного, но она потребовала достойное жалованье и выказала такую силу характера, что писцу некрополя пришлось уступить. Первое время Кенхир хотел, точнее, мечтал отделаться от этой малолетней помощницы, но та как-никак с задачами своими справлялась и никогда не забывала смахнуть пыль с папирусов, так что он в конце концов махнул рукой, — как бы хуже не стало...

В задумках у Кенхира недостатка не было. Первым делом следует утвердить свою власть, чтобы ее никто не оспаривал. Для этого надо дать понять обоим начальникам артелей, что он — писец некрополя, а не абы кто, и что ни единое решение не может приниматься без его согласия. Затем стоит укротить мастеровых — что-то много они себе позволяют, вплоть до выхонок если и не совсем позорных, то уж точно недостойных Места Истины. Отвечая перед визирем за качество работ, исполняемых братством, Кенхир ежедневно вел летопись некрополя, записывая некрасивым и почти нечитаемым почерком, кто что делал, кто и почему не вышел на работу, сколько и чего было израсходовано и какие орудия труда были доставлены в селение. Один он на самом деле знает, что и как происходит, и он, в отличие от Рамосе, не станет потакать даже мелким нарушителям.

Кенхир знал, что думают про него почти все мастеровые: тщеславный, суетный, высокомерный, себялюбивый и слишком гордящийся своей властью; но полномочия его никто не оспаривал. Мало кто знал, что он и к себе так же строг и способен признавать свои ошибки, лишь бы право упрекать оставалось только за ним, а не за кем-то еще.

Кенхир принял обоих начальников артелей в своем новом доме. Почувствовав, что оба как-то скованы, Кенхир с порога заговорил о самом существенном.

— Этот дом принадлежал моему предшественнику Рамосе. Сегодня, с согласия братства, он переходит в мою собственность. Так что впредь встречаться и работать мы будем здесь. Почитание памяти писца Маат не должно препятствовать нам продолжать наши славные труды.

Оба начальника артелей согласились.

— Как и должно ожидать, первая просьба к вам — высечь мою обитель вечности в южной части некрополя. Она должна быть просторной, блистательной и соответствовать моему положению.

— Пусть этим займется левая артель, — сказал Неби. — Мои каменотесы заняты на работах в святилище ка Рамсеса.

— Разумеется, — проворчал Кенхир, — но лентяев я щадить не стану. Надо понимать, что в селении только долг в чести и не может быть никаких незаслуженных поблажек. А чем занят Панеб Жар? Он закончил белить дома, верно?

— Нефер Молчун взял его к себе в помощники.

— Что, Панеб уже не хочет стать рисовальщиком?

— Пока что он делает то, что попросят.

— Прекрасно! Пусть все идет, как идет.

После приема у визиря, которого Кенхир заверил в том, что уход Рамосе нимало не нарушил уклад Места Истины, новый писец некрополя был осыпан пылкими поздравлениями: после велеречивой здравицы главный управитель западного берега Абри пригласил Кенхира на завтрак. Они устроились в саду под сенью ветвей, куда слуги принесли красное вино из Дельты, салат с оливковым маслом и фаршированных перепелов.

— Мы очень горюем по Рамосе, — объявил Абри.

— Три гробницы в некрополе селения не дадут его забыть, — отозвался Кенхир.

— Но надо думать о будущем... И будущее — это вы! После столь многих лет в тени Рамосе, когда вы не могли проявить себя как следует... Несмотря на боль утраты, которую причинила вам его кончина, надо признать, что перед вами открываются новые возможности.

Кенхир с удовольствием поглощал вкусную пищу.

— Что вы имеете в виду?

— Я ни на мгновение не сомневаюсь в вашем полном успехе, тем более при поддержке властей, которая вам, безусловно, обеспечена. Но вряд ли все дни вашей жизни наполнены весельем — селение закрыто...

— Легко вам говорить!

Абри едва удалось скрыть свое ошеломление. Он-то ожидал, что писец некрополя выскажет свое несогласие или изобразит притворную обиду.

— Никому не пожелаю своей должности, — продолжил Кенхир. — Ни один писец столько не работает за столь скудное вознаграждение.

Управитель обрадовался. Никогда неподкупный Рамосе не произносил таких слов! Судя по дородности, походке вразвалочку и недоброму взгляду, Кенхир, можно не сомневаться, грезит о служебном росте и, наверное, польстится на кое-какие предложения.

— Эта ваша работа... Впрочем, вам же нельзя ничего про нее рассказывать, не так ли?

— Я должен хранить тайну, но могу вас заверить, ничего любопытного в этой тайне нет! Если вы знакомы с честолюбивыми молодыми писцами, советуйте им обходить Место Истины стороной.

— А почему вы согласились на эту должность?

— Несчастливое стечение обстоятельств, — объяснил Кенхир. — Я долго и упорно учился, рассчитывая продвинуться достаточно высоко, быть может, даже управлять каким-то уделом в Фиванской области. Но, познакомившись с Рамосе, я был очарован его умом и его познаниями, которыми он щедро делился со мной. А поскольку у них — у него и его супруги — детей не было и быть не могло, они меня усыновили, с условием, что я возьму на себя обязанности писца некрополя. Первое время мне было очень лестно и я был счастлив, потом разочаровался. А ведь говорят, что это место из самых завидных в Египте!

— Если я могу быть вам полезным...

— Со всеми своими трудностями я должен справляться сам, ничего не обсуждая ни с кем, кроме визиря.

— Эта охрана тайны уж очень обременительна... Не стоит ли ее отменить?

— Мы живем в царстве, ревностно хранящем традиции. А традиции легко не меняются.

Абри почувствовал, что писец некрополя готов на уступки, а то и на доверительные отношения, но важно его не спугнуть, не перегнуть палку. Кто лучше Кенхира сможет поставлять существенные сведения о Месте Истины? Если Абри сумеет с ним подружиться, у него появится преимущество перед командующим Мехи и он сможет понемногу ослаблять хватку союзника.

— Вы, Кенхир, человек необычайно приятный, и мне не хочется видеть вас в плену всех этих тягот.

— Таков закон селения!хлопоты и хлопоты, одна забота за другой. И конца этому не видно.

— Хлопоты... какого рода?

— Не имею права говорить.

— Как же вы, должно быть, одиноки!

— Я бы выпил еще вина... У вас, наверное, неплохой погреб.

— А пару-другую амфор красного атрибийского от меня в подарок примете?

— С радостью и благодарностью, Абри. Обычный стол приедается, а это такое... разнообразие.

— Но, простите, если вам так докучают тяготы и невзгоды, то... вы же, наверное, подумываете о чем-то своем?

Кенхир надолго замолк.

— Что касается Места Истины, то с ним ничего не поделаешь. Но кое-какие личные задумки у меня есть.

Управитель про себя ликовал. Рамосе умер, и селение мастеровых осталось без души. И как же не угадал писец Маат с выбором наследника! И какой удачей обернулся этот промах покойного! Вот угрюмый и обозленный на весь свет чиновник, подкупить такого ничего не стоит.

— Эти ваши замыслы... они тоже тайна?

— Отчасти. Надеюсь, кое-что из задуманного принесет определенную выгоду.

— Не поделитесь ли со мною этой тайной?

Кенхир напрягся.

— Знаете, я хочу писать, — признался Кенхир. — Имена великих авторов сохраняются лучше, чем имена строителей пирамид. Их чада — сочинения, а их супруги — письменные приборы. Те самые, что есть у каждого писца. Самые прочные памятники ветшают,

истлевают и рушатся, а слова — они запоминаются. Хорошее сочинение прочнее любой гробницы. То, что изрекли великие мудрецы, исполняется, а то, что исходит из их писаний, запечатлевается в памяти. В их сочинениях скрыта сила, которая благотельна для тех, кто их читает.

Кенхир поднялся.

— Дольше задерживаться не смею. Будет лучше, если вы никому не расскажете про то, о чем мы с вами доверительно беседовали, — посоветовал писец некрополя ошеломленному Абри, — и не забудьте прислать мне красного вина.

Чтобы рассказать о встрече с писцом некрополя, Абри явился прямо в главную казарму Фив, где командующий Мехи испытывал новую колесницу с укрепленным дном.

— Я не сумел вытянуть из него никаких сведений, но общение с ним сулит многое.

Выглядел Мехи взвинченным, а настроение у него, похоже, было премерзким.

— Похож ли он на Рамосе?

— Ничуть, будьте покойны.

— Но ведь и этот держится за свои тайны... Цепко, как обезьяна за пальму!

— Видимость одна... Кенхир все время жаловался на тягостный груз, взваленный на его плечи, и на досадные происшествия, которые докучают ему в селении.

— А о чем он мечтает? Должно же быть у него какое-то честолюбие...

Вид у Абри сделался смущенным.

— Он признался мне только в одном...

— В чем же?

— Он хочет писать.

Взбешенный Мехи саданул что было силы кулаком в бок черного коня, и животное испуганно заржало от страха и от боли.

— Смеяться надо мной вздумал!

— Никак нет, командующий! Кенхир разразился речью во славу литераторов, творения которых якобы прочнее пирамид.

— Этот писец совсем из ума выжил.

— Пусть так, но он недоволен жизнью. И это может быть нам на руку.

— Как бы и эта ниточка не оборвалась сразу же, как с Собеком!

— А что неладного с Собеком?

— Да проще некуда, дорогой Абри. Был я у визиря и намекнул ему, что стоило бы перевести Собека на другую должность. Пусть служивый надзирает за каналами близ Фив. И осечка! Первая за все годы моей службы! А все твоя дурацкая подсказка! Только фараон и его визирь вправе решать вопрос о переводе начальника стражи Места Истины на другую должность, и ни в чьих советах они не нуждаются. Тем более, что Собеком они вполне довольны. Ты подтолкнул меня к неверному шагу, Абри, и никакими бреднями Кенхира ты свой промах не загладишь. Так что исправляйся, и поскорее.

— Давай ты, — сказал Нефер Молчун Панебу.

Как раз перед тем, как установить каменный блок в самом верхнем ряду глыб, из которых складывалась стена, молодой великан в последний раз при помощи нитки с грузом на конце проверял отвесность строения. Потом Нахт Богатырь и Каро Угрюмец рычагами переместили блок по направляющим, Фенед Нос деревянным рычагом подогнал его к соседней глыбе и выровнял шов, а Каза Тягло, точно следуя указаниям Имхотепа, разработавшего эти приемы еще при сооружении самой первой пирамиды, вставил между каменными блоками медное лезвие, смочив его во взвеси наждачного порошка, и прошелся по шву: чем глаже поверхности, тем лучше они прилегают друг к другу и со временем сцепляются, как бы сливаясь воедино.

С тех пор как друг стал брать его с собой на стройку, где Панеб вместе с другими соорудил святилище Рамсеса Великого, для молодого мастера настало волнующее время. Его

необычайная выносливость поражала товарищей, а поскольку он почти не разбирался в строительном деле, то во всем беспрекословно подчинялся распоряжениям каменотесов, к немалому их удивлению.

Да и то, как Нефер сумел наладить работу на стройке, Панебу нравилось. Верный своему прозвищу, Нефер скупое ронял слова и никогда не повышал голос, даже если ему что-то не нравилось. Указания его были точны: начинал он с того, что сообщал товарищам пожелания начальника артели, а потом предоставлял строителям почти полную свободу. По утрам и вечерам все собирались вместе, и Нефер требовал отчета о проделанной работе. Он спокойно выслушивал любые замечания и соглашался с упреками, но хладнокровно игнорировал нападки, представлявшиеся ему безосновательными, при этом нисколько не обижаясь и не обижая недовольного. Он полагал, что, прежде чем браться за дело, следует хорошенько все продумать сообща, но после того, как решение было принято, он требовал от каждого полной отдачи.

Неби ежедневно проверял стройку, иногда с ним приходил Кенхир. Писец никогда не хвалил, зато обязательно подмечал самые мелкие недочеты, раздражаясь при любом удобном случае ядовитыми речами; впрочем, все выявленные недостатки исправлялись незамедлительно.

Панеб словно губка впитывал в себя все новые и новые знания, особо подмечая приемы, при помощи которых мастера исправляли погрешности. Учение было для него что роскошные яства для чревоугодника, и потому общество этих грубых мужчин, не скупившихся ни на ядовитые замечания, ни на насмешки, было ему в радость. Молодой человек на время забыл о своей гордости: главное — перенять науку опытных мастеров.

А когда Нефер разрешил ему пользоваться нитью, прицепленной к деревянной рамке и с каменным грузилом на конце, Панеб страшно возгордился. Ему, ученику, подмастерью, — такое доверие. И он глядел на законченную стену так, словно в ней осталась частичка его существа.

Нефер положил руку на плечо друга:

— Хорошо работаешь.

— Эта штука в руке... знаешь, такое чудо!

— Свое поведение, Панеб, ты также должен измерять этим отвесом, ибо неверное действие не дает плодов добрых. Орудия научают нас прямому деянию, ибо им дела нет ни до наших слабостей, ни до наших переживаний. Если бы не эти инструменты, как родилось бы это святилище?

Сразу же за главной дверью находился вестибюль, соединенный коридором с залом, представлявшим собой беседку, увитую тяжелыми виноградными гроздьями и украшенную многоцветными рисунками и иероглифами, начертанными голубым. В центр композиции Шед Избавитель, создавший это выдающееся по утонченности и изяществу творение, поместил изображение обряда: Рамсес Великий преподносит благовония Хатхор. Это помещение, в свою очередь, переходило в залу со сводчатым потолком, из которой три ступени вели в святилище. По левую руку от лестницы находились алтари для жертвоприношений. Личные покои фараона — спальня, рабочее помещение, кладовая, терраса — примыкали к святилищу, и маленький царский дворец сообщался с храмом Хатхор посредством крытого перехода с «окном явлений», в котором по торжественным дням фараон мог представлять перед своими подданными. «Окно явлений» украшал рельеф с изображением фигур ливийцев, нубийцев и азиатов, символизировавших хаос и темные

силы, победить которые было под силу одной лишь Маат.

— Мы свою работу закончили, — заметил Панеб, — но Рамсес живет в столице в Дельте и сюда никогда не приедет.

— Присутствует ли здесь фараон или нет, его ка обитает в этих стенах, при условии, что камни, из которых они сложены, обладают воистину животворящей силой. Вот почему столь важен обряд торжественного освящения.

— Непонятно говоришь, Нефер... Можно подумать, что это ты придумал обитель Рамсеса!

— Да что ты... я всего лишь старался следовать указаниям Рамосе и мастера Неби.

— Но разве не ты командовал мастеровыми, которые куда опытнее тебя?

— Хозяин здесь только один — начальник нашей артели, и ты должен это понять.

— Фенед Нос проговорился: ты будто бы сделал рельеф для святилища в этом дворце...

— Так и есть.

— Покажешь?

Нефер проводил Панеба до порога святилища и медленно поднял ткань, скрывавшую известняковую балку.

Рельеф изображал огромную корову Хатхор, выступающую из зарослей папируса, и совсем крошечного Рамсеса, находившегося под ее защитой и обращенного лицом к овальному картушу, в котором было начертано его имя.

— С ума сойти! — одобрил произведение друга Панеб. — Ты это сам придумал?

— Конечно же нет. Начальник артели дал мне образец, и я все сделал по нему.

— А почему царь такой маленький?

— Я тоже про это спрашивал у Неби, Он мне ответил, что здесь, в этом святилище, богиня-мать ежедневно возрождает царский ка и поэтому он выглядит как дитя, оставаясь при этом вполне взрослым, Здесь представлено чудо вечного возрождения, тайну которого ведают только боги.

— Мне что-то в это не верится...

— Что ты такое говоришь, Панеб?

— Тот свет, что проникает сквозь врата... Люди его видят, а они вовсе не боги! Да хоть бы этот храм: это же ты его построил, но право входить сюда дано не тебе.

— Всею свое время. Лишь бы мы не сошли с праведного пути.

— Не хочу я, как ты, Нефер, ждать милостей от судьбы! Не стану я покорно дожидаться, пока она мне что-то там откроет. Я сам хочу открывать и узнавать. И проникать в тайны этого селения. И понять, почему мало кого из мастеровых считают достойными работать здесь. И научиться высекать обители вечности, и увидеть своими глазами миг воскрешения. И вот тогда я поверю, что этот путь и в самом деле истинный.

Все резчики по камню собрались в новом святилище Рамсеса Великого, чтобы отпраздновать окончание строительства. Начальник артели даже выпросил у Кенхира — знал бы кто-нибудь, чего это стоило! — кувшин вина, причем из винограда, собранного в двадцать восьмой год царствования фараона — прекрасный был урожай. В погребке писца некрополя оставалось еще несколько кувшинов.

Как подмастерье, Панеб Жар должен был чистить инструменты, раскладывая их по деревянным ящичкам и возвращать Кенхиру, который, по своему обыкновению, долго и придирчиво их проверял и пересчитывал, а потом записывал, что все сдано в наличии и в полном порядке.

— Хорошим резчиком по камню будешь, — сказал Фенед Нос Панебу.

— Моя дорога — рисование.

— До чего же ты упрямый малый!

— А ты не скажешь, почему тебя так зовут?

— А то ты не знаешь, что главное носа ничего нет? Вот, положим, есть соискатель на место мастерского и надо понять, годится он или нет. И на что прежде всего смотреть? На его нос. Ведь нос — тайное святилище тела. Чтобы творить, парнишка, нужен нос, да еще какой, да еще чтоб дышал! И не только воздухом, что проходит через нос всякого живого существа и потом им выдыхается. Нос должен улавливать дух творения. Коль уж ты выучился грамоте, должен знать, что слово «радость» пишется со знаком носа, а без радости, поверь мне, не построить ничего прочного и долговечного. И самый чистый источник радости — служба во славу Маат.

— Кончай болтать! — крикнул Нахт Богатырь. — Что ты его поучаешь? Не видишь разве, что он ни единого слова твоего не понимает?

— По-твоему, здоровый — так тупой, сила есть — ума не надо? Так, что ли? — спросил Панеб.

Стиснув кулаки, здоровенный Нахт начал медленно подниматься.

— Да я тебе шею сверну, поганец!

Фенед Нос и Каро Угрюмец поспешили вмешаться:

— Тихо, вы, оба! Хорошо портить нам настроение. Вино такое богатое пьем, а вы тут... И новый год скоро тоже праздновать будем.

Нахт Богатырь погрозил Панебу пальцем:

— Гляди, дождешься у меня!

— А чего ждать — я всегда готов. Это ты горазд на одни лишь разговоры.

Каменотес скривил рот в ухмылке:

— Зато ты... эх... хоть бы раз смолчал.

Панеб вообще терпеть не мог праздники, а этот его и вовсе утомил. Такая помеха — ему-то невтерпеж было предстать перед рисовальщиками и попросить начальника артели о заступничестве: надо же ему хоть когда-то получить положенное. И потому, как ни услужлива была его супруга, как ни старалась она его не гневить, все равно за ужином он дал волю своему дурному настроению. Правда, с Уабет Чистой что с гуся вода: она же обещала, что будет довольна уже тем, что ей позволено выполнять обязанности хозяйки.

Не в силах снести всеобщей радости по случаю празднования первого дня нового года,

сгорая от нетерпения, Панеб за полночь поднялся и выскочил из дома. Покинув селение через малые западные ворота, он пошел по тропинке, которая вела к вершине, нависавшей над Долиной царей. Зная, что дорога просматривается со сторожевых постов, расставленных Собеком по периметру долины, Панеб, дабы укрыться от бдительных взглядов охранников, свернул за кучи щебня и, спрятавшись за той, что побольше, уселся на камень.

Знающие люди предрекали в этом году великолепный разлив и заверяли, что Хапи, щедрый бог нильского разлива, и на этот раз благословит Египет процветанием. Но Панеб плевать хотел на плодородный ил, равно как и на зеленеющие нивы, и на грядущие урожаи, и на все благоденствие родимого края. Он рисовать хотел и красками писать, а братство... Что братство? Оно снизошло к нему и даже удостоило посвящением. Но до сих пор прячет от него тайны его призвания. И держит все ворота, куда бы он ни ткнулся, на замке!

Нефер Молчун вот уж действительно продвигается семимильными шагами. За считанные годы перемахнул через столько ступенек, что его уже сделали начальником над каменотесами, хоть скромняга и отпирался. Панеб ни капельки не завидовал, да и не хотел такого счастья, чужое оно, просто досадно немного. Чего было много, так это тоски и пустоты — до отчаяния. Вот, казалось бы, он снова почти дошел до цели, и опять — в который раз! — откуда ни возмись неотложная задача, и дорога опять перекрыта. Скажут, конечно: ты же, мол, чему только не научился, Спору нет, так оно и есть, но учиться-то хочется совсем не этому — а там... от ворот поворот.

Тонкие пальцы, нежные ладони, сладостные, да еще надушенные, накрыли его глаза.

— Я тебя ждала, Панеб.

— Бирюза! Откуда ты знала, что я сюда приду?

— А почему бы жрице Хатхор не быть немножко ясновидящей?..

Властным движением он притянул ее к себе.

— Забыл, что женат? Прелюбодеяние — тяжкий проступок.

Из всех чудес, сотворенных богами, Бирюза принадлежала к числу самых соблазнительных. Панеб сбросил свою набедренную повязку и снял облачение с молодой женщины, чтобы из подручных средств соорудить хоть какое-то ложе или хотя бы подстилку на куче щебня. На спину лег он сам — пусть уж острые камешки вонзаются в его мощное тело, а Бирюза, она много легче: пусть она будет там, где он обычно видит небо.

И под звездным сводом ночи последних суток навсегда уходящего года они любили друг друга до рассвета.

Когда Панеб проснулся, любовницы рядом уже не было. Ненадолго закрыв глаза, он постарался припомнить хотя бы некоторые из самых сладостных моментов минувшей ночи и, пусть мысленно, пережить эти ощущения вновь. Потом все же поднялся и побрел в селение.

И как и в то утро, когда он узнал о смерти Рамосе и его супруги, Панеба поразило безмолвие. Тишина казалась тем более тягостной, что, как-никак, день был праздничный. Надо думать, опять кто-то умер и, значит, веселье отменили. Значит, опять траур, более или менее затяжной. И значит, Панебу опять велят не шуметь и уважать скорбь общины.

Но он же за этот обычай свой голос не подавал! И ломать его не собирается — он просто не будет его блюсти. Не его это правило. Ни у кого, будь это даже начальник артели, нет права требовать от него полного повиновения. Пока другие будут оплакивать скончавшегося, Жар будет трудиться, заставив лаской или таской хоть кого из рисовальщиков давать ему уроки.

Малые западные ворота, через которые дозволялось проходить только сельчанам, оказались запертыми.

Совсем уж озадаченный Панеб заторопился к главным воротам. Близ них — никого: помощники тоже люди и право на отпуск имеют. Новый год, как-никак.

Привратный страж, присев на корточки, сосредоточенно обгладывал утиную ножку. Оглядев мастерового, охранник поприветствовал его кивком головы, потом кивнул: проходи, мол.

Панеб прошел в ворота и закрыл их за собой.

Кругом ни души.

Обывателей Места Истины не было ни на погосте, ни в селе. Куда они подевались? Остается только храм.

Юный богатырь заторопился, но, выйдя на главную улицу, услышал за спиной чьи-то шаги. Обернувшись, он увидел Казу Тягло, Фенеда Носа, Каро Угрюмца и Нахта Богатыря. Стоят поперек дороги, и у каждого по дубине.

— Не ожидал, а? — спросил довольный Нахт. — Иди сюда, парнишка. Мы по твою душу.

К шеренге каменотесов присоединились Усерхат Лев и Ипуи Дотошный.

Шестеро мужиков, и кое-кто из них — о-го-го... Стычка обещала быть серьезной, но Панеб не боялся. Махалово так махалово: на каждый удар он ответит вдвойне.

— Не смоешься, и не думай, — предостерег Нахт Богатырь. — Глянь-ка перед собой.

Панеб поглядел туда, куда было направлялся: на противоположном конце главной улицы народу было еще больше. Ренупе Веселый, Шед Избавитель, Гау Точный, Унеш Шакал, Диди Щедрый, Тхути Ведун и даже Паи Доброхлеб. Все при дубинах и готовы к бою.

Не было только начальника артели и Нефера.

Шайка рисовальщиков, по сравнению с отрядом каменотесов, выглядела хиловато, конечно. Так что Панеб первым делом врежет по черепу Паи, выхватит у него дубину и тогда уж вломит поделщикам этого увальня. Что и говорить, их вон сколько, забьют, конечно. Но он будет махать, пока сил хватит.

Так, значит, не было у них иной заботы, кроме как сговориться у него за спиной, чтобы от него отделаться! До чего ж противно такое двуличие! Панеба охватила ярость, удесятирившая его силы, и он двинулся в наступление.

Тем временем строй рисовальщиков раскололся: им пришлось дать дорогу ведунье. Алое облачение служило выгодным фоном для роскошной и ухоженной седой гривы.

— Постой, Панеб! Ты во всем видишь лишь противостояние и раздор. И ты не ошибаешься, ибо они есть суть нашего существования. Но жизнь в Месте Истины требует от нас чего-то большего. Она зовет нас к свершениям и безмятежной ясности... И ради этого мы должны победить наших врагов, а это, прежде всего, вспыльчивость, несдержанность и злоба, разъедающие наши сердца. Тебя выбрали в качестве воплощения этих пороков, дабы другим неповадно было причинять собратьям вред и дабы наступивший год принес нам всем счастье и процветание.

Мастера правой артели отшвырнули свои дубины и с радостными воплями накинлись на Панеба, а тот и не сопротивлялся. Не без труда они оторвали юного великана от земли и поволокли его к храму Хатхор, где крепко-накрепко привязали его к столбу.

Все, от самых малолетних до самых пожилых, осыпали его проклятиями и оскорблениями и кричали, чтобы он не вмешивался в жизнь села.

Со своего места Панеб Жар наблюдал за приготовлениями к пиршеству, по ходу которых каменотесы и некоторые жены, похоже, уже успели хлебнуть винца. Бирюза ни единым взглядом его не удостоила, Уабет Чистая строила глазки и всем своим видом выражала сочувствие, Ясна и Нефер подавали дружеские знаки. Нефер, кстати, приносил ему, и не раз, свежей воды: иного ему и не требовалось — уж очень внутри все кипело.

— Что, не мог предупредить меня? Надо же такое выдумать. А если б я убил кого? На половину артели меня бы хватило... Кто эту дурость выдумал — случаем, не ты ли?

Молчун на это ничего не ответил.

Выполняя роль козла отпущения, Панебу приходилось не только, сдерживать свои эмоции, но и терпеть голод: зрелище роскошных яств немилосердно терзало его пустой желудок. Вздумали подорвать его силы, вот и навязали еще одно испытание. Они ему за все заплатят, дайте срок.

Но вот на небе показалась звезда Сотис, и ведунья провозгласила наступление нового года, знаменуемое слезами Исида, ибо именно с них начинается паводок. И начальник артели освободил Панеба от уз.

Пока богатырь потирал затекшие запястья, к нему подошел Неби и что было силы врезал кулаком по спине между лопаток.

— Уши сознания твоего отворены, Жар. Начинается настоящая работа.

С тех пор как начальник Собек приступил к поискам, до сего дня тщетным, убийцы стража, сон у него почти пропал. Снадобья, предписанные ведуньей, успокаивали, но не могли избавить его от навязчивых мыслей, да что там, от одержимости. Человек служил под его началом, исполнял его приказы и погиб жуткой смертью. А преступник гуляет на воле и уверен, что ему удалось уйти от правосудия.

При встрече с любым из мастеровых он тут же начинал подозревать его в содеянном, и это недоверие ко всем и вся отравляло его жизнь. Тем более, что никакой зацепки, не то что надежной улики, не было. И чего ради вот этому — или тому — ремесленнику было убивать? В самом деле, зачем?

И вот непредвиденное происшествие побудило его разглядеть если не след, то намек на след, но догадка казалась такой неправдоподобной, что он решил посоветоваться с писцом некрополя: а ну как это лишь плод его воспаленного воображения?

Сидя под навесом у пятого укрепления, Кенхир дописывал свой ежедневный отчет, и почерк у него становился все более неразборчивым. Про себя он клял на чем свет стоит и власти, и чиновные порядки вообще: требуется им, видите ли, знать точное количество медных зубил и долот, используемых ремесленниками Места Истины. А пересчитывать и призывать к порядку забывчивых, не всегда сдающих инструмент после рабочего дня, доводится, понятное дело, ему.

— Не вовремя ты, Собек!

«У этого всегда не вовремя, — подумал нубиец. — Эх, это тебе не Рамосе».

— Знаю, на что жалуешься: помощники просят переменить дневной распорядок ввиду наступления жары. Я понимаю их нужды, но я должен обеспечивать благополучие селения. К тому же вопросы этого рода тебе поднимать вообще не положено!

— Да знаю я, Кенхир. И пришел я к вам по куда более тяжкому поводу.

Писцу некрополя стало любопытно.

— Присаживайся.

Собек опустил на табуретку.

— Вы знаете, что я продолжаю расследование убийства одного из моих подчиненных.

— Очень уж запутанное дело, — отозвался Кенхир. — Сначала говорят про несчастный случай, потом предполагают преступление и при этом забывают про допросы.

— Это не про меня.

— Напал на след?

— Судьба, кажется, подбросила мне кое-что, но я хочу знать ваше мнение.

— Я же не стражник.

— Если я не ошибаюсь, речь о будущем братства.

— Не выдумываешь? У страха глаза, знаешь...

— Надеюсь, что нет.

Кенхир Ворчун недовольно хмыкнул. Но начальник Собек не имел привычки разносить сплетни да и дурацкими выдумками как-то не воспалялся. И писец решил потратить толику времени на выслушивание его соображений.

— Ну, кого и в чем подозреваешь?

Начальник Собек глядел прямо перед собой. Словно бы с невидимым кем-то беседовал.

— Главный управитель западного берега Абри предложил мне поменять место работы и перейти в охрану каналов Фиванской области.

— На повышение идешь...

— И людей, более сведущих, чем я, и потому более достойных этой должности, хватает.

Но предложение Абри подразумевало одно дополнение.

Вот теперь Кенхиру стало совсем уж интересно.

— Попытка подкупа?

— На мой взгляд, да. Взамен за услуги, которые мне посулил Абри, я должен буду сообщать ему все, что мне известно о Месте Истины.

Писец некрополя медленно прожевал несколько арбузных семечек, чтобы лучше вспомнить свое общение с тем же Абри. В свете откровений Собека действия управителя приобретают тревожный смысл.

— И что ты ответил, Собек?

— Я сделал вид, что заинтересовался, и Абри, кажется, поверил, что я проглотил крючок. Правда, у него хватило ума не напирать, но он, думаю, возобновит приступ.

— Не будет этого.

— Почему вы так уверенно это говорите?

— А то ты не знаешь, что думает визирь: ты его устраиваешь, целиком и полностью. И фараон тоже тобой доволен. Если Абри попытается протолкнуть тебя на новую должность, наверняка его ждет жесткий и решительный отпор. Обыкновенно я не имею права предоставлять подобные тайные сведения, но при нынешних обстоятельствах...

— Я — охранник, и я люблю свое ремесло, — заверил Собек не без некоторой торжественности в голосе. — Обеспечение полнейшей безопасности Места Истины — не просто задача, но и честь, и предложения Абри не кажутся мне заманчивыми.

Почувствовав, что нубиец готов обидеться, Кенхир попробовал говорить помягче.

— Никогда еще селение не охранялось лучше, начальник Собек, и доверие к тебе полнейшее, мое-то уж точно. Но почему ты увязываешь попытку подкупа, если Абри хотел тебя подкупить, с гибелью твоего подчиненного?

— Да с чего бы такому высокопоставленному лицу интересоваться мною? Причина может быть только одна: я — начальник стражи Места Истины. А зачем ему переводить меня на другую должность? Да чтобы дело об убийстве так и осталось висеть, забылось.

Доводы Собека взволновали писца некрополя.

— Плохо я представляю Абри крадущимся среди ночи и убивающим стражника...

— Я тоже, но ведь он мог быть заказчиком преступления.

— Но зачем бы это ему?

— Положим, он послал лазутчика с заданием составить план местности.

— Думаешь... имея в виду ограбление царских гробниц?

— Такое грозит нам все время. Столько народу слышано про несметные богатства, захороненные в царском некрополе, и, понятно, есть соблазн присвоить то, что плохо лежит. Даже если лежит хорошо. Пока охрана строга, опасность невелика. А если вдруг кто-то из мастеровых... Они же, можно сказать, вне подозрений. А чего не бывает — искушение-то какое...

— Быть того не может, Собек!

— Не хотел бы с вами спорить. Но не должны ли мы, надежности ради, надеяться на лучшее, но учитывать и худшее?

Кенхир от природы не был склонен верить в человеческую порядочность, и доводы стража были ему близки.

— Итак, ты предполагаешь, что существует грозный заговор против Места Истины и что среди ведущих заговорщиков — главный управитель западного берега...

— Не вижу иной причины, по которой меня пробовали бы подкупить.

Кенхир с сокрушением вспомнил о Рамосе: покойный писец Маат придумал бы, как защитить братство.

Над Панебом еще немного поизмывались и затем дали ему прийти в себя. Времени на это ушло немного. Наконец Панеб Жар был допущен к праздничному столу. Пиршество для него соединилось с затяжным и роскошным массажем: Уабет Чистая встревожилась состоянием своего супруга, познавшего столько страданий, и усердно растирала его тело, пока сам он его насыщал.

Наконец-то слова начальника артели открыли ему дорогу! Теперь он мог смело браться за дело, имея на то благословение Неби.

Панеб оказался настолько предусмотрительным, что даже сам тому дивился: молодой великан решил узнать мнение своего друга Нефера, и тот влиять не стал, но заверил, что тумак мастера, врезавшего Панебу промеж лопаток, означает, что Панебу дозволено и даже велено войти в кружок рисовальщиков.

Какие трудные годы за спиной... сколько сил потрачено, чтобы оказаться там, где он теперь... И это не более чем начало пути! Но Жар и не думал умерять восторг, наоборот; вот случай предъявить доказательства своей состоятельности. Да хоть в десятикратном размере!

С колотящимся сердцем Панеб вошел в чертежную мастерскую, где работал Шед Избавитель, главный над рисовальщиками.

Ухоженная прическа, холеные усики, светло-серые глаза, глядевшие свысока и в то же время словно бы видевшие тебя насквозь... Шед представлялся юному богатырю грозным противником. Художник растирал краски, и прошло немало томительных минут, пока занятый весьма серьезным делом большой мастер не соизволил заметить, что в рабочем помещении появился еще кто-то.

— Что ты здесь делаешь? Я-то думал, что тебя в бригаду каменотесов взяли.

— Туда меня брали только на время. Срочная работа... А раз мы с ней покончили, то я теперь в вашем распоряжении.

— Но я не имею потребности в дополнительной рабочей силе, мой мальчик. И мне кажется, что я тебе это уже говорил.

— Начальник артели дал мне тумака. По спине. В знак того, что я готов.

— Ага... Удивительно. Сам Неби?

— Никто иной.

— Что умеешь? По-настоящему.

— Готовить гладкую подложку из гипсовой штукатурки.

— Ну да, ну да... Почему бы тебе не остаться при этом занятии? Хороший штукатур в селении, знаешь ли, всегда при деле.

— Мне хочется пойти дальше.

— А сумеешь?

— Увидите.

— Никто не вправе не подчиняться приказам начальника артели, — признал Шед Избавитель, — и посему я должен буду отдать тебя в руки рисовальщиков. Пусть они

попробуют преподать тебе хотя бы начальные навыки своего ремесла: И ты, полагаю, сам вскоре поймешь, что нет у тебя дарований, потребных для нашей работы. Знаешь, сколько таких, как ты, у нас побывало? И все обожглись. Впрочем, сейчас даже это невозможно.

Панеб вскипел.

— Это еще почему?

— Несколько дней селение будет жить событием из ряда вон выходящим: нам предстоит завершить ряд срочных и ответственных работ. Вот почему у нас совершенно нет времени на обучение подмастерья.

Панеб решил, что художник над ним издевается.

— А что стряслось?

— Рамсес Великий прибывает на торжественное освящение храма.

А вот если бы с престарелым царем что-нибудь стряслось... Несчастный случай. И хорошо бы со смертельным исходом, Эта соблазнительная мысль не покидала Мехи с тех пор, как его вместе со всей фиванской знатью уведомили о прибытии фараона. А ведь это царь, и никто иной, удерживает начальника Собека на его месте и надзирает за Местом Истины, никогда не теряя бдительности. Исчез бы Рамсес, и селение лишилось бы своего главного защитника и хранителя.

Но смеяться над силами, пекшимися о безопасности царя, было бы неосмотрительно, и Мехи не находил ни единой щелочки, в которую можно было бы протиснуться, чтобы покуситься на Рамсеса Великого, еще при жизни превратившегося в легенду, и не только у себя на родине, но и за ее рубежами.

И вот, когда он рассеянно слушал болтовню своей покорной и улыбчивой половины, в голову бывшего младшего предводителя колесничих запаала одна мысль.

Хоть бы чуть-чуть повезло... И тогда царь недолго будет стоять у него на пути.

Весть о прибытии Рамсеса вызвала невероятный восторг. Всякий обитатель Фив хотел своими глазами увидеть владыку, установившего прочный мир на Ближнем Востоке к вящему процветанию и обогащению Обеих Земель.

Отборная стража не сводила глаз с царя, да и кто бы дерзнул посягнуть на его владетельную особу? Сопровождаемый своим верным личным помощником и почти ровесником Амени, Рамсес выехал на колеснице, правил которой опытный военачальник, а влекли ее два коня, отличающиеся как мощью, так и мирным нравом. Над главой сиятельного путешественника, с волнением созерцавшего Закатную вершину и заупокойные храмы, был натянут полог, оберегавший его от лучей солнца.

Перед тем как пересечь межу возделанных полей, царь и его свита долго огибали огромное святилище Аменхотепа III, напомнившее царю тот храм в Луксоре, который он расширил, добавив к нему двор с расставленными по периметру исполинскими статуями, пилон и два обелиска. Начались пески, и фараон с удовольствием вдыхал сухой горячий воздух: нередко, если не доставало сил для исполнения его изнуряющих обязанностей, Рамсес стремился в пустыню и обычно она ему помогала.

Стражи Собека, при полном параде, образовали своего рода почетный караул, сопровождавший самодержца на всем пути следования мимо пяти укреплений. За охранниками тянулись высшие чиновники. Среди них — фиванский градоправитель, главный управитель западного берега и казначей Мехи.

И эти сиятельные сановники были неприятно поражены вмешательством Собека, приказавшего всем сопровождавшим царя остановиться.

Разъяренный Абри даже сошел со своей колесницы.

— Что вы себе позволяете? Мы же входим в царскую свиту!

— Приказ фараона: никто не продвинется дальше. Ни на шаг.

— Этому невозможно поверить! Мы непременно должны присутствовать при свершении обряда и...

— Торжественное освящение храма проходит в священной ограде Места Истины, а допускать вас в ее пределы дозволения не имеется.

Недовольные голоса вскоре умолкли. Но командующий Мехи, выказывая полнейшее

спокойствие, почувствовал себя глубоко оскорбленным. Виновником его неприятностей опять оказалось проклятое братство. Что ж, врата опять захлопнулись перед самым его носом. Но это не навечно.

Все жители селения во главе с Кенхиром и обоими начальниками артелей облачились в праздничные одеяния из льна самого высокого качества, возложили на головы свои парики и надели самые лучшие украшения, сработанные золотых дел мастером, жившим в общине.

Когда Рамсес вступил на главную улицу, мужчины, женщины и дети пали ниц. Даже Панеб Жар был поражен мощью, исходившей от великого старца.

Неби и Каха сопровождали фараона на всем его пути к только что завершённому святилищу. Опиравшийся на посох самодержец явно шагал с трудом, но ни разу не сбился с дороги. В Месте Истины он знал всё: не было для него тайн в сокровенном селении Египта.

Среди прочих обязанностей ведуньи были и обязанности верховной жрицы, главы жриц Хатхор, и потому она стояла на пороге святилища, ожидая царя.

— Врата храма сего распахнуты, — сказала она, — дым курящихся благовоний восходит к небесам, тысячи хлебов, тысячи кувшинов пива и все, что угодно и любезно богу, возложено на алтари. Да хранит бог фараона и да дарует фараон процветание святилищу сему.

Рамсес Великий обратился лицом к братству. Глас его не походил на голос немощного старика, но был исполнен такой властной силы, что Панеб Жар оцепенел и не мог бы сойти с места.

— Мне ведома доблесть ваша, и я знаю, сколь умелы руки ваши, трудящиеся над самым твердым камнем и обращающие его в подобие самого дорогого и тонкого золота. Задача ваша тяжка и требует от вас многого, но известно вам, как общаться с веществами, дабы извлекать сокрытую в них красоту. Творение, создаваемое вами, есть первейший залог счастья и благополучия страны. Будьте же и впредь верны закону Маат, преисполняйтесь твердости и действенности, и поддержка фараона не оставит вас и усилия ваши не пропадут втуне. Ибо я покровительствую ремеслам вашим, и нет недостатка у вас ни в чем, что потребно для исполнения ваших трудов. Ради вас полноводным потоком, подобным паводку высокому, текут вереницы плодов земли нашей, и вам с рвением служат сонмы помощников. И если сердца ваши открыты любви к творчеству, никакое зло не повредит рукам вашим. И только чистые сердца в вас мне угодны, ибо вы — дети мои и соработники мои в храме моем.

Кенхир, получавший под расписку то, что доставлялось в селение по воле Рамсеса, знал что царь не попусту хвалится, сравнивая снабжение братства с разливом реки: в ближайшие дни должны были поступить тридцать одна тысяча печеных хлебов, тридцать две тысячи сушеных рыб, шестьдесят шматов как сушеного, так и вымоченного в уксусе мяса, двести кусков мясной вырезки, сорок три тысячи пучков зелени, двести пятьдесят мешков фасоли, сто тридцать два мешка зерна разного, а также пиво и вино высшего качества. Празднества обещали быть пышными.

Вооружившись большими теслами из позолоченного дерева, оба начальника артелей произнесли подобающие обрядовые речения, отверзающие уста и очи храма, к которому Рамсес нарек имя хену, «Внутреннее». В покоях, где собрались мастеровые и жрицы Хатхор, самодержец встретился с изваянием своего ка, своим каменным двойником, которого создал Неби.

— Фараон родился со своим ка, своей творческой мощью, — изрек Рамсес, — он

возрастал с нею, и эта мощь неустанно хранила узы, связующие нас с богами и предками нашими. Существо не станет истинным, если не соединится со своим ка, питаемым Маат, и здесь, в Месте Истины, вовеки да пребудет ка царя.

Слова фараона вдохнули жизнь в изваяние ка, установленное в святилище, где оно и будет жить впредь, существуя вполне независимо и самостоятельно. Каменотесы воздвигнут перед ним стену, проделав в ней узкую щель, дабы изваяние могло через нее созерцать мир и изливать в него лучи своей деятельной силы.

До чего же хотелось Панебу засыпать тысячами вопросов главу и наставника братства, каждое слово которого врезалось и впечатывалось в память молодого человека. И он окончательно поверил, что, какими бы ни были будущие рисунки и сооружения, смысл они обретут лишь тогда, когда их оживит та самая магическая сила, тайна которой ведома братству.

Под руководством Неби мастеровые установили на место последний камень святилища — изваянную Нефером Молчуном известняковую надвратную перемычку с многоцветным рельефом, который расписал Шед Избавитель.

— Кто создатель сего творения? — спросил царь.

— Нефер, ваше величество, — ответил начальник артели.

Молчун отвесил низкий поклон.

— Я всего лишь исполнитель, ваше величество. Сюжет подсказал писец Рамосе, а художник Шед...

— Знаю.

«В первый раз слышу, — подумал Панеб, — чтобы Молчун так разговорился».

— Ведом ли тебе смысл слова хеш, Нефер?

— «Служение» и... «Величие».

— Мы все здесь — служители Великого Творения, которое свершается в Месте Истины, и должно нам всецело посвятить себя сему Творению. Однако служение не исключает руководства: без благого руководства не будет и подлинного служения. А теперь оставьте меня наедине в храме сем.

Если бы Паи Доброхлеб не потянул Панеба за рукав, юноша, поди, так и не ушел бы вслед за другими. Молодой великан был настолько заморожен Рамсесом, что мог бы нечаянно подслушать беседу царя с его ка.

Рамсес Великий готовился к отбытию в Долину царей, намереваясь осмотреть свою обитель вечности, где незадолго до его прибытия трудился Шед Избавитель сотоварищи, накладывая последние штрихи.

А поить коней фараона, точнее, таскать свежую воду для лошадей, стоявших в тенечке под навесом, поручили Панебу. Проходя мимо колесницы, молодой человек глянул на крепкие колеса. Поразительная работа: ни выбоины, ни бездорожье такому возку нипочем; как-никак, он и столяром побывать успел и какое-никакое суждение о таких вещах имел.

Лошади мирно пили воду и вообще вели себя очень спокойно, так что Панеб смог позволить себе отвлечься и присмотреться к одной мелочи, которая резала ему глаз. Все спицы колес были выкрашены золотисто-желтой краской, однако одна из них была чуть ярче прочих, и это почему-то встревожило будущего рисовальщика.

— Что, недавно чинили? — спросил художник у колесничего.

— Не знаю, это не моя работа.

— А откуда эта колесница?

— Из главной казармы в Фивах. Там знатоков хватает, они и смотрят за этим делом.

— Могли бы и получше смотреть.

— Что, у тебя своих дел мало, парнишка?

Панеб запросто мог бы разmozжить голову этому служивому, чтобы тот не мешал осматривать колесо, но чем связываться с глупым воякой, почел за лучшее действовать в должном порядке и рассказал о своих наблюдениях начальнику артели. Тот немедленно вызвал плотника Диди.

Мастер вмиг сообразил, что спицу недавно заменили и потому она бросается в глаза: краска-то совсем свежая. Но он присмотрелся к ней внимательно: раз старая спица вылетела, значит, в колесе на этом месте изъян, вон, паз в ступице разболтался, а коль скоро дефект не устранили, то слабина будет усугубляться и, можно опасаться, довольно скоро приведет к более тяжким последствиям. То есть колесо на полном ходу развалится, а колесница перевернется. А подобная неприятность, даже если скорость не будет слишком большой, грозит престарелому самодержцу серьезной травмой, чреватой смертельным исходом.

В итоге нашлась запасная колесница, и ее тоже тщательно и самым надлежащим образом проверил Диди. Именно на ней поедет Рамсес, а сопровождать его будут оба начальника артелей, Шед Избавитель и несколько мастеровых, в том числе Нефер Молчун.

Панеб понял, что его друг взошел на новую ступень служебной лестницы и, значит, Нефер, быть может, войдет в царскую гробницу. Но о чем Жар и думать не думал, так это о том, что его бдительность спасла и фараона Египетского, и Место Истины.

Запершись в кабинете своей роскошной загородной усадьбы, Мехи яростно рвал старые папирусы. На этот раз сомневаться не приходилось: Рамсес уберется по чистой случайности. Суеверные, чего доброго, заговорили бы о сверхъестественном заступничестве. Вредительство было слишком хорошо продумано и еще лучше исполнено: к порче колеса был привлечен мастер своего дела, получивший щедрое вознаграждение и, разумеется, не догадывавшийся, зачем понадобилось вставлять ненадежную спицу в расшатавшийся паз. Подготовленное таким образом колесо было доставлено на плац казармы, а замена колес

царской колесницы была поручена первому подвернувшемуся воину, который, как надеялся Мехи, ничего необычного не заметил.

Несчастный случай был настолько тщательно подготовлен, что казался неминуемым. Если бы один из мастеровых Места Истины не выказал неуместное любопытство. Конечно, уже обвинили войскового интенданта, отвечавшего за состояние колесниц, а бойцов из подотчетной ему службы успели и наказать. Однако действовать надо было быстрее, чтобы наверняка обрубить ниточку, потянув за которую можно было бы добраться и до самого Мехи.

Наконец настал вечер.

— Ты куда это на ночь глядя? — удивилась было супруга.

— Один документ понадобился.

— Подождал бы до утра. Завтра день будет.

— Занялась бы лучше ужином, Серкета. Чтобы повар сегодня постарался получше, а не так, как вчера.

Вот если бы колесница опрокинулась, а Рамсес погиб, то весь Египет погрузился бы в траур, а про колесо никто бы и не вспомнил. Но раз уж неисправность была обнаружена, то, скорее всего, будет затеяно расследование.

Выйдя во двор, командующий вскочил на коня и доскакал до тамарисковой рощицы. Там он спешился и торопливо дошагал до мастерской столяра. На счастье, у старика недавно то ли пала, то ли пропала собака.

Дед сидел за столом и в одиночестве поедал разогретые бобы.

Неслышно подкравшись сзади, движением столь же резким, сколь и точным, военачальник нахлобучил на голову жертвы мешок из плотной ткани. И, сомкнув пальцы на горле столяра, терпеливо дождался, пока тот задохнется.

Потом проверил пульс. Сердце старика не билось.

Командующий мог не опасаться ненужных кривотолков.

На этот раз Мехи принимал Дактаира в рамках своих должностных обязанностей: как главный казначей Фив он имел полномочия проверять, как расходуются средства, отпускаемые городской казной. Отныне заговорщики могли встречаться открыто, не прячась от посторонних.

Необычайно взбудораженный жирненький человечек не переставал теребить бороду.

— Положение мое невыносимо, — пожаловался он. — Два года я упорно работал, не зная покоя ни днем ни ночью, над созданием совершенно нового приспособления, которое заменило бы прежние шадуфы, [\[1\]](#)применяемые для орошения. И вот — получилось!

— Так радоваться надо, — удивился Мехи подавленному тону союзника.

— А то я не рад. Но начальник приказал мне забыть об этом превосходном изобретении!

— Почему?

— Благодаря ему заниматься оросительным земледелием станет куда легче. Но начальник считает, что орошаемые земли вырастут до недопустимых пределов и это вызовет страшные бедствия. По его мнению, должно считаться с природными ритмами и почитать предания. Но если царство идет по такому пути, оно не продвигается вперед, но откатывается назад.

— Не теряй уверенности, Дактаир, и дай мне время утвердиться в новой должности. Обещаю тебе, что однажды ты станешь вольной птицей и получишь полную свободу рук. А я

привык выполнять свои обязательства.

— Скорее бы... тем более что я наткнулся на пару весьма любопытных следов.

— Это касается Места Истины?

— Мой начальник выказал особенную бдительность в отношении некоторых документов. И я, можно сказать, по его наводке, схитрил и выяснил кое-что весьма достоверное. Существуют экспедиции, организуемые с соблюдением чрезвычайных и тайных предосторожностей. Цель этих предприятий — доставка сырья: свинцового блеска [12] и битума.

— А узнать еще что-нибудь можешь?

— Боюсь, это будет слишком рискованно. Я не более чем помощник, и чем дальше, тем меньше меня ценят.

И все же я убежден, что мы приблизились к нашей цели. Должно быть, свинцовый блеск и битум тайно поставляются мастеровым. Если мы узнаем, где их добывают, я смогу выяснить, как они используются.

Мехи грезил о производстве новых видов оружия, а Дактаир, быть может, сумеет нащупать верное направление. Довольно будет скинуть старого жреца бога Амона и поставить на его место Дактаира, а когда Дактаир возглавит исследования, то включить его в состав экспедиции будет совсем несложно.

Какой провал!

Начальником фиванских оружейников служил жрец из Карнака, принадлежавший к очень сильному и издревле сплоченному клану, верховным предстоятелем которого был великий жрец бога Амона. Он назначался с ведома и одобрения фараона и властвовал над баснословно богатым уделом. Ни градоправитель Фив, ни иные сановники не имели права вмешиваться во внутренние дела жречества. И потому попытка ходатайствовать о перемещении какого-либо Жреца на другую должность представлялась не только напрасной, но и опасной.

Командующий, однако, отступаться не собирался и для начала собрал как можно больше сведений о неудобном жреце. Семьдесят лет, женат, две дочери, ни в чем не нуждается, в неблагоприятных пристрастиях не замечен. Воспитанник школы при храме, слышет искушенным ученым мужем и достойным человеком, к мнению которого прислушиваются.

Едва ли не самое излюбленное оружие Мехи, то бишь клевета, скорее всего, не поможет. Кто же поверит, что священнослужитель в летах, известный безупречной нравственностью и имеющий за плечами опыт многолетнего служения, вдруг стал приударять за девочками или напиваться до умопомрачения? Человек цельный, неподкупный. Если уж бить по такой мишени, то сильно и наверняка.

Посеять сомнение в его руководящих способностях, указав, что работы по совершенствованию оружия слишком дорого обходятся и храму, и городу? Очень уж опасный довод: хорошо, жреца убрали. Но средства, выделяемые его преемнику, наверняка урежут.

Решения не было, и Мехи был близок к отчаянию, но вдруг ему улыбнулась удача: приятные вести пошли дружной чередой. Сначала умер старый жрец, причем естественной смертью; затем жречество Карнака, занятое внутренними дразгами, не удосужилось предложить преемника из своей среды; наконец, главный казначей Фив и его приспешник Дактаир сумели воспользоваться передышкой и подделали документы, так что получалось,

что покойный страстно желал, чтобы бразды правления достались его заместителю.

Известный всем как муж весьма ученый, сведущий и вхожий в высшее фиванское общество, Дактаир занял ту самую должность, о которой так долго мечтал. По совету Мехи он воздержался от бурных выражений радости, ограничившись формальной благодарностью за столь высокую оценку его скромных заслуг. На приеме у визиря Дактаир обратил внимание своего высокого руководителя на трудные задачи, стоящие перед учреждением, вверенным его попечению, и выражал неколебимое намерение следовать по стопам своего усопшего предшественника, ни на шаг не отступая от курса, начертанного безвременно ушедшим мудрецом.

Окрыленный успехом Мехи провернул совсем уж мастерское дельце: работы были перемещены в новые помещения, выстроенные близ Рамсессеума. Переезд объяснялся желанием разгрузить и без того переполненный конторами и административными учреждениями город. При этом предполагалась немалая экономия казенных средств, отпускаемых на исследования.

Таким образом Дактаир получал бесспорное законное право передвигаться в окрестностях Места Истины, пребывая — теоретически — под надзором Абри, верного союзника Мехи. Близость несметных сокровищ, несомненно, должна была подстегивать ученого и еще сильнее распалять в нем как желание скорейшей победы над врагом, так и страсть к поискам.

Командующий был уверен, что коль уж он стремится к власти и могуществу, то ему необходима прочная опора. А на что еще полагаться, если не на безусловную поддержку соратников, которые всем ему обязаны? Тем более, что на своем пути к завоеванию власти он сумел продвинуться уже достаточно далеко. И оказался на пороге решающего этапа.

Панеб Жар места себе не находил и только метался, как лев в тесной клетке, по собственному жилищу.

— Сел бы да поел, — попробовала успокоить мужа Уабет Чистая. — А то, гляди, все остынет.

— Да не хочу я.

— Чего ты так мучаешься?

— Рамсес Великий отбыл, начальник артели тоже смылся, художника с рисовальщиками и след простыл! А Нефер и вовсе испарился!

— Да что с ним сделается?

Панеб пожал плечами:

— А то ты знаешь, где он прячется.

— Да нигде и ни от кого твой друг не прячется. Его допустили в «Дом Золота».

У молодого человека глаза на лоб полезли.

— Что это еще за «Дом... Золота»?

— Самая тайная часть селения.

— А где это?

— Понятия не имею.

— А как ты думаешь, почему перед Нефером все двери распахиваются?

— Учти, я — жрица Хатхор... А она — богиня благоволящая и верных своих доверием не оставляет.

Панеб оторвал Уабет Чистую от земли и поднял ее с такой легкостью, словно это была не девушка из плоти и крови, а какая-то пушинка невесомая. И приблизил ее лицо к своему.

— Выкладывай. Все, что знаешь.

— Я — хорошая супруга и от мужа своего ничего не скрываю.

Груди Уабет Чистой ничто не прикрывало: кроме набедренной повязки из грубого льна, на ней ничего не было. Да и та вдруг развязалась и поползла вниз, пока не спала с ног. Так что пространство между женщиной, которую вознес в воздух ее молодой муж, и им самим заполнило ничем не сдерживаемое приятное тепло, излучаемое хрупким девичьим телом.

Панеб пытался совладать с собой, но девушка была столь прекрасна в эту самую минуту...

А Уабет, почувствовав, что мужа охватило желание, обвила ногами его поясницу. И жадно предалась доселе неизвестной и мощной радости. Наконец-то она стала ему настоящей женой.

Мощные удары в дверь разбудили Уабет. Все еще погруженная в приятные переживания, подаренные супружеским ложем, молодая женщина накинула на себя первое попавшееся одеяние и пошла открывать.

На пороге стояли трое: Гау Точный, Унеш Шакал и Паи Доброхлеб. Лица — непроницаемые.

— Нам Панеба, — сухо сказал Гау.

— Чего вы от него хотите?

— Приказ начальника артели. Срочный.

Панеб был уже на ногах. Он успел позабыть про любовные игры и теперь выжидающе

установился на мужчин.

— Да мы это, — заверил его Гау. Его большое, но слегка расплывшееся тело заканчивалось суровой и к тому же нескладной физиономией, которую, как назло, украшал слишком длинный нос.

— И куда мы?

— Сам увидишь.

— А если не пойду?

— Оставишь Место Истины. Для всякого пожелавшего уйти врата распахнуты настезь.

Панеб надеялся, что хоть Паи Доброхлеб глянет на него дружелюбно, но вид у того был таким же неприступным, как и у двоих его товарищей.

— Ладно, идем. Только учтите: если что, буду защищаться.

Гау Точный пошел первым, а Унеш Шакал и Паи Доброхлеб встали по бокам Панеба, Шли обычным шагом, не торопясь, но размеренно. И пришли к святилищу, в котором проходили собрания правой артели.

На пороге стоял плотник Диди.

— Твое имя?

— Панеб Жар.

— Желаете ли познать таинства судостроительной верфи?

«Верфь»... Нефер уже прошел через это! И — Панеб уже знал это — «верфью» называли место сбора членов братства.

— Желаю.

— Верфь, ^[13] — уточнил Диди, — есть в действительности мастерская, в которой рождаются плотники, ваятели, рисовальщики и произведения, приносимые ими в мир. Судно общины в этой верфи словно бы разобрано на отдельные части. А мастеровые Места Истины собирают их воедино. Гляди, Панеб: если ты — особь, неспособная на связь с другими, ты не познаешь здесь ничего иного, кроме разочарований. Не отступишься ли ты?

— Я упорствую.

Лили с тремя рисовальщиками ввели Панеба в помещение для очищений, и там Гау Точный измерил его тело шнуром.

— Бог творил мир числами и сотворил его соразмерным, — пояснил Гау. — И это явлено в нас: соотношения между нашими мерами гармоничны.

Паи Доброхлеб побудил Панеба преклонить колени и обратил его лицом к каменному кубу. Ладони Панеба, возложенные на камень, были омыты водой очищения, изливаемой из сосуда в виде знака анх, что значит «жизнь». Этот сосуд держал Унеш Шакал.

Когда Панеб поднялся, Паи Доброхлеб нанес на его ладони умащение, а затем начертил на внутренней стороне каждой изображение глаза.

— Теперь твои руки готовы творить, око сделало их зрячими.

Угол помещения был занят небольшим бассейном, заполненным водой. Унеш Шакал разоблачил Панеба и велел ему окунуться.

— Только вода смывает сковывающие тебя путы, — сказал он. — Она очистит тебя подобно тому, как очищает она неустанно силы творящие. И сделает она тебя восприимчивым к мощи истока, к силе первоначальной, а без этой силы наши сердца и наши руки остаются косными и недвижимыми.

Ощущения Панеба были странными. Он-то думал, что вода как вода, но она обволакивала его тело наподобие защитного одеяния и оставляла ощущение легкости,

приятной и в то же время тревожной.

Но надо было вылезать из купальни. Трое рисовальщиков подтолкнули его к порогу святилища собраний.

С одной стороны врат стоял начальник ваятелей Усерхат Лев, с другой — художник Шед Избавитель. Первый был в маске сокола, второй — в маске ибиса. Сокол Хор держал перо Маат, ибис Тот — знак жизни.

Из полумрака вышел начальник артели. Он повесил на шею Жара украшение, к которому было прикреплено изображение сердца.

С верхушки и из основания знаков, которые были в руках у Хора и Тота, исходило свечение.

Когда оно коснулось тела Панеба, он ощутил укол, но больно не было. Словно бы зажглось приятное пламя, просачивающееся внутрь тела подобно солнечному лучу после прохладной ночи.

Свет факелов озарил помещение. Панеб увидел, что здесь собрались все мастерские артели, в том числе и Нефер.

Начальник артели воссел на свое место.

— Братство наше есть барка, назначение коей — странствие по водам небесным. Ты был призван на эту барку, и тебе было дано видеть свет в святилище сем; да будет дана тебе сила, дабы сумел ты ухватиться за канат на носу ночной барки и за канат на корме дневной барки, и да будет дарован тебе свет на небесах, творящая мощь на земле и праведность гласа в царстве мира иного.

Панеб напряженно глядел, как Нефер Молчун, Каза Тягло и Диди Щедрый медленно собирали воедино различные деревянные детали, пока у них не получилась маленькая барка с небольшим святилищем на палубе.

— Да пребудет таинство сие в душе твоей, Панеб. Чем далее ты продвинешься по дороге, тем понятнее тебе будет его смысл.

На правом плече Жара Гау Точный начертал сосуд, знак душевной чистоты, Унеш Шакал добавил скипетр, означающий силу, а Паи Доброхлеб — хлеб, символ приношения.

— Мне, как старшему мастеру, — заговорил Неби, — ведом смысл божественных речений. Все мастерские Места Истины со временем познают его, совершенствуясь в своем искусстве, открывая законы гармонии, учась передавать в изваяниях и изображениях, писанных красками, осанку мужчины и изящество женщины, полет птицы, поступь льва и выразительность страха или радости. Чтобы и ты, Панеб, в свой черед постиг все это, тебе должно трудиться, не давая себе поблажек, и накладывать краски, составленные так, чтобы они и в огне не горели, и в воде не растворялись, и на воздухе не выцветали. Эти тайны ремесла не могут быть открыты ни единому непосвященному. Обязуешься ли ты хранить их, что бы ни случилось?

— Жизнью фараона и жизнью братства, клянусь.

— Шед Избавитель и рисовальщики правой артели берут тебя в обучение. С этого дня ты принадлежишь им и выполняешь те задания, которые они тебе поручат.

После посвящения Панеба и последующего пиршества Гау Точному очень хотелось немного отдохнуть. Он часто ощущал усталость, особенно после возлияний, и ведунья уже дважды спасала его от приступов боли в печени.

Но подмастерье постучался в двери мастерской уже на утро следующего дня и был не намерен терять ни единого мгновения, так что Паи Доброхлеб, разбуженный приставаниями Жара, был вынужден вызвать Гау.

— Я готов, — сообщил Панеб. — С чего начнем?

— Тайны нашего ремесла передаются только в нашем кругу, в кругу рисовальщиков. Если твое поведение недостойно или способности недостаточны, мы тебя выгоним, решительно и бесповоротно. Задача наша весьма нелегка. Она требует знания иероглифов, речений богов, искусства проводить точные линии и накладывать верные краски. Вздумаешь творить по собственному разумению — вылетишь вон из этой мастерской.

— Покажи мне то, с чем я буду работать.

Чтобы отвязаться от надоедливого Панеба, Гау Точный поплелся, еле волоча ноги, к прямоугольному коробу и извлек из него письменный прибор писца, ступки, пестики, кисти, щетки и нож.

— Этот вот письменный прибор будет твоим, не давай его никому. Ямки видишь? Есть круглые и есть квадратные. В них ты будешь накладывать краски. Те, что понадобятся.

— А как их готовят?

— Это мы потом поглядим. Не торопись. Пока довольствуйся теми составами, которые мы приготовим. Будешь разводить их в чашечке с водой, а смешивать в ступке. Размельчать и размешивать — вот, пестик есть. Ладно, теперь можешь попробовать.

Гау был уверен, что юному богатырю придется помучиться, пока у него выйдет более или менее сносный оттенок. Но Панеб Жар не стал ничего пробовать: прикинул на глаз, сколько воды в чашке, потрогал красную краску — ага, мелкая вроде, развел краску водой и поболтал в воде пестиком, не прикладывая лишней силы.

Гау постарался не выдать своего изумления и продолжил лекцию тем же ледяным тоном.

— Обзаведешься черепками и скорлупками. Они тебе понадобятся, чтобы пробовать оттенки приготовленных тобой красок, особенно если смешивать будешь. Все цвета должны быть одинаковой яркости. Кистями и щетками овладеть нелегко, многие на этом ломаются.

Какое разнообразие! Сколько же этих кистей! Вот совсем тоненькие тростиночки, простенькие и расщепленные на конце. А эти потолще, а вот огромная щетка из связанных пальмовых волокон, а эта из пальмовых прожилок, расплюснутых на кончиках. Эта вот совсем длинная, зато узкая, а эта — широченная, а еще шпатели... Толстые и тонкие, с заостренными кончиками и круглыми — да с таким богатством чего только не нарисуешь! Да хоть всю вселенную со всеми ее тайнами!

И на этот раз никакой это не сон. Вот же перед ним орудия, о которых он столько мечтал. И он перебирал все это богатство, нежно и уважительно дотрагиваясь до каждой мелкой вещички. Жар готов был расплакаться — никогда еще он не был так счастлив.

К действительности его вернул хриплый голос Гау:

— Собирай свои манатки и шагай за Паи Доброхлебом. Он даст тебе первое задание.

Все еще пребывая в эйфории, Панеб пошел вслед за явно невыспавшимся рисовальщиком.

— А мы куда?

— Это будут твои первые опыты, верно? А раз так, наверняка ничего хорошего у тебя не выйдет. А еще Гау терпеть не может, когда есть хорошо подготовленная поверхность, а на ней ничего не нарисовано. Вот он и решил испытать тебя там, где, если что, никто, кроме тебя, не пострадает. Дом свой расписывать будешь, понял?

Уабет Чистая с тревогой глядела на Панеба, который с важным видом раскладывал на низеньком столике в гостинной щетки и кисти.

— Да на что это нужно — украшения всякие? По мне, и так хорошо и лучше не надо.

— Я ремеслу учусь, — оборвал ее на полуслове Панеб.

— Какие цвета хочешь? — спросил Паи Доброхлеб.

— Красный, желтый, зеленый. Хочу полосы сделать длинные, одна над другой.

— А ты уверен, что стенка подготовлена как следует?

— А то! Сам все делал. Дыры глиной залепил, а чтобы она воду держала, смешал с соломой. А сверху — гипсовой штукатуркой.

Паи недоверчиво хмыкнул.

— Ну ладно, подумаешь, дом. Тут твой промах никого не волнует... А вот если в храме или обители вечности... Там нельзя.

— Какой еще промах?

— Да стена у тебя — неживая.

— Мертвая, что ли?.. Растолкуй, что сказать хочешь.

— Уж очень гладкая. Потому жизни ей недостает. Всякая перегородка должна быть слегка волнистой. Если все совсем уж ровно и очень жестко, то получается мертвечина. И руке твоей эта гиблость не дастся.

Панеб поглядел на стену другими глазами. Он не спорил: да, ему еще учиться и учиться, но посвящение открыло перед ним врата в иной мир, где нет ничего бессмысленного.

Юноша приготовил краски и, руководствуясь только своим чутьем, нанес несколько широких полос в нижней части стены.

Паи Доброхлеб глядел, как новичок берется за дело, и только диву давался: уж очень уверенно вел себя Панеб. Юный рисовальщик выбрал хорошую кисть, а первая полоса если и была кривовата, то чуть-чуть. Даже Уабет Чистая заинтересовалась и зачарованно глядела, как ее муж набирает кончиком кисти нужное количество краски, и вот неживая стена заиграла. Когда треть поверхности была расписана, Панеб остановился.

— Хватит, — решил он. — Иначе перебор будет. Как думаешь, Паи?

— Есть один прием, он помогает точно понять, где остановиться.

— Так почему ты меня ему не научил?

— Да вот не знаю, готов ли ты его перенять.

— Так что за прием-то?

— Просто попробуй сделать по-другому...

Панеб понимал, что ему еще предстоит столкнуться со множеством трудностей: дорогу надо прокладывать самому и, если понадобится, силой. Но раз уж ему удалось заполучить такие инструменты, ему ничего не страшно!

— Хочешь научиться рисовать кое-какие фигуры? — спросил Паи.

— Покажи.

Рисовальщик выбрал табурет о трех ножках попрочнее и, взгромоздившись на него, набросал тонкой кисточкой на стене вязанку камыша.

— Этот знак волшебный: его чары защищают дом, — пояснил Паи. — Лучше бы расписать ими целый фриз. Но повторить такой рисунок непросто.

Панеб немедленно попробовал нарисовать сноп камыша, и у него довольно неплохо получилось. Паи лишь слегка подправил, не говоря ни слова. Панеб был достаточно наблюдателен, чтобы не повторять одних и тех же ошибок.

— Что, по-твоему, годится для росписи дома? — спросил наставник.

— Узоры — цветы всякие, завитки. Чтобы не надоедало глядеть на одно и то же изо дня в день.

У Панеба в голове уже успело созреть множество самых разнообразных идей и замыслов. Он уже столько раз пытался их воплотить на песке и на черепках. Но все это были лишь наброски.

— Сделаешь мне одолжение, Паи?

Рисовальщик замялся:

— Смотря какое...

— Пусть бы у тебя моя жена переночевала, а? До завтра. Хочу попробовать разукрасить это жилище, и хорошо б никто не мешал.

— Да на такую работу... недели мало!

— Так я хоть план придумаю. Чтоб было о чем с тобой советоваться.

— Как хочешь... Ну, тогда до завтра.

Уабет Чистой нисколько не хотелось уходить даже ненадолго из обжитого дома, правда, жена Паи Доброхлеба приняла ее очень радушно. И все равно ночь она проворочалась и еле дождалась рассвета, чтобы на законном основании поспешить к себе.

Но когда Уабет вместе с Паи перешагнули порог, оба замерли от удивления.

По верху каждой из стен красовался фриз из оберегов в виде вязанок камыша, и каждый сноп был выписан точно и подробно. Но это еще не все. Сами стены комнат были расписаны цветами лотоса, виноградными гроздьями и виноградными же листочками, желтыми цветами майорана, красно-коричневыми маками, ромбиками, клеточками и сложными завитками.

Уабет Чистая только глазами хлопала, словно бы опасаясь, что наваждение развеется. Но чудеса никуда не девались.

— У меня самый красивый дом в деревне... Но куда подевался Панеб?

Вбежав в спальню, она кинулась к мужу, который вытянулся на ложе, отдыхая после трудовой ночи.

— Ой, как здорово, милый, как красиво! Мы теперь живем в настоящем дворце! И это все ты!

Ошарашенный Паи Доброхлеб упорно искал, к чему бы придраться, — и не находил. А ведь парня еще даже не посвятили в тайны рисовальщиков и живописцев! В своем роде выдающееся дарование. Видимо, чувство пропорций и цветов у него врожденное.

Если злая судьба или тщеславие не низведут его способности на нет, Панеб Жар станет в ряд самых блистательных служителей Места Истины.

Став начальником оружейников в Фивах, Дактаир взял за правило ежеутренне ухаживать за своей бородой и умащать ее благовониями. Как и собирался, он объявил подчиненным, что намерен продолжить исследования, начатые его покойным предшественником, который мудро придерживался вековых традиций. Он, чужеземец, теперь считался человеком знатным. Он занимался тем, что обживал загородную усадьбу, которая обслуживалась многочисленной челядью и полагалась ему по должности. Ну и на размышления, которые он мог наконец себе позволить.

Другой бы на его месте впал в сонное оцепенение от внезапно свалившейся на него невиданной роскоши, но у пытливого ученого были иные радости. В голове его рождались все новые и новые планы, возбужденный ум алкал новой пищи, и Дактаир вновь заинтересовался свинцовым блеском и битумом. Однако никаких сведений об этих полезных ископаемых в доступных ему источниках не обнаруживалось.

Кроме одной, зато драгоценной, справки: примерно раз в два года за этим сырьем отправлялась экспедиция, и оно доставлялось в Место Истины. Коль скоро его сделали начальником, то в этом качестве его могут привлечь к организации такого мероприятия. Осталось выждать еще полгода, — вряд ли следующая экспедиция отправится в путь раньше... Не терпится, конечно, но нельзя же в открытую нарушать заведенные обычаи. К тому же скоро он проникнет в одну из тайн братства.

Селение теперь было всего в двух шагах, и Дактаир смог, ничего не опасаясь, нанять в качестве личного прачечника одного из помощников — того самого, которого он снабжал стиральным порошком. И вот в один из вечеров его осведомитель явился к нему в дом, довольно ухмыляясь.

— По-моему, у меня есть кое-что новенькое... Община получает срочные послания только через одного гонца — его зовут Упути, и он же забирает письма из селения. Человек это честный, но порой много болтает, и я люблю с ним покалякать о том о сем. Он многое подмечает — вот и проговорился, что один из мастеровых очень уж много писем пишет.

— А кому?

— Этого Упути не скажет — тайна. Но я узнал, что этот самый мастеровой проводит все выходные дни у западного берега вот уже два месяца кряду. Непривычно как-то, жители Места Истины так себя не ведут. Быть может, ему просто какие-то дорогие вещи нужны, вот он и повадился в ювелирную, скажем, мастерскую: на берегу их хватает. Но все равно обычно бывает не так...

— Надо думать, имя этого ремесленника ты знаешь.

— Узнал.

— Сколько?

— Порошком стиральным тут не обойтись. Мне медные слитки нужны.

— Ты меня разоришь, дружок.

— Такая новость дорогого стоит.

— А другие помощники тоже знают?

— Кроме меня, никто. Упути страшно расстроился, что выдал мне имя, и во второй раз не проболтается. Хотите знать — платите.

Дактаир надул губы.

— Значит, два слитка?

— Четыре.

— Три?

— Четыре... Это, быть может, удача всей моей жизни, и я ее не упущу.

— Три завтра, четвертый через неделю, если новость окажется интересной.

— Тогда три и два.

— Договорились.

Прачечник назвал Дактаиру имя мастерового и описал, как он выглядит.

Дактаиру пришлось ждать, пока закончится прием, который Мехи и Серкета давали в честь градоправителя: визирь вновь утвердил его в должности. Но нельзя же было задерживать новые сведения, тем более такие. И в самом деле, главный казначей Фив сразу же понял, что весточка крайне любопытна: у него появился шанс не только получать сведения о тайных делах мастеровых непосредственно изнутри общины, но и, возможно, заполучить лазутчика в Месте Истины!

— Как мне себя вести с ним, с этим прачечником?

— Скажешь ему, что слитки он получит завтра вечером, в пальмовой роще к северу от Фив. Пусть пошарит возле заброшенного колодца через час после заката.

— А откуда мы ее возьмем, эту медь?

— Не беспокойся, я все беру на себя. Если же вдруг тобой заинтересуется стража, объяснишь, что он общался с тобой насчет работы, предлагал свои услуги и что ты нашел его условия привлекательными. Но встречался ты с ним только раз и больше о нем ничего не знаешь.

— А насчет того мастерового...

Тоже мое дело. Чем меньше болтать будешь, тем оно спокойнее. Ты лучше займись той экспедицией за свинцом и битумом для Места Истины.

Скоро он разбогатеет... От этой мысли у прачечника дрожали коленки. Ну да, он нарушил обязательства, которые взял на себя, когда устраивался на работу помощником. Но как не воспользоваться таким случаем? Чтобы бросить постылое ремесло и купить свое хозяйство где-нибудь в Среднем Египте. Там земля не такая дорогая, как в Фивах. И заживет он там тихо и мирно, в свое удовольствие.

Сведения оказались такими ценными, что Дактаир согласился выложить своему осведомителю пята медных слитков безо всяких проволочек. И стукач мог только сожалеть, что не запросил больше.

А как только прачечник заполучит свое добро, он и домой заходить не будет. Вмиг испарится. А про Место Истины и вспоминать не станет.

«Под самой высокой пальмой, с той стороны, что напротив заброшенного колодца, — сказал ему Дактаир. — Слитки в мешке. Он слегка присыпан землей».

Прачечник оглянулся по сторонам: пусто. Да и кого понесет нелегкая в такую темень да в такую глушь? Значит, никто не увидит его с добычей.

Дактаир не обманул: мешок оказался между корней самой могучей пальмы, а вытащить его из земли большого труда не составило.

Он уже взялся за веревочку, чтобы развязать мешок, как вдруг прогремел голос, такой страшный, что кровь в жилах заледенела.

— Стой! Стража!

Перепуганный прачечник прижал свое сокровище к груди и кинулся наутек.

— Стой!

Если пригнуться да понестись во весь дух, глядишь, и ушел бы от погони. Но на пути беглеца встал мордоворот со здоровенной дубиной.

Прачечник замахнулся тяжелым мешком, и если бы чуть пораньше, то стражник рухнул бы и вряд ли бы выжил. Но в тот самый миг, когда прачечник поднял руку, его череп расколола дубина, а в шею вонзилась стрела.

И ремесленник рухнул замертво.

В засаде сидело с десятков стражей, и все они собрались вокруг трупа, который принялся обыскивать сам начальник.

— Странное дело... А предупреждали, что этот ворюга опасен. И хорошо вооружен.

— А что у него в мешке?

Начальник развязал узел и высыпал содержимое на землю.

— Камни... И больше ничего.

— Ну, умеючи таким мешком тоже можно дел наворотить. Тяжелый мешок — оружие грозное. Значит, у нас была причина обороняться.

Не выказывая ни малейшей заинтересованности, Мехи выслушал доклад: в пальмовой рощице, к северу от Фив, убит некий злоумышленник. Стражи порядка действовали в полном соответствии с законом, однако остановленный ими человек вел себя столь воинственно, что они были вынуждены применить оружие для самозащиты.

Расследование установило, что погибший был прачечником и зарабатывал на жизнь стиркой белья насельников Места Истины. Никаким авторитетом у своих товарищей он не пользовался; во всяком случае, никто из них доброго слова о нем не сказал. Более того, знавшие его помощники показали, что им случалось подозревать покойного в мелких кражах, а некоторые другие прачечники вспоминали его спесь и задиристость.

Начальник Собек подтвердил достоверность всех этих свидетельств, и дело было закрыто, оставалось лишь списать его в архив.

Мехи уже не удивлялся своему везению: безусловно, удача не переставала к нему благоволить; но разве не сам он придумывал правильные шаги и предпринимал их именно тогда, когда это было уместно. Чего ж удивляться, что его начинания приносят плоды. То есть укрепляют его положение. Что же до прачечника, то тот вел себя невероятно глупо и потому, конечно, сам виноват. А коли стукач исчез, то и Дактаир ему более не нужен, и командующий сам придумает, как воспользоваться предоставленными обоими сведениями.

Главное, не допускать опрометчивых поступков, и это ему, кажется, как будто бы удавалось. Однако на этот раз стражу использовать не получится. И потому Мехи обратился к собственной супруге:

— Послушай, Серкета, я тебе сейчас расскажу, как выглядит один человек, и ты должна будешь узнать его на пароме, том, что приходит с западного берега. Потом ты пойдешь за ним до той двери, в которую он войдет. Поняла?

— Но каждый день пристает столько паромов!

— Будешь смотреть только за угренними.

— Ты же знаешь, милый, что я терпеть не могу вставать рано!

— Тебе трудно сделать для меня такую мелочь? А, Серкета?

— А если эта докука растянется на месяцы?

— Пойми, голубка моя, это такое важное дело, что доверить его больше некому. Если не ты, то кто?

— А что мне за это будет?

— Новое ожерелье!

— Да не отказалась бы... Старые украшения уж надоели. Говорят, в Мемфисе есть один золотых дел мастер, потрясающие ожерелья с бирюзой делает, Только у него заказов... И очередь к нему огромная.

— Не беспокойся. Пусть очередь тебя не смущает.

На восемнадцатый день слезки Серкета опознала того мастерового: он прибыл на втором утреннем пароме.

А уж увязаться за ним и дойти до склада, в котором громоздилась мебель самого разного качества, труда не составило. Довольная собой Серкета то и дело проводила пальцем по шее, на которой скоро появится необычайное бирюзовое ожерелье.

Зайдя в чертежную мастерскую, соседствующую с залом собраний правой артели, Панеб неожиданно для себя увидел там Нефера Молчуна и Гау Точного. Оба разглядывали папирус, называвшийся «Образец исчислений для познания действительного и постижения неясного».

— Взглянуть можно?

— Зодчий миров упорядочил начала жизни стройно и соразмерно, — ответил Гау, — и потому мир наш не что иное, как игра чисел. В числах заключена энергия и сила, помни об этом, и тогда мысль твоя никогда не будет косной. Учение наше основано на понятии о Единице: Единое разворачивается, умножается и возвращается к себе. Искусство рисунка заключается в том, чтобы показать присутствие единства и целостности во всем сущем.

— Твое тело, к примеру, существует потому, что оно есть совокупность соразмерностей, или, как мы говорим, пропорций, — заметил Нефер. — И потому тебе нужна эта наука, чтобы рука твоя стала умной. Но не стоит упражняться в геометрии ради геометрии или заниматься математическими вычислениями ради самой математики; уклоняющиеся в эту сторону попадают в ловушку бесплодного знания.

— Начерти треугольник, — приказал Гау.

Панеб взял самую тонкую кисточку и сделал, что было велено.

— Вот один из самых простейших способов изобразить солнечный свет, — пояснил наставник. — Да пребудет этот божественный свет с тобой вовеки. Древние утверждали, что исчисление позволяет познать тайны неба, земли и вод, уразуметь язык птиц и рыб и принять облик любого существа, было бы желание.

— Так за работу!

Нефер удивился, насколько велика в его друге тяга к знаниям. Придется помочь Гау Точному, которому вряд ли достанет сил преподавать по несколько часов кряду.

Панеб быстро освоил четыре основных способа вычисления: сложение, вычитание, умножение и деление, а кроме того, научился возводить в степень, извлекать корень и решать уравнения. Все полученные знания имели свое практическое применение: с их помощью он мог теперь без труда смастерить пару сандалий или выкроить парус для барки. Он убедился, что все творения мастеров Места Истины основывались на точных расчетах. Случайности были исключены.

Потом Жару было предложено свести деление, умножение и извлечение корня к самому первичному действию — сложению. Он складывал единичные дроби, потом копался в предоставленных ему таблицах, сверяя свои результаты с верными ответами.

— Иероглиф «рот» обозначает единицу, — объяснял Гау, — ибо все образы исходят из уст покровителя нашего, бога Птаха, сотворившего этот мир словом. А теперь начерти круг.

Рука Панеба не дрогнула.

— Вот как вычисляют площадь крута: отними от его диаметра $1/9$, остаток возведи в квадрат. Это и будет площадь круга. ^[14] Такие вычисления необходимы, когда нужно, например, определить объем зернохранилища, построенного в форме цилиндра. Также они пригодятся тебе при росписи стен, ибо знания помогут тебе обустроить пространство по законам гармонии.

Нефер Молчун развернул другой папирус, и Панеб потерял дар речи от изумления.

На листе красными чернилами была вычерчена сетка из квадратных клеток, в которую черными чернилами был вписан силуэт человека. Каждой части его тела соответствовало определенное количество клеток.

— Шесть клеток от ступней до колен, девять — до ягодиц, двенадцать — до локтей, четырнадцать с половиной — до подмышек, шестнадцать — до шеи и восемнадцать — до волос. Так разгадывается гармония человеческого тела, так ты можешь рисовать его, не нарушая пропорций. Но это только один из примеров, образец: мастер может использовать и другие сетки, в которых содержатся иные пропорции.

Панеб Жар и Нефер Молчун сидели друг подле друга под звездным сводом.

— Я и не знал, что все это так интересно... Эх, жаль, я столько времени даром потратил, надо было раньше начинать учиться.

— Поверь мне, Панеб, ты не потерял ни единого мгновения. Испытания подготовили тебя, и благодаря им ты накинудся на учебу с таким пылом. И это только начало. Придет время, и ты отправишься изучать пирамиды. Это будет новый этап твоего пути.

— А ты со мной пойдешь?

— Если позволит — и велит — начальник артели.

— Тебя допустили в «Дом Золота», это правда?

Нефер замялся.

— Мне Уабет Чистая сказала.

— Сказала правду.

— Понимаю, что тебе полагается молчать, но скажи мне хоть про тот свет, что проникает сквозь стены...

— Он существует, Панеб. И ты все поймешь, если усвоишь ту науку, которую сам же выбрал.

— Откроются ворота какие-нибудь в этом селении, и сразу видно, что за ними еще таких же штук десять... Ладно, я не против. А ты был в обители вечности Рамсеса Великого?

— Долина царей и для тебя не закрыта.

— Что, я буду там работать? Я тоже?

— А разве не в том предназначение рисовальщика Места Истины?

— Я готов.

— Пока еще нет, Панеб. Ты еще не усмирил око.

— Не понял...

— Вселенная — это огромное око, части которого рассеиваются, лишь стоит на него взглянуть. Именно оно водит нашей рукой и вдохновляет на творчество. Мы должны собрать это око воедино, но прежде надлежит его усмирить, дабы оно от нас не удалялось.

Панеб так ничего и не понял, но почувствовал, что его друг готов отворить перед ним новые врата. Поглядев на усеянный звездами купол, он ощутил присутствие полного ока, которое он однажды соберет воедино своим искусством.

...Коренастый, черноволосый, широкогрудый, с пухлыми, как у младенца, пальцами на руках и ногах, Тран-Бел пил и ел жадно и с наслаждением. Этот ливиец вряд ли мог надеяться сколотить состояние на своей родине и потому перебрался в Фивы. А в Фивах ему улыбнулась удача. Торговец до мозга костей, не ведающий и знать ничего не желающий о какой бы то ни было нравственности, он любил только приобретать, пусть даже способы обретения богатства и не всегда соответствовали общепринятым представлениям о порядочности. Осмотрительный и хитрый Тран-Бел умел, однако, не вызывать подозрений у

властей, и слава о нем если и ходила, то скорее добрая.

— Требуют вас, хозяин, — обратился к нему один из работников.

— Некогда.

— Но все же вы бы вышли... Вид у того, кто вас спрашивает, больно важный.

«Вид важный, а нам ненужный», — подумал Тран-Бел, надеясь отделаться от очередного мелкого просителя, перекинувшись с ним парой слов.

Увидев пришедшего, он изумился.

Человек, стоявший на пороге его склада, походил на него самого. Не сказать чтобы двойник, но почти родной брат — те же черты лица, то же тело, только сложен немного по-другому.

— С чем пришел, друг?

— Ты будешь Тран-Бел?

— Ну да, я здесь хозяин, и я очень занят.

— Поговорить надо, только в месте поукромнее.

— Думаешь, можешь мной распоряжаться?

— Я это точно знаю, будучи главным казначеем Фив и командующим войсками.

Тран-Бел сглотнул слюну.

Он был наслышан об этом Мехи. Поговаривали, что он безжалостно расправлялся со всеми, кто посмел встать у него на пути. Но с чего бы столь высокому сановнику возиться с такой мелочью, как чужеземный купец?

— Пойдемте... У меня есть угол, я там старые документы складываю.

Тран-Бел почувствовал, что ветер переменился. Где же это он так промахнулся, что такая грозная особа прознала про его существование?

В закутке было темновато и повсюду валялись исписанные таблички. Зато тихо, — суета мастерской сюда не доходила.

— Желаете с документацией моей ознакомиться?

— То, что ты мелкий прохвост, норовящий облапошить и покупателей, и казну, я и так знаю. Пусть при случае другие с тобой разбираются. Но ты пользуешься услугами мастерового из Места Истины. А это не просто правонарушение. Такое тяжкое преступление заслуживает самой суровой кары.

Ошарашенный Тран-Бел и не пробовал отпираться.

— Ну, знаете, оно само так получилось... Он мимо шел, а у меня мебель была выставлена. Ну, он и привязался: куда это годится, ткни и развалится, и все такое. Я ему и говорю: а ты покажи, как лучше. А он: ну, давай, только барыш пополам. Так он и повадился сюда, и делает для меня самые лучшие вещи.

— А ты сбываешь их по куда более высоким ценам, чем указываешь в отчетах.

— Да я просто не успел сообщить об этом! Это же совсем недавно началось и неизвестно сколько продлится...

— Ну-ну, ври больше.

Тран-Бел ушам своим не верил.

— Положим, что этот мастеровой пристал к тебе с непристойным предложением, а ты согласился, только чтобы отвязаться. Но ведь судят по результату. Я согласен закрыть глаза на твои проделки, но при условии, что ты сообщишь мне все входы и выходы твоего подельника, расскажешь, что за услуги он тайком оказывает тебе, и разузнаешь о всех его тайных заработках.

— Рад вам служить, — выдохнул ливиец с облегчением. — Не желаете ли иметь долю с моих доходов?

Взгляд Мехи поверг дельца в состояние ужаса.

— Если я беру, то я беру все. Не забывай, что сведения твои должны быть полными и точными. О нашем договоре никому ни слова, сам понимаешь. Один крошечный неверный шаг — и тебя не будет.

Каждый день Уабет Чистая старательно очищала все закутки жилища от пыли и принесенной ветрами трухи, а раз в неделю сжигала накопившуюся кучу мусора. Как и всякая хозяйка, она знала, что чистота — залог благополучия в доме, и ревностно соблюдала это правило. Панебу казалось, что она перегибает палку, но бороться с женой он не пытался.

И каково же было его удивление, когда, вернувшись из чертежной мастерской, где он совершенствовался в геометрии, Панеб увидал, что один из стульев сдвинут со своего обычного места, а одежда супруги в беспорядке свалена на табурете. Никак стряслось что-то, иначе бы Уабет Чистая такого не допустила.

— Ты где?

— В спальне. — Голосок какой-то хрупкий, надтреснутый.

Панеб обнаружил жену лежащей в кровати.

— Хвораешь?

— Ты знаешь, что из сердца исходят протоки, тянущиеся ко всем частям тела? Это Ясна мне рассказала, когда я пошла к ней советоваться. В сердце же зарождается семя жизни, и когда два сердца встречаются...

— Ты хочешь сказать, что...

— Я жду ребенка от тебя, Панеб. Бирюза пользуется средствами, предотвращающими зачатие, а я нет.

Юный великан был ошеломлен. К такому испытанию он не готовился.

— Не беспокойся, за домом я ухаживать не перестану. Хочешь послушать, на что это похоже?

Жар улыбнулся и нежно притронулся обеими ладонями к телу своей супруги.

— Признаюсь, ты заставила меня заинтересоваться... Но тебе отдыхать надо.

— Если забот станет совсем через край, я позову жрицу Хатхор, а то и двух. У нас принято помогать друг дружке.

Уабет Чистая боялась, что Панеб воспротивится, скажет, чего доброго, что он ни при чем. Но будущий отец, похоже, еще не успел прийти в себя от изумления. Ничего страшного, подумала она, небось оправится.

Египетские законы... Мехи их просто ненавидел. Наверное, нет другого такого царства на свете, где нельзя было бы взять и выгнать скверную жену, которая до того обнаглела, что смеет производить на свет одних девок. Но в краю фараонов не моги. Хуже того: несмотря на все ухищрения нанятых им законников, главный казначей Фив не мог отнять у Серкеты ее состояния. Как ни было это невыносимо для Мехи, но, судя по всему, придется терпеть свою супругу до самой смерти. Гибель ее — скажем, вследствие несчастного случая — наверняка показалась бы очень подозрительной и привлекла бы к нему ненужное внимание; словом, с добрым именем пришлось бы распрощаться.

Более того: Серкета была посвящена во многие тайны, обнародование которых грозило тяжкими последствиями. А если ей что померещится? Вдруг вздумает разговориться? Итак, у Мехи не оставалось иного выхода, кроме как усердно трудиться над превращением жены в идеальную соучастницу.

Подарив жене обещанное дорогое ожерелье, Мехи заодно пригласил ее на длительную прогулку по Нилу — развлечения и любовных утех ради. Она радовалась не только

пирожным и фруктам, которые приносил крошечный слуга-нубиец, но и интересу, который выказывали к ней самые важные особы.

— Давно ты со мной никуда не выбирался. С чего это теперь так расщедрился? — удивилась она.

— Ожерелье подошло?

— Да ничего так... Что ты от меня хочешь?

— Работать вместе.

— На равных?

— Не получится. Я — мужчина, ты — женщина, значит, главный — я. Но мне нужен союзник. Толковый и деятельный.

Серкета выказала неподдельную заинтересованность. Наконец-то она хоть как-то развеет столь донимавшую ее скуку! А ее милый муженек никогда не узнает, какой опасности ему удалось избежать, сделав это предложение.

Она давно решила покончить с Мехи, но пока она ждала удобного момента, он успел предложить ей союз. И похоже, дельце было любопытное.

— Почему бы и нет? Только ты ничего от меня не скрываешь — идет?

— Само собой, дорогая.

— Начнем с того вечера, когда ты ушел из дома. Мол, нужны кое-какие документы.

— И что в этом странного?

— Ты вернулся без документов, за которыми вроде бы уходил.

— Какая же ты наблюдательная, Серкета!

— И куда же ты ходил тем вечером?

— В самом деле знать хочешь?

— Просто умираю от любопытства!

— Гляди, голубка моя. Ты станешь не только моей союзницей, но и соучастницей. Так что ни единого лишнего слова!

Мысль о жизни, полной опасностей и приключений, приятно возбуждала Серкету.

— Я принимаю правила игры.

Мехи говорил долго, не пропустив ни единой подробности. Во взгляде жены он читал восхищение и зависть.

— Поначалу надо действовать исподтишка, — решила она. — Но зато потом... потом нас ждет грандиозный успех, Думаешь, на Дактаира можно рассчитывать?

— Мягкотелый, лукавый, много знает, жаждет богатства и власти. Качества полезные... Абри, по мне, не такой надежный, но с ним я рано или поздно расстанусь. А ты готова выполнить первое задание?

Серкета повисла на шее Мехи.

— Говори скорее!

— Предупреждаю, дело серьезное.

— Ну и хорошо. Я не подведу.

Мехи объяснил жене, что от нее требуется, после чего они удалились в центральную каюту на палубе, где он овладел ею с обычной неистовой жесткостью.

После ежеутренних обрядов Ясна помогала ведунье, которая принимала жителей селения, озабоченных болезнями или тревогами. Супруга Нефера научилась выслушивать больных, успокаивать хнычущих детишек и возвращать уверенность тем, кому ее не доставало.

Одаренная мощной целительной силой, ведунья накладывала руки на больные места и боль уходила. Ясна следила за тем, чтобы в лечебнице не было недостатка в зельях и снадобьях: некоторые она готовила сама, и в больших количествах, остальное доставлялось в Место Истины по личному распоряжению фараона, заботившегося о подданных и потому неусыпно следившего за всеми службами, пекшимися о благополучии мастеров.

Ведунья была скупа на слова, но изо дня в день она передавала ученице свой опыт, стараясь, чтобы та больше обращала внимания не на успехи, но на ошибки и извлекала из них уроки.

Нефер, после того как его допустили в «Дом Золота», работал, не зная отдыха, над порученным ему делом и стал еще неразговорчивее, чем прежде. Но Ясне было достаточно просто посмотреть в его глаза, чтобы понять, что он чувствует. Она поддерживала супруга во всем, и он знал, что может рассчитывать на нее в любой ситуации.

День выдался утомительным. Хотя ни одного тяжелого больного не было, но зато как началась с утра, так и тянулась до вечера нескончаемая вереница мелких будничных хлопот. Уставшая сильнее обычного, Ясна хотела лишь поскорее добраться до дома и рухнуть в постель.

Но ведунья решила иначе:

— Пойдем со мной.

Ясна собрала последние силы и поплелась за своей провожатой. Та же вышла из селения и направилась на запад, в сторону заходящего солнца.

В этот час змеи и скорпионы выползают из своих нор, но женщины их не боялись.

Всякий раз, когда ведунья оказывалась на извилистой горной тропе, она, казалось, сбрасывала с себя не только усталость, но и бремя прожитых лет. Она явно становилась моложе. Ясне же, как бы ни была она утомлена, было легко следовать за своей наставницей. Седая грива ведуньи сверкала, как солнце, освещая тропинку, уходившую все круче. Наконец дорожка уперлась в молельню, высеченную в скале.

Отсюда все окрестности Места Истины были как на ладони: не только селение, но и священные долины, где упокоены фараоны и их супруги, и заупокойные храмы, в которых живут и будут жить вечно царские ка.

Ведунья обратилась лицом к молельне и сложила на груди руки.

— Человеки суть слезы Божии, — сказала она, — одни только боги рождены улыбкой. Однако благословенны люди, как паства Божия, и пасет Бог стадо свое на нивах тучных. Ибо сотворил Он небо и землю для них и вдохнул Он жизнь в ноздри их. Но восстают они против Него и привносят беспорядок на место гармонии. Когда род человеческий истребится, смятение прекратится и безмолвие воцарится на этой земле. И ты, богиня тишины, вновь сотворишь исконную красоту.

Из молельни выползла огромная кобра, вид у змеи был очень гордый. Багровые глаза словно искрились жарким огнем.

— Поклонись Меретсегер. Окажи почтение Той, что любит тишину, богине заката и покровительнице Места Истины, — сказала ведунья Ясне. — И да станет она наставницей твоей, водительницей твоей и очами твоими.

Обучение Нефера Молчуна в «Доме Золота» подошло к концу, и теперь ему предстояло пройти заключительное испытание. Он познал самые сокровенные тайны Места Истины, которые отныне должен был хранить и передавать следующим поколениям. Но достоин ли он и в самом деле такой чести?

Чтобы выяснить это, братство потребовало от него сотворить такое произведение, которое не оставляло бы сомнений в наличии у него нужных умений и особого чутья. Его ничем не ограничили и дали полную свободу действий. Неферу предстояло подвести итог тех лет, что он провел в селении, извлечь уроки из полученного опыта и создать произведение, которое одобрили бы начальники артелей и прочие посвященные высшей ступени.

По своему обыкновению, Молчун долго раздумывал. У него было множество замыслов, и в конце концов он осуществил тот, что был ему больше всего по сердцу. Посоветовавшись с Ясной и получив от нее добро, он явился к Неби, который в тот же вечер отвел Молчуна в святилище Хатхор, построенное отцом Рамсеса фараоном Сети.

Нефер поднялся по лестнице, переступил через порог, пересек открытый двор и по выложенной плиткой дорожке перешел во второй двор. Там он совершил очищение и собрался с мыслями перед жертвенником.

Затем он прошел в крытый зал, пол которого был устлан плитками, а потолок поддерживался двумя колоннами. Вдоль стен стояли каменные скамьи, на которых сидели судьи. В глубине зала виднелись ворота, обрамленные стелами с изображением фараона, обращающегося к Хатхор. За воротами находилось святилище, тайная обитель божества.

Нефер знал, что здешний суд снисходительным не будет, и страшился его приговора. Одна ошибка — и все его труды, начиная со дня вступления в братство, пойдут прахом.

- Чему ты научился у богов? — спросил начальник левой артели.
- Я пытался познать сияние Ра, творение Птаха и любовь Хатхор.
- Какие качества нужны, чтобы привести творение к совершенству? — спросил начальник правой артели.

— Знание жизни во всех ее проявлениях, широта души, цельность натуры, способность к совершенствованию в мастерстве и умение воплощать отвлеченное в действительном. Но все эти качества ничего не стоят, если они не приносят мир и благоденствие, и ни один мастеровой никогда не достигнет пределов искусства.

— Покажи нам твою работу.

Нефер Молчун снял покров и показал статуэтку из позолоченного дерева. Высотой она была примерно в локоть ^[15] и изображала Маат: восседающая богиня держала в руке знак жизни.

Унеш Шакал не напрасно носил свое имя. Длинное тонкое лицо походило на морду покровительствовавшего ему зверя, и передвигался рисовальщик с проворством и стремительностью хищника, основное предназначение которого состоит в очищении пустыни от падали и прочей мертвечины. Замкнутый, вечно начеку, глаза недоверчивые, — казалось, что Унеш зол на весь мир и не в силах этого скрывать.

Панеб всегда относился к нему с недоверием. И потому, стоя, скрестив руки на груди, перед закрытыми воротами мастерской, он был готов к неминуемому столкновению.

— Не пускаешь меня, Унеш?

— Вовсе нет.

— Я теперь полноправный член артели! Ну-ка пусти.

— А не хочешь ли узнать еще кое-какие тайны ремесла?

Панеб смерил Унеша Шакала взглядом, любопытным и недоверчивым одновременно.

— Одни учатся ремеслу в мастерских. Я предпочитаю иные места. Давай за мной, если не боишься.

Жар и не подумал трусить. Унеш шагал быстро, едва ли не бежал. Когда пески кончились, они пересекли поле, засеянное хлебами, и углубились в камышовые заросли на самой кромке канала.

— А теперь ложись-ка на живот и замри, — скомандовал он.

Панеб устроился по правую руку от рисовальщика. Комары так надоели ему, что пришлось обмазаться грязью. Вот мимо них проскользнула водяная змея.

— Гляди в оба, — посоветовал Унеш.

Панеб восхищенно уставился на ибиса: птица двигалась с таким изяществом, что можно было подумать, будто она разучивает какой-то замысловатый танец.

— Что видишь?

— Какая правильная походка... Ровный шаг.

— Шаг ибиса всегда равен одному локтю. Ибис — воплощение Тота, и он дал нам основную меру, которая начертана на предплечье бога. Слово локоть, иначе «мех», означает также «думать», «размышлять», «доводить до конца», и знание локтя позволит тебе постичь законы вселенной. А теперь можешь возвращаться в мастерскую.

Панеб Жар навсегда запомнил тот миг, когда ему была поведена история локтя, той самой меры, которой бог Тот измерил землю. Он быстро усвоил, что локоть делится на семь ладоней и двадцать восемь перстов. Когда же мастер вручил ему маленький складной локоть и сказал, что этот инструмент теперь его и Панеб будет пользоваться им в своей работе, юноша был счастлив, почувствовав себя хозяином великого сокровища.

Интересно получается: одна из важнейших тайн творчества и творения кроется в теле ибиса. Значит, Панеб раньше только глазел на эту птицу, а ничего не видел. Он понял, что боги непрестанно являют себя и, если открыть пошире глаза и уши, можно прочесть или услышать их послания.

Рисовальщики к нему относились теперь по-другому. Гау Точный читал наставления тем же бесстрастным голосом, но уже не цедил слова сквозь зубы, Паи Доброхлеб и вовсе охотно помогал новому товарищу, а Унеш Шакал обучал его работе с красками и цветом. Под руководством трех опытных мастеров Панеб с легкостью усваивал жесткие профессиональные правила, против которых его вспыльчивая натура, казалось бы, должна была бунтовать.

Каждый вечер, прежде чем покинуть мастерскую, он наводил в ней чистоту, хотя никто ему не велел. Прибравшись, уходил домой не сразу, а лишь нарисовав на куске известняка колесницу, собаку или идущего человека и разбив затем свой набросок на тысячу кусочков. Настанет день, верил Панеб, и его рука будет вырисовывать такие фигуры без запинки, без нужды в поправках и повторях.

Когда он выходил, уже стемнело. На пороге мастерской он столкнулся с Собеком.

— Мастером становишься, Панеб.

— А тебе завидно?

— Какой же ты все-таки задира. Нельзя так, мой мальчик, — такое поведение до добра не доведет.

— Мне грозит начальник стражи?

И Панеб скорчил рожу. Казалось, драки не миновать.

— Мы с тобой не очень-то ладим, — произнес наконец Собек. — Но, по-моему, ты врать не станешь.

— Вздумаешь обвинять меня во лжи — пожалеешь.

— Ну так скажи мне правду: это ты тогда убил одного из моих подчиненных в горах?

— Да ты рехнулся!

— Значит, говоришь, не твоя работа?

— Я тебе уже сказал!

— Я тебя подозревал. Но думаю, что, скорее всего, ты не врешь.

— Попробуй только подозревать... Я ж тебе башку разобью, Собек.

— Тогда тебя схватят и посадят... Ты уж работай себе. Да получше.

«Не он это», — думал Собек, уходя от рисовальщика. Но он не раскаивался в своем поступке. С Панебом прояснилось, значит, остается след, о котором он хотел бы забыть: Абри. Главный управитель западного берега.

Сунуться туда... И нубиец не то что про служебный рост забудет, а, чего доброго, и костей не соберет. Только вот совесть мучила... не может он вести себя как подлый трус.

Нефер с Ясной лежали обнявшись на террасе своего дома до тех пор, пока зной не стал совсем уж непереносимым. После ночи любви они уснули в объятиях друг друга, и оба видели во сне тот самый день, когда суд Места Истины признал совершенной статуэтку Маат, созданную Молчуном. Фигурка была помещена в сокровищницу храма.

Став ваятелем «Дома Золота», Нефер отныне должен был посвятить себя созданию статуй. Используя все полученные за годы ученичества знания, он сможет по-настоящему вдохнуть в камень жизнь и наполнить свои творения светом. Первым делом он изваяет статую писца Рамосе, склоненного над свитком, дабы юные подмастерья имели перед глазами достойный образец для подражания.

Ведунья сидела перед своим домом на самом солнцепеке. Что-то невиданное... Ясна забеспокоилась: уж не заболела ли она? Но целительница заговорила, и голос ее звучал очень спокойно.

— Не хочу никого сегодня принимать. Заменишь меня?

— Там, где смогу. Я постараюсь... Вы не заболели?

— Мне придется провести весь день в храме. Я попробую умиловать Сохмет, неумолимую богиню-львицу.

— Селению грозит опасность?

— Да, Ясна, Страшная опасность.

Нефер встревожился.

— «Страшная опасность»... И что, ведунья больше ничего не сказала?

— Нет, — ответила Ясна. — Сказала только это и ушла в храм.

— Нет у ведуньи обычая говорить без причины... А раз уж она собралась молиться львиной богине, то опасность и в самом деле серьезная.

— А откуда? Как думаешь?

— Не знаю... Понятия не имею, откуда беды ждать. Селение под защитой Рамсеса Великого, и никто не осмелится выступить против его власти.

У Ясны вообще не было на это счет никаких догадок, но она точно знала, что ведунья — истинная провидица и она не могла обмануться в своих предчувствиях. Но как воевать с опасностью, природа которой неведома?

В дверь постучали. Это был Каро Угрюмец.

— Начальник артели желает видеть Нефера... Срочно.

Перед домом Неби толпились собратья из правой артели. Молчун вошел как раз тогда, когда из спальни мастера выходила ведунья.

— Истекают последние мгновения его жизни, — сообщила она. — Поторопись.

Известие поразило всех присутствовавших. Неби был человеком в летах, и старость, похоже, перестала шадить его. Какой же он был крепкий, — казалось, его ничто не возьмет. И вот сгорел в одночасье.

Неби сидел в кресле, резные ножки которого имели вид львиных лап. Он облачился в обрядовое одеяние, подчеркивавшее его достоинство. Дыхание сбивчивое, учащенное, взгляд изнуренный.

— Годы мои протекли в радости сердечной, — сказал он Неферу. — Я не преступал законов братства нашего и не совершал несправедливых деяний. Ты стал настоящим ваятелем и признан таковым всеми, но тебе нужно научиться руководить. Не упускай ни единого случая совершенствоваться, дабы руководство твое стало безупречным. Почитай дело свое и уважая предоставленные тебе полномочия, приказывай только тогда, когда требуют обстоятельства, и только то, что они диктуют. Не позволяй скверне или суете овладевать твоим сердцем, ибо они порочат творение и сеют раздор. Памятуй, что великое есть великое и что то, что от великого, велико есть. Твоя задача легкой не будет, но я умираю в покое, ибо нет бремени столь тяжкого, которое не могли бы понести твои плечи.

Голова Неби медленно склонилась на грудь, словно бы он приветствовал своего преемника.

— Я не согласен, — сказал Нефер Кенхиру. — Неби был для меня учителем и образцом, вот почему я отказываюсь становиться его наследником. Я хочу служить братству и правой артели, но не руководить. Доверие Неби тронуло меня до глубины души, но я не слишком высокого мнения о своих способностях.

— Не тебе выносить суждения о самом себе, — оборвал его писец некрополя. — А Неби, сильный опытностью своею и прозорливостью, всего лишь утвердил решение, принятое Рамосе. Это писец Маат распознал в тебе будущего начальника правой артели и старшего мастера братства. Место Истины передало тебе свою науку, и ты созерцал свет в «Доме Золота». Если будешь верен данному слову и если считаешь Маат, ты примешь на

себя предначертанные тебе обязанности.

Нефер пытался найти доводы, которые убедили бы Кенхира переменить мнение. Но как противиться Рамосе, покинувшему этот мир? Оставался единственный путь к отступлению.

— Но ведь мое назначение должно быть единодушно одобрено всеми мастерами правой артели, верно?

— Без этого никак нельзя, что и говорить, ибо никто не сможет руководить, если он не любим и не признан сердечно всеми подчиненными. Их мнение будет испрошено сегодня.

Панеб Жар не любил погребения. Бирюза откажет ему в любовных утехах, Уабет Чистая на долгие часы застрянет в храме вместе со жрицами Хатхор, вся работа застопорится, мастерские закроются... А раз умер не кто-то там, а начальник артели, то похороны будут донельзя пышными, а траур затянется до бесконечности! Чтобы не затосковать и отвлечься от унылых мыслей, ему не оставалось ничего иного, кроме как делать наброски — надо же было упражнять руку, понемногу усваивавшую искусство четких линий и всякие там пропорции.

Для Панеба Жара Неби остался человеком непонятным, загадочным, тем более что они никогда по-настоящему не общались. Так что оплакивать его Панеб не мог — это было бы лицемерием. Зато он питал истинное уважение к покойному мастеру, который, как ни выдумывал немыслимые по тягостности испытания, все же, когда Панеб их выдержал, открыл перед ним врата в круг рисовальщиков.

И Панеб стал вгрызаться в сухую рыбину. Но тут в его дом вошел Нефер, по лицу его было видно, что он чем-то сильно озабочен.

— Садись и выпей... Тебе, гляжу, не помешает.

— Знаешь, Панеб, я считаю тебя своим другом и очень надеюсь, что это взаимно.

— Что тебя так взволновало? Скажи, и я пойду разбираться.

— Однажды ты спас мне жизнь... Что, если ты еще раз меня спасешь?

— Да ради всех злых духов пустыни! Говори же, что надо!

Нефер присел на циновку.

— Писец Маат Рамосе, старший мастер Неби и писец некрополя Кенхир избрали меня новым начальником артели.

Лицо Панеба расплылось в широченной улыбке.

— Так и должно быть, и никто этому не удивится! Вот это новость так новость... Прикинь сам: точность у тебя врожденная, а если работа, так до изнеможения — таково уж твоё стремление к совершенству. Так что веселиться и бить баклуши день-деньской с тобой не получится. Да и не затем мы сюда явились. Ну-ка встань, дай-ка я тебя обниму!

— Проголосуй против меня, Панеб.

— Что это ты такое несешь?

— Никогда я не хотел такой должности. Но последняя ступенька к ней — утверждение. Все мастерские артели должны единодушно признать в сердцах своих новое назначение. Иначе говоря — единогласно проголосовать... Если ты мне настоящий друг...

— Да я проголосую за тебя хоть десять раз, не то что единожды! Да пусть кто-то только попробует выступить против! Ох как он ошибется. Я с ним поспорю, и спор будет горячим, но очень коротким. Ты родился, чтобы жить в Месте Истины, Молчун. И селение дало тебе все. Так что сегодня твой черед, и ты отблаговаришь его, став начальником.

И Ясна туда же: разговор с нею вышел, в общем, таким же, как и с Панебом, только слова другие. Но она тоже одобрила решение Рамосе, Неби и Кенхира. Она даже добавила,

что покойный писец Маат советовался с ведуньей и та сказала, что предвидит твое избрание.

Даже от собственной жены не дождешься ни поддержки, ни утешения! Оставалась надежда на тех мастеров артели, что старше летами: каково им подчиняться такому юнцу? Может, они сошлются на его неопытность, посетуют на его нрав. И тогда у Кенхира возникнут сомнения и он назовет иное имя.

Но никто так и не выступил против назначения Нефера Молчуна преемником Неби. Наоборот, каждый только поддерживал. Новый начальник артели не миновал ни единой ступени, но по ходу подъема никогда не хвалился, не выказывал склонности к произволу и самодурству, обладая при этом всеми качествами, необходимыми для творчества и для воплощения замыслов в жизнь.

Так что на голосование и все обряды, сопряженные с возложением на него полномочий, ушло не больше часа, и у Нефера не было ни малейшей возможности отвертеться — разве что удрать от товарищей и покинуть селение навсегда.

Ясна нежно прижалась головой к плечу своего мужа.

— Мысли странные и безумные посещают порой души наши, но это не более чем наваждение... Не стоит противиться судьбе — лишь потратишь силы понапрасну. А они тебе сейчас пригодятся. Мы верим, что ты сможешь отстоять наши сокровища и передать их тем, кто придет нам на смену.

— Я бы хотел просто жить в мире с тобою, в этом селении.

— Был день, и ты услышал зов, и ты на него откликнулся. Думаешь, голос не позовет тебя вновь? Ты более не можешь быть просто самим собой, и только. Ты должен исполнять долг, служить людям. И это хорошо и правильно. И это — благо, и ничего иного не нужно.

По окончании траура, соблюдавшегося ради оправдания Неби на загробном суде, Нефер Молчун был возведен в ранг начальника правой артели Места Истины. Таинство совершилось в храме, посвященном богиням Маат и Хатхор.

В возрасте тридцати шести лет ему пришлось занять почетное место старшего мастера, чьи великие предшественники создали обители вечности блистательных фараонов в Долине царей и сотворили многие выдающиеся произведения, родившиеся благодаря множеству дарований, которыми располагало братство.

Когда Нефер Молчун появился на пороге храма, его встретила шумная овация: хлопали все собравшиеся здесь жители селения.

Взволнованный до слез, он пытался осознать всю значимость своих новых обязанностей и только сожалел об ушедших временах ученичества, когда пытливому подмастерью всегда можно было попросить помощи у опытного наставника. Отныне советоваться будет не он, а с ним, и это он должен будет давать указания и избегать ошибок, чреватых тяжкими последствиями.

Писец некрополя Кенхир вручил Неферу мерный локоть, который передавался от одного начальника артели к другому. Каждое из двадцати восьми делений инструмента было помечено именем определенного бога и удела, находящегося под его покровительством. Согласно изречению Ра, локоть мастера воплощает в себе закон вселенной, которому мастер должен следовать неукоснительно.

Ясна первой обняла нового начальника артели, и он долго прижимал ее к себе на виду у всех.

Мастеровой Места Истины прибыл на склад Тран-Бела в приподнятом настроении. Жизнь удалась на славу! Получив в селении замечательное образование, лучшее во всем Египте, он усвоил многие полезные знания, которые сегодня помогали ему существовать безбедно, благо было немало желающих выложить хорошие деньги за его работу.

Знакомство с ливийским купцом открыло перед ним дорогу к осуществлению заветной мечты: ему хотелось разбогатеть. И тут пригодились право распоряжаться своим досугом по собственному усмотрению.

Пока не кончился траур по Неби, мастеровой оставался в селении и только писал письма, договариваясь о встрече с торговцем. Тран-Белу не терпелось увидеть в своей лавке новые изделия, благо в знающих толк покупателях недостатка не было.

— Мне бы твоего хозяина, — обратился ремесленник к одному из работников склада.

— Он в конторе.

Мастеровой прошел через весь склад и открыл дверь небольшого служебного помещения. Там, в тишине, Тран-Бел копался в своих старых записях. Войдя внутрь, мастеровой остолбенел, увидав подле ливийца женщину в тяжелом парике и с сильно подведенными глазами.

— Простите, я ошибся дверью.

— Ты пришел туда, куда направлялся, — сказала Серкета. — Я знаю, кто ты и зачем сюда явился. Дверь поплотнее закрой. Поговорить надо.

— Я с вами не знаком, и...

— Твои делишки с Тран-Белом... все это в высшей степени предосудительно. Насколько мне известно, ты замешан в мошенничестве и, следовательно, подлежишь суровому наказанию, за которым последует необратимое изгнание из Места Истины.

Ремесленник побледнел.

— Вам известно, что...

— Мне известно все и во всех подробностях. Или ты мне повинешься, или твоя беззаботная жизнь закончится.

Мужчина попятился, словно желая забиться в угол. Серкета щелкнула задвижкой.

— Чего вы от меня хотите?

— Я никому не проговорюсь о твоих делишках, и ты можешь проводить свой досуг так, как тебе нравится. Но при одном условии: я хочу знать все о жизни селения.

— Это невозможно! Я давал клятву и должен хранить тайну.

— Что ж, тем хуже. Завтра же о тебе узнает визирь.

— Не надо! Умоляю!

— Не хочешь неприятностей? Выход у тебя один — говори.

Подчиниться этой проклятой бабе? Это же значит преступить законы братства, нарушить клятву и погубить себя...

— Кто вы? — спросил ремесленник.

Серкета зловеще ухмыльнулась.

— Не ты здесь задаешь вопросы. Но я тебе отвечу. Чтобы ты понял: у тебя нет выбора... Я супруга одного очень важного господина, и он становится все более и более влиятельным. Кстати, он щедро вознаграждает тех, кто помогает его возвышению.

Важное уточнение... Нет, мастеровой не может не считаться с открывшимися обстоятельствами. Тем более, что начальником артели должен был стать он, а не какой-то там Нефер. Положение старшего мастера дало бы ему и богатство, и авторитет, и неограниченные возможности.

— Хоть время подумать дайте...

— Я требую ответа немедленно.

Мастеровой должен служить Маат и братству, получая взамен благодеяния... Но они столь скудны... Не выдался ли наконец случай послужить себе самому и начать двойную игру, которая, вполне возможно, принесет ему выгоду?

Командующий Мехи стрелял из лука в саду своей роскошной усадьбы. Он всаживал в пальму стрелу за стрелой, но это не помогало унять тревожные мысли.

Куда подевалась его жена? Чего доброго, мастеровой так и не появился на складе Тран-Бела... Или хуже того: у Серкеты ничего не вышло и она боится идти домой, — муж рассердится и побить может.

Мехи снова натянул тетиву и... промахнулся. Совсем уж разозлившись, он швырнул лук оземь и стал топтать его ногами.

— Вот и правильно, милый! Этот никуда не годится — возмешь другой, получше.

— Серкета! Ну как?

Она опустилась на колени и обхватила руками ноги своего господина и повелителя.

— Победа полная!

— Будет работать на нас?

— Как нам повезло — не поверишь! Человек этот обозленный, жадный, коварный и лицемерный. Лучше союзника и не сыскать. Ты мной доволен?

Мехи грубо рванул Серкету вверх, сорвал с нее парик и сжал ладонями ее щеки.

— Вдвоем с тобой, радость моя, мы будем непобедимы! Отныне нас ждет только успех! Так сколько мастерových в этом проклятом селении?

— Три десятка. Очень уж строгие условия приема. И мастера блюдут закон Маат.

Серкета пересказала главное из того, что ей поведал ремесленник.

— Ничего занятного, — оценил услышанное Мехи. — Начатки обветшалой нравственности — кому теперь нужны эти дурацкие предрассудки? А кто руководит братством?

— Верховный руководитель — фараон. Он всячески печется о благоденствии селения.

— Знаю, знаю... Но живет-то Рамсес не там!

— Власть делят трое: писец некрополя и начальники правой и левой артелей. Они уподобляют братство барке с правым и левым бортом. Писец некрополя Кенхир представляет центральную власть и руководит селением. Его предшественника Рамосе любили, а этого нынешнего — не очень: нрав тяжелый и неуживчивый.

— А сколько ему лет?

— Шестьдесят два.

— Так Кенхиру на покой пора. Того и гляди, преставится или в отставку его отправят. А подкупить его нельзя?

— Наш стукач говорит, что, наверное, можно. Но Кенхир вряд ли знает все тайны Места Истины.

— Начальники артелей, вот они-то наверняка все знают.

— Да. Потому что их допустили в «Дом Золота».

Мехи неимоверно разволновался.

— А где это?

— Наш осведомитель не знает.

— Стукач наврал тебе!

— Не думаю, — возразила Серкета и отступила на шаг, опасаясь пощечин. — Солидный возраст еще не повод быть допущенным туда. Наш человек еще не нашел способа проложить себе дорогу в это загадочное место. Но стоит ли так расстраиваться?

— Что он тебе рассказал про начальников артелей?

— Начальник левой артели Каха — человек пожилой, суровый, большой знаток резьбы по камню. Из Места Истины он никогда не отлучается, и, похоже, до него нам не добраться. Начальник правой артели, Неби, недавно скончался, и его заменил Нефер Молчун, мастер молодой и неопытный.

— А чего ж его выбрали?

— Так решил писец Рамосе, а старейшины братства не посмели воспротивиться.

— Экая прихоть старца... А что наш стукач думает про Нефера?

— Хороший ваятель, талантливый мастеровой, предан Месту Истины всем сердцем, поскольку родился и вырос в селении, но новые обязанности ему в тягость. Он не умеет руководить, отдавать приказы, и, можно не сомневаться, его скоро понизят.

— Скорее всего, твой дружок просто завидует, что место досталось не ему, вот и пытается очернить везунчика... А список мастеровых заполучила?

— Держи.

Серкета гордо протянула мужу сверток папируса. Поистине, им в руки попали сведения, составляющие тайну царства.

Командующий пробежал глазами документ и задержался только на одном имени — все прочие были ему незнакомы.

— Панеб Жар...

— Наш осведомитель думает, что этот новичок не приживется в братстве и в конце концов его исключат за неводержанность.

— Значит, и этот угодит в наши руки! Ничего не скажешь, ты постаралась на славу. Благодаря тебе, Серкета, мы продвигаемся семимильными шагами. А это лишь твое первое задание.

И супруга Мехи заворковала. Алчность и пробудившийся вкус к интригам развеяли наконец ее тоску.

Засушливое время года было на исходе, и близился паводок, жара стояла не такая сильная, как обычно, и небо хмурилось, а то и разражалось грозами вот уже вторую неделю. Ведунья перестала принимать больных, переложив свои обычные заботы на Ясну.

Новый начальник артели Нефер с позволения писца некрополя предоставил мастерам многодневный отпуск по случаю своего вступления в должность, и все радостно праздновали его назначение. Однако время гуляний подходило к концу, и Молчун обдумывал планы ремонта и реставрации самых древних гробниц селения, И вот на самой заре в дверь его дома постучался Нахт Богатырь.

— У великих врат ожидает посланец визиря... Ему нужен кто-нибудь из начальства, и как можно скорее.

Кенхир еще не проснулся, начальник левой артели Каха хворал. Встревоженный Нефер поспешил к воротам. Там его ждал гонец.

— Ты старший мастер?

— Я руковожу правой артелью.

— Вот послание, которое ты сообщишь всем обитателям селения: сокол взлетел к небесам, и другой сокол воссел на его место. На престол Египта взошел новый фараон.

Вестовой вскочил на коня и унесся прочь.

— Что стряслось? — спросил Нахт Богатырь.

— Буди народ. Пусть соберутся на площади у храма и стар и млад. Больным пусть помогут подняться и дойти.

Нефер пошел за женой. Она уже встала и готовилась выйти из дома.

За считанные минуты вся община была в сборе. Кенхир припухшими от сна глазами оглядывал толпу и был готов наказать того, кто разбудил его по чем зря.

Нефер сделал знак рукой, и стало тихо.

— После шестидесяти семи лет царствования, — объявил он срывающимся от нахлынувших чувств голосом, — Рамсес Великий покинул эту землю, дабы воссоединиться с солнцем, от которого он произошел.

Жители селения были ошеломлены.

Нет, Рамсес Великий не мог уйти. Он жил так долго, что смерть должна была забыт про него. И все же царь покинул землю, оставив свой народ, который без него ощущал себя брошенным и потерянным.

Кенхир отвел Нефера в сторону:

— Мумификация продлится семьдесят дней. Все это время ты со своими рисовальщиками будешь работать в обители вечности Рамсеса, чтобы завершить ее убранство согласно воле самодержца, переданной нам в запечатанном папирусе. Этот документ я доверю тебе, — и только ты один сможешь его прочесть.

— А почему товарища моего Кахи не будет вместе со мною?

— Ему здоровье не позволяет, и потому тебе, Нефер, придется взять на себя и его обязанности. Ты — старший мастер братства, Нефер; ты познал тайны «Дома Золота», и ты способен преобразить гробницу в обитель воскрешения.

Да мог ли Молчун подумать даже, что на плечи его возложат столь высокие обязанности? Такое тяжкое, такое ужасающее бремя, что сводит живот и сжимает горло.

Именно ему, и никому иному, доверено положить последний камень в здание, назначение которого — обеспечить бессмертие Рамсеса Великого.

Вся верхушка фиванской знати собралась в поместье у Мехи на торжественный ужин, но сам хозяин не спешил выйти к гостям, дожидаясь в своих покоях последних известий из столицы страны, Пи-Рамсеса.

И вот наконец командующий появился в зале для приемов.

— Наш новый фараон — Мернептах, что означает «Возлюбленный Птахом», — объявил он. — Мернептах возведен на престол живых и помазан на царствование над Обеими Землями. Он будет исполнять обязанности верховного жреца во время погребения Рамсеса.

— Да живет наш новый фараон долго! — воскликнул Абри, который спешил обозначить свое присутствие на пиру.

«Этому Мернептаху шестьдесят лет, — подумал командующий, — вряд ли он процарствует долго».

Мехи постарался собрать как можно больше сведений о преемнике Рамсеса: говорили, что он властен, требователен, неприступен, привержен традициям, по природе нелюдим, ходатайства придворных пропускает мимо ушей. Словом, полная противоположность такому самодержцу, который бы устроил главного казначея Фив.

Однако таким он был, живя в тени Рамсеса. Власть его изменит, появятся пороки и слабые места. Огорчительнее всего его преданность Птаху, богу ремесленников и Места Истины... Но будет ли Мернептах придерживаться тех же взглядов на роль селения, что и Рамсес?

Коли так, придется попотеть. Но никогда прежде Мехи не чувствовал себя таким могущественным: разве нет у него крепких союзников да еще и лазутчика в стане врага? К тому же Мернептах далеко и не так любим народом, как Рамсес. Составить заговор против нового царя... Почему бы нет?

На нового владыку сейчас наверняка навалятся большие и малые заботы, надо будет укреплять свою власть, и потому он будет вынужден не покидать Пи-Рамсес, а столица эта — в Дельте, вдали от Места Истины.

Так почему бы фараону не довериться фиванским властям? Ему же невдомек, что на самом деле все они в руках у Мехи.

Мастеровые не ожидают нападения, а новый враг могуч и решителен, так что они даже не успеют подготовиться, чтобы отразить удар.

Час Мехи настал.

— Не уверен, что это правильное решение, — сказал художник Шед Избавитель с явным недовольством в голосе. — Работа срочная, и чтобы завершить украшение обители вечности Рамсеса подобающим образом, нужны опытные рисовальщики, а о Панебе такого не скажешь.

— Судя по докладам его наставников, он вполне зрелый мастер, — возразил Нефер.

— Не хотел бы тебя обижать, но узы дружбы, связующие вас, не должны вредить делу.

Лицо Нефера посуровело — таким начальника артели художник никогда не видел.

— Положение старшего мастера обязывает меня избегать какого бы то ни было лицепрятия. И поэтому я принимаю решения, не считаясь с моими личными привязанностями. Будь Панеб и впрямь несведущ, я бы отстранил его от дела.

Шед Избавитель загадочно улыбнулся.

— Да, похоже, что многие из нас насчет тебя ошибались. Ты обнаруживаешь в себе

задатки уверенного руководителя... Что ж, братство от этого только выиграет. Ты приказываешь, я повинуюсь. Панеб может рассчитывать на мою помощь.

— Ступай и скажи ему об этом сам. Мы отправляемся в Долину царей сегодня же вечером, со всеми необходимыми инструментами.

— Я прослежу за тем, чтобы у нас ни в чем не было недостатка.

Вновь приняв обычный для себя высокомерный вид, Шед Избавитель удалился.

И вдруг Нефер понял, что он уже смотрит на художника по-иному. Да и на остальных мастеровых тоже. Еще вчера это был его товарищ; сегодня же Нефер должен руководить, задавать тон и направление в работе, находить выход из затруднительных ситуаций, которых всегда хватает — только успевай со всем справляться.

Селение же, узнав, что новым фараоном стал Мернептах, встревожилось. Одни полагали, что Мернептах будет не слабее Рамсеса, другие считали, что очень скоро ветер переменится, третьи ожидали невзгод, полагая, что народные волнения неминуемы. Но Нефер сохранял спокойствие: он объявил, что для братства ничего не изменилось и что оно должно, по обычаю, готовить последнюю обитель царя ко дню его погребения.

Но что он может знать о том, что ждет их всех в тревожный период междуцарствия, наступивший с кончиной Рамсеса Великого, когда ушедший царь еще не погребен, а новому еще только предстоит сосредоточить власть в своих руках? Он должен забыть о своих страхах и успешно выполнить стоящую перед ним и его подчиненными задачу. Глядишь, и все селение меньше беспокоиться будет.

Перед тем как отправиться в Долину царей, Нефер заглянул к ведунье.

— Смерть Рамсеса повергла нас в смятение, — признался он, — но я намерен укреплять дух членов братства всеми возможными средствами.

— Опасность не исчезла. Возможно, даже наоборот.

— Нам грозит нападение? Быть может, нас попытаются уничтожить, вы это хотите сказать?

— Вот и ты, Нефер, тоже начинаешь чувствовать это. Злые духи неистовствуют, и тебе понадобится вся твоя отвага и прозорливость, чтобы их победить. Никогда не забывай: Место Истины выстоит, если будет держаться одного-единственного пути — пути Света.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Примечания

Имеется в виду сикомор, он же — египетская смоковница *Ficus sycomorus*. Плоды этого дерева похожи на обычный инжир. (*Примеч. перев.*).

Временем великих пирамид называют эпоху Старого царства (XXVIII — нач. XXII в. д. н. э.). Действие романа происходит при XIX династии, относящейся к Новому царству (сер. XVI — нач. XI в. до н. э.). Правление Рамсеса II Великого — ок. 1290–1224 г. до н. э.
(Примеч. перев.)

По-древнеегипетски: «седжем аш». *(Примеч. авт.)*

Егип. Убехет. *(Примеч. авт.)*

Фиванские погребения № 7, 212 и 250.

Сет — бог пустыни и бурь, брат и враг Осириса. *(Примеч. перев.)*

«Превращение ячменя в золото» — более древнее название алхимической процедуры, вытесненное со временем выражением «превращение свинца в золото». *(Примеч. авт.)*

Буквально «голова (и) нога». *(Примеч. авт.)*

Из семян плодов дерева *Moringa oleifera* получают густое жирное масло или массу, похожую на маргарин. Моринговое масло применяется в косметике и кулинарии. *(Примеч. перев.)*

По данным археологических раскопок, длина такого ложа — 1,80 м, ширина — 90 см.
(Примеч. авт.)

Шадуф (арабск. shacluf) — механизм для подъема воды, похожий на колодезного журавля с противовесом. *(Примеч. перев.)*

Минерал серого цвета, состоящий в основном из сульфата свинца, самая распространенная свинцовая руда. *(Примеч. перев.)*

По-древнеегипетски: *ухер*.

В Древнем Египте знали число π . Приравнивая площадь круга площади квадрата со стороной, составляющей $\frac{8}{9}$ диаметра круга, нетрудно вычислить приблизительное значение π , равное 3,14. (Примеч. авт.)

0,52 м.